

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ЕЖЕГОДНИК
РУКОПИСНОГО ОТДЕЛА
ПУШКИНСКОГО ДОМА

НА 1976 ГОД

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1978

Редакционная коллегия:

*М. П. Алексеев, В. Н. Баскаков, Н. В. Измайлов,
К. Д. Муратова*

Ответственный редактор

К. Д. Муратова

Е $\frac{70202-607}{042(02)-78}$ 365-78

© Издательство «Наука», 1978 г.

І. ОБЗОРЫ И СООБЩЕНИЯ

С. С. Гречишкин

АРХИВ Л. Я. ГУРЕВИЧ

Архив Любови Яковлевны Гуревич (1866—1940), писательницы, переводчицы, литературоведа и театроведа, включает материалы по истории периодической печати, литературной и театральной жизни 1890—1910-х годов. Архив (ф. 89) содержит 492 единицы хранения. Материалы фонда переданы Гуревич в Пушкинский Дом в 1920 г., когда она переехала из Петрограда в Москву. На многих документах имеются ее пояснительные пометы. Личные фонды Гуревич имеются также в Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР (ЦГАЛИ, ф. 131, 352 единицы хранения)¹ и в Государственном центральном театральном музее им. А. А. Бахрушина (ГЦТМ, ф. 82, 282 единицы хранения). После Октябрьской революции Л. Я. Гуревич со всей энергией включилась в работу по строительству новой социалистической культуры.

1

Л. Я. Гуревич родилась в высококультурной семье.² Ее отец, Яков Григорьевич, — прогрессивный педагог, основатель и директор лучших для своего времени гимназии и реального училища в Петербурге, бессменный редактор журнала «Русская школа». Мать Гуревич, Любовь Ивановна (урожд. Ильина), дочь начальника Кремлевского дворца И. И. Ильина и сестра известной шестидесятницы Е. И. Жуковской, была очень начитанной женщиной, интересовавшейся литературой, философией, естественными

¹ Краткое описание фонда см. в кн.: Центральный государственный архив литературы и искусства СССР. Путеводитель. Литература. М., 1963, с. 161—162.

² Приношу искреннюю благодарность И. Л. Андроникову за предоставление сведений о Л. Я. Гуревич, использованных в настоящем обзоре.

науками. Она сыграла большую роль в жизни своих детей, хотя никогда не навязывала им своей воли. Литературные способности Гуревич проявила еще в гимназические годы. В 13 лет она написала повесть «Сестра», а в 15 задумала большой роман «Неудачники», который был осуществлен много лет спустя и напечатан под заглавием «Плоскогорье».³ Осенью 1884 г. Гуревич поступила на словесно-исторический факультет Высших женских курсов (Бестужевских). После окончания второго курса Гуревич едет лечиться во Францию, где знакомится с творчеством безвременно скончавшейся юной художницы М. Башкирцевой и ее архивом.⁴ Вернувшись в Россию, Гуревич работает над статьей о художнице.

Статья эта, законченная летом 1887 г. и отвергнутая М. М. Стасюлевичем, редактором «Вестника Европы», появилась в переработанном виде в журнале «Русское богатство» (1888, № 2). Литературный дебют Гуревич был встречен сочувственно. Свидетельством этого служит недатированное письмо А. Ф. Кони:

«Многоуважаемая Любовь Яковлевна.

Позвольте поблагодарить Вас за присылку интереснейшей статьи Вашей о Башкирцевой. Отрывки из ее дневника, напечатанные в „Новом Времени“,⁵ произвели на меня впечатление чего-то болезненного и искусственного,⁶ но Вы освещаете эту личность всесторонне и Вашим талантливым пером мирите с нею и привязываете к ней. Хотелось бы, что это был бы лишь первый Ваш шаг на литературной стезе, на которую Вы вступили ныне с таким достоинством. Примите лучшие приветствия и пожелания от преданного Вам А. Кони» (ф. 89, № 19946). Возможно, конечно, что столь лестная оценка была обусловлена отчасти близким знакомством Кони с отцом Гуревич. Интерес к Башкирцевой она не теряет и в дальнейшем.

С 1887 г. Гуревич сближается с А. А. Давыдовой, женой известного виолончелиста, исполнявшей в то время обязанности секретаря редакции журнала «Северный вестник»,⁷ издаваемого А. М. Евреиновой. В доме А. А. Давыдовой Гуревич знакомится с А. Волынским (псевдоним А. Л. Флексера),⁸ Н. М. Минским, Д. С. Мережковским и другими писателями, игравшими заметную роль в литературном движении 1890-х годов. Знакомство с Волынским, приобретшим к тому времени уже некоторую извест-

³ См.: Первые литературные шаги. Автобиографии современных русских писателей. Собрал Ф. Ф. Фидлер. М., 1911, с. 185—186.

⁴ О кончине Башкирцевой сообщалось в печати; см., например: Всемирная иллюстрация, 1884, № 828, 17 ноября.

⁵ Новое время, 1887, № 4051, 11 июня, с. 2.

⁶ Ср. письмо А. Ф. Кони к Я. Г. Гуревичу от 1 августа 1887 г.: Кони А. Ф. Собр. соч., т. 8. Письма 1868—1927. М., 1969, с. 94—95.

⁷ Позднее А. А. Давыдова стала издательницей журнала «Мир божий».

⁸ См. мемуарный очерк Волынского о Гуревич — «Русские женщины. Статья 2-я» (Жизнь искусства, 1924, № 6, с. 17).

ность статьями по философии,⁹ произвело на Гуревич громадное впечатление. Он привлёк ее к совместной работе по переводу писем Спинозы.¹⁰ Именно тогда у Гуревич возникает идея «своего» журнала, который, по ее мысли, должен был стать трибуной для философских и эстетических деклараций Волюнского. Таким журналом и стал «Северный вестник».

О «Северном вестнике» имеется ряд исследований. Первым явилась статья-воспоминание самой Л. Я. Гуревич «История „Северного вестника“».¹¹ Затем его изучал Д. Е. Максимов («„Северный вестник“ и символисты»).¹² В течение долгого времени журнал считался первым органом символистов с невольной данью традиционной журналистике. Эта точка зрения была пересмотрена П. В. Куприяновским, показавшим, что «при общей оценке „Северного вестника“ нельзя ограничиваться характеристикой его лишь как первого органа символистов <...> а нужно учитывать сложность и противоречивость его позиции. Именно благодаря этой сложности и даже эклектичности „Северный вестник“ был проводником не только символистских „ценностей“, но и ценностей общекультурных, демократических и гуманистических».¹³

П. В. Куприяновский опубликовал цикл статей по истории «Северного вестника» и сотрудничества в нем крупнейших писателей, широко используя архивные данные.¹⁴ Напомним об этой истории и приведем некоторые дополнительные материалы.

«Северный вестник» в первые годы издания (1885 — апрель 1890) продолжал линию радикально-народнических «Отечественных записок», закрытых правительством в апреле 1884 г. Ближайшее участие в редакционных делах принимали Н. К. Михайловский, В. Г. Короленко и другие литераторы народнического направления. Журнал пользовался успехом у читателей. Однако, когда в течение 1888—1889 гг. «Северный вестник» из-за кон-

⁹ См.: Веккер Б. Библиография трудов А. Л. Волюнского. — В кн.: Памяти Акима Львовича Волюнского. Л., 1928, с. 83—84.

¹⁰ См.: Переписка Бенедикта де Спинозы. Пер. с лат. Л. Я. Гуревич. Под ред. и с примеч. А. Л. Волюнского. СПб., 1891.

¹¹ См.: Русская литература XX века (1890—1910), т. I. Под ред. С. А. Венгерова. М., 1914, с. 238—264.

¹² См.: Евгеньев-Максимов В., Максимов Д. Из прошлого русской журналистики. Л., 1930, с. 85—128.

¹³ См.: Лев Толстой и его современники. Иваново, 1962, с. 150.

¹⁴ Куприяновский П. В. 1) История журнала «Северный вестник». — Учен. зап. Ивановского пед. ин-та им. Д. А. Фурманова, 1970, т. 59, с. 51—89; 2) А. П. Чехов и журнал «Северный вестник» (90-е годы). — Там же, 1958, т. XIII, вып. 4, с. 155—159; 3) М. Горький и журнал «Северный вестник». — В кн.: М. Горький и его современники. Л., 1968, с. 21—50. Выводы П. В. Куприяновского были развиты в статье Л. В. Крутиковой в кн.: Очерки по истории русской журналистики и критики, т. 2. Л., 1965, с. 394—412. Дополнительные архивные данные о журнале содержатся в статье М. Л. Мирза-Авакян «„Северный вестник“ — журнал раннего модернизма» (Науч. труды Ереванского пед. ин-та рус. и иностр. языков им. В. Я. Брюсова, 1971, № 3, с. 186—204).

фликтов с издательницей, противившейся превращению журнала в пароднический орган, покинула группа ведущих сотрудников во главе с Н. К. Михайловским, подписка упала и издание стало убыточным. А. М. Евреинова решила продать «Северный вестник». ¹⁵ В мае 1890 г. журнал был куплен группой пайщиков во главе с публицистом и историком Б. Б. Глинским (товарищем Волынского по университету). ¹⁶ Паевые деньги в сумме 5000 рублей Гуревич получила от отца. Предполагалось, что после перехода журнала в новые руки редактором станет Н. К. Михайловский, а А. Л. Волынский — ведущим сотрудником. Тем самым удовлетворялись требования двух групп пайщиков. ¹⁷ 16 мая 1890 г. Гуревич, не принимавшая из-за болезни личного участия в собраниях пайщиков, писала Глинскому: «Вы должны смотреть на г. Флексера как на полного и самостоятельного представителя и распорядителя моих денег. Я наперед апробирую все движения г. Флексера по настоящему делу, так как не представляю себе ни одного случая, способного возбудить *принципиальное* разногласие между мною и им» (ф. 563, № 1, л. 105—105 об.). В свою очередь Волынский чрезвычайно высоко оценивал участие Гуревич в работе редакции. Так, он писал ей в 1891 г.: «Это такое большое счастье, что „Северный Вестник“ оказался в Ваших руках: я никогда не сомневался в Вашем призвании к литературному делу и теперь питаю глубокое убеждение, что предприятие наше выгорит раньше или позже. С таким союзником, как Вы, можно будет преодолеть всякие препятствия» (ф. 89, № 19858). Вскоре Гуревич и Волынский, выдвинувший в своих статьях лозунг воинствующего идеализма, вступили в резкий конфликт с пайщиками, стремившимися вернуть журнал на позитивистски-народническую платформу и вновь привлечь к участию в нем Михайловского и Короленко. ¹⁸ Столкновение в начале 1891 г. между

¹⁵ См.: Куприяновский П. В. История журнала «Северный вестник», с. 57—62.

¹⁶ В архиве Л. Я. Гуревич хранятся официальные бумаги Главного управления по делам печати Министерства внутренних дел, документирующие историю «Северного вестника». В отношении от 8 мая 1890 г. сказано (ф. 89, № 20246): «Канцелярия Главного управления по делам печати по приказанию г. Начальника этого Управления сим объявляет г. Глинскому, что ему разрешено приобрести от г-жи Евреиновой право на издание означенного журнала». А. М. Евреинова номинально числилась редактором по сентябрь 1890 г. включительно.

¹⁷ В письме к Б. Б. Глинскому от 4 мая 1890 г. Гуревич вспоминала: «Разговоры между Давыдовой и Флексером по поводу совместного участия Флексера и Михайловского в этом журнале — после покупки его — происходили в моем присутствии» (ф. 563, № 1, л. 109 об.). Часть архива журнала, оставшаяся у Б. Б. Глинского, была продана им в 1896 г. П. Я. Дашкову, в составе собрания которого она и поступила в Пушкинский Дом.

¹⁸ Вопрос об участии писателей-народников в журнале ставился даже в середине 1891 г. Так, 22 июня 1891 г. А. А. Глинская сообщала Гуревич: «... я два дня провела в Нижнем Новгороде с Короленко, Иванчиным-Писаревым и Анпенским. Все они очень милый народ и оставили

Волинским и Михайловским подлило масла в огонь.¹⁹ Крайне сложным было и финансовое положение журнала. Весной 1891 г. пайщики предложили Гуревич занять издательское место Глипского. Одолжив у своего дяди по матери Н. И. Ильина 15 000 рублей, она 27 апреля 1891 г. становится издательницей журнала (разрешение на передачу Глинским издательских прав по журналу Гуревич выдано Главным управлением по делам печати 2 мая 1891 г. — ф. 89, № 20246). Тогда же Гуревич переезжает на постоянное жительство в помещение редакции журнала. В редакционный комитет, помимо Гуревич и Волинского, вошли юристы М. А. Лозино-Лозинский и М. И. Свешников. Официальным редактором стал М. Н. Альбов.²⁰

История «Северного вестника», связанная с Гуревич, воссоздается не только по официальным документам, но и по ее большой переписке с сотрудниками или лицами, рекомендовавшими чужие рукописи к печатанию. В числе корреспондентов Гуревич: В. Г. Авсеенко (1897), М. Н. Альбов 18 (1891—1909),²¹ Л. Г. Андреас-Саломе (1897), Л. Н. Андреев (1896), А. А. Андреева 6 (1891—1893), Н. Ф. Анненский (1896), Д. М. Анучин 2 (1891), К. Д. Бальмонт (1897), К. С. Баранцевич 2 (1893, 1911), Ф. Д. Батюшков 14 (1893—1911), М. С. Башкирцева 52 (1886—1909), П. В. Безобразов 2 (1890, б. д.), И. П. Белоконовский 10 (1891, б. д.), В. А. Бильбасов 2 (1890, 1896), П. И. Бирюков 7 (1893—1894, 1911), П. Д. Боборыкин 28 (1891—1896), А. М. Браунер 5 (1895—1897), А. А. Бубнов 5 (1891), А. Н. Будищев (1896), А. И. Введенский 3 (1896), П. И. Вейнберг 7 (1894—1896), А. А. Векстерн 2 (1894), В. Л. Величко 3 (1891—1893), С. А. Венгеров 2 (1893, 1903), З. А. Венгерова 3 (1895, б. д.), В. В. Верецагин 3 (1895), Александр Н. Веселовский (б. д.), Алексей Н. Веселовский (б. д.), Л. Н. Вилькина (Виленкина)

на меня самое хорошее впечатление. Короленко, как видно было из разговоров, охотно принял бы в будущем участие в сотрудничестве» (ф. 89, № 19873).

¹⁹ Волинский откликнулся уничижительной рецензией (Северный вестник, 1891, № 1, отд. II, с. 150—156) на главу из романа Михайловского «Карьера Оладушкина».

²⁰ 23 мая 1891 г. В. И. Иксуль писала Л. Я. Гуревич: «Очень рада сообщить вам, что сегодня из Департамента полиции послано в Главное управление по делам печати разрешение об утверждении Альбова редактором „Северного Вестника“» (ф. 89, № 19926).

²¹ Отрывок из письма М. Н. Альбова к Гуревич от 13 августа 1894 г. опубликован, см.: Учен зап. Ивановского пед. ин-та им. Д. А. Фурманова, 1970, т. 59, с. 75—76. Письма Альбова, числившегося с 23 мая 1891 по 19 февраля 1895 г. официальным редактором журнала, в основном посвящены редакционной работе. В письме от 29 ноября 1892 г. он сообщал о благожелательном отношении к журналу полтавской публики: «К слову сказать, „Северный Вестник“ пользуется здесь большой популярностью и статьями его очень интересуются» (ф. 89, № 19781). Большую часть года Альбов проводил в Полтаве, поэтому его фактическое участие в редактировании журнала было незначительным. Это тяготило писателя. 13 августа 1894 г. он решил сложить с себя редакторское звание.

6 (1898, б. д.), Ф. А. Витберг 2 (1895), И. Д. Гальперин-Каминский 2 (1891, 1892), Н. Г. Гарип-Михайловский 2 (1898),²² З. Н. Гиппиус 3 (1891—1897), А. А. Глинская (1891), Б. Б. Глинский 4 (1891), И. И. Горбунов-Посадов 3 (1893), М. Горький 2 (1896, 1898),²³ А. А. Давыдова 18 (1890, б. д.), Н. В. Желиховская (б. д.), П. В. Засодимский 3 (1891), И. И. Иванюков (б. д.), В. И. Иксуль (урожд. Лутковская) 9 (<1891—1894>), А. А. Исаев 2 (1891), Н. А. Каблуков 2 (1891), А. М. Калмыкова (1897),²⁴ Н. Е. Каронин-Петропавловский 2 (б. д.), Н. А. Карышев (1893), А. А. Кизеветтер 3 (1891—1897), М. М. Ковалевский 3 (1892—1893), П. И. Ковалевский 4 (1893), Л. А. Комаровский 3 (1896), А. Ф. Кони 20 (<1888>—1914), С. Н. Кривенко 3 (1890—1891),²⁵ Г. А. Ларош 3 (1893—1894), Н. С. Лесков 6 (1892),²⁶ Е. П. Леткова-Султанова 31 (1892—1918), М. И. Ливеровская 6 (б. д.), М. А. Лозино-Лозинский 2 (1891), А. А. Луговой (Тихонов) 41 (1892—1914), Г. Ф. Львович 12 (1891—1892), К. Н. Льдов (псевд. К. Н. Розенблюма) 6 (1893—1896), Н. В. Максимов (1891), В. Н. Мак-Гахан (урожд. Елагина) 3 (б. д.), Д. Н. Мамин-Сибиряк 10 (1891—1892), М. М. Манасеина 5 (1892), Д. С. Мережковский (1892), Н. М. Минский (псевд. Н. М. Виленкина) 8 (1891—1913, б. д.), Д. Л. Мордовцев (1893), Е. С. Некрасова 6 (1891—1895), Вас. И. Немирович-Данченко 9 (1893—1896), Вл. И. Немирович Данченко 2 (б. д.), Ф. Д. Нефедов 21 (1893—1895), Л. Е. Оболенский 2 (б. д.), Д. Н. Овсяннико-Куликовский 5 (1893—1896, 1910), Н. А. Огарева (1896), И. Я. Павловский (1893), Л. А. Полонский 6 (1892, б. д.), Я. П. Полонский 19 (1891—1894, б. д.),²⁷ И. Н. Потапепко 7 (1891—1893, б. д.), А. С. Пругавин 12 (1891—1894), Э. Л. Радлов (1891), В. В. Розанов (<1897>), Н. А. Рубакин 4 (1891—1893), О. П. Рунова 2 (1893—1896), М. И. Свешников 4 (1891), А. М. Скабичевский (1891), В. С. Со-

²² Отрывок из письма Гарипа-Михайловского от 23 мая 1898 г. опубликован в кн.: Русская литература XX века. Дооктябрьский период, сб. 2. Калуга, 1970, с. 226—227.

²³ В 1947 г. эти автографы были переданы в Архив М. Горького. Одно из писем к Л. Я. Гуревич (после 16 апреля 1898 г.) опубликовано А. Е. Погосовой в кн.: Литературно-эстетические концепции в России конца XIX—начала XX в. М., 1975, с. 364—365. Там же опубликованы 18 писем Горького (1896—1898) к Волынскому.

²⁴ Отрывок из письма А. М. Калмыковой опубликован в кн.: Русская литература XX века. Дооктябрьский период, сб. 2, с. 226.

²⁵ Отрывок из письма С. Н. Кривенко к Л. Я. Гуревич от 9 октября 1891 г. опубликован, см.: Учен. зап. Ивановского пед. ин-та им. Д. А. Фурманова, 1970, т. 59, с. 68—69.

²⁶ Письма Н. С. Лескова к Л. Я. Гуревич от 2 июля (не полностью) и 12 июля 1892 г. опубликованы ею в кн.: Невский альманах. Жертвам войны. Пг., 1915, с. 93—95.

²⁷ Письма Я. П. Полонского к Л. Я. Гуревич от 3 октября, 3 ноября, 4 декабря 1892 г. и 2 октября 1894 г. опубликованы ею в кн.: Невский альманах, с. 95—98.

ловьев 10 (1891—1892, б. д.),²⁸ Ф. Сологуб (псевд. Ф. К. Тетерникова) 16 (1892—1897, 1908),²⁹ В. Д. Спасович 10 (1891—1894, б. д.), Н. В. Стасова 4 (б. д.), Н. И. Стороженко 8 (б. д.), П. П. Страхов 5 (1892—1896), А. С. Суворин 2 (1893, 1894), И. Р. Тарханов (1896), Н. Д. Телешов (1895), К. А. Тимирязев 4 (1891—1892), М. Л. Толстая 3 (1893, б. д.), С. А. Толстая (урожд. Берс) 2 (1895, б. д.), Т. Л. Толстая 6 (1891—1895, б. д.),³⁰ Л. Л. Толстой 3 (1892, б. д.), Л. Н. Толстой 2 (1893, 1896),³¹ А. С. Трачевский 12 (1891—1903), М. И. Туган-Барановский (<1891>), А. С. Усов 3 (1893), О. И. Фельдман 5 (1891), Д. В. Философов 2 (1896, 1897), С. Г. Фруг 2 (1892), А. М. Хирьяков (1895), Н. А. Холодковский (1896), В. А. Чапкин 6 (1895—1908), А. И. Чупров 2 (1892, 1893), О. Н. Чюмина 18 (1891—<1904>), А. К. Шеллер-Михайлов 6 (1891—1894, б. д.), В. И. Шенрок 8 (1893—1897, б. д.), Е. Ф. Шмурло 2 (1892), А. И. Эртель 14 (1891—1892) и др. Всего около 200 корреспондентов.

Переход «Северного вестника» в новые руки не привел к прекращению внутриведомственных распрей. Осенью 1891 г. конфликт разгорелся с новой силой. Пайщики, недовольные идеалистической проповедью Волынского, установившего свою диктатуру в журнале, и уходом публицистов Р. И. Сементковского и С. Н. Кривенко из-за идейных разногласий с Волынским, начали переговоры о продаже «Северного вестника» М. К. Станюковичу. Дело дошло до третейского суда (22 декабря 1891 г.), который оставил журнал за Гуревич, обязав ее выдать пайщикам долговые расписки.³²

Сделавшись владелицей «Северного вестника», Гуревич фактически доверила ведение его Акиму Волынскому. Он вспоминал: «Весь путь „Северного Вестника“ мы прошли вместе, рука об руку, в полной солидарности по всем вопросам журнального боя и редакционной дипломатии».³³

²⁸ Восемь писем В. С. Соловьева к Л. Я. Гуревич — от 10 и 26 октября 1891 г., 19 мая, 12 июня, 19 июля, 20 августа 1892 г. и два недатированных — опубликованы ею, см.: Бодрое слово, 1909, № 1; перепечатаны в кн.: Соловьев В. С. Письма, т. III. СПб., 1911, с. 129—137.

²⁹ Четырнадцать писем Ф. Сологуба к Л. Я. Гуревич опубликованы И. Г. Ямпольским в кн.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1972 год. Л., 1974, с. 114—120.

³⁰ Письмо Т. Л. Толстой к Л. Я. Гуревич от 8 ноября 1895 г. опубликовано П. В. Куприяновским в кн.: Творчество писателя и литературный процесс. Иваново, 1974, с. 117—119.

³¹ В 1949 г. автографы переданы в Музей Л. Н. Толстого (Москва). Опубликовано в кн.: Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 66. М., 1953, с. 380—381; т. 69. М., 1954, с. 56—57.

³² О внутриведомственных разногласиях см. объяснительное письмо Л. Я. Гуревич третейскому суду в кн.: Молоствов Н. Г. Борец за идеализм (А. Л. Волынский). Изд. 2-е. СПб., 1903, с. 319—393 (там же приведены и другие документы по истории журнала).

³³ Жизнь искусства, 1924. № 6, с. 18.

Свою деятельность в качестве идеолога журнала (еще при Б. Б. Глинском) Вольтинский начал с резкого выступления против Н. К. Михайловского. С идеалистических позиций Вольтинский обрушился на позитивизм в «общественности», литературе и эстетике.³⁴ Выпады ведущего критика журнала против «властителя дум» радикальной интеллигенции вызвали негодование у авторов и читателей журнала. В архиве хранится ряд писем сотрудников и подписчиков «Северного вестника» к Глинскому и Вольтинскому по этому поводу. Так, 27 марта (?) 1891 г. писательница А. С. Шабельская писала Глинскому: «Я должна сообщить Вам, милостивый государь, что за недосугом я только на днях прочла то, что г. Вольтинский писал против г. Михайловского <...> Само собой разумеется, что я не могу писать в Вашем журнале, и с ужасом думаю, что только случайность меня избавила от этой невольной измены моим *Учителям*» (ф. 89, № 20111). Еще более резким по тону выглядит письмо от 2 марта 1891 г. будущего легального марксиста М. И. Туган-Барановского, сообщавшего Вольтинскому о разрыве с ним отношений: «Вы беретесь, Аким Львович, за дело, которое Вам не по плечу. Вы смеете говорить совершенно неприличным тоном о Н. К. Михайловском, человеке, которого оценить Вы не в состоянии, но которого знает и любит вся мыслящая и честная Россия <...> Н. К. Михайловский — человек исторический, писатель с громадным литературным дарованием, произведения которого всегда будут составлять одно из лучших достояний русской литературы и будут читаться еще многие десятки лет, а Вы, г. Вольтинский, — что Вы такое? Вы неудачный фельетонист и только» (ф. 89, № 20119).

С полемикой между Вольтинским и Михайловским связано интереснейшее письмо А. И. Эртеля к Гуревич от 3 (?) октября 1892 г.: «В Москве я видел октябрьскую книжку Вашего журнала, и знаете что? — поистине мне было больно, что г. Вольтинский принял в нем столь преувеличенно воинственную позицию. Крайности полемики всегда претят, но в особенности они претят, когда направляются на своих же, как это происходит в октябрьской книжке <...>

Конечно, не один „Северный Вестник“ повинен в грехе и не один г. Вольтинский, но следует ли отсюда, что именно „Северному Вестнику“ нужно грешить? Я искренно буду рад успеху журнала, рад еще и потому, что он стремится занять и уже отчасти занимает свое, особое, место в ряду журналов (хотя бы

³⁴ См.: Вольтинский А. Литературные заметки. — Северный вестник, 1891, № 3; 1892, № 6, 10; 1894, № 4. С ответами Вольтинскому Н. К. Михайловский выступал в «Русской мысли» (1891, № 4; 1892, № 9). Подробнее см.: Куприяновский П. В. 1) Журнал «Северный вестник» и литературное народничество. — В кн.: Страницы истории русской литературы. М., 1971, с. 234—244; 2) Из литературно-журнальной полемики 90-х годов. — В кн.: Русская литература XX века. Дооктябрьский период, сб. 3. Калуга, 1971, с. 3—15.

в вопросах философии), — но я также радуюсь успеху и других журналов, и других органов печати, лишь бы они не забывали „главного“. Карфаген надо разрушить — вот в чем суть и вот в чем мы должны быть соединены, а какие пролагать улицы в новом Карфагене и кому ставить на тех новых улицах памятники и какая шевелюра у г. Михайловского,³⁵ это надо оставить... до поры до времени, если хотите. Впрочем, о „новых улицах“ — это я не совсем точно, это — надо, и даже непременно надо, но какого бы мы были мнения об осаждающих этот старый, развратный Карфаген, если бы в их среде начались ссоры и раздоры и взаимные оскорбления из-за того, что один рекомендует такой-то план нового Карфагена, а другой — такой-то?

А между тем легко может быть, что мы еще весьма далеки от победы.

И будем все дальше и дальше, разъединяясь друг с другом и „во имя истины“ понося друг друга.

Когда живешь на глубине этой мучительной русской жизни, когда перед тобой непрерывно проходят картины трагической российской неурядицы, когда всем существом своим ощущаешь, до чего крепки и тяжки цепи „старого Карфагена“, и видишь, как в них задыхаются люди, право, до физической боли обидно, что там, в авангарде, заняты... бог знает чем! Простите, пожалуйста, и не сердитесь. Я говорю как друг Ваш, не как враг» (ф. 89, № 20177).

Гуревич и Волюнский не вняли разумным советам Эртеля. Журнал продолжал оставаться (в теоретических разделах) крепостью философского и эстетического идеализма. В 1893—1895 гг. на его страницах Волюнский опубликовал цикл статей, в которых вопреки общественному мнению попытался ниспровергнуть с пьедестала революционных демократов.³⁶ Это, естественно, вызвало не только критические нарекания, но и потерю подписчиков, придерживавшихся радикальных убеждений. Однако редакция упорно продолжала вести журнал в избранном ею направлении.

После ухода Глинского ряд материалов, заказанных прежней редакцией, был возвращен авторам. Некоторые сотрудники сами прекратили свое сотрудничество. Так, писатель-народник П. В. Засодимский уведомлял Гуревич 15 июля 1891 г.: «Вы пишете, что „рвете все обязательства Глинского“. На этот счет я не знаю хорошо литературных обычаев; впрочем, я думаю, что Вы, вероятно, вправе поступить так. Таким образом, можно считать, что у на-

³⁵ Намек на полемический выпад Волюнского: «Разгоряченный непрочной известностью хлесткого фельетониста, г. Михайловский, самодовольно приосанившись и кокетливо взьерошивая свою *русскую вихрастую* шевелюру, сыплет патетическими словами на тему о том, что когда-то были люди и что среди этих людей он, Михайловский, был одним из славных генералов» (Северный вестник, 1892, № 6, отд. II, с. 173).

³⁶ Позднее статьи были объединены в книгу: Волюнский А. Л. Русские критики. СПб., 1896.

стоящей редакции „Северного Вестника“ по отношению ко мне нет никаких обязательств и наоборот, т. е. с моей стороны нет никаких обязательств относительно настоящей редакции „Северного Вестника“» (ф. 89, № 19915).

В «Северном вестнике» стали сотрудничать литераторы, причисляемые критикой к «декадентам», а позднее к «старшим» символистам (Д. С. Мережковский, Э. Н. Гишпиус, Н. М. Минский, К. Д. Бальмонт и др.).³⁷ Особенно важную роль журнал сыграл в литературной судьбе Ф. Сологуба, опубликовавшего в нем несколько рассказов, значительное количество стихотворений, рецензий, хроникальных заметок и свой первый роман. Его рассказ «Тени» (1894, № 12) понравился Н. М. Минскому, который писал Гуревич 15 декабря 1894 г.: «„Тени“ Сологуба произвели на меня сильнейшее впечатление. У него не только большой талант, но своеобразный взгляд на жизнь. Из него выйдет русский Эдгар По, только бы не заленился <...> Если будут какие-либо отзывы о Сологубе, сообщите мне. Меня крайне интересует его литературная карьера» (ф. 89, № 20003). В декабре 1895 г. закончилось печатание романа «Тяжелые сны» — характернейшего образца ранней русской символистской прозы.³⁸ Именно так воспринял роман А. М. Браунер, специалист по германоязычным литературам и переводчик русских авторов на немецкий язык. Он писал Гуревич 24 декабря 1895 г. из Вены: «...мне кажется, что „Тяжелые сны“ — лучшее, несмотря на свои громаднейшие — впрочем, чисто русские — недостатки, как невероятные длинноты и абсолютное отсутствие писательской техники и т. д., — что русские за последнее время написали. Как ничтожны все эти Боборыкины и Потапенки etc. подле подобного художника. В России, вероятно, вся эта критическая шваль набросится на роман и станет доказывать, что Сологуб по крайней мере „кликлуша“, и не заметит только, что „Тяжелые сны“ должны были быть написаны, что они „всего только“ выражение нашего времени, что Логин³⁹ — абсолютно тип индивидуалиста *fin de siècle*»⁴⁰ (ф. 89, № 19819). В архиве Гуревич хранятся также две небольшие рецензии Сологуба, не напечатанные в журнале.

³⁷ См.: Куприяновский П. В. 1) Из истории раннего русского символизма. Символисты и журнал «Северный вестник». — В кн.: Русская литература XX века. Дооктябрьский период. Калуга, 1968, с. 149—172; 2) Поэты-символисты в журнале «Северный вестник». — В кн.: Русская советская поэзия и стиховедение. М., 1969, с. 113—135; 3) Отдел поэзии в журнале «Северный вестник» в 1892—1894 гг. — В кн.: Творчество писателя и литературный процесс. Иваново, 1974, с. 23—28.

³⁸ Роман подвергался цензурным и редакционным изъятиям. В архиве хранится вариант одной из сцен романа, не вошедшей в текст журнальной публикации (ф. 89, № 20108).

³⁹ Главный герой романа, провинциальный педагог; образ Логина во многом автобиографичен.

⁴⁰ конца века (франц.).

Одна из них опубликована И. Г. Ямпольским,⁴¹ другую приводим здесь (ф. 89, № 20203):

«О врожденных и приобретенных свойствах детей как зачатков преступности взрослых. Ив. Гвоздева. 2-е изд. СПб. Ц. 50 к. 1896 г. Книга содержит 36 страниц. Безграмотное заглавие может служить образчиком изложения всей книги. Содержание — совершенно скудно. Оно сводится к тому, что на грудных детей нельзя оказывать нравственного воздействия, — все равно не поймут, — а потом воспитатели должны быть справедливы и позаботиться, чтоб дети не крали и не лгали; а если родители сами крадут и лгут, то это ужасно вредно для детской нравственности. Цитат немало, но по большей части они совершенно не нужны для взятой автором темы; тем же, что в литературе есть действительно ценного и поучительного по вопросу о детской порочности, автор и в малой степени не воспользовался. Удивительно, что эта совсем ни к чему не годная книга печатается вторым изданием. Федор Сологуб».

Не всем молодым писателям удалось так удачно дебютировать в «Северном вестнике». Л. Н. Андреев писал 12 марта 1896 г.: „Милостивый государь господин Редактор! Посылая при этом письме рассказ „Скриптор“, покорнейше прошу поместить его в Вашем уважаемом журнале. Гопорар я желаю получить в размере 25 рублей с печатного листа. В том случае, если рассказ окажется неподходящим, будьте любезны известить меня по адресу: Москва, Спиридоньевская улица, д. Черникова, кв. № 2, Леониду Николаевичу Андрееву. Остаюсь с истинным почтением, окончивший курс Московского университета Л. Андреев» (ф. 89, № 19784). Рассказ был отклонен.

В «Северном вестнике», помимо писателей «декадентского» лагеря, сотрудничали Л. Н. Толстой и Н. С. Лесков.⁴² П. В. Куприяновский пишет: «В их деятельности руководители журнала сочувственно выделяли нравственные и религиозные моменты. Привлечение такого мощного союзника, как Лев Толстой, было большим приобретением для журнала, небезыntenесным и с точки зрения материального благополучия издания».⁴³ С Лесковым у Гуревич и Волынского установились дружественные отношения.⁴⁴ Волынский был первым критиком, который признал большой талант Лескова и выступил в защиту его от нападков критики, не прощавшей писателю его антинигилистических романов и

⁴¹ Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1972 год. Л., 1974. с. 114—115.

⁴² См.: Куприяновский П. В. Л. Н. Толстой и Н. С. Лесков в журнале «Северный вестник». — В кн.: Лев Толстой и его современники. Иваново. 1962, с. 101—151.

⁴³ Куприяновский П. В. История журнала «Северный вестник», с. 73.

⁴⁴ См.: Л. Г. [Гуревич Л. Я.]. Из дневника журналиста. (Личные воспоминания о Н. С. Лескове). — Северный вестник, 1893, № 4, отд. II, с. 64—68.

в силу этого предвзято оценивавшей его творчество.⁴⁵ О том, с каким вниманием относился Лесков к «Северному вестнику», свидетельствовал, уже после смерти писателя, его душеприказчик А. М. Хирьяков. В письме к Гуревич от 10 марта 1895 г. он указывал: «Воспоминание о Меррекуле теперь неразрывно связано с воспоминанием о Николае Семеновиче, который, помните, с таким жаром нападал на Вас за какие-то погрешности в журнале. Вспоминая эти нападки, нельзя не сказать, что этот человек любил и Вас и Ваш журнал, и эта любовь заставляла его видеть в самых ничтожных иногда корректурных промахах чуть что не преступление» (ф. 89, № 20137). Письма Лескова к Гуревич раскрывают теплые отношения, связывавшие писателя с редакцией, и его роль в сближении Толстого с журналом (ф. 89, № 19988).

Редакция, разумеется, прежде всего хотела получить от Толстого художественную прозу. В конце 1894 г. с просьбой посодействовать этому Гуревич обратилась к П. И. Бирюкову, одному из руководителей издательства «Посредник», близкому другу писателя, позднее его биографу. Бирюков ответил ей 6 декабря 1894 г., изложив суть разговора с Толстым: «Я говорил Л^ьву Н^иколаевичу о Вашем письме ко мне, но не получил от него никакого определенного ответа. Он сказал мне, что он получил Ваше письмо и вполне понимает и сочувствует Вашему страстному желанию поднять и поставить журнал на свои ноги; но теперь он не знает, чем может помочь Вам. Все начатое им требует поправки и переделок, на которые он не чувствует себя теперь способным, так как занят более важной работой.

Не подумайте, что в этих словах его было какое-нибудь искреннее уклонение от желания помочь Вам. Только еще раз запомните, что нельзя рассчитывать на срочную работу со стороны Л^ьва Н^иколаевича. Свобода мысли его так дорога нам и вам всем, что всякое стеснение ее я считаю преступлением. Если же я узнаю о чем-нибудь готовом, что он пожелает отдать Вам, я, конечно, сейчас же сообщу Вам» (ф. 89, № 19812).

Обстоятельства сложились для «Северного вестника» благоприятно. В середине декабря Толстой вернулся к работе над рассказом «Хозяин и работник», который был задуман и вчерне написан в сентябре 1894 г. 14 января 1895 г. рукопись рассказа была отправлена в журнал, где после троекратной авторской правки он и был напечатан (1895, № 3). В архиве сохранились непрямые гранки рассказа (ф. 89, № 20267).

Участие Толстого в «Северном вестнике» вызвало неудовольствие С. А. Толстой (по денежным соображениям). Впрочем, 25 января 1895 г. она писала Гуревич о сотрудничестве Толстого в жур-

⁴⁵ См.: Вольтский А. Л. Литературные заметки. — Северный вестник, 1892, № 1, отд. II, с. 170—177. После смерти писателя Вольтский напечатал в журнале цикл статей о его творчестве (1897, № 1—5), который через год вышел отдельной книгой: Вольтский А. Л. Н. С. Лесков. Критический очерк. СПб., 1898; в расширенном виде: Пб., «Эпоха», 1923.

нале: «Радуюсь, что его помощь Вам может поднять Ваш журнал, которому Вы посвятили столько труда» (ф. 89, № 20113). По протекции С. А. Толстой в «Северном вестнике» (1895, № 9) был опубликован очерк ее брата, А. А. Берса, — «Чаладиди. Рассказ из кавказских воспоминаний».

Еще в первый приезд в Ясную Поляну Гуревич подружилась с дочерью Толстого Татьяной Львовной.⁴⁶ В письме Т. Л. Толстой от 7 октября 1895 г. приведен отзыв Толстого о прологе к роману Гуревич «Плоскогорье», опубликованном в «Северном вестнике» (1895, № 9) под заголовком «Разлука»: «Простите, голубушка, что так долго не писала Вам. Не манило писать, потому что не имела ничего хорошего Вам сообщить. Мне хотелось Вам написать правдивое мнение моего отца на счет Вашего отрывка, но так как оно было не очень благоприятно, то я все откладывала его сообщать. Он велел сказать Вам, что эта вещь Ваша менее ему нравится, чем прежние, но что он все-таки не может смело ее судить, так как это вещь не цельная, а часть романа, которого он не знает» (ф. 89, № 20114). Целиком роман «Плоскогорье» был опубликован в «Северном вестнике» в 1896 г. (№ 9—12) и в 1897 г. (№ 1—4), а затем вышел отдельной книгой (1897). Судя по автобиографии, Гуревич осталась недовольной романом. В архиве сохранились два положительных отзыва об этом произведении — поэта К. Н. Льдова (ф. 89, № 19986) и переводчицы М. И. Ливеровской (ф. 89, № 19972).

Редакция заботилась о приглашении в журнал наиболее близких ей по духу и идейному направлению авторов. Так, большие надежды Гуревич и Волынский возлагали на участие в «Северном вестнике» крупного философа-идеалиста и поэта В. С. Соловьева.⁴⁷ Его первое письмо к Гуревич, от 24 сентября 1891 г., связано с публикацией статьи о голоде «Наш грех — наша обязанность» (1891, № 10): «Простите, многоуважаемая Любовь Яковлевна, что запоздал с этим слишком кратким, но все-таки, кажется, не лишним воззванием. Почему — объясню при свидании. Так как поздно пересылать корректуру, то поручаю ее Вашему вниманию, особенно там, где пометки. При краткости каждая опечатка заметна. Если можно, пришлите мне для собственного употребления экземпляр в наборе. В конце октября думаю быть в Петербурге. Будьте здоровы. Кланяюсь Акиму Львовичу. Дружески Вам преданный Влад. Соловьев» (ф. 89, № 20089).

Некоторые сотрудники пытались оказать на издательницу воздействие с целью изменить идейную ориентацию журнала. В этом отношении чрезвычайно показательны письма к Гуревич Г. Ф. Львовича (ф. 89, № 19985). За участие в революционном движении 1880-х годов он был приговорен к одиночному заклю-

⁴⁶ См.: Гуревич Л. Я. Из воспоминаний о Л. Н. Толстом. — В кн.: Гуревич Л. Я. Литература и эстетика. М., 1912, с. 284, 294.

⁴⁷ Подробнее см.: Курьяновский П. В. История журнала «Северный вестник», с. 68—69.

чению, а затем, через полтора года, сослан в Сибирь, откуда через четыре года эмигрировал.⁴⁸ В начале 1890-х годов Львович жил в Швейцарии, где был близок к эмигрантским революционным кругам. При А. М. Евреиновой и Б. Б. Глинском ему удалось опубликовать переводы нескольких статей К. Каутского. Львович считал, что «Северный вестник» в условиях возникающего у читателей интереса к марксизму должен явиться «выразителем» течения, которое «родственно германской социал-демократии». Мечтая превратить «Северный вестник» в радикальный журнал, Львович упрекал редакцию в эклектизме и расплывчатости политической программы.

П. В. Куприяновский справедливо отметил тяготение редакции «Северного вестника» к историко-литературным и мемуарным документам.⁴⁹ Заметной публикацией такого рода явился «Дневник» Марии Башкирцевой (1860—1884), печатавшийся в переводе с французского Гуревич в 1892 г. В нем с изощренным психологизмом выразились ощущения и переживания духовно одаренной художницы.

Как мы уже говорили, Гуревич в 1887 г. познакомилась с матерью художницы, Марией Степановной, и в течение многих лет состояла с ней в интенсивной переписке. Письма Башкирцевой содержат ценные сведения о дочери, в том числе о ее любви к России, которую та покинула еще ребенком. В письме 1891 г. Башкирцева сообщала: «Мария Башкирцева уехала из России, когда ей было 10 лет, и вернулась туда в первый раз на 16<м> году своей жизни; училась, выросла она и работала всегда за границей, преимущественно во Франции, в Париже. Самое сильное желание ее было — усовершенствоваться, развить свой талант, написать историческую картину и ехать работать на родину. Еще год жизни и она была бы на родине и работала бы там» (ф. 89, № 19805). В другом письме (1891 г.?) М. С. Башкирцева вновь говорит о любви дочери к родине: «Нечего и говорить о том, что она была русская, что любила свою родину, что все ее стремления были сосредоточены на том, чтоб ехать домой и показать на родине, что может сделать женщина».⁵⁰ «Дневник» и сама жизнь Башкирцевой (точнее, легенда о ее жизни) произвели большое впечатление на современников.⁵¹

⁴⁸ См. его автобиографическое письмо к Б. Б. Глинскому 1891 г.: ф. 563, № 1, л. 167—169.

⁴⁹ Куприяновский П. В. История журнала «Северный вестник», с. 77—78.

⁵⁰ Большинство живописных работ Башкирцевой находится за границей. В нашей стране небольшое количество ее картин представлено в ряде музеев (см.: Художники народов СССР. Библиографический словарь, т. I. М., 1970, с. 313).

⁵¹ См., например, восторженную оценку юношей Брюсовым «Дневника» Башкирцевой: Брюсов В. Дневники. 1891—1910. М., 1927, с. 5—6 (запись от 16 мая 1891 г.).

Гуревич стремилась привлечь в журнал крупных ученых, надеясь тем самым придать «Северному вестнику» в глазах читающей публики больший вес и солидность. В журнале из номера в номер печатались статьи известных историков, юристов, литературоведов, экономистов. Приведем письмо К. А. Тимирязева от 15 декабря 1891 г.: «Милостивая Государыня, Любовь Яковлевна, я очень сожалел, что болезнь помешала мне видеть Вас в Москве. Позвольте поблагодарить Вас за лестное приглашение — продолжать сотрудничество в „Северном Вестнике“.⁵²

В непродолжительном времени я предполагаю прочесть в пользу голодающих лекцию: „Борьба растения с засухой“. Если редакция найдет ее пригодной, то я с удовольствием поместил бы ее в Вашем уважаемом журнале.⁵³

С истинным почтением имею честь быть, Милостивая Государыня, готовый к Вашим услугам К. Тимирязев» (ф. 89, № 20109).

Издание «Северного вестника» было связано с громадными финансовыми затруднениями. Выплата гонораров часто задерживалась. В фонде имеется любопытный документ: список тех авторов журнала, которым не был выплачен гонорар (на сумму 3683 руб. 64 коп.). Каждому из таких авторов Гуревич дает краткую характеристику. Например:

«Дягилев С. (Любитель живописи, состоятельный человек, напечатал статью об устраиваемой им самим скандинавской художественной выставке.⁵⁴ Гонорара не спрашивал). 71 <руб.> 25 <коп.> <...>

Лохвицкая М. (Поэтесса. Состоятельная женщина. Предпочитает печататься в «Северном Вестнике» перед всеми другими журналами. Не раз заявляла об этом).⁵⁵ 23 <руб.> 65 <коп.> <...>

Рильке М. (Начинающий немецкий писатель, знакомый. Может выручить гонорар помещением той же вещи на немецком языке в Германии).⁵⁶ 21 <руб.> 87 <коп.>.

Саломэ Лу Андреас. (Немецкая писательница. Близкая знакомая, сочувствующая журналу и ищущая сотрудничества в дальнейшем)⁵⁷ <...> 48 <руб.> 75 коп.» (ф. 89, № 20259, л. 10 об., 11—11 об.).

⁵² В «Северном вестнике» (1891, № 1—2) была напечатана статья К. А. Тимирязева «Земледелие и физиология растений».

⁵³ Лекция была опубликована в «Северном вестнике» (1892, № 8, отд. II, с. 1—33).

⁵⁴ См.: Дягилев С. Современная скандинавская живопись. — Северный вестник, 1897, № 11, с. 354—373.

⁵⁵ См.: Северный вестник, 1897, № 10—12; 1898, № 2, 4, 6—7.

⁵⁶ См.: Все в одной. Рассказ Reiner Maria Rilke. Пер. с нем. С. Шпильберг. — Северный вестник, 1897, № 10, с. 71—78. О знакомстве Рильке с членами редакции журнала см.: Азадовский К., Чертков Л. Русские встречи Рильке. — В кн.: Рильке Р.-М. Ворпсведе. Огюст Роден. Письма. Стихи. М., 1971, с. 358.

⁵⁷ Лу Андреас-Саломе, бывшая секретарем Ницше, опубликовала в журнале статьи (в переводе) «Фридрих Ницше в своих произведениях» (1896, № 3—5), «Современные писательницы. Австрийские романистки» (1898,

В 1892 г. расходы по изданию журнала превышали доходы на 30 655 рублей (ф. 89, № 20254). Гуревич всячески пыталась улучшить финансовое положение. В начале 1897 г., чтобы спасти журнал, она предложила ряду лиц купить издательские пай. Приведем письмо К. Д. Бальмонта к Гуревич от 6(18) марта 1897 г. из Парижа:

«Многоуважаемая Любовь Яковлевна!

И я, и Катерина Алексеевна,⁵⁸ мы оба с живым сочувствием относимся к Вашему предложению. Но наше согласие может иметь сейчас только чисто принципиальный характер, потому что мы должны пробыть за границей еще 8 месяцев (до ноября) и наше материальное положение в данное время еще не вполне выяснено. Во всяком случае, я очень просил бы Вас сообщить мне детали: размер пая и порядок его внесения (единовременно или постепенно), обстоятельства чисто литературного характера, сопровождающие внесение материального сотрудничества (вступает ли пайщик в журнал лишь как таковой или он приобретает какой-нибудь голос в редакционном отношении). Мне очень хотелось бы знать все это определенно. Будущее „Северного Вестника“ мне также очень дорого; хотя я, в силу внешних обстоятельств, принимал в нем самое скромное литературное участие, но мне всегда хотелось быть близким к этому журналу, его задачи совершенно совпадают с теми, какие в размере единичных сил я поставил самому себе. Повторяю, что предложение, сделанное Вами, вызывает во мне самое живое сочувствие.

Передайте, пожалуйста, наши поклоны Акиму Львовичу и поблагодарите его от меня за напечатание моих стихов⁵⁹ и за посылку журнала. Катерина Алексеевна Вам кланяется и просит Вас не сомневаться в ее искренней и постоянной симпатии к Вам.

Буду ждать от Вас ответа. Уважающий Вас К. Бальмонт» (ф. 89, № 19801)

Спасти журнал не удалось. Гуревич, оставшись одна (Волынский считал, что к началу 1898 г. «Северный вестник» уже выполнил свою миссию, и уклонился от дальнейшего участия в редак-

№ 2) и романтический набросок «Амог», написанный по-русски совместно с Волынским (1897, № 9). В архиве сохранилась также рукопись ее повести на немецком языке «*Slavenglück*» («Рабское счастье») (ф. 89, № 20186), предназначенной для журнала, но не опубликованной, видимо, из-за прекращения его издания. О встречах с Саломе Гуревич сообщала в письме к Л. Н. Вилькиной от 18 мая 1897 г.: «Интересного было за последнее время только знакомство с Lou Andreas Salomé, кот^{ор}ая приезжала в Россию недели на 3, бывала у нас в ред^{акции} очень часто и оказалась очень привлекательной, умной и тонкой женщиной» (ф. 39, № 851). О письме Лу Саломе к Гуревич от 19 (7) июня 1897 г. (ф. 89, № 19782, на немецком языке) см.: Certkov Leonid. Rilke in Russland. Auf Grund neuer Materialien. Wien, 1975, S. 5.

⁵⁸ Е. А. Бальмонт (урожд. Андреева) — вторая жена поэта.

⁵⁹ Имеется в виду публикация стихотворения Бальмонта «Белый лебедь, лебедь чистый...» (Северный вестник, 1897, № 3, с. 298).

ционной работе),⁶⁰ все еще пыталась изыскать средства для продолжения журнала. Так, она вступила в переговоры с П. Б. Струве и М. И. Туган-Барановским о соединении «Северного вестника» с только что закрытым журналом «Новое слово».⁶¹ Однако переговоры ни к чему не привели, ибо руководители «Нового слова» категорически отказались ввести Волынского в редакцию нового органа в качестве заведующего литературно-критическим отделом, на чем настаивала Гуревич. Издание «Северного вестника» было прекращено. В течение нескольких лет Гуревич получала повестки в суд по взысканию с нее долгов в сумме 155 000 рублей (ф. 89, № 20242, 20255—20258). Но, несмотря на печальный конец, Гуревич продолжала рассматривать издание журнала как главное дело своей жизни.

Фонд Гуревич включает и другие документы по изданию «Северного вестника»: договоры пайщиков от 23 мая 1890 г. и от 2 апреля 1891 г. (ф. 89, № 20243);⁶² копию договора на найм помещения для редакции от 1 июня 1891 г. (№ 20250); документы третейского суда 22 декабря 1891 г. (№ 20246); отчеты по изданию журнала за 1891—1892 гг. (№ 20252, 20254); «Деловой дневник» журнала за 1894 г. (№ 20244); черновики редакционных писем за 1894—1895 гг. (№ 20062); финансовые доверенности за 1897—1898 гг. (№ 20249); заметки Гуревич 1898 г. (?) о судьбе издания (№ 20248); указатель статей, помещенных в журнале за 1891—1895 гг., составленный Гуревич (№ 20261).

История «Северного вестника» изобиловала конфликтами не только внутриредакционного характера (см., например, конфликт с профессором В. И. Модестовым по поводу его статьи (ф. 89, № 20260) и с Н. Н. Сореп в связи с публикацией «Записок А. О. Смирновой», ее магери (№ 20246; см. также № 20221)).

Архив Гуревич включает часть рукописей, присланных в «Северный вестник». Это стихотворения К. Д. Бальмонта «Пройдут века веков, толпы тысячелетий...», «Бог не помнит их...», «По забыв о блеске солнца, в свете призрачных огней...» и др., а также его перевод: «Волшебница Шалотт. Поэма Альфреда Теннисона» (ф. 89, № 20187);⁶³ стихотворения Л. И. Денисова

⁶⁰ См.: Жизнь искусства, 1924, № 6, с. 18.

⁶¹ Журнал «Новое слово», основанный в 1893 г. и с 1897 г. ставший органом легальных марксистов, был запрещен 10 декабря того же года. О переговорах Гуревич с руководителями «Нового слова» см.: Куприяновский П. В. К проблеме: символисты и «легальные марксисты». — В кн.: Русская литература XX века. Дооктябрьский период, сб. 2. Калуга, 1970, с. 207—229.

⁶² Договор от 2 апреля 1891 г. опубликован в кн.: Молоствов Н. Г. Борьба за идеализм, с. 323—327.

⁶³ Об этом переводе Бальмонт писал А. Л. Волынскому 21 января 1897 г.: «Посылаю поэму Теннисона. Она, сколько мне известно, никогда еще не была переведена на русский язык. Как Вы можете увидеть из сравнения с текстом, перевод сделан размером подлинника и с соблюдением большой близости. Очень интересно, какое впечатление Вы вынесете.

«Штиль», «Остыл порыв безумный вдохновенья...», «Перед звуком мольбы, перед светом любви...», «Не верит, не верит, не верит она...» и др. (№ 20197); стихотворения и переводы О. Н. Чюминой — «Терцины», «Три стихотворения Гамерлинга», «Торжество Сида. Романсеро Хозе-Мария де Эредиа» (№ 20207); рецензия П. И. Бирюкова на книгу Ш. Дюма «Толстой и философия любви» (№ 20189); статья А. А. Ильина «К вопросу о положении негров в Северо-Американских Соединенных Штатах» (№ 20198).

К годам издания «Северного вестника» относятся письма к Гуревич ее друзей и знакомых, не имеющих прямого отношения к журнальным делам: М. М. Антокольского (б. д.), Е. В. Балабановой (1895), Л. Е. Оболенского 2 (б. д.), А. В. Половцова 2 (1892, 1894), В. С. Серовой 3 (1893, 1909, б. д.) и др. Письмо А. В. Половцова от 19 февраля 1892 г. содержит интересные данные о А. В. Сухово-Кобылине: «...сегодня вечером будет у нас замечательный человек, обыкновенно живущий в деревне и лишь ненадолго приехавший в Петербург. Это известный автор „Свадьбы Кречинского“ и „Дела“ Александр Васильевич Сухово-Кобылин. Замечателен он, кроме того, что, несмотря на свои 74 года, свеж и молод телом и духом, как 40—45-летний, еще тем, что более 30 лет специально занимается философией Гегеля, перевел на русский язык (для собственного употребления) все сочинения Гегеля и частью написал, частью пишет самостоятельные монографии в развитии положений Гегеля!» (ф. 89, № 20046).

Помимо писем к Гуревич, в ее архиве находятся также письма литераторов к другим членам редакции.

Письма к Б. Б. Глинскому: М. Н. Альбова 5 (1890—1891), А. Н. Апухтина (б. д.), М. Н. Астырева 8 (1891—1892), К. С. Баранцевича (1891), П. Д. Боборыкина 2 (1890), П. И. Вейнберга 4 (1890, б. д.), А. А. Веселовской 2 (б. д.), А. А. Виночкиной 2 (1890, 1891), А. А. Герцена (1890), А. А. Головачова 2 (1890, 1891), В. Ф. Дерюжинского 4 (1890—1891), П. В. Засодимского 2 (1891), И. И. Иванова 6 (1890—1891), И. И. Иванюкова 4 (<1890>—1891), Н. И. Кареева (1891), С. Н. Кривенко 2 (<1890>), Г. Ф. Львовича 2 (<1890>, 1891), В. Н. Мак-Гахан (1890), Д. С. Мережковского 4 (<1890>), Д. Л. Мордовцева 3 (1890—1891), В. А. Мякотина (1890), Вас. И. Немировича-Данченко 6 (<1890>—<1891>), Л. И. Пальмина 2 (1890, 1891), Я. П. Полонского 3 (1890, б. д.), И. Н. Потапенко 7 (1890—1891), Н. А. Рубакина 3 (<1890>—<1891>), Р. И. Сементковского (1891), К. М. Станюковича 3 (1890—1891), К. А. Тимирязева 3 (1890, б. д.), А. Ф. Фортунатова 2 (1890), С. Г. Фруга 2 (1891), Л. В. Ходского 2 (1890), Ф. А. Червинского (б. д.), А. С. Шабельской 5 (1891), А. К. Шеллера-Михайлова 2 (б. д.), И. И. Янжула

Мне эта поэма представляется прекрасным образчиком символизма, как его понимали Шелли и По. Легенда поэтической души, для которой соприкосновение с действительной жизнью равносильно смерти, равносильно утрате индивидуальности!» (ф. 89, № 19801).

4 (1890), В. Г. Яроцкого 2 (1891) и др. Всего около 60 корреспондентов.

Письма к М. Н. Альбову: Н. П. Вагнера (б. д.), В. Л. Дедлова (наст. фам. В. Л. Кигн) (1891), Н. М. Ежова (1892), Н. Н. Златовратского (1892), Н. И. Кареева (1892), Н. Е. Каронина-Петропавловского 4 (1891—1892, б. д.), М. А. Лозино-Лозинского (1891), А. А. Лугового (Тихонова) (1892), Д. Н. Мамина-Сибиряка (б. д.), Ф. Д. Нефедова 9 (1892—1893), И. Я. Павловского (б. д.), И. Н. Потапенко (1893), А. С. Пругавина (1891), Р. И. Сементковского (1891) и др. Всего около 30 корреспондентов.

Письма к А. Л. Вольтскому: А. А. Андреевой (1897), К. Д. Бальмонта 2 (1896), Н. П. Барсукова (1896), Н. П. Вагнера (б. д.), С. А. Венгерова (1891), З. А. Венгеровой (б. д.), А. В. Каменского (1891), Н. П. Карабчевского 2 (1891, 1897), К. Н. Льдова 5 (1892—1896), Н. М. Минского 2 (1891, б. д.), Вас. И. Немировича-Данченко 2 (1896), Д. Н. Овсяннико-Куликовского 2 (1896), П. П. Перцова (<1896>), Э. Л. Радлова 2 (1892), Н. А. Рубакина (б. д.), Ф. Сологуба 2 (1896),⁶⁴ В. Д. Спасовича (1898), М. И. Туган-Барановского (1891), А. М. Федорова 2 (1893, 1894), Д. В. Философова 2 (1896, 1897), М. К. Цебриковой (б. д.), Ф. А. Червинского (б. д.), В. Е. Чешихина 3 (1896—1897), В. В. Чуйко (б. д.) и др. Всего около 40 корреспондентов.

Письма к Г. Я. Гуревичу (брату издательницы, принимавшему близкое участие в делах журнала): М. Н. Альбова (б. д.), А. А. Андреевой (1893), А. С. Пругавина (1893), кн. И. Р. Тарханова (1893) и др.

Наконец, авторы зачастую адресовались прямо в редакцию. Это письма: Н. М. Ежова 2 (1893), А. М. Жемчужникова 6 (1891—1893), А. И. Забелина 2 (1890), Ф. И. Леонтовича 2 (1892, 1894), Г. Ф. Львовича 2 (1891, 1892), Ф. Д. Нефедова 6 (1893—1894), Д. Н. Овсяннико-Куликовского (1894), И. Н. Потапенко (б. д.), А. С. Пругавина 3 (1891), М. И. Свешникова (1890), В. С. Соловьева (1892), О. М. Соловьевой 2 (1891), Н. Д. Телешева (1896), Н. И. Тимковского (1891), М. К. Цебриковой (1891), Е. Н. Чирикова 2 (1893), Ф. А. Щербины (1893) и др.

2

После прекращения издания «Северного вестника» Л. Я. Гуревич пережила глубокий кризис. Лишь в начале 1900-х годов она снова вернулась к литературному труду. В 1904 г. в издательстве М. В. Пирожкова вышел ее сборник «Седок и другие рассказы». Гуревич вела переговоры и о переиздании своего романа «Плоскогорье». В архиве хранятся письма к ней М. К. Лемке от 7 ноября 1903 г. и Ф. Д. Батюшкова от 13 мая 1904 г. по этому поводу,

⁶⁴ Письма Ф. Сологуба к А. Л. Вольтскому от 16 июля и 18 ноября 1896 г. опубликованы И. Г. Ямпольским в кн.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1972 год. Л., 1974, с. 126—127.

а также два проекта издательского договора с Пирожковым — от 8 декабря 1903 г. и 2 июля 1904 г. (ф. 89, № 20253). Больше Гуревич никогда серьезно не обращалась к беллетристике, целиком отдавшись критической работе.

Гуревич становится влиятельным критиком, ее сотрудничества ищут многие газеты и журналы. На основании материалов 1900—1910-х годов прослеживаются связи Гуревич с периодическими изданиями: «Бодрое слово», «Всеобщий ежемесячник», «Живописное обозрение», «Жизнь для всех», «Запросы жизни», «Мир божий», «Наша жизнь», «Образование», «Речь», «Русская молва», «Русские ведомости», «Северные записки», «Слово», «Столичная почта» и др. В связи с участием Гуревич в этих изданиях ей писали: Ф. Д. Батюшков 14 (1893—1911), Р. М. Бланк 3 (1909—1910), А. А. Блок 27 (1907—1916),⁶⁵ М. А. Волошин 3 (1913), И. В. Гессен 4 (б. д.), С. М. Городецкий 2 (1913, 1914), И. Н. Игнатов 7 (1916), Е. А. Колтоновская 5 (1910—1913, б. д.), И. Л. Леонтьев-Щеглов 5 (1909—1910), В. А. Поссе 4 (1909—1912), Я. Л. Сакер 5 (1911), А. В. Тыркова 5 (1910—1913, б. д.), Л. В. Ходский (1907) и др. Всего около 30 корреспондентов. Почти все письма деловые. Остановимся лишь на одном. В 1905 — начале 1906 г. Гуревич проделала большую работу: она изучила около 300 документальных свидетельств участников событий 9 января в Петербурге и опросила несколько десятков свидетелей. Итогом явилась ее статья «Народное движение в Петербурге 9-го января 1905 г.», опубликованная в журнале «Былое» (1906, № 1). В. Я. Богучарский (один из руководителей журнала) писал ей 18 апреля 1906 г.: «Что касается меня, то я, разумеется, ничего не имел и не могу иметь против издания Вами Вашей статьи брошюрой.⁶⁶ Думаю, что она будет иметь большой успех. О ней мне приходилось слышать много самых хороших отзывов» (ф. 89, № 19817).

Существенным фактом литературной биографии Гуревич было сотрудничество в «Русской молве», где она заведовала театральным отделом. Газета, выходившая в Петербурге с 9 декабря 1912 г. по 20 августа 1913 г. (вышло 247 номеров), издавалась буржуазным политическим деятелем Д. Д. Протопоповым. Это был орган

⁶⁵ Письма А. А. Блока к Л. Я. Гуревич от 21 декабря 1907 г., 8 декабря и 11 декабря 1913 г. опубликованы И. Г. Ямпольским, см.: Литература и искусство, 1928, № 1, с. 8 (прилож. к газ. «Киевский пролетарий», 1928, № 146, 26 июня). Письмо от 29 февраля 1916 г. опубликовано им же, см.: Вечерний Киев, 1928, № 172, 25 июня, с. 2. Письма от апреля 1910 г., 13 января 1913, 22 января 1914 г. опубликованы им же, см.: Новый мир, 1932, № 5, с. 203—208 (там же перепечатано письмо от 8 декабря 1913 г.). Письмо от 19 февраля 1909 г. опубликовано в кн.: Блок А. Собр. соч. в 8-ми т., т. 8. Письма 1898—1921. М.—Л., 1963, с. 275. Письма от 21 декабря 1907, апреля 1910, 17 ноября 1911, 13 января и 11 декабря 1913, 29 февраля 1916 г. перепечатаны: там же, с. 221—222, 309—310, 377—378, 409, 431, 457—458.

⁶⁶ Брошюра была издана, см.: Гуревич Л. 9-е января по данным анкетной комиссии. СПб., изд. О. Поповой. 1906, 36 с.

«прогрессивной партии», занимавшей срединное положение между октябристами и кадетами. Политическое лицо его определялось в основном статьями Д. Д. Протопопова и П. Б. Струве. Большое внимание в газете уделялось вопросам литературы и искусства. В ней сотрудничали А. А. Блок, А. М. Ремизов, И. А. Бунин, Д. С. Мережковский, Б. К. Зайцев, Саша Черный (псевд. А. М. Гликберга), С. А. Ауслендер, Ю. Н. Верховский, Л. Столица, Б. М. Эйхенбаум и другие литераторы. Гуревич опубликовала в «Русской молве» цикл статей, в основном посвященных постановкам Московского Художественного театра. Однако участие ее в газете было более широким: Гуревич принадлежит заслуга привлечения в это издание известных писателей. Например, она приглашала М. А. Волошина, который в письме к ней от начала 1913 г. так сформулировал свою точку зрения на работу газетчика: «Мне, напр<имер>, иногда очень важно писать на ту тему, которая уже обсуждалась в газете, т<ак> к<ак> должен сказать, что (к несчастью для меня) мои мнения никогда почти не совпадают с господствующими в литературе. Поэтому уже давно мне приходится играть роль какого-то гастролера-престижитатора и на пространстве 150—200 стр<ок> сжимать то, что требовало бы нормально 2—3 фельетонов. У меня поэтому установилась репутация парадоксалиста, хотя я для себя только последователен» (ф. 89, № 19857).⁶⁷

3

Ни один печатный орган (кроме «Северного вестника») не играл в жизни Л. Я. Гуревич такой важной роли, как «Русская мысль». В 1907 г., после смерти В. А. Гольцева, редактировавшего журнал с 1885 г. в умеренно либеральном духе, он перешел в руки кадетов — П. Б. Струве и А. А. Кизеветтера. В связи с этим изменился и состав сотрудников. В художественном отделе стали печататься символисты. Однако в 1909—1910 гг. положение беллетристического отдела, не имевшего постоянного руководителя (на этом посту в течение двух лет сменились Д. С. Мережковский, Ю. И. Айхенвальд, В. Г. Малахьева-Мирович и С. В. Лурье), было тяжелым. В августе 1910 г. Струве стал единоличным владельцем журнала, а в сентябре литературно-критический отдел возглавил В. Я. Брюсов (Струве надеялся, что его литературный талант и журналистский опыт вернут журналу популярность). Однако вскоре их отношения обострились.⁶⁸ В конце 1912 г. Брюсов вышел из состава редакции, согласившись ос-

⁶⁷ В «Русской молве» Волошин опубликовал статью «Русская трагедия возникнет из Достоевского» (1913, № 93, 15 марта, с. 3).

⁶⁸ См. вступительную заметку А. Н. Михайловой к публикации писем В. Я. Брюсова к П. Б. Струве (1910—1911) в кн.: Литературный архив, т. 5. М.—Л., 1960, с. 257—266.

таться сотрудником журнала. В 1913 г. литературно-критический отдел был поручен Гуревич, со временем в ее руки перешел и беллетристический отдел. 26 декабря 1913 г. Струве писал Гуревич: «Я нахожу, что теперь, когда Вы обнаружили желание — вплотную заниматься беллетристическим и литературно-критическим отделом „Русской мысли“, „Русская мысль“ должна Вас лучше вознаграждать. Поэтому позвольте считать, что с 1-го января Вы будете получать в месяц 200 рублей — вознаграждение, которое получал В. Я. Брюсов» (ф. 89, № 20097).⁶⁹

В архиве хранится значительное количество писем сотрудников «Русской мысли» к Гуревич, в их числе письма: А. М. Аничковой (псевд. — Иван Странник) 3 (1914), В. И. Анненкова (псевд. — В. Кривич) 3 (1910), К. С. Баранцевича 2 (1893, 1911), В. Я. Брюсова 3 (1911),⁷⁰ Ю. Н. Верховского 3 (1913), Г. К. Губера (1913), В. М. Жирмунского 4 (1913—1914), С. М. Зарудного (1912), М. А. Кузмина (б. д.), А. А. Лугового (псевд. А. А. Тихонова) 41 (1892—1914), В. Г. Малахивой-Мирович 3 (1910, 1914, б. д.), Н. В. Недоброво 11 (1913—1915),⁷¹ А. М. Ремизова 3 (1913), П. С. Романова 7 (1914—1915, б. д.), И. С. Рукавишника (1914), С. Н. Сергеева-Ценского 4 (1913),⁷² П. Б. Струве 52 (1906—1915, б. д.), А. Д. Топольского 4 (1913—1914), Я. А. Тугенхольда 2 (1914), С. Л. Франка 5 (1913—1915), А. П. Чапыгина 2 (1913, 1914), Саши Черного (<1914>), К. И. Чуковского 4 (<1911>, б. д.), Н. Л. Шапира 3 (б. д.), В. К. Шмидта 9 (1912—1913, б. д.), Г. Н. Штильмана 11 (1911—1914, б. д.) и др. Всего около 40 корреспондентов.

Постоянное вмешательство П. Б. Струве в дела литературного отдела было одной из причин, заставившей В. Я. Брюсова отказаться от редакторства в «Русской мысли». Струве опекал этот отдел и при работе в журнале Гуревич, но столкновений между ними, видимо, не было.

Гуревич с большим вниманием относилась к творчеству молодых писателей, считая, что в литературе 1910-х годов происходят значительные изменения. 3 января 1913 г. Струве писал Гуревич: «Я слышал, что у Чапыгина есть небольшой роман. Так как я получил вполне определенное впечатление, что Чапыгин — та-

⁶⁹ Деятельное сотрудничество в журнале Гуревич-критика началось еще в 1909 г. В 1912 г. издательство «Русской мысли» выпустило ее книгу «Литература и эстетика. Критические опыты и этюды».

⁷⁰ Письма В. Я. Брюсова к Гуревич от 25 апреля, 16 мая и 21 июня 1911 г. опубликованы И. Г. Ямпольским, см.: Звезда, 1929, № 10, с. 197—202.

⁷¹ Отрывки из писем Н. В. Недоброво к Л. Я. Гуревич от 6 и 15 марта и 11 апреля 1914 г. (в них идет речь о работе критика над статьей о творчестве Ахматовой) опубликованы М. Коор, см.: Учен. зап. Тартуского ун-та, 1968, вып. 209. Труды по русской и славянской филологии, т. XI, Тарту, с. 289.

⁷² Письма С. Н. Сергеева-Ценского к Л. Я. Гуревич от 19 января, 4 апреля, 1 мая и 26 декабря 1913 г. опубликованы З. И. Власовой в кн.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1975 год. Л., 1977, с. 186—195.

лантливый писатель, то мне бы хотелось заполучить эту вещь для „Русской мысли“. Не можете ли Вы быть посредником <...>?. 19 февраля он вновь писал ей: «... приходил ко мне Чапыгин. Я направил его к Вам, сказав, что я, зная Ваше отношение к его таланту, просил Вас прочесть его произведение и дать ему дружеские советы относительно исключений и исправлений». Такая встреча состоялась. При содействии Гуревич роман Чапыгина «Белый скит» был опубликован в «Русской мысли» (1913, № 4—6). Осуществляя советы Гуревич-редактора, А. П. Чапыгин писал ей 19 февраля 1913 г.: «Должно быть, судьба благоволила ко мне, что для окончательной чистки, принятой „Русской мыслью“, мой „Белый скит“ попал к Вам!» (ф. 89, № 20142).

О внимательном отношении к молодым авторам свидетельствует и письмо П. С. Романова к Гуревич от 18 мая 1914 г.: «Хочется мне поблагодарить Вас за те указания и отметки, которые Вы сделали в повести моей.⁷³ Я воспользовался ими всеми, сократил работу на целый печатный лист и вижу, что работа только выиграла от этого в цельности и строгости стиля. Вместо 2-х месяцев для исправлений потребовалось всего две недели» (ф. 89, № 20066).

Вместе с тем Гуревич была взыскательным редактором и критиком. Об этом свидетельствует письмо С. М. Городецкого от 10 января 1914 г., отвечающего на замечания Гуревич о ряде его стихотворений, присланных в «Русскую мысль»: «Диву даюсь, как Вы, с Вашим женским чутьем и опытом, могли впасть в такую грубую ошибку при характеристике моих новых стихов. „Декадентское, с патологическим уклоном“? Да я еще жив, Любовь Яковлевна, не возводите на меня поклепов. Ведь это ж самые человеческие несчастья у меня описаны, и с самой суровой простотой <...> Особенно интересует меня, как Вы нашли „патологию“ в той школе мужества и закаленности, которую предлагают „Скелет“ и „Разговоры“» (ф. 89, № 19879).⁷⁴ Но и в этом же письме мы находим теплые слова о Гуревич: «Все это пишу, благодарный Вам за прямой ответ и, конечно, ничуть не рассерженный».

В ряде писем дается высокая оценка критическим статьям Гуревич, причем отмечается их доброжелательный тон. К. И. Чуковский писал в конце февраля—начале марта 1910 г.: «Дорогая Любовь Яковлевна! Разрешите мне хотя бы в двух словах выразить Вам свое искреннее сочувствие ко всему, что Вы пишете теперь в „Русской мысли“. Спасибо Вам за статью о Чехове и за статью об Ин. Анненском.⁷⁵ Это самое лучшее и правдивое, что мне случалось читать о них» (ф. 89, № 19780).

⁷³ Речь идет о повести П. С. Романова «Писатель», напечатанной в «Русской мысли» (1915, № 8—9).

⁷⁴ Эти стихотворения не были опубликованы в журнале.

⁷⁵ Имеются в виду статьи Гуревич «Посмертный лик Чехова» (Русская мысль, 1910, № 2, отд. II, с. 115—137) и «Памяти И. Ф. Анненского» (там же, № 1, отд. II, с. 163—166).

Гуревич неоднократно приходилось выполнять печальный долг: писать некрологи скончавшихся писателей. Она поместила в «Русской мысли» (1911, № 8) проникновенный очерк о М. Н. Альбове, с которым ее связывали годы совместной работы в «Северном вестнике». Оттиск этого очерка с сопроводительным письмом она направила К. С. Баранцевичу, близкому другу и литературному соратнику Альбова, который ответил ей 10 сентября 1911 г.:

«Глубокоуважаемая Любовь Яковлевна.

Я только что вернулся в Петербург и прочел Ваше письмо и очерк о Михаиле Ниловиче. Как правдив, каким искренним, теплым чувством согрет Ваш превосходный этюд об этом, действительно крупно талантливом человеке, к несчастью вынувшем в лотерею жизни нехороший, не выигрышный номер.

К сожалению, вот уже более трех лет я переживаю лично тяжелый недуг томления духа и неспособен надлежащим образом оценить высокие достоинства Вашего этюда об Альбове, но и я их чувствую, и меня радует то обстоятельство, что женщина сумела тоньше и глубже, нежели все наши прославленные критики, понять и оценить перазгаданного и по виду малоинтересного писателя. Впрочем, эта женщина — Вы, Любовь Яковлевна Гуревич, автобиографию которой я выделил из всей книги „Первые литературные шаги“ в одной из своих анонимных рецензий.

Могила М. Н. Альбова находится на Литераторских мостках Волкова кладбища, сейчас за могилой Глеба Успенского. Искренне уважающий Вас. К. Баранцевич» (ф. 89, № 19802).

Начинающий в ту пору В. М. Жирмунский в свою очередь писал Гуревич 20 апреля 1914 г.: «Я только что прочел Вашу статью о немецком романтизме,⁷⁶ и мне хочется написать Вам несколько слов, чтобы от души поблагодарить Вас за эту статью. Мне именно этого хотелось всего больше — ответ от символиста, из личного, из пережитого, что именно так слагалась жизнь в наши дни, как я предчувствовал это, читая книжки поэтов-символистов и гадая о прошлом, о романтизме, по аналогиям прошлого. Вы как раз подошли к самому главному, что мне хотелось отыскать в романтизме, как моем и близком мне, к той вере, которая нашла в себе воплощение в различных формах мировоззрения, и я теперь имею уверенность, что мысль моя соответствует правде истории и пережитого. Я обязан Вам и лично большой благодарностью, потому что мне кажется, что такая статья покажет всякому читателю самую интимную, самую важную и единственную спорную, т. е. достойную интереса, обсуждения или спора, сторону моей работы.

⁷⁶ Речь идет о развернутой рецензии Гуревич «Немецкий романтизм и символизм нашего времени» (Русская мысль, 1914, № 4, отд. II, с. 102—110) на книгу В. М. Жирмунского «Немецкий романтизм и современная мистика» (СПб., 1914).

Я думаю теперь писать вторую часть моего „Романтизма“,⁷⁷ главным образом историю превращения живого, личного чувства романтиков в способ жизни, в культуру, сперва художественную, а потом и жизненную» (ф. 89, № 19910).

Интересны также письма, отражающие взаимоотношения Гуревич с критиками. Одновременно с нею в печати столь же успешно выступала Е. А. Колтоновская, автор книг «Новая жизнь» (СПб., 1910) и «Критические этюды» (СПб., 1912). 14 января 1913 г. она писала Гуревич: «... всегда я чувствую, что, несмотря на различие нашего содержания и литературной зрелости, у нас есть одна важная общая черта: одинаковая настоящая любовь к литературе» (ф. 89, № 19945). В другом, недатированном письме Колтоновская, посылая свою книгу (по-видимому, «Критические этюды»), просит откликнуться на нее в печати:

«Ни к кому другому я не могла бы обратиться с такой просьбой, но я уверена, что Вы моего обращения не истолкуете в дурную сторону, а поймете так, как надо. Я как-то говорила Вам, что задыхаюсь от литературного одиночества и отчужденности. Теперь, с выходом книги, это чувство еще обострилось <...> Я предназначаю свою книгу для широкого читателя, того самого, что, к ужасу Чуковского, зачитывается Вербицкой. Этот читатель, конечно, элементарен по своим художественным вкусам, но он чуток во многих отношениях и инстинктивно ищет света, ищет нового... На читателей и писателей столичной сверхинтеллигенции я почти не рассчитываю. Но Вы, мне кажется, представляете исключение, соединяя в себе сверхинтеллигента и обывателя, высшую культурность и непосредственность. Я знаю Вашу искренность и доброжелательство (литературные) ко всем и потому не стыжусь просить у Вас отклика. Я не боюсь Вашей критики и хочу ее и в том случае, если Вы не разделяете моих взглядов и чувств».

В архиве представлено также некоторое количество рукописей, присланных авторами в «Русскую мысль», «Русскую молву» и другие издания, где сотрудничала Гуревич. К ним относятся стихотворения: А. А. Блока «Не жди последнего ответа...» (ф. 89, № 20190); В. Бородаевского «Мой хранитель в орлянку играл...», «Порвался мертвый полог забытья...» и др. (№ 20191); Ю. Н. Верховского «А. А. Блоку в деревню», «Гений прошлого» и др. (№ 20194); С. Л. Рафаловича; «Расколотое зеркало. Анне Ахматовой» (№ 20201); А. Д. Топольского «Бронзовый Христос», «Мечты моей причуды и капризы...» (посвящено Л. Я. Гуревич), «Глиняные птицы» и др. (№ 20204); Н. Л. Шапира «Диптих», «Над коллекцией гравюр», «Октябрь в городе» и др. (№ 20208). Кроме того, здесь же хранятся: рассказ Н. Бромлей «Записки че-

⁷⁷ Имеется в виду книга: Жирмунский В. М. Религиозное отречение в истории романтизма. Материалы для характеристики Клеменса Брентано и гейдельбергских романтиков. М., 1919.

столбца» (№ 20192); произведения Н. Л. Шапира для детей — «Без денег», «Далекая страна», «Зоологический сад», «Сказка о вертуне-зеркальце», «Чудо-гора» и др. (№ 20208); рецензии Б. М. Эйхенбаума на сборник стихов С. М. Городецкого «Ива» (СПб., 1913) и на роман Н. А. Крашенинникова «Сказка любви» (М., 1913) (№ 20209).

В числе корреспондентов Гуревич в 1900—1910 гг. были и лица, не связанные с ней непосредственно редакционными отношениями. Среди них: И. Я. Гинцбург (1912), Э. Д. Гримм (1914), А. Г. Достоевская (1910), Вяч. И. Иванов (1906), В. Г. Короленко (1913),⁷⁸ Н. П. Морозов 2 (1913), С. В. Панина 3 (1914—1918) и др.

4

Со второй половины 1900-х годов Л. Я. Гуревич начинает активно выступать в печати как театровед и театральный критик. Она была в дружественных отношениях с руководителями и артистами Московского Художественного театра. С этой стороной творческой деятельности Гуревич связаны письма к ней: А. Н. Бенуа 3 (1910—1911), В. М. Волькенштейна (б. д.), А. Г. Горнфельда 2 (1911), В. Я. Муринова (1910), К. Ф. Некрасова 7 (1911—1915) и др. Авторы этих писем сообщают Гуревич о театральных новостях, обращаются с предложениями написать статью о нашумевшей постановке либо дать творческий портрет артиста и т. д.

Интересно письмо книгоиздателя К. Ф. Некрасова от 7 мая 1911 г., в котором он предлагает Гуревич написать биографию К. С. Станиславского: «Расскажу Вам, чего я хочу. Задумав издавать биографии современников, я исходил из той мысли, что ошибочно откладывать на долгое время оценку выдающихся людей, как это делается обычно. Правда, трудно дать биографию человека при жизни, будут неизбежные ошибки, многого не придется касаться совсем, но все же большая заслуга дать возможность нашей публике оценить и поглубже взглянуться в тех людей, которые так или иначе выдались среди нас и из нас. Я беседовал со многими, и все находили мою мысль правильной, но трудной и ответственной <...>

О содержании, кажется, нечего говорить. Хочется, чтобы это был живой яркий очерк жизни и характера; в частности о Станиславском — конечно, нужна оценка его как артиста, режиссера и руководителя <Художественного> театра <...> К нашей книжке необходимо будет приложить список источников, которыми Вы пользовались; это нужно для будущих биографов» (ф. 89, № 20019).⁷⁹

⁷⁸ Письмо В. Г. Короленко к Гуревич от 25 июля 1913 г. опубликовано И. Г. Ямпольским, см.: Вечерний Киев, 1928, 28 июня; перепечатано: Вопросы литературы, 1973, № 6, с. 312—314.

⁷⁹ Этот замысел Гуревич удалось осуществить много лет спустя, см.: Гуревич Л. Я. К. С. Станиславский. Под ред. П. С. Когана. М., 1929.

Архив Гуревич включает также материалы: запись рукой Гуревич юбилейной речи В. Г. Короленко 14 мая 1903 г. на собрании, посвященном 50-летию со дня его рождения (ф. 89, № 20199); недатированные воспоминания Гуревич о встрече с И. А. Гончаровым в доме А. Ф. Кони 14 мая 1883 г. (№ 20196); запись «рассказа» И. П. Чехова, брата писателя (после 1904 г.), содержащая отрывочные биографические сведения об А. П. Чехове (№ 20206); оттиск анонимной рецензии на книгу Гуревич «Литература и эстетика» из журнала «Русское богатство» (1912, № 9, с. 212—213) (№ 20266);⁸⁰ тетрадь с наклеенными вырезками стихотворений С. Парнок (частично с авторской правкой) из различных журналов за 1908—1911 гг. (№ 20200); письма И. И. Горбунова-Посадова от 2 и 3 августа 1893 г. к Л. Н. Толстому (№ 19878).

Помимо материалов, имеющих непосредственное отношение к Л. Я. Гуревич, в фонде представлены документы ее отца — педагога Я. Г. Гуревича. К ним относятся: 20 писем Я. Г. Гуревича к родственникам за 1862—1887 гг. (ф. 89, № 20238); его личное дело в гимназии и реальном училище 1883—1906 гг. (№ 20239); листки из его записной книжки за 1893 г. (№ 20236); адреса, поднесенные ему в день 25-летия педагогической и общественной деятельности в 1893 г. (№ 20230); черновики автобиографии (№ 20234); «Альбом памяти Я. Г. Гуревича» (1906 г.), выполненный его учеником М. Бабенчиковым (№ 20228); в альбом вклеены газетные и журнальные вырезки с некрологами Я. Г. Гуревича, траурные фотографии, портреты сотрудников журнала «Русская школа» и т. д.

⁸⁰ Как установлено М. Д. Эльзоном, автором этой рецензии был А. Г. Горнфельд (Литературное наследство, т. 87. М., 1977, с. 39).

И. Г. Ямпольский

ИЗ АРХИВА А. Н. МАЙКОВА

1. ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ НАБРОСОК ЛИРИЧЕСКОЙ ДРАМЫ «ТРИ СМЕРТИ»

Замысел большого произведения на тему о столкновении двух миров, двух мировоззрений, двух нравственных философий — язычества и христианства проходит через всю жизнь и поэтическое творчество А. Н. Майкова. Еще в сборнике стихотворений 1842 г. было напечатано его юношеское произведение «Олинф и Эсфирь» — «римские сцены времен пятого века христианства». Следующие этапы — лирическая драма «Три смерти», вторая ее часть «Смерть Люция» и наконец две существенно отличающиеся одна от другой редакции трагедии «Два мира». История этого замысла заслуживает специального исследования. Обильный материал для него (рукописи и переписка) сохранился в архиве Майкова.

По цензурным причинам «Три смерти» впервые появились только в 1857 г. в журнале «Библиотека для чтения» (№ 10), но написаны они значительно раньше. Сам Майков датировал драму 1852 г.; однако уже осенью 1851 г. он читал ее своим знакомым.

Майков работал над «Тремя смертями» много лет. «Уединясь наконец от всего тогдашнего движения литературы, которое погубило таким образом у меня несколько трудов — „2 судьбы“, „Машенька“ и пр., я занялся моими мрачными „Тремя смертями“, — писал поэт М. П. Заблочному в 1855 г.¹ Следовательно, работу над драмой он относил к концу 1840-х — началу 1850-х годов. По-видимому, речь идет здесь о годах, когда он вплотную взялся за «Три смерти». В другом месте — через много лет — Майков отметил, что он обратился к драме после своего возвра-

¹ Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1975 год Л., 1977, с. 84.

щения из первой заграничной поездки. Он писал Я. К. Гроту: «По возвращении домой стал я писать: явились „Очерки Рима“, рассказы в прозе и пр. и уже стали мелькать впереди „Три смерти“» (ф. 168, № 16503, л. 2).

Однако в архиве поэта (ф. 168, № 16474, л. 2 об.—5 об.) сохранился публикуемый ниже первоначальный набросок «Трех смертей», который датирован июнем 1842 г., т. е. временем еще до отъезда за границу. Так что замысел начал «мелькать впереди» намного раньше. Этот набросок не имеет заглавия,² но в нем отчетливо просвечивают будущие «Три смерти». Вводная ремарка передает сущность сюжета и конфликта, а главные действующие лица — те же: Сенека, Лукан и Люций. Это, конечно, еще совсем не пьеса; она совершенно статична. Намечены лишь основные характеры с их разным отношением к жизни и смерти. Лишь небольшая часть публикуемого наброска вошла в известную нам окончательную, печатную редакцию «Трех смертей». В шестой строке первого монолога Сенеки исправляем опisku «частый» на «чистый» (так и в окончательном тексте).³

Публикуем этот набросок.

В заговоре Пизона участвовали между прочим философ Сенека и поэт Лукан, и в числе прочих им велено умереть. Выбор смерти предоставлен на волю каждого. Здесь к ним присоединено еще одно лицо — мое любимое везде, эпиграфеец Люций. Перед смертью они сошлись и толкуют о том, что им предстоит:

Сенека

Не бойся смерти, милый друг,
А верь Платона изреченью, —
Что это миг перерожденья,
А не болезненный недуг.
Ни свежесть розовой авроры,
Ни лилий чистый фимиам,
Ни дир торжественные хоры
Пифагорейским мудрецам,
Ни первое в любви признание,
Ни благовонное лобзание
В уста избранницы твоей
Не пробежит в душе острей,
Как взгляд на тайны мирозданья,
Как этот дивный перелом,
Как это первое сознание,
Что дух твой — равен с божеством.

Люций

Но все нам жаль приманок плена,
Мы слабы так, что он нам мил;
Один питомец Диогена
В дачуге ветхой нищим жил;
Одетый рубищем раздранном,
Босой, с клюкой: пужда кругом, —

² Сверху позднейшая карандашная помета: «Три смерти».

³ Библиотека для чтения, 1857, № 10, с. 199.

Но только случаем нежданном
Он где-то избран был царем —
Корону, пурпур одевая
И тряпки ветхие слагая,
Об них вздохнул он тяжело
И пожалел удел убогий,
Сказав: «Ведь было же тепло
Под сей циническою тогой».
Не так же ль, внидя в мир иной,
В пространстве вечном без предела,
Все жаль нам суетного тела,
Сей ризы ветхой и гнилой?
Когда последний час настанет,
Его не должно обойти,
Наш дух в иную жизнь воспрянет,
А тело бросит по пути. —
Итак, его отпустим честно,
С хвалой, как старого слугу:
В последний день, на берегу
Широких волн, в сени древесной
Мне смертный одр сооруди;
Пусть звуки лиры и тимпанов,
Сливаясь с говором фонтанов,
Ко мне летят; и ты прийди,
И ты, прелестная Наина,
В венке из лилий и ясмина —
Своею нежною рукой
Приподыми меня, да с миром
Упысь волшебной красотой
Земли и моря, и эфиром,
И солнцем пышным, и тобой.
Тогда, полн жизни до избытка,
Коснусь я смертного напитка;
Без слез, с улыбкою даруй
Мне свой прощальный поцелуй,
И я усну, шутя, чуть слышно,
Как оный мудрый сибарит,
Который за трапезой пышной
Меж яств душистых мирно спит.

С е н е к а

О нет, далеко клик веселый
И мирты пирные с чела;
Вся жизнь моя досель была
Нравоучительною школой,
И смерть есть новый в ней урок,
Есть буква новая средь вечной
И давной азбуки, залог
Науки высшей, бесконечной!..
В нас суший дух свободней птицы,
И лишь на время заточен
В сии телесные темницы;
Но их разбить свободен он!
Повсюду выход указала
Из них нам мудрая рука —
Там злаки ядом напитала,
Сокрыла аспид у цветка,
И нож убийце указала,
Воздвигла пламенный костер,
На дне морей, на ребрах гор —

Сокрыла темные могилы, —
И это благо — и его
Здесь не отнять ни у кого.
В последний час открывши жпылы,
Хочу я медленно следовать,
Как перестанет тело жить,
Как дух мой — раб освобожденный —
В пределы вечности вспорхнет
И бестелесный и священный
Восторг свободы обоймет.

Л у к а н

Друзья, легко вам мир оставить;
Ты им пресыщен, утомлен,
Тебя, как круг развратных жен,
Не может боле он забавить,
А ты, мудрец, его презрел.
Но я рожден для грома славы,
Я в нем, как лебедь величавый,
Перед грозой небесной пел.
Друзья, я жизни бы хотел,
Но в мире жить — не бедным прахом,
Хочу я властвовать — не страхом,
Хочу я царствовать — стихом;
Владеть покорными душами,
Их злобой, радостью, слезами,
Их волей двигать и умом.
Мой стих в душе у них пробудит
Любовь добра, любовь искусств,
Пусть стих мной чувствованный будет
Законодателем их чувств;
Пускай избраннице прекрасной
Любовник страсть изобразит
Моим стихом; как голубь ясный,
Молитва девы излетит
В стихе моем... О боги, боги,
Вы обнажили предо мной
Виденья древности седой
И олимпийские чертоги,
Затем чтоб стих громовый мой
Их смертным был провозвещатель...
Теперь... стою я, как ваятель
В своей великой мастерской;
Передо мной, как исполины,
Недовершенные мечты,
Как мрамор, ждут еще единой
Для жизни творческой черты.
Простите ж, пышные мечтанья,
Осуществить я вас не мог...
О, умираю я, как бог,
Еще не кончив мирозданья.

2. К ТЕКСТУ ПОЭМЫ «МАШЕНЬКА»

Поэма «Машенька», в которой отразились кратковременные связи А. Н. Майкова с идейными и эстетическими тенденциями натуральной школы, впервые появилась в 1846 г. в «Петербург-

ском сборнике» Н. А. Некрасова. Она была напечатана с большим количеством цензурных купюр, обозначенных отточиями. Поэт никогда не перепечатывал ее, и в таком виде «Машенька» вошла в посмертное собрание сочинений.

Лишь в 1950 г. В. Е. Евгеньев-Максимов восстановил по автографу Пушкинского Дома (ф. 168, № 16519) некоторые из этих купюр в своей монографии «Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова», в главе, посвященной «Петербуржскому сборнику».⁴ Другие купюры восстановлены Н. Л. Степановым в томике «Избранных произведений» Майкова, вышедшем в «малой серии» «Библиотеки поэта» в 1957 г.

Однако и после этого оставались неизвестными еще несколько исключенных цензурю мест.

И тут на помощь приходит печатный текст «Машеньки» (страницы из «Петербуржского сборника»), также находящийся в Рукописном отделе Пушкинского Дома (р. I, оп. 17, № 6). На нем дарственная надпись: «Победоносцеву от автора». Кто этот Победоносцев — известный впоследствии обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев, который был на шесть лет моложе Майкова и в 1846 г. окончил Училище правоведения, или какой-нибудь его однофамилец — неясно; очевидно, близкий Майкову в молодости человек, поскольку он не написал даже его имени и отчества. Отмечу, что в архиве Майкова сохранились письма к нему К. П. Победоносцева 1880—1890-х годов (ф. 168, № 16898 и 17095). В одном из них, от 21 апреля 1888 г., поздравляя Майкова с пятидесятилетием его литературной деятельности, Победоносцев пишет, что был «усердным искателем и читателем» его стихов «с первого их начала, когда <...> сидел еще на школьной скамье».

«Машенька» Майкова сплетена вместе с «Стихотворениями А. Фета» (М., 1850), «Стихотворениями Эдуарда Губера» (СПб., 1845), «Грезами» Майкова (отгиск из альманаха «Вчера и сегодня» (кн. 2. СПб., 1846), где они впервые появились; на первой странице карандашная надпись: «От автора. 14 мая 1846») и его поэмой «Две судьбы» (СПб., 1845), где Майков устранил ряд цензурных искажений.⁵ При переплетении экземпляра «Машеньки» пострадал — часть вставленного на полях текста была обрезана.

В тексте «Машеньки» много вставок и исправлений Майкова. Вероятно, поэма подарена тотчас же или вскоре после выхода сборника. Через несколько лет Майков отрекся от «Машеньки» и не стал бы дарить ее. Во всяком случае перед нами последнее обращение поэта к тексту поэмы. Вставки Майкова в ряде мест

⁴ Евгеньев-Максимов В. Е. Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова. т. 2. М.—Л., 1950, с. 37—38.

⁵ О цензурных купюрах в поэме «Две судьбы» см. мою заметку в кн.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 год. Л., 1976, с. 28—33.

совпадают с текстом автографа и, таким образом, подтверждают то, что закреплено в издании «Библиотеки поэта». Но и этот экземпляр не дает возможности полностью установить окончательный текст поэмы. По-видимому, Майков вносил исправления по памяти. О том, что у него не было под руками рукописи, свидетельствует хотя бы тот факт, что две строки отточий в девятой главе остались незаполненными.

Но обратимся к вставкам и исправлениям Майкова, оставляя в стороне то, что совпадает с уже известным. Поскольку в поэме нет упорядоченного строфического членения, разделы внутри глав условно называются нами «отрывками».

Глава первая, отрывок 1-й. В строке «Да дом имел; итак, квартира даром» (об отце Машеньки, чиновнике) слова «итак, квартира» зачеркнуты, а вместо них вписано «дочь в пансионе». В автографе тоже читается «дочь в пансионе». Каково происхождение печатной строки, неизвестно, но она отменена этим исправлением. Возможно, впрочем, что и слова «дочь в пансионе», как и дальнейшее упоминание о пансионе, — это уже результат автоцензуры. В автографе имеется более ранний вариант: «дочь в институте»; однако женские институты находились в ведении «Ведомства учреждений императрицы Марии Федоровны», и потому ко всякого рода упоминаниям о них цензура была особенно чувствительна, даже в более поздние годы.⁶

Глава третья, отрывок 5-й. Здесь описаны знакомство Машеньки с Клавдием и их первый разговор. Клавдий просит впустить его в сад.

— Ах, что вы? Что вы? Боже мой, уйдите!
Я закричу. — Уйду-с...

В печатном тексте за этим следовали полторы строки точек. В издании «Библиотеки поэта» восстановлено по автографу:

Так вы цветок⁷
Уж ни за что сорвать мне не дадите?

Но Майков вписал в печатный текст другое:

[Так] Из-за цветка
Уж вы поднять историю хотите?

Зачеркнутое «Так» указывает на то, что поэт не ошибся, а отверг вариант автографа.

Глава пятая, отрывок 4-й. Это разговор двух офицеров, предшествующий увозу Машеньки от отца. Один из них —

⁶ См. воспоминания известного педагога и редактора педагогических журналов А. А. Чумикова «Моя цензурные мытарства» (Русская старина, 1890, № 12, с. 588, 590).

⁷ Взят явно недоработанный вариант: слово «цветок» осталось без рифмы.

ее соблазнитель Клавдий, другой — его приятель Гвоздарев. Они беседуют о женщинах. Клавдий говорит между прочим:

Нет, женщин я люблю, да вот таких,
Как кто-то написал стихи про них:
«Блажен кто мог, о дева ночи...».

Последняя строка осталась без рифмы. Майков зачеркнул ее и заменил двумя другими, рифмующимися. Начала этих строк обрезаны и восстанавливаются по списку запрещенных цензурой мест «Машеньки», сделанному двоюродным братом поэта славистом А. А. Майковым (ГПБ, ф. 452, оп. 1, № 395):

Милей мне жрица наслаждений
Со всею тайной упоений...

Далее в разговоре двух офицеров речь идет о стихах, которые способствуют успеху у женщин:

...Смотришь и склонилась
Головкой, и тает, как в огне;
А я себе реку, как жрец искусства:
«Ты рождена воспламенять...»⁸
Фу, черт!
Соперник тут — капут и à la porte!⁹

Вслед за этим идет строка точек, указывающая на пропуск. Майков вписал ряд строк в два столбца:

Да, вот стихи: «Ск»ажи, какое чувство	Самой себе сопротивленью
«Сравнит»ся может с торжеством	И прелесть трудного паденья.
«Над» ниспровергнутым врагом?	Люблю дразнить я сердце в ней,
«Перед» тобой твой враг — невинность,	Навесть на душу сон глубокой.

Не все вписанное поэтом дошло до нас. Обрезаны части слов на левом поле и несколько строк в нижней части страницы. Однако мы можем восстановить их благодаря сохранившимся черновым наброскам. Вот они (ф. 168, № 17530, л. 3):

...—Скажи, какое чувство
Сравниться может с торжеством
Над ниспровергнутым врагом?
Перед тобой твой враг — невинность,
Стыд, добродетель и закон!
Друзья — природа, кровь и сон
И места нега и пустыньность.
Нам в женщине всего милей
Самой себе сопротивленью
И прелесть трудного паденья;
Люблю дразнить я сердце в ней,
Навесть на душу сон глубокой,
В ней разум чувством подавлять
И к упоению порока
В ней тихо душу приучать.

⁸ «Ты рождена воспламенять» — первая строка стихотворения Пушкина «Гречанке».

⁹ за дверь! (франц.).

В черновике все это зачеркнуто. В строках, которые обрваны, могли быть, конечно, какие-нибудь разночтения. Однако в упомянутом выше списке запрещенных цензурой мест, сделанном А. А. Майковым, мы находим то же самое. И все же нет полной уверенности, что эти строки должны быть вставлены в окончательный текст поэмы.

Ближе к концу того же отрывка, после строк:

- Нет, что! уж обещал.
- Чего ж ты трусишь?
- Да, как заплачет, так язык прикусишь.
- Смотри, мелькнуло что-то там в саду.
- Ну, жди меня, я тотчас с ней прийду.
- Ступай, ступай! Уж эти мне интрижки! —

в печатном тексте следуют две строки точек. Майков вписал:

Как не побьют их, право, никогда!
Как будто делом заняты мальчишки.

Глава шестая, отрывок 4-й. Клавдий утешает Машеньку:

... Священник не венчал
И не хотел венчать без позволенья
Родителей, но после обещал.

В печатном тексте после этого следует строка точек. В издании «Библиотеки поэта» восстановлено по автографу: «Поехать завтра же к архиерею». Майков вписал в печатный текст: «Поеду, говорит, к архиерею». Естественно возникает вопрос: что это — исправление или ошибка памяти?

Глава седьмая, отрывок 6-й. Сослуживцы-чиновники уговаривают убитого горем отца Машеньки развлечься, пойти в трактир или еще куда-нибудь:

Вот то-то, все сидит, да дома тужит!

Затем следуют две строки точек. В. Е. Евгешев-Максимов восстановил их по автографу:

Что б, например, к обедне вам сходить?
Отец Иван обедню важно служит.

Майков вписал иной вариант последней строки:

Отец Андрей так трогательно служит!

Возможно, что поэту показалось неудачным повторением: «к обедне», «обедню».

Глава восьмая, отрывок 1-й. Здесь описано начало весны, весеннее оживление в Петербурге. Затем речь идет о скептике («жертве местного недуга»), который замечает, что хотя, «пожалуй, и весна, а все гляди, уж потянет вьюга». В конце этого отрывка Петербург иронически сопоставляется с Парижем:

Точь-в-точь Париж: кофейни, лавки, клубы,
Трактиры, моды, книги, шляпы, шубы,
Журнальных даже множество контор —

и вслед за умышленно оставленным тире идут две строки точек.
Майков вписал:

А скептики еще толкуют злые
С сомнением — в Европе ли Россия?¹⁰

Глава восьмая, отрывок 2-й. В этом отрывке, являющемся непосредственным продолжением предыдущего, описан разговор гуляющих на Невском проспекте «двух барынь», которых сопровождает лакей, и «барина с бородой». На вопрос, доволен ли он северной столицей, «барин» отвечает, что, вернувшись из-за границы, поневоле играешь «роль Чацкого». Касаюсь своих наблюдений над жизнью разных народов, он замечает:

Там юг, здесь север с скукой и хандрой;
Куда ни взглянешь — вид полубольной
И мутные глаза без выраженья.

После этого в печатном тексте следовало восемь строк точек. Они были заполнены В. Е. Евгеньевым-Максимовым на основании автографа и уточнены Н. Л. Степановым:

Как будто все прошедшее легло
Свинцом на плечи, рабством на чело
И ни к какой надежде нету рвения!
Вы скажете — героем смотрит тот —
Но где же гордость, мысль — душа геройства?
Всмотритесь лучше — этот весь народ
Есть юпоша, убитый от забот
И поседевший в ночь от беспокойства
Идиотизм на лицах, в сердце лед,
Животной жизни сон и апатия —
И вот она — вот матушка Россия!..

Майков вписал эти строки в несколько иной редакции. Он зачеркнул полторы строки (от «Там юг» до «взглянешь»), вписал другие строки и образовалось следующее четверостишие:

А здесь взгляните — вид полубольной
И мутные глаза без выраженья —
Рабы, рабы!.. Теперь гулять весной
Все будто бы идут из принужденья!

Дальше идут те же пять строк, что и в автографе («Вы скажете...» и т. д.), а конец несколько изменен:

Безличье, в душе холодной лед,
Животной жизни сон и апатия —
И вот чем вас приветствует Россия.

Текстологу предстоит определить — имеем ли мы дело с заменой или с равноправным вариантом.

Таким образом, экземпляр «Машеньки», о котором идет речь, содержит ряд новых строк поэмы. Одни из них прямо воспол-

¹⁰ В автографе имеется набросок этих строк:

А скептики еще злые
Колеблются Европа ли Россия?

няют цензурные купюры, другие представляют собою варианты, часть которых после тщательного анализа, вероятно, тоже войдет в окончательный текст.

3. «ОЧЕРКИ РИМА»

Первый сборник А. Н. Майкова (Стихотворения Аполлона Майкова. СПб., 1842) был весьма сочувственно встречен журнальной критикой. На фоне вычурности и риторики, получивших немалое распространение в русской поэзии конца 1830-х—начала 1840-х годов, он воспринимался как нечто свежее и отрадное. О «прекрасном даровании молодого поэта», проявившемся в его антологической лирике, с величайшей похвалой отозвался В. Г. Белинский, посвятивший сборнику специальную статью.

Подчеркивая искренность, простоту, скромность, целомудрие лирики Майкова, Белинский вместе с тем высказывал надежду «на будущее его развитие», в частности на то, что поэт увидит в античном мире не только «гармоничное единство с природою, проникнутое разумностию и изяществом», но и «трагический элемент». «Придет время, — писал далее Белинский, — и, может быть, в духе поэта совершится движение: прекрасная природа не будет более заслонята от его глаз явлений высшего мира — мира нравственного, мира судеб человека, народов и человечества».¹¹ До сих пор стихотворения Майкова, выходящие за пределы антологических мотивов, были, по его мнению, за редкими исключениями очень неудачны; в них поэт утрачивал все сильные стороны своего таланта. Через год, в статье «Русская литература в 1842 году», повторив свою высокую оценку антологических стихотворений Майкова («не только не уступают в достоинстве антологическим стихотворениям Пушкина, но еще едва ли и не превосходят их»), Белинский выразил желание прочитать произведения, «которые обнаружили бы в нем столь же примечательного и столь же многообещающего в будущем *современного поэта, сколько и антологического*».¹²

В 1842—1844 гг. Майков прожил около двух лет за границей, главным образом в Италии, и новые впечатления натолкнули его на новые художественные поиски. Из переписки Майкова этих лет, сохранившейся, к сожалению, далеко не полностью, видно, что он и сам остро почувствовал необходимость искать новые пути. «Вы меня спрашиваете — не пишу ли я чего, и вообще что делаю? — делился он с родными и друзьями своими мыслями и переживаниями 14 (26) декабря 1842 г. — Пишу мало; выдумываю много, но все эти вымыслы исчезают в голове моей, как сны, и об них остается только воспоминание, как после

¹¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. 6. М., 1955, с. 9, 17, 21.

¹² Там же, с. 530—531.

сна или после прочтенной книги. Отчего же это? Оттого-с, что теперь уже не довольствуешься одними картинами греко-фламандской школы, а хочется заглянуть в человека поглубже, на сей конец рассудить обо многом и узнать еще более» (ф. 168, № 16994, л. 15 об.).

Отвечая на это письмо, мать поэта, Е. П. Майкова, тоже писательница (поэтесса и прозаик), настоятельно советовала ему: «Пиши, ради бога, что-нибудь такое, где говорят чувства, антологического довольно, на этом поприще ты уже отличился, теперь требуют чувств, мыслей, облеченных в твой прекрасный стих» (ф. 168, № 17374, л. 31). Немного позже, 1 февраля 1843 г., приятель Майкова М. П. Заблоцкий-Десятовский писал ему: «Что касается до антологических твоих песней, то ты уже знаешь <...> мнение, имеющееся в Петербурге, принятое избраннейшими: они так же прекрасны, как и первые, но не производят уже такого эффекта; это значит: нам, людям, надобно жизни, а жизни в них нет. Некоторые при рассуждении о тебе приводят в пример Пушкина и других великих талантов, говоря, что первые песни их взяты уже были из жизни, они не начинали своего поприща антологиею, областью, так далекою от современных интересов и скорбей; может быть, это мнение имеет свое основание; но во всяком случае важно то, что ты не исчезаешь из памяти публики, о тебе говорят и рассуждают» (ф. 168, № 16797, л. 9).

Все это отголоски разговоров, которые велись в кружке Майковых, и, вероятно, не только после, но и до отъезда поэта за границу.

Одним из результатов поэтических исканий Майкова этих лет является цикл «Очерки Рима». Он был опубликован значительно позже, в начале 1847 г., в журнале «Отечественные записки» (№ 1, дата цензурного разрешения — 31 декабря 1846 г.). Одновременно с того же набора цикл был напечатан и отдельным изданием (цензурное разрешение — 10 декабря 1846 г.).

«Очерки Рима» представляют собой существенный этап в поэзии Майкова. Здесь значительно расширяется по сравнению с антологической лирикой круг тем. Более решительно вторгается в стихотворения Майкова история; явственнее звучат социальные мотивы. Свободнее, разнообразнее становятся лексика и интонационная система. Наряду со спокойным, уравновешенным элегическим стихом появляются как приподнятые, ораторские, так и лирические эмоциональные интонации; иногда они смеются друг друга в одном стихотворении.

Через неделю после приезда в Рим, 6 ноября (н. ст.) 1842 г., объясняя, почему он не написал сразу, Майков сообщил своим родным и друзьям: «Я хотел прежде обежать Рим и потом сказать вам, удовлетворил ли он мои ожидания. В Риме я хотел видеть две вещи — развалины древнего мира, покрытые плющом и диким злаком, и развалины католицизма, облеченного во всю

роскошь прежнего его величия, обратившегося ныне в одни внешние формы. Я искал и нашел обе эти развалины, каждые носящие печать своего особенного, оригинального величия <...> Из Чивиты-Векки по самым диким пустыням, черным, мрачным, перерезанным голыми хребтами гор и черными кустами мирта и кипарисов, мы вдруг подъехали к вечному граду. Мне кажется, что когда-то уже видел его и теперь смотрю на него как на что-то давно знакомое, с кем я давно уже сроднился. Вспомните все мои описания Рима, сделанные а priori;¹³ в них все угадано, все верно, ни одной краски вымышленной: те же мраморы, те же разрушенные громады; та же пустыня между авентинским, capitoлийским, целийским и другими холмами; те же мирты и плющи; те же *волы Этрурии рогагы*;¹⁴ то же нищенское население и полудикие красавицы — вот древность; те же красные кардиналы в золотых каретах, влекомых лошадьми, украшенными перьями, как вам случалось видеть на картинах Каналетти;¹⁵ те же громады Петра и Ватикана, которые я называю мавзолеем католицизма, под коим он постепенно дряхлеет, как некогда дряхлел древний Рим под сенью Капитолия; те же старухи, распростертые на полу церквей и со слезами молящиеся, а другой рукой просящие милостыню; те же процессии попов, одетых как черти в „Роберте“;¹⁶ монахов в верблюжьих одеждах, перепоясанных веревкою, босых — вот новый Рим! Да, в Риме — два Рима, и между тем и другим или страшная разница, или ближайшее сходство: пародируйте Ювенала, и он применится как нельзя лучше к настоящему веку Италии, который смело можно сравнить с последним веком древнего Рима, когда Италия как будто ждала новых свежих поколений, дабы заимствовать у них жизни и крепости. Вспомните при сем случае мое стихотворение „Италия“ — как оно верно! Первым моим делом было, по приезде в Рим, — побегать поклониться обоим Римам: древности я воздал хвалу в Пантеоне; готов был поставить тут алтарь Юпитеру capitoлийскому и отслужить ему молебен;¹⁷ новому отживающему Риму поклонился в его апофеозе — в церкви Петра <...> Итак, я говорю, что в Риме два Рима, и оба хороши, когда они стоят отдельно; столкновение их производит иногда омерзение, напр<имер> огромные развалины дворца Antonini Pii (помните, друзья: divo-

¹³ заранее, наперед (*лат.*).

¹⁴ Ср. строки из поэмы Майкова «Олинф и Эсфирь»: «Там хлеб Этрурии богатой В пыли влекут волы рогагы...».

¹⁵ Каналетти (настоящее имя и фамилия — Джованни-Антонио Канале, 1697—1768) — итальянский художник.

¹⁶ Имеется в виду опера Д. Мейербера «Роберт-Дьявол».

¹⁷ Вот какие у меня чувства при виде этих памятников: я вошел в Пантеон, долго любовался, пораженный его величием; потом мне захотелось от радости броситься на пол, кувыркаться, прыгать и плясать. (*Примеч. А. Н. Майкова*).

rum fratrorum¹⁸) обращены в таможеню, которая есть вертеп разбоя, подкупа, где лежат, сидят и мошенничают тысячи оборванных нищих, побирающихся около иностранцев: это главный их промысел. Куда бы вы ни приехали в Италии, вас окружит эта толпа и потащит все ваши вещи против вашей воли в таможеню и потом за перенос требует чуть ли не l'ерée à la main¹⁹ денег» (ф. 168, № 16994, л. 9).

Я привел длинный отрывок из неопубликованного письма, потому что он во многом перекликается с «Очерками Рима». Прежде всего, тема «двух Римов» — древнего и современного — является одной из основных, сквозных и в цикле Майкова. Их проявления не совсем те, что в письме, но самое противоставление то и дело ощущается в стихах. В жизни столкновение двух Римов подчас производило на Майкова отталкивающее впечатление, но оно же было иногда и источником поэтического вдохновения (см., например, стихотворение «Campragna di Roma»).

Как отмечено выше, усилилось социальное звучание стихотворений Майкова. И если в древнем Риме пороки и злодеяния как бы нейтрализуются его торжественным величием («Иные люди здесь, нам кажется, прошли И врезали свой след нетленный на земли» и т. д. — в «Древнем Риме»), то в тусклой современности Майков чувствует их с большей остротой, хотя и здесь не обходится подчас без известной эстетизации. Впрочем, в «Очерках Рима» имеет место и прямое сочувствие итальянскому национально-освободительному движению. Интересно в этом отношении стихотворение «Palazzo». Это сочувствие переплетается с некоторым скепсисом в стихотворении «Газета».

Есть в «Очерках Рима» и другой мотив: Россия и Италия, Россия и Рим.²⁰ Поэт не раз подчеркивает, что он пришелец из далекой страны и воспринимает новые впечатления как сын этой страны: «На дальнем севере моем Я этот вечер не забуду», «Скажи мне, ты любил на родине своей?», «Смуглянка милая, я из страны далекой». Этот мотив лежит в основе первоначально входившей в цикл «Последней элегии в Риме».²¹ Черновики свидетельствуют о том, что Майков тщательно обдумывал соответствующие строки. Так, стихотворение «В остерии» кончалось строками (ф. 168, № 17607, л. 14):

Ты родился здесь в долине —
Я ж пришел из дальних стран,

но в печатный текст они не попали. Напротив, в стихотворении «Fiogina» этот мотив первоначально отсутствовал и оно начи-

¹⁸ божественных братьев (лат.).

¹⁹ с ножом к горлу; буквально: с шпагой в руке (франц.).

²⁰ Напомним, что тема «Россия и Запад» занимает существенное место в написанной в это же время поэме «Две судьбы».

²¹ См.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 год. Л., 1976, с. 131—132.

налось строкой «Смуглянка милая, под этим миртом темным» (ф. 168, № 17607, л. 6), которая затем была переделана на «Смуглянка милая, я из страны далекой» (см. также ниже о стихотворениях «После посещения Ватиканского музея» и «Антики»).

В «Очерки Рима» вошли 27 стихотворений: «Camagna di Roma», «Ах, чудное небо, ей-богу, пад этим классическим Римом...», «Amogoso», «После посещения Ватиканского музея», «На дальнем севере моем...», «Нищий», «Скульптору», «Капуцин», «В остерии», «Fortunata», «Нимфа Эгерия», «Тиволи», «Анахорет», «Скажи мне, ты любил на родине своей...», «Художник», «Fiogina», «Двойник», «Lorenzo», «Все утро в поисках, в пещерах под землей...», «Газета», «Люблю в тебе веселье юных лет...», «Антики», «Игры», «Сию задумчиво с тобой паедине...», «Древний Рим», «Думал я, что небо...», «Palazzo».

В «Стихотворениях» Майкова, изданных в 1858 г. (кн. 1, с. 191—192), к циклу было прибавлено стихотворение «На пути» («Долин альпийских сып, хозяин мирный мой...»), которым он открывался и которое служило как бы введением. Одновременно из цикла были исключены стихотворения «Скульптору» и «Думал я, что небо...». Впоследствии (начиная с издания 1872 г.) были исключены также «Анахорет» и «Люблю в тебе веселье юных лет...». Зато в издании 1884 г. (т. 1, с. 194) было прибавлено датированное 1875 г. стихотворение «Имеют и свой век и жребий свой народы...».

Но и состав цикла в его первоначальном виде сформировался не сразу. Об этом говорят частично сохранившиеся рукописи. Среди них обращает на себя внимание план сборника «Очерки Рима», включавший стихотворения 1843—1844 гг. (ф. 168, № 17556, л. 24). Майков предполагал издать книгу значительно большего размера, чем та, что вышла под этим заглавием.

План этот следующий. Сверху страницы обозначены годы; 1843—1844. Затем идет раздел «Отрывки из дневника». В нем перечислены 24 стихотворения: 1, 2, 3, 4 — Элегии (они не названы, — *И. Я.*), 5 — [Колизей] Развалина (видимо, «Древний Рим», — *И. Я.*), 6 — В<оробье>ву, 7 — Капуцин, 8 — На дальнем севере <моем>, 9 — Б<ыл> темнолист<ый> мирт, 10 — Искусство, 11 — Серенада (т. е. «Amogoso», — *И. Я.*), 12 — Вдохновение, 13 — Янус (т. е. «Двулицый Янус», — *И. Я.*), 14 — Задумчиво склонясь (т. е. неизданное стихотворение «Лениво головой склоняясь к ее коленам...» — ф. 168, № 17607, л. 12 или «Сию задумчиво с тобой насдине...»; возможно, впрочем, что это разные редакции одного стихотворения, — *И. Я.*), 15 — Во мне сражаются <меня гнетут жестоко>, 16 — Н<имфа> Эгерия, 17 — Своих стихов листы <перебираю>, 18 — Лихая болезнь, 19 — В остерии, 20 — Остия (т. е. «Вчера, близ Остии, на берегу пустынном...», — *И. Я.*), 21 — Ват<иканский> музей (по-видимому, «Антики», — *И. Я.*),

22 — Гомеру, 23 — Римская» долина,²² 24 — Последняя элегия» в Риме».

Затем следует отдел «Разные стихотворения 1843 и 44 годов». В нем 15 стихотворений: «1 — Непришедшие гости (т. е. «Двойник», — И. Я.), 2 — Сен-Дени, 3 — На пути, 4 — Силуэт, 5 — Сатира,²³ 6 — Перв<ый> поцелуй, 7 — Элегия: Искусство чистое, опять, тебе покорный, 8 — Покоем юных дум, 9 — Бывают дивные созданья, 10 — Романс, 11 — Испытание, 12 — Бессонница, 13 — Для прозы правильной <годов я зрелых жду...>, 14 — Пусть гордится старый дед (т. е. «Анакреон», — И. Я.)». После этого приписано карандашом: «Аглае».

Когда план был составлен, возле «Отрывков из дневника» поставлена цифра 2, а возле «Разных стихотворений» — 3, что означает, надо думать, порядок разделов в проектируемом сборнике. В левой незаполненной части листа поставлено «1)», но какие стихотворения Майков предполагал поместить в первом разделе, осталось неизвестным.

Таким образом, из плана ясно, что заглавие «Очерки Рима» не соответствовало содержанию всего сборника и носило условный характер. «Римские» стихотворения составляли только раздел «Отрывки из дневника». Вспомним, кстати, что в 1845 г., публикуя в альманахе «Метеор» стихотворения «На дальнем севере моем...» и «Во мне сражаются, меня гнетут жестоко...», Майков озаглавил их: «Два отрывка из дневника в Риме». В том же году в «Отечественных записках» (№ 10) появилось стихотворение «Двулицый Янус» с подзаголовком «Отрывок из „Дневника в Риме“». «Отрывками из дневника в Риме» названы и два сохранившиеся в архиве неопубликованные стихотворения — «Лишь утро красное проглянет в небесах...» и «Уж месяц март. Весна пришла, так густ...» (ф. 168, № 17556, л. 2—2 об.). В раздел «Разные стихотворения» входили по преимуществу произведения, не связанные с Римом тематически и не являющиеся отражением римских впечатлений.

²² Автограф начала этого стихотворения, написанного октавами, см. ф. 168, № 17603, л. 4 об.:

РИМСКАЯ ДОЛИНА

1

Укромно приютясь среди руин,
Вот слеplen дом под сенью виноградной.
О смуглая жилица Апеннин,
Дай отдохнуть нам здесь в тени отрадной!
Дай глиняный этрусский свой кувшин,
Налитый влагой жгучей и прохладной.
Но что ж меня не веселит вино —
Скажи, не заколдовано ль оно? —

²³ Два автографа «Сатиры», начинающейся стихом «В соборе юных муз, гирляндами убранных», см. ф. 168, № 17603, л. 1—2, 12. Первый датирован 1844 г.

— Обратившись к разделу «Отрывки из дневника», без труда обнаружим, что в нем названы и стихотворения, не включенные впоследствии в цикл «Очерки Рима». Бóльшая их часть была отвергнута, вероятно, по соображениям художественного порядка. Некоторые («В—ву», «Вдохновение», «Своих листов стихи перебираю...», «Лихая болезнь», «Вчера, близ Остии, на берегу пустынном...», «Гомеру» и др.) так и не были напечатаны, но сохранились в архиве Майкова.

Сопоставление этого списка с сохранившимися автографами говорит о том, что он был составлен тогда, когда многие стихотворения цикла еще не были написаны. Кроме того, Майков не раз менял и состав цикла и расположение в нем стихотворений, что явствует из нумерации в списке и в автографах.

Менялись и заглавия стихотворений. «Amogoso» первоначально называлось «Серенада» (ф. 168, № 17556, л. 28), «Fortunata» — «Леонора» (№ 17556, л. 31 об.), «Двойник» — «Непришедшие гости» (№ 16474, л. 20); «Lorenzo», «Художник» и «Fiorina» вовсе не имели заглавий (№ 17556, л. 15—15 об.; № 17607, л. 6). Входивший в цикл «Двулицый Янус» был начат не пятистопным амфибрахийем, а пятистопным ямбом, с расположением рифм, несколько напоминающим терцины (см. набросок первых строф — № 16482, л. 35).

Список стихотворений 1843—1844 гг. дает основание для уточнения ряда дат. Так, в издании 1858 г. (кн. 1, с. 199, 244) «Amogoso» и «Древний Рим» датированы 1845 г. Та же дата стоит в автографах «Первого поцелуя» и «Элегии» («Искусство чистое, опять, тебе покорный...») (ф. 168, № 16474, л. 30—30 об.).

Даже беглое знакомство с автографами убеждает в том, что Майков много работал над текстом стихотворений. Иногда это относительно мелкая правка — уточнение, поиски более выразительного слова, замена эпитета, исправление стиха, чтобы достичь большего благозвучия; в других случаях, как увидим ниже, происходила более сложная, коренная переработка и композиции и общего замысла.

Интересны и количественные показатели. В стихотворении «Fortunata» вместо 16 было 24 строки (ф. 168, № 17556, л. 31 об.), а в стихотворении «На дальнем севере моем...» вместо 16 — только 12 строк (№ 17607, л. 6). Вообще же творческую работу Майкова в целом характеризует стремление к сжатости, лаконизму, и в этом отношении он был весьма требователен и беспощаден к себе, как впоследствии И. А. Бунин, исключая из стихотворений все, что ему казалось лишним, необязательным, отягчающим текст.

В списке упоминается стихотворение «Искусство». Сохранились три его автографа. В одном из них (ф. 168, № 17556, л. 3—3 об.) имеется подзаголовок «(Скульптору)». В нем и еще в одном автографе (№ 17512) стихотворение разделено на две части,

что подчеркнуто нумерацией: 1, 2. В третьем автографе (№ 16482, л. 32—33) они слиты воедино.

Приведу первую, неопубликованную часть (по первому автографу):

Я враг спокойствия. Душа моя всегда
Плеялася борьбой творящего труда,
Как с древом пламени, с бездушным матерьялом.
Люблю, когда, водим небесным идеалом,
Художник борется, в сознании творца;
И брызги мрамора летят из-под резца,
И образ дивный в нем является мгновенно,
В нем сущий искони и присно пробужденный.

Искусство! как люблю я медленно следить,
Как ты рождалось, училось мыслить, жить;
Люблю воображать простор степей ливийских,
Где Нил течет, дитя ручьев эфиопийских.
Вот некий светлый муж к водам его идет;
Узрев его порфир, задумался, и вот
Железом он расторг покой дремавшей глыбы,
Ей образ сфинкса дал, влил жизнь в ее изгибы.
И люди с робостью смотреть его текли
Из ветхих шалашей, раскинутых в тени
Зеленоверхих палм и кипарисов темных...
Свершен великий шаг! Зажжен святой елей!
В сих формах варварских, нестройных и огромных
Искусство родилось! и стал с теченьем дней
Младенец отроком и дивный отрок сей
Мужает силами и члены развивает;
Он мыслить силится и бодро выступает
В арену, как боец в кольчуге и броне,
Пред ликом Греции и ищет наравне
С атлетом, лирою и песнью ионийской
Триумфа славного и ветки олимпийской.

Из помет на автографе видно, что Майков предполагал внести некоторые исправления, но не осуществил своего намерения.

Заслуживает внимания следующее обстоятельство. Из «очерков», первоначально входивших в цикл, некоторые были частично использованы для других стихотворений. Так, вторая часть «Искусства», начинающаяся стихом «Еще в младенчестве любил мечтать мой взгляд», — это ранняя редакция стихотворения «После посещения Ватиканского музея», выделившегося в самостоятельное произведение. В окончательной редакции оно было композиционно перестроено. Отрывок о «потемкинских палатах» и давних переживаниях поэта помещен в середине и возникает в связи с сегодняшними впечатлениями от посещения музея, где собраны замечательные произведения античной скульптуры. В ранней редакции он предшествует этим впечатлениям. В черновиках имеются интересные строки и подробности, впоследствии сжатые или вовсе устранимые. Вот один отрывок (ф. 168, № 17556, л. 8 — 8 об.; привожу в начале и конце строки печатного текста, чтобы было ясно место этого отрывка):

И взору их свой лик бессмертный обнажили,
Учители мои, привет мой чистый вам!

Пред этим мрамором, прожившим вски целы,
Пред этой мыслию, как бы окаменелой
В живом порыве; здесь, где, казнью поражен,
Ревет опутанный змеей Лаокоон
И, к небу взор подъяв, пылающий укором,
Шлет в гордой ярости проклятие богам;
Где, светлая как день, с глубоко-нежным взором,
Из волн рождается, как яркая мечта,
Как первая любовь божественно-проста,
Киприда юная; где Феб разит Пифона,
Где олимпийский Зевс с надоблачного трона
Движением бровей богам дает закон...
Здесь средь богов, богинь... и я меж ними, сам,
Один... я плачу! Да, я плачу чудно, странно...
Как будто музыке безвестной я внимал.

Устранены также пять строк из другого черновика (ф. 168, № 17556, л. 3 об.):

На севере моем еще служил я вам,
Как роскошь Пиндара в славянском переводе,
Я в бледной копии душою угадал
Исполненный красоты живой оригинал.
По вас учился я жить, мыслить на свободе.

Надо думать, что Майков воспринимал все это как длинноты, мешающие выражению общего замысла.

Нечто аналогичное случилось и с «Лихой болестью», когда поэт забраковал ее. В конце стихотворения «Древний Рим» перенесено много строк из вступительной части «Лихой болести». Правда, они вставлены в иной последовательности и вложены в уста не Эпиктета, а старика-римлянина, учащего своих сыновей гордости и чести. Для издания 1858 г. конец «Древнего Рима» был переработан; эти строки сохранились в меньшем количестве и в них внесены изменения.

Воспевая в этом стихотворении величие древнего Рима — даже в его отрицательных проявлениях, Майков противопоставляет его современному человеку — печальным сынам бесцветных поколений, мертвым сердцем и нищим душою:

Иные люди здесь, нам кажется, прошли
И врезали свой след нетленный на земли,
Великие в бедах, и в битве, и в сенате,
Великие в добре, великие в разврате!
Ты пал, но пал, как жил...
и т. д.

В автографе (ф. 168, № 17556, л. 30) перед последней из приведенных строк поэт развивал ту же тему величия:

Здесь руку Сцевола, не дрогнув бровью, жег;
Здесь Брут своих сынов на казнь спокойно влек;
Отсюда Регул шел на смерть во имя Рима;
Отсюда, бросив прах отцов и кров родимый,
Озлобленный народ ушел с родных холмов,
Из Рима вынося в душе одну свободу,
И кланялся Сепат строптивому пароду;

Здесь ратовал Катон; вонзая в грудь кинжал,
Сюда вперивши взор из Утии пустынной,
Он Риму рабскому, пред страшною кончиной
Последний римлянин проклятье
Ты пал, но пал как муж.

Обилие имен и реминисценций слишком отяжеляло стихотворение, и поэт оставил приведенный отрывок незавершенным. В окончательный текст не попали ни Муций Сцевола, ни Брут, ни Регул, ни Катон и сохранился лишь один мотив — покинувшего Рим народа (в несколько переработанном виде):

Ты пал, но пал как жил... В падении своем
Ты тот же, как тогда, когда, храня свободу,
Под знаменем ее ты бросил кров и дом,
И кланялся сенат строптивому народу...

Благодаря этому указанный мотив приобретал большее звучание. Оно еще усиливалось строкой точек после приведенного четверостишия. Строка точек не указывала на реальный цензурный пропуск, но могла намекать на невозможность подробнее развить тему восставшего народа.

Из трех автографов «*Campana di Roma*» самый ранний и самый пространный не имеет заглавия (ф. 168, № 17609, л. 9—10), несколько измененный и сжатый — под заглавием «Цирк Ромула» (меньше половины стихотворения), третий озаглавлен «Прогулка» (ф. 168, № 17556, л. 9 и 14).

В первом автографе вместо начальных 12 строк окончательного текста — 26 строк, лишь в малой степени совпадающих с ими.²⁴ Они кое в чем отличаются и общей тональностью.

Вот начало стихотворения в этой ранней редакции:

Пора, пора! Младое утро всходит,
Златистый луч проник в мое окно.
Пойдем. Здесь душно, вяло и темно.
Не знаю отчего, но грусть наводит
Мне на сердце весна, сиянье дня,
Но эта грусть без горечи; привычка
Сроднила с ней меня, и счастлив я —
Ведь иногда поет и в клетке птичка!
Пойдем, пойдем, оставим пышный Рим
И воздухом подышем полевым.
Люблю внимать безмолвию пустыни,
Печаль и дикость голых сих холмов,
Облегших Рим, как траурный покров,
Кудрявый плющ да куст сухой полыни.²⁵
Сократ, возьмем лихих своих коней,
Как вихрь по звонкой мостовой проскачем,
Пугая жен и старцев и детей,
От нас бегущих с воплями и плачем.

²⁴ В «Цирке Ромула» этим 12 строкам соответствуют только 14, которые тоже существенно отличаются от них.

²⁵ Среди зачеркнутых набросков:

Мне кажется... всемирное кладбище
Сии холмы... народные гробы...

Во втором автографе: «Как кладбище, где спят веков святыни».

Пусть кардинал, завидя нас вдали,
От ужаса тотчас начнет креститься
И о спасенья наших душ молиться
И пегь исалмы за ветхи дни своя.
Но тише, стой! уж стук стальной подковы
Стал грохотом в широких воротах
Градской стены. Довольно, мы в полях,
А Рим — пусть спит, как змей спит стоголовый.

Как видим, здесь (как и во втором автографе) больше подчеркивается навеянная весною грусть, с которой сроднился поэт. Больше подчеркивается также не только величие прошлого, величие развалин, но и безмолвие пустыни, дикость голых скал.

Следует отметить, что в печатном тексте исчезли строки об испуганных жемчужинах, стариках и детях, о кардинале, но зато дальше появились отсутствующие сначала «дикий всадник за горой», усталый монах, спящий «в тени руины», и проч.

После строки «И мрачного источник вдохновенья!» (в окончательном тексте — «Угрюмого источник вдохновенья!») читаем:

Как будто бы проклятие лежит
Там, где громы анафемы рождались!
Уныния и скорби мрачный вид,
Где гром побед, крик пира раздавались!²⁶
Ни стелется трава зеленым лугом;
Ни рощи нет — и в рощах соловьи
Перекликаться не летят друг с другом.
Нет, голые долины и холмы;
Ручей меж них бежит весь грязный, мутный;
И люди здесь как бы поражены
Проклятием, суровы, бесприютны:
Как дикий зверь, гнездится человек
В развалинах гробницы Квиринальной —
Живой символ судьбы его печальной —
Минувший век и настоящий век!

В самом раннем автографе описанию руин цирка и встрече с мальчиком-пастухом предшествуют слова: «Я помню, раз. Таким же утром знойным», т. е. все это дано как воспоминание о бывшем раньше. Претерпела значительные изменения имеющая весьма существенное значение концовка стихотворения. В раннем автографе читаем:

Он протянул мне шляпу и просил
Смирненно «Христа ради» напевая...
Италия, Италия святая,
Вот жребий твой! У доблестных могил,
Стопой нечистой пепл их попирая

²⁶ Во втором автографе эти строки были переставлены и одна из них несколько изменена, благодаря чему они приобрели более энергичное звучание:

Уныния и скорби мрачный вид,
Где был триумф и клики раздавались!
Как будто бы проклятие лежит
Там, где громы анафемы рождались

На этом автограф обрывается, и что было дальше — неизвестно.

И руку к их статуе подымая,
Сыны твои во имя прежних дней
На хлеб насущный молят униженно —
Так точит червь труп доблестных мужей,
Из крови их и плоти порожденный.

В «Прогулке» этот эпизод завершается строками:

Романтики! Вот тема! вам разгул!
Воскликните: «Италия святая!»

Этот иронический тон был еще более усилен в печатном тексте (1847 г.):

И глядя на него, с наморщенным челом,
И руки на груди сложив крестом,
Мой спутник-юноша, весь цирк обозревая,
Встал Байроном, как будто просиял,
И с важностью трагической сказал:
«Италия, Италия святая!..»

Однако в издании 1858 г. (кн. 1, с. 195) юноша — романтик и позер исчезает; слова об Италии произносит сам поэт, и они приобретают иной смысл:

«Я голоден!» ...невольно я вздохнул
И, нищего и цирк обозревая,
Промолвил: «вот она — Италия святая!»

Редакция 1858 г. ближе в этом отношении к раннему наброску, чем к промежуточным редакциям, хотя, конечно, более лаконична и художественно выразительна.

Приведенные выше факты говорят о том, что работа над стихотворением шла одновременно в разных направлениях, пока оно не приобрело свой окончательный вид.

В связи с «Campragna di Roma» стоит остановиться на одном из писем и дневнике Майкова этого времени. Письмо к друзьям подтверждает автобиографическую основу стихотворения. «Живу очень умеренно, — писал Майков, — а из тех вещей, в которых не могу себе отказать, занимает главное место верховая езда: уж если чем будет мне вспомнить жизнь мою в Риме, так это бешеным ристанием по Римской кампании; вы, я думаю, уже читали много об дикой долине или пустыне, в которой лежит Рим; если не читали, то можете представить себе явно ее поэзию из того, как будут бранить ее папенька и Сергей Васильевич <...> Но я, по развратности своей, пристрастился к римской долине, обнесенной цепью Сабинских гор и снежных Апеннин и состоящей из холмов и почвы вулканического образования, голых, сухих; кое-где развалина; кое-где кипарис, стадо баранов, караван мулов. Иногда я целый день на коне, и так не то что выучился, а привык ездить верхом, что не чувствую ни малейшей усталости после такого ристания; случается сделать в день верхом верст 60» (ф. 168, № 16994, л. 20—20 об.). Здесь останавливают на себе внимание и отдельные детали, и даже слова, вошедшие в стихотворение.

Иного характера запись в дневнике. 12 декабря 1842 г., подробнейшим образом описав «цирк, находящийся на Альбанской дороге (древней Via Appia)», Майков заметил: «Для меня такое описание фактов гораздо более живописует величие римского народа, великого даже в своих забавах, нежели торжественная декламация писателей. Здесь каждая черта помогает разыгаться воображению и не распяливает его, как возглас Шатобриана.²⁷ В Ромуловом цирке, который один сохранился довольно, чтоб дать нам идею этой забавы римлян» и т. д. (ф. 168, № 17305, л. 25—26). Интересно, однако, что черты, которые «помогают разыгаться воображению», попадают в стихотворения Майкова в сравнительно небольшом количестве и творческий процесс характеризуется строгим отбором деталей и изъятием всего лишнего. Так что мнение об описательности поэзии Майкова следует если не пересмотреть, то во всяком случае уточнить.

В черновиках «Palazzo» (ф. 168, № 17556, л. 6—7, 26) также имеются интересные места.

Первая часть стихотворения написана под впечатлением «следов времен былых» — оружия, орудий пытки и проч., а также портретов «гордых предков фамилии высокой». Четвертая и пятая строфы посвящены «женам». И здесь наиболее значительные расхождения с печатным текстом.

Так, в четвертой строфе сначала была более конкретная биография одной из них:

... Я родилась у Альв, в краю свободы,
Где с гор струи ручьев, как музыка, звенят...
Меня похитил граф... простая дочь природы,
Я отдалась ему, и вот среди сих палат...

Все это не понадобилось в более обобщенной характеристике.

Пятая строфа говорит о женщине, упивавшейся сладострастием, оргиями, мщением, но не нашедшей в этом удовлетворения. В черновике она написана, как и предыдущая, от первого лица, и, может быть, поэтому мотив душевного краха выражен сильнее:

Другая: «Не снесла я цепи самовластья,
И гордая душа прорвалась из оков;
Служили мне кинжал и яд и сладострастье,
В толпе любовников, при оргиях пиров
Нашла я жизнь себе, но не узнала счастья...
В разврате погубя и чувство, и любовь,
Я умерла одна, поруганной, презренной,
С проклятием в душе, глубоко оскорбленной...».

После этой строфы в печатном тексте идет строка точек, а затем поэт возвращается из прошлого к сегодняшнему дню: «И

²⁷ Майков имел в виду сочинения Ф. Шатобриана «Гений христианства» и «Мученики, или Торжество христианской религии».

ныне пусто все в блестящей галерее» и т. д. В черновике была еще одна строфа:

О, душу тяготит язык былых веков,
Отсюда слышатся проклятия и стоны,
И вопли пытками замученных рабов,
На трупах и костях воздвигнутые троны...
И лики праотцев, как будто из гробов,
Потомкам шлют урок, страдавшем наученный,
Как смерти муками охваченный злодей
Любви к добру своих учащий сыновей.

Приведенные строки стоили Майкову большого труда, но в печатный текст так и не попали. Не исключено, что это результат автоцензуры. Отмечу попутно черновой вариант 4-й строки: «И взгроможденный трон с [апостольской короной]». Следует указать также вариант 6-й строки седьмой (предпоследней) строфы. Вместо «И движет вами клик: „Италии свобода!“» в автографе читаем: «И движет вами клик „равенство и свобода“». Трудно определить с уверенностью причины этой замены — во всяком случае в автографе эти слова из лозунга Великой французской революции XVIII в. «Свобода, равенство и братство» зачеркнуты не были.

Существенные изменения претерпело стихотворение «Антики», которое первоначально называлось «Ватиканский музей». Заглавие было изменено, вероятно, потому, что другое стихотворение, входящее в «Очерки Рима», было названо «После посещения Ватиканского музея». А оно в свою очередь раньше называлось «Антики» (ф. 168, № 17556, л. 33).

В стихотворении было другое начало. Майков говорил здесь о себе и своей далекой родине, где он воспитал в себе любовь к античному искусству (ф. 168, № 16474, л. 28):

Ну вот, наконец, после странствий далеких и трудных
Я в вашем огромном семействе, о чада ваянья!
В холодных снегах воспитал я горячее сердце
И вас понимать научился и ваших творцов опочивших
Божественный гений... О, сколько над вами промчалось
Веков и над мрамором злобы судеб разразилось...
Но мрамор бесчувствен, а мы... за него мы страдаем,
И раны его и для нас всё болящие раны...

Затем шла вторая половина стихотворения, начиная со строки «Творцы твои были, быть может, честимы и славны», где более подробно говорилось об испытаниях, выпавших на долю некоторых из них;

Иль в бедности горькой, под сенью убогого крова,
Быть может, они свой насущный кусок отлагали,
Чтоб мраморный камень купить, и не слышали даже,
Что голод мучителей, рубище ветхо и гнило,
Следа, как под дланью их мрамор немой оживает.

Потом вместо этих строк появилось (ф. 168, № 17556, л. 29 об.):

Иль, может быть, в жизни узнали лишь голод и горе —
Труда вдохновенные ночи да творчества гордость
Вносили их выше царей, а страдалцы искусства
Средь дивных созданий своих умирали от нужды.

И наконец последние две строки были зачеркнуты, а в печатном тексте остались лишь первые две.

На каком-то этапе работы было изъято приведенное выше начало и заменено восемью строками, известными нам из печатного текста, где появляется тема мрамора — «хранилища мысли былых поколений» и художника, сложившего воедино «разбитые члены».

Особый случай переработки раскрывает автограф стихотворения «Двойник» (ф. 168, № 16474, л. 20). Первоначально оно называлось «Непришедшие гости» и коренным образом отличалось и по общему замыслу, и по тексту от окончательной редакции. После первых пяти строк, в которых описывается приготовление к приему гостей, вместо следующего стиха («Но гости не идут никто... Изменила и ты, молодая...») было:

Но гости не идут. Ни он, златокудрый певец и забавник,
Чья острая шутка как шумный волчок пробегает
В веселой беседе, ни тот, кто угрюмый и в пире,
Нахмурясь сидит за вином, вспоминая, быть может,
Пыры удалые протекших времен своей юности бурной.
Никто не идет. Даже ты изменила, о дева...

Дальше в обеих редакциях, и первоначальной, и окончательной, речь идет об этой гостье, «царице стола моего». Характеристика двух других из предполагаемых гостей была исключена.

Но гораздо более существенно другое. После стиха «Печально гляжу я на ясные свечи, ряд длинных приборов» вместо наиболее значительных, определивших заглавие строк 13—23 окончательной редакции было всего пять нейтральных строк:

Как будто бы гости все умерли... Грустно и хочется плакать.
Эх, сяду один я за кубок мой верный, да мпых
Подруг своих Муз призову. Музы с Бахусом дружны...
Ужель мне измените в жизни, меж слез и печали,
И вы, собеседницы ныне мои одинокого пира?

Таким образом, центральная и необычная для Майкова тема стихотворения — тема «двойника», «непрощенного гостя», усевшегося напротив и с насмешкой глядящего в глаза поэту, гостя, к которому поэт не может привыкнуть, хотя они давно знакомы, «неотступного софиста» и «беспощадного хирурга», терзающего его душу, отсутствовала в первоначальном наброске и появилась позже.²⁸

²⁸ Сохранился еще один автограф, озаглавленный «Непришедшие гости» (ф. 168, № 17803, л. 3 об.—4). Здесь отчетливо прослеживается переработка стихотворения. В первоначальный текст внесены не всегда сразу найденные исправления, приближающие его к окончательной редакции.

Творческая работа Майкова была сосредоточена главным образом на поисках более точных и выразительных слов, на устранении длиннот, ненужных деталей, достижении большей компактности (в качестве еще одного примера можно привести стихотворение «Газета» — ф. 168, № 17556, л. 7 об., 39—39 об.).

Впрочем, иногда это не обходилось и без потерь. Кроме того, не во всех случаях можно с уверенностью утверждать, где мы имеем дело с художественными, а где с внешними соображениями, с автоцензурой. Нельзя не учитывать позднейшего признания поэта, что в 1840-е годы он находился «под страхом внезапного взлома замков и осмотра жандармского» и что произведения «с недосказанною мыслью» — следствие лежавшего на всех «гнета». ²⁹

Следует сказать несколько слов о стихотворении «Бессонница». Оно входило во второй раздел задуманного сборника, но дошедшая до нас авторская оценка интересна для характеристики общего направления поэтических исканий Майкова в 1840-е годы. Стихотворение датировано 1844 г. Оно начинается так:

Мечусь на ложе сна... я чувствую, течет
По жилам острая отрава.
Пью жадно воздух раскаленный... бьет
Кровь в голову как огненная лава.

Затем говорится о горьких упреках, неизгладимом стыде, собственном неотразимом суде над свершенными делами и проч. И дальше:

Зачем вы гоните покой от жарких везд
И разом подняли в душе моей боренье
Порывов праведных и робкого сомненья,
Стыда и гордости, потери и надежд?

На полях — карандашная надпись Майкова: «Все это вздор — силился подстроиться под тогдашний лад и в этом усилении потерял все прежние достоинства своих стихов — наивность и верность природе» (ф. 168, № 16474, л. 23).

Как указывалось выше, «Лихая болель» первоначально намечалась для «Очерков Рима». Она была опубликована мною ³⁰ в той редакции, которая содержится в письме Майкова от февраля 1843 г. Более поздний текст был обнаружен мною среди стихотворений, входивших в цикл «Очерки Рима» (ф. 168, № 17607, л. 8—9), когда книга уже была сверстана. Приведу наиболее существенные разночтения.

Стихотворению предшествует эпитафия: «В 13.. году показала язва, известная под именем Черной Смерти. Опустошив Африку, Азию, она перешла в Европу... В Киеве, Чернигове,

²⁹ См. письмо к М. П. Заблоцкому-Десятовскому 1855 г.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1975 год. Л., 1977, с. 83.

³⁰ Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 год. Л., 1976, с. 128—130.

Смоленске и Глухове не осталось ни одного человека. История государства Российского», т. V (?)». Вопросительный знак поставлен самим Майковым. Это не цитата, а неточный, по памяти, пересказ.³¹

Строка 45 — «Для века своего писали, не для нас» (вместо «Для родины своей...»).

Строки 52—61, где говорилось о Карамзине, Державине, Дмитриеве, Батюшкове, Пушкине, заменены следующими строками:

Своих ли, русских, взять — о боже, что за грусть!
Иных еще твердил ребенком наизусть;
А новые? Тот пуст, тот плачет, стонет, тужит,
А тот на площади народным шутком служит.
Иных и можно бы, но все одно! ей, ей!

Над предпоследней строкой вариант: «(А тот у Дубельта шпионом верным служит)».

В черновиках «Лихой болести» также имеются интересные места. В одном из них (ф. 168, № 17798) сказано о «новых» (некоторые строки не завершены и не отделаны):

Из новых? Полевой, Булгарин, Греч —
Давно надобно плетью их бы посечь.
А Кукольник — одну все песню воспеает.
Талант непонятый в гонении страдает.
Бернет — туманен, сух, и немцев набрался,
Как будто бы в стране родился
Наш Гете, наш Байрон, наш мистик, наш романтик,
То ярый сумасброд, то сен-жерменский франтик,
Что жил в пещере. Что ж? Его ль еще читать,
Его ль мистерий по пальцам разбирать?
Вот в Бенедиктове талант природный дышит,
По нынче он замолк и ничего не пишет,
При том и он надут, натянут, роково,
В метафорах уж как зайдет он далеко!
Еще есть сумасброд, [который]
Принял за образцы старинных стихотворцев.

Слова «Наш Гете, наш Байрон» — насмешка над О. И. Сенковским, который в рецензии на «Торквато Тассо» Н. В. Кукольника назвал его «юным нашим Гете», а также сравнил с Байроном.³² Майков отнес эти слова к поэту, прозаику, драматургу, автору ряда мистерий А. В. Тимофееву. И. И. Панаев писал о нем в своих воспоминаниях: «О нем ходили странные слухи: живя на даче в Парголово одно лето, он вырыл, говорят, какую-то пещеру, и в ней читал и писал, возбуждая к себе любопытство дачниц, которые прозвали его Парголовским пустынноиком <...> Он не в шутку вообразил, что он поэт, добродушно поверив мистифи-

³¹ Ср.: Карамзин Н. М. История государства Российского, т. IV. СПб., 1817, с. 253—256 (глава 10-я, посвященная княжению Симеона Гордого, раздел «Черная смерть»).

³² Библиотека для чтения, 1834, № 1, отд. «Критика», с. 13, 29, 37.

кации Сенковского». ³³ Сенковский после смерти Пушкина назвал Тимофеева наиболее достойным его преемником. ³⁴

Приведенный черновик характеризует отношение Майкова к вульгарному романтизму 1830-х—начала 1840-х годов, в том числе и к члену домашнего кружка Майковых — В. Г. Бенедиктову.

Другой черновой набросок (ф. 168, № 16482, л. 40) начинается следующими строками:

И разум укрепил во зрелом размышленьи.
[Наукой стойков иль] и в жизни быть прямым,
О мудрый Эпикур, поклонником твоим!
Покуда молоды: плюща и винограда!
Давай душистых роз [горацьева сада!] и ласки юных дев,
Пиров и праздников, за полночь продолженных;
Давай нам сладости бесед уединенных...
и т. д.

Представляет интерес упоминание имени Эпикура в том же контексте, в котором впоследствии фигурирует Эпиктет. Казалось бы, что мы имеем дело с явной опиской или ошибкой Майкова. Такому предположению противоречит, правда, то, что об Эпиктете говорится в обоих автографах и что имя его рифмуется. Теперь выясняется, что это было, может быть, и необоснованное, но сознательное исправление.

Ср., кроме того, с последними строками юношеской поэмы Майкова «Олинф и Эсфирь»:

Мне живо чудятся пиры и колесницы,
И юный Эпиктет в венке за пиршеством,
Тимпан и звуки лир, и пляшущие жрицы,
И образ мумии в наряде гробовом;
И весел я... Так что ж? Прийдут иные лета,
И свянут для меня гирлянды Эпиктета!

К стр. 48 (строка 10 снизу).

Сократ — художник С. М. Воробьев (1817—1888). По свидетельству художника В. Е. Раева, Воробьев и Майков были большими любителями верховых прогулок (см. его воспоминания в ГБЛ, ф. 178, К6498, № 2 г, л. 67; сообщено Л. С. Гейро).

³³ Панаев И. И. Литературные воспоминания. М., 1950, с. 114.

³⁴ Библиотека для чтения, 1837, т. 21, отд. «Литературная летопись», с. 42.

Б. Ф. Егоров

М. А. БУЛГАКОВ — «ПЕРЕВОДЧИК» ГОГОЛЯ

(ИНСЦЕНИРОВКА И КИНОСЦЕНАРИЙ «МЕРТВЫХ ДУШ»,
КИНОСЦЕНАРИЙ «РЕВИЗОРА»)

Архив М. А. Булгакова в Рукописном отделе Пушкинского Дома (ф. 369) содержит весьма ценные для литературоведов и театроведов материалы об инсценировке и киносценариях по гоголевским произведениям. Некоторые материалы представлены здесь машинописными или рукописными копиями, но из-за потери многих подлинников (или по крайней мере из-за неизвестности их местопребывания) копии благодаря своей единственности приобретают большую научную значимость. Таковы письма Булгакова и В. Г. Сахновского к В. И. Немировичу-Данченко, письмо Булгакова к К. С. Станиславскому от 6 августа 1930 г., письма Булгакова 1934—1935 гг. на Московскую кинофабрику. Отметим, что в бережно хранимых Музеем МХАТ архивных материалах (например, в неразобранной части архива имеется папка интересных документов по истории постановки «Мертвых душ»), к сожалению, отсутствуют некоторые письма к руководителям театра, а довоенный архив «Мосфильма» вообще погиб, сохранились лишь отрывочные документы.

Особенно обширны в архиве М. А. Булгакова материалы об инсценировке «Мертвых душ» для Московского Художественного академического театра.¹ В 1930 г. Булгаков был зачислен помощником режиссера этого театра (заявление Булгакова в дирекцию театра с просьбой о зачислении датировано 10 мая 1930 г. — Музей МХАТ, А. 5771) и тотчас же вместе с режиссером Василием

¹ Московский Художественный театр получил звание академического в 1920 г., но в документах 1920—1930-х годов часто употребляется усеченное название (или аббревиатура) без слова «академический». В дальнейшем ссылки на архив Булгакова (ф. 369) даются в тексте — в скобках указывается номер единицы хранения.

Григорьевичем Сахновским приступил к работе над постановкой «Мертвых душ».

Сахновский, как видно из машинописной копии его письма к В. И. Немировичу-Данченко от 4 сентября 1930 г., инсценировал «Мертвые души» еще в начале двадцатых годов для петроградского театра им. В. Ф. Комиссаржевской (пьеса шла там в сезон 1923/24 г.), а теперь работал над совершенно новым вариантом: «Уже четыре месяца Булгаков и я работаем над составлением текста „Мертвых душ“ для спектакля в Художественном театре, пользуясь выборками Смолина.² У нас четыре варианта, представленных Смолиным, из которых ни один не удовлетворяет нас. Сейчас мы работаем над пятым вариантом. Он еще не готов. Это, кажется, последний <...> Думаем, что дней через десять мы будем в состоянии послать Вам текст „Мертвых душ“» (№ 200). Однако роль Сахновского в создании инсценировки была ограничена; пьеса была написана Булгаковым единолично. Это нашло отражение в его договоре с Сахновским от 30 ноября 1930 г.

Протокол заседания Художественного совещания при дирекции МХАТ от 7 июля 1930 г. содержит следующее выступление В. Г. Сахновского: «Сообщение о режиссерском замысле „Мертвых душ“ в Художественном совещании, доложенное режиссером спектакля В. Г. Сахновским и М. А. Булгаковым.

Постановка поэмы Гоголя „Мертвые души“ на сцене Гос. Московского Художественного театра должна привести к раскрытию социального лица помещичье-дворянской России, с одной стороны, и чиновничества в городе NN — с другой. В лице отдельных помещиков и чиновников мы показываем сатирические стороны того огромного пласта России, который, опираясь на крепостное крестьянство, давал чудовищные формы быта.

Однако в замысле постановки нет стремления показать в гротесковой форме отдельные образы поэмы. Спектакль дает живых людей предреволюционной России, порою обобщенно взятых, причем страшная маска каждого из них дана в знакомых человеческих чертах. Таковы и Ноздрев, и Собакевич, и Коробочка, и Чичиков, и прокурор, и др.

Социальная тема этого спектакля не теряется в частном эпизоде похождения Чичикова для приобретения, для скопидомства и сколачивания состояния, и эта тема шире и глубже, она отвечает полностью на вопрос современного зрителя, до каких пределов социально-политической уродливости дошла помещичья и чиновничья страна, показанная Гоголем.

Спектакль необходимо конструировать таким образом, чтобы он имел в себе сквозное действие через Чичикова и стройно

² Имеется в виду Дмитрий Петрович Смолин, драматург и сценарист.

развивающийся сюжет пьесы. Наиболее удобной формой спектакля для доведения до зрителя замысла Гоголя режиссурой признана высокая комедия с сохранением всего юмора Гоголя и его сатиры. Но этого мало, ввиду того что „Мертвые души“ являются по замыслу самого Гоголя значительнейшей поэмой; для того чтобы сохранить на сцене эпическую эту значительность Гоголя (помимо его комедийного и сатирического начала), следует ввести в спектакль роль чтеца или „от автора“, который, не выпадая из спектакля, а по возможности связываясь с его сквозным действием, дал бы нам возможность дополнить комедию и сохранить на сцене МХТа всю эпичность Гоголя.

О чтеце, или лице „от автора“, следует сказать, что это не образ, который только доносит до зрителя лирические отступления или конферирует действие спектакля, а это лицо, которое должно передать и выявить публике трагический разрыв, существующий между Гоголем, ищущим положительного человека, и Гоголем той действительности, которую он вынужден был осмеять и показать в таких разрушительных сатирических красках.

Внимательный повторный анализ текста поэмы „Мертвые души“, произведенный режиссерами спектакля „Мертвые души“, показал, что при композиции текста спектакля необходимо прибегнуть к переносу текста Гоголя (конечно, соблюдая его всюду точно) из одного места в другое, с тем, чтобы превратить поэму в спектакль, подчиняющийся законам сцены. Без этого постановке поэмы „Мертвые души“ на сцене грозила бы опасность стать спектаклем в известной мере мертвенным и представляющим собой лишь механическое иллюстрирование поэмы. Для превращения беллетристической поэмы в комедию пришлось прибегнуть в некоторых местах к нарушению хронологической последовательности в поэме, перестановке событий, а также передаче в некоторых случаях слов одних персонажей другим. Это совершенно необходимо для того, чтобы спектакль явился именно спектаклем, а не иллюстрацией к роману.

Так, например, по режиссерскому замыслу посещение Чичиковым помещиков и покупка у них мертвых душ происходит не в той последовательности, как это имеет место в поэме. Выяснилась необходимость даже создания новых сцен, путем пересадки, сгущения и соединения текста из разных, чисто беллетристических частей поэмы.

По замыслу режиссуры пьеса „Мертвые души“ разбивается на точных 11 картин, которые укладываются в 4 акта.

Акт 1-й состоит из 3 картин. Вечеринка у губернатора, где после вступления чтеца, или „от автора“, наш главный герой Чичиков будет введен в круг персонажей (чиновники и помещики), из которых большинство примут непосредственное уча-

стие в сквозном действии спектакля, как например Собакевич и в особенности Ноздрев. Картина 2-я протекает у Манилова. Картина 3-я — у Собакевича.

Акт 2-й также состоит из трех картин. Первая протекает у Плюшкина. Картина 2-я — у Ноздрева (с сохранением гомерических элементов этой замечательной роли). Картина 3-я заканчивает 2-й акт посещением Коробочки и возвращением Чичикова в город. Здесь наступает переломный пункт спектакля, за которым идет разрешение сюжета.

Картина 1-я 3-го акта показывает бал у губернатора и вершину торжества будущего херсонского помещика Чичикова, заканчивающиеся катастрофой — губительным для Чичикова сообщением Ноздрева о покупке именно мертвых. Картина 2-я идет у дам, приятных во всех отношениях, и среди чиновников, в городе, где возникает знаменитая сплетня о мертвых, о губернаторской дочке, о Ринальдо Ринальдино <так!> и даже о Наполеоне. Картина 3-я изображает совещание у полицмейстера и допрос встревоженным чиновником Селифана, Петрушки, Коробочки и Ноздрева, с целью раскрыть, наконец, таинственную личность Чичикова. Картина эта идет под девизом повести о капитане Копейкине, рассказанной почтмейстером, содержит в себе в финале смерть прокурора, подавленного происходящими событиями, и даже появление самого капитана Копейкина, каковой является обыкновенным фельдъегерем, привезшим пакет с убийственным для чиновников сообщением о назначении в губернию генерал-губернатора. Эта последняя картина и является наиболее характерным образцом сложной композиции текста поэмы, приспособляемой для сквозного и чисто драматического зрелища с использованием малейших поводов для создания именно комедии, намеревающейся полностью передать Гоголя.

Акт 4-й и последний состоит из 2-х картин. Первая происходит в номере Чичикова, где его арестуют. 2-я — в тюрьме (монолог Чичикова, созданный на основании данных второго тома поэмы, и выпуск Чичикова на свободу за взятку, данную жандармской и полицейской власти: «Тут и нашим, и генерал-губернаторским»).

Таким образом, Чичиков получает право выехать в своей знаменитой бричке и заново приобретательствовать» (№ 199).³

Художественное совещание приняло данный режиссерский план. 25 ноября 1930 г. МХАТ заключил договор с Булгаковым о постановке «Мертвых душ» «не позднее июня 1931 г.» (№ 199),

³ Экземпляр протокола заседания Художественного совещания от 7 июля 1930 г. с выступлением В. Г. Сахновского (с незначительными разночтениями) хранится и в Музее МХАТ (неразобранная часть архива постановок). Из протокола видно, что М. А. Булгаков отсутствовал на этом заседании.

а 30 ноября Булгаков заключил договор с В. Г. Сахновским о передаче последнему одной шестой части всех гонораров за инсценировку: «Труд В. Г. Сахновского при сочинении М. А. Булгаковым пьесы „Мертвые души“ по поэме Н. В. Гоголя того же наименования выразился в собирании и разработке материалов как литературных, так и исторических, в работе по установлению конструкции пьесы» (№ 168, л. 2).

В архиве хранятся два режиссерских варианта инсценировки «Мертвых душ» 1930 г., свидетельствующих о дальнейшей, по сравнению с планом постановки от 4 июля, работе над текстом.

Первый вариант (№ 165) содержит не 11 картин, как было в плане, а 12, да еще добавлен Пролог. В Прологе большая роль принадлежит Первому, условному персонажу, о котором уже говорилось в плане (отец «от автора», произносящий непосредственный текст повествователя «Мертвых душ»). Но главное содержание Пролога — развертывание до целой сцены (вечер в ресторане) краткого упоминания в XI главе поэмы о подказке секретаря опекунского совета Чичикову, как можно использовать мертвые крепостные души, еще не вычеркнутые из ревизских списков живых. Далее следует картина 1-я, отсутствующая в плане, — визит Чичикова к губернатору на дом, — тоже представляющая развертывание краткого упоминания об этом событии в поэме, с переводом косвенного описания от имени повествователя в прямую речь персонажей. Последующие 2—12-я картины первого варианта соответствуют 1—11-й картинам плана.

Картина 2-я, вечеринка у губернатора, включает несколько разговорных сцен, перенесенных из глав об усадебных визитах Чичикова; эти сцены свободно вклинены в краткие диалоги при первых знакомствах героя, с отдельными передачами реплик в уста другого персонажа, о чем режиссеры уже предупреждали Художественное совещание при изложении плана постановки. Например, вопрос Маниловой: «А какого вы мнения о жене полицмейстера?» — передан Манилову. В дальнейшем разговоре Манилова с Чичиковым последний ведет себя значительно более бесцеремонно, чем у Гоголя:

Манилов. А председатель палаты, не правда ли? . .

Чичиков (*в сторону*). О, скука смертельная. (*Громко*). Да, да, да,

Манилов. А почтмейстер?

Чичиков. Вы всегда в деревне проводите время? (№ 165, л. 9).

Реплики Собакевича у Булгакова оказываются по сравнению с гоголевскими несколько более подвижными и острословными:

Чичиков (*озадачен*). Конечно, всякий человек не без слабостей. Но зато губернатор какой превосходный человек.

Собакевич. Первый разбойник в мире.

Чичиков. Как, губернатор — разбойник? Признаюсь, я бы этого не подумал! Скорее даже мягкости в нем много. Кошечки вышивает собственными руками, ласковое выражение лица.

Собакевич. Лицо ласковое, разбойничье. Дайте ему только нож, да выпустите на большую дорогу, он вышьет вам кошелек, он за копейку вас зарежет. (Л. 10).

Знаменитая тирада Собакевича о прокуроре, будучи перенесенной на вечеринку у губернатора, превращена в буффонаду (л. 11):

Собакевич <...> Все хриstopродавцы. Один только...

(Прокурор показывается за спиной Собакевича)

и есть порядочный человек — прокурор...

(Прокурор улыбается)

да и тот, если сказать правду, свинья!

(Прокурор скрывается)

Подобные буффонадные нажимы пропитывают всю инсценировку. Вот как заканчивается картина 6-я, визит к Ноздреву:

Ноздрев. Подлец!!! Когда увидел, что не твоя берет, так не можешь? Бейте его! *(Бросается на Чичикова, тот взлетает на буфет.)*

(Раздается удар грома)

Ноздрев. Пожар! Скосырь! Черкач! Северга! *(свистит, слышен собачий лай.)* Бейте его!.. Порфирий! Павлушка!

(Искаженное лицо Селифана появляется в окне. Ноздрев хватается шарманку, швыряет ее в Чичикова, та разбивается, играет «Мальбука»... Послышались вдруг колокольчики, с храпом стала тройка.) (Л. 38).

Далее появляется капитан-исправник. Чичиков слезает с буфета, куда залез, спасаясь от Ноздрева, и исчезает. Следует известный диалог исправника и Ноздрева, заканчивающийся так:

Капитан-исправник. Милостивый государь, позвольте вам...
Ноздрев *(обернувшись, увидев, что Чичикова нет, бросается к окну)*.
Держи его!.. *(Свистит.)*

(Грянули колокольчики, послышался такой звук, как будто кто-то кому-то дал плюху, послышался вопль Селифана: «Выноси, любезные, грабят...», потом все это унеслось и остался лишь пораженный капитан-исправник. Затем хлынул ливень.) (Л. 39).

А вот завершение картины 8-й (губернаторский бал, где праздничное настроение испорчено ворвавшимся Ноздревым, который тут же проговорился о странных операциях Чичикова, — л. 48—49):

Ноздрев. Да, Чичиков, уж ты не противься, одну безешку позволь напечатлеть тебе в белоснежную щеку твою...

Чичиков (*приподымается с искаженным лицом и ударяет Ноздрева в грудь, тот отлетает*).

Ноздрев. Один беде... (*Обнимает губернаторскую дочку и целует ее*.)

Дочка (*пронзительно вскрикивает*).

(*Гул. Все встают.*)

Губернатор. Это уже ни на что не похоже. Вывести его! И зятя Мижужева также!

(*Слуги начинают выводить Ноздрева и Мижужева. Гул.*)

Ноздрев (*за сценой, угрожающе*). Зять мой! Мижуев!

Губернатор (*дает знак музыке, та начинает туш, но останавливается*).

Чичиков (*начинает пробираться к выходу*).

(*Дверь открывается, и в ней появляется Коробочка. Гробовое молчание.*)

Коробочка. Почему ходят мертвые души?

(*Молчание.*)

З а н а в е с

Еще более свободное варьирование гоголевских мотивов в сочетании с творческой фантазией Булгакова представляют собой заключительные сцены спектакля.

В картине 9-й разворачивается диалог двух гоголевских дам, в конце которого неожиданно появляется Макдональд Карлович, произносящий несколько пезначащих фраз и исчезающий, за ним на сцену выходит Сысой Пафнугьевич, также молниеносно исчезающий, как только узнает «новости» про Чичикова, затем прокурор, хозяин дома, муж дамы, приятной во всех отношениях, а под конец, по отъезде дам, председатель палаты, полицмейстер, почтмейстер. Калейдоскоп визитов сопровождается пагнетанием сплетен и страха.

Картина 10-я почти полностью сочинена Булгаковым. В служебный кабинет к полицмейстеру и к сидящему в стороне жандармскому полковнику являются председатель, прокурор, почтмейстер (между прочим неясно, почему этот персонаж так выделен Булгаковым: вплоть до участия в допросах!). Далее поочередно допрашиваются Селифан, Петрушка, Коробочка, Ноздрев; допросы пьяных мужчин и совершенно обезумевшей Коробочки превращены в абсурдный гротескный балаган. После допросов почтмейстер рассказывает (очень сокращенно) легенду о капитане Копейкине, ставшем предводителем разбойников. Рассказ прерывается стуком в дверь и появлением с пакетом капитана фельдъегерского корпуса Копейкина:

Копейкин. Капитан Копейкин.

Прокурор. А-а! (*Падает и умирает*). (Л. 63).

«Убийственное» для чиновников сообщение о приезде вновь назначенного генерал-губернатора здесь реализуется буквально —

в виде смерти прокурора. В данном эпизоде прослеживаются параллели с сюжетом «Ревизора».

В картине 11-й, в номере гостиницы, где Чичиков лихорадочно собирается в дорогу, появляются снова Ноздрев с Мижухевым. А когда Петрушка докладывает, что приближается полицмейстер в сопровождении квартальных, то Ноздрев и Мижухев выпрыгивают в окно (л. 67). Здесь уже вспоминается «Женитьба».

В картине 12-й полицмейстер и жандармский полковник приходят в тюремную камеру Чичикова, и полицмейстер прямо вымогает взятку в тридцать тысяч рублей. «Приносят шкатулку Чичикова, отсчитываются деньги, и Чичиков становится свободным» (хотя гоголевские персонажи Булгакова явно сдвинуты в мир героев Сухова-Кобылина, но от последних их еще отличает относительная «деликатность»: ведь по сути полицмейстер с полковником могли так безысходно «упечь» Чичикова, что шкатулка им вообще досталась бы целиком). В камере появляются готовые к отъезду Селифан и Петрушка, и Чичиков отправляется в путь. Пьеса заканчивается лирическим монологом Первого о дороге (л. 72).

В нью-йоркском журнале «Variety» от 27 декабря 1932 г. появилась интересная рецензия на постановку «Мертвых душ», в которой, явно со слов автора инсценировки, сказано о любопытном способе ее создания: «Булгаков применил систему каталожных карточек, регистрируя каждое слово, произносимое каким-либо персонажем повести. Затем, создавая сцены, он сгруппировал их вместе» (№ 202). И все-таки Булгаков не мог не придумывать отдельных реплик, не говоря уже о целых изобретенных картинах и об изменениях в фабуле.

Как видно, Булгаков весьма творчески отнесся к своей роли инсценировщика: он не мог механически переложить повествовательные эпизоды в драматические сцены, ему хотелось выразить свое собственное понимание гоголевского метода, гоголевского «я» (роль Первого).

Вольная интерпретация «Мертвых душ» вызвала споры не только в театре. Даже достаточно далекий от артистической среды литературовед Павел Сергеевич Попов, близкий друг Булгакова, протестовал против сюжетно-фабульной перестановки, благодаря которой сразу же, в прологе, раскрывалась подоплека чичиковской операции. Подчеркивая в письме к Булгакову от апреля—мая 1932 г., что для первых читателей гоголевской поэмы было очень существенным «нарастание жуткого интереса», Попов так развивает свою мысль: «Жуть должна была нарастать, нарастать, все закрутится в вихре, мысли читателя могли уйти в необъятную даль разных горизонтов, а в конце концов — пустяк ведь, проделка, жульничество. И вот с этой-то точки зрения, повторы, может быть, вовсе невозможной теперь, не только в театре, но и при чтении, меня не удовлетворяет, что в вашей инсцени-

М. А. Булгаков. Фото 1939 г.

ровке в первой же сцене, так сказать „официально“, вы раскрываете карты и даже нарочито напоминаете человеку, который, может быть, смутно представляет себе содержание поэмы, чичковские планы» (№ 466, л. 18—18 об.).

Тем более бурные споры возникли в театре; они усугублялись еще, как часто бывает, разногласиями по поводу исполнителей ролей. Частично эти споры отражены в двух письмах Булгакова к В. И. Немировичу-Данченко (№ 178, машинописные копии).

В первом из них, от 18 ноября 1930 г., Булгаков писал:

«Многоуважаемый Владимир Иванович!

Соображения мои относительно роли Чтеца («Первый в спектакле») в моей инсценировке „Мертвые души“ таковы.

Повторный анализ текста моей инсценировки, и в особенности плюшкинской сцены, показал, что можно сделать попытку расширить роль Первого в спектакле с целью органически вплести ее во все сцены спектакля, сделав Первого в полном смысле слова ведущим спектакль.

Для этого потребуются внимательнейшее и тончайшее изучение как текста поэмы „Мертвые души“, так и других подсобных материалов, например писем Гоголя и сочинений некоторых гоголевских современников.

Сейчас уже начинает выясняться, что окончательная установка этой труднейшей в спектакле роли может быть произведена лишь во время репетиционных работ. Подготовка же этого материала, конечно, должна быть начата заблаговременно, то есть непосредственно после окончательного утверждения Вами представляемого при сем текста моей инсценировки.

Следует добавить, что, по-видимому, пьеса станет значительно при введении роли Чтеца, или Первого, но при обязательном условии, если Чтец, открыв спектакль, поведет его в непосредственном и живом движении вместе с остальными персонажами, то есть примет участие не только в „чтении“, но и в действии. Уважающий Вас М. Булгаков».

В другом письме, от 26 ноября 1930 г., говорится:

«Многоуважаемый Владимир Иванович!

Предварительная разработка материалов, которые должны лечь в основу роли Первого (Чтеца), уже начаты мною. Как только наметятся контуры этой сложнейшей роли, мы с Василием Григорьевичем <Сахновским> сейчас же вступим в контакт с В. И. Качаловым.

Чрезвычайно трудная задача — создать эту роль.

По поводу Грибкова⁴ в роли Мижужева: назначая Грибкова на эту роль, режиссура чрезвычайно точно учла то обстоятельство, что Ноздрева будет играть Москвин. Внешние данные Ивана Михайловича таковы, что ему, по мнению режиссуры, невыгодно

⁴ Речь идет об актере Художественного театра Владимире Васильевиче Грибкове (1902—1960).

иметь дело с близким и тесно связанным с ним партнером в том случае, если этот партнер будет высок или грузен.

Обстоятельства, связывающие в спектакле Ноздрев с Мижуевым, таковы: Ноздрев подавляет своею волей Мижуева, таскает его всюду за собою. Как-то напрашивается само собою, что Ноздрев крупнее Мижуева. Режиссуре кажется, что в качестве партнера для Ивана Михайловича необходим именно маленький и технически сильный комический актер (Грибков). Мнение И. М. Москвина по этому поводу такое же. Может быть, Вы найдете возможным еще раз пересмотреть этот вопрос о Мижуеве, приняв во внимание соображения, высказанные здесь.

Я забыл добавить, что при распределении ролей в «Художественном» совещании, конечно, учли ремарку Гоголя (белокурый, высокого роста — Мижуев), но опасались повторения Хлынова и Барина с усами. Это важное соображение. Уважающий Вас Мих. Булгаков».

Ответом на последнее объяснение служит следующая записка В. И. Немировича-Данченко: «„Мертвые души“. Чем больше доводов приводится за Грибкова—Мижуева, тем упрямее думаю я, что это неверно. Теперь, после объяснения Мих<аила> Аф<анасьевича>, даже нахожу опасным. Так как вижу, что дело пошло тут не по линии глубокого комизма, а по линии внешних штук. По замыслу Гоголя, Мижуев вовсе не грузен. Скорее худощав. Длинный, белокурый, вялый. Ничего похожего на барина с усами. Да и повторение с „Горячим сердцем“ не должно пугать, так как Москвин будет — ничего похожего на Хлынова» (№ 199).⁵

Очевидно, немало было высказано замечаний Булгакову и относительно многих его «вольностей». В результате возник второй режиссерский вариант (№ 166), в котором полностью снята роль Первого (возможно, руководству Художественного театра, и прежде всего Немировичу-Данченко, не хотелось повторять знаменитой роли В. И. Качалова — чтеца от имени автора в инсценировке толстовского «Воскресения»). Во втором варианте расширены диалоги — на материале диалогов гоголевской поэмы; убраны почти все придуманные Булгаковым сцены: в конце картины 6-й вычеркнута вся буффонада с буфетом, шарманкой, нет даже капитана-исправника; просто Ноздрев кричит «Бейте его!», раздается удар грома и опускается занавес; в картине 10-й сняты допросы Селифана, Петрушки, Коробочки, т. е. убран весь негоголевский текст; сняты также все эпизоды с капитаном Копейкиным — и рассказ о нем, и его выход на сцену; в картине 11-й не

⁵ Ср. ответ В. Г. Сахновского на эту записку от 28 ноября 1930 г.: «Многоуважаемый Владимир Иванович! Я прочитал те несколько строк, которые касаются „Мертвых душ“ и Вашего ответа Мих<аилу> Аф<анасьевичу> по поводу роли Мижуева. Может быть, было бы правильной дать роль Мижуева В. А. Орлову или Е. В. Калужскому. Уважающий Вас В. Г. Сахновский» (машинописная копия из архива В. И. Немировича-Данченко — Музей МХАТ, Н.-Д., № 8860).

появляются Ноздрев и Мижухев; пьеса заканчивается взяткой, нет прихода Селифана и Петрушки и отъезда Чичикова. Картины здесь названы нами по нумерации первого варианта; во втором же картина 8-я (губернаторский бал) разделилась на две, так что картины 9—12-я стали соответственно 10—13-й. Впрочем, в дальнейшем постановщики, видимо, восстановили общее число картин, как было в первом варианте, — 12.

На машинописных экземплярах инсценировки имеются интересные записи Булгакова. На титульном листе экземпляра, подаренного Елене Сергеевне Шиловой (будущей жене писателя): «Авторский экземпляр. Знатоку Гоголя Лене Сергеевне! Моему другу в память тех дней, когда „ужасные люди“ мучились над этим экземпляром. Москва. М. Булгаков. 28 XI 1930 года» (№ 186). Здесь или описка в дате, или удивительное совпадение: 28 ноября 1932 г. состоится премьера «Мертвых душ».

В первом варианте инсценировки содержатся две записи, одна из них явно шуточная: «Tschytschykoff — Toporkoff? Non. Toporkoff oumer. Otschego? Samutschili» (№ 165, л. 26 об.); другая посвящена картине 5-й (визит Чичикова к Плюшкину): «Велика будет сцена! Это — Акт» (л. 26 об.).

Начались репетиции. В архиве содержатся записи о всех репетициях спектакля (№ 199). В сезон 1930/31 г. была 141 репетиция, со 2 декабря по 21 мая; из них К. С. Станиславский присутствовал на 12, с 22 февраля по 24 апреля; «Показ Владимиру Ивановичу состоялся 21 мая 1931 г.». В сезон 1931/32 г. состоялось 147 репетиций, с 17 сентября по 14 июня; из них К. С. Станиславский провел 34 репетиции, с 4 октября по 14 июня; 14 июня была генеральная репетиция. В сезон 1932/33 г. зарегистрировано 16 репетиций, с 13 октября по 26 ноября; 26 ноября состоялась генеральная репетиция с участием Станиславского, 28 ноября 1932 г. — премьера.

Из заметки в «Комсомольской правде» от 26 ноября 1932 г. видно, что 23 ноября состоялась еще одна, предварительная генеральная репетиция — для школьников Москвы (№ 203).

Булгаков был восхищен режиссерским талантом Станиславского. Еще вступая в Художественный театр, писатель отправляет Станиславскому лирическое по своему тону письмо от 6 августа 1930 г.:

«Многоуважаемый Константин Сергеевич.

Вернувшись из Крыма, где я лечил мои больные нервы после очень трудных для меня последних двух лет, пишу Вам простые неофициальные строки <...>

Есть единственный и лучший театр. Вам он хорошо известен. И в письме моем к Правительству написано было так: „я прошу в лучшую школу, возглавляемую мастерам К. С. Станиславским и В. И. Немировичем-Данченко“. Мое письмо было принято во внимание, и мне была дана возможность подать заявление в Художественный театр и быть зачисленным в него <...>

Примите, Константин Сергеевич, с ясной душой нового режиссера. Поверьте, он любит Ваш Художественный театр.

Возвращайтесь в Москву и вновь пройдите по сукну, окаймляющему зал. Уважающий Вас Михаил Булгаков» (№ 182).

Ответом на это послание является письмо Станиславского к Булгакову от 4 сентября 1930 г.⁶

После одной из репетиций, 31 декабря 1931 г., Булгаков пишет Станиславскому:

«Дорогой Константин Сергеевич!

Я на другой же день после репетиции вечеринки в „Мертвых душах“ хотел написать это письмо. Но, во-первых, стеснялся, а, во-вторых, не был связан с театром (простужен).

Цель этого неделового письма — выразить Вам то восхищение, под влиянием которого я нахожусь все эти дни. В течение трех часов Вы на моих глазах ту узловую сцену, которая замерла и не шла, превратили в живую. Существует театральное волшебство! Во мне оно возбуждает лучшие надежды и поднимает меня, когда падает мой дух. Я затрудняюсь сказать, что более всего восхитило меня. Не знаю — по чистой совести. Пожалуй, Ваша фраза по адресу Манилова: „ему ничего нельзя сказать, ни о чем нельзя спросить — сейчас же прилипнет“ — есть самая высшая точка. Потрясающее, именно в театральном смысле, определение, а показ, как это сделать, — глубочайшее мастерство!

Я не беспокоюсь относительно Гоголя, когда Вы на репетиции. Он придет через Вас. Он придет в первых картинах представления — в смехе, а в последней уйдет, подернутый пеплом больших раздумий. Он придет. Ваш Михаил Булгаков» (№ 182; оба письма — машинописные копии).⁷

Однако взаимоотношения Булгакова с руководством театра не были безоблачными. Легко уязвимый и нервный Булгаков болезненно реагировал на малейшие, как ему казалось, ущемления его авторской и режиссерской воли. Напряженность во взаимоотношениях с Немировичем возникла, видимо, с самого начала работы над спектаклем «Мертвые души», недовольство Станиславским развилось на следующем этапе, в период постановки булгаковского «Мольера». О весьма драматических жизненных коллизиях Булгаков подробно оповещал П. С. Попова (всего в архиве имеется 33 письма Булгакова к Попову в машинописных копиях и черновых автографах; ниже цитируются машинописные копии).⁸

Так, в письме от 7 мая 1932 г. Булгаков писал: «Эх, рановато было еще о „Мертвых душах“, дорогой Павел Сергеевич! Вы ло-

⁶ См.: Станиславский К. С. Собр. соч., т. 8. М., 1961, с. 270.

⁷ Письмо от 31 декабря 1931 г. — единственное письмо М. А. Булгакова к руководителям театра, сохранившееся в подлиннике в Музее МХАТ; частично оно опубликовано, см.: Виноградская И. Жизнь и творчество К. С. Станиславского. Летопись, т. 4. 1927—1938. М., 1976, с. 268.

⁸ Подлинники писем хранятся в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (ф. 248, № 1269.4).

маете мой план. Но раз Вам угодно — извольте. Но потом, все-таки, я вернусь к „Дням Турбиных“.

Итак, „Мертвые души“... Через девять дней мне исполнится 41 год. Это чудовищно! Но тем не менее это так. И вот к концу моей писательской работы я был вынужден сочинять инсценировки. Какой блистательный финал, не правда ли? Я смотрю на полки и ужасаюсь: кого, кого еще мне придется инсценировать завтра? Тургенева, Лескова, Брокгауза—Ефрона? Островского? Но последний, по счастью, сам себя инсценировал, очевидно, предвидя, что случится со мною в 1929—1931 гг. Словом...

1) „Мертвые души“ инсценировать нельзя. Примите это за аксиому от человека, который хорошо знает произведение. Мне сообщили, что существуют 160 инсценировок. Быть может, это и не точно, но во всяком случае играть „Мертвые души“ нельзя.

2) А как же я-то взялся за это? Я не брался, Павел Сергеевич. Я ни за что не берусь уже давно, так как не распоряжаюсь ни одним моим шагом, а Судьба берет меня за горло. Как только меня назначили в МХТ, я был введен в качестве режиссера-ассистента в „Мертвые души“ (старший режиссер Сахновский, Телешева и я). Одного взгляда моего в тетрадку с инсценировкой, написанной приглашенным инсценировщиком, достаточно было, чтобы у меня позеленело в глазах. Я понял, что на пороге еще Театра попал в беду — назначили в несуществующую пьесу. Хорош дебют? Долго тут рассказывать нечего. После долгих мучений выяснилось то, что мне давно известно, а многим, к сожалению, неизвестно: для того чтобы что-то играть, надо это что-то написать.

Коротко говоря, писать пришлось мне. Первый мой план: действие происходит в Риме (не делайте больших глаз!). Раз он видит ее из „прекрасного далека“, и мы так увидим!

Рим мой был уничтожен, лишь только я доложил *exposé*.⁹ И Рима моего мне безумно жаль!

3) Без Рима, так без Рима. Именно, Павел Сергеевич, резать! И только резать! И я разнес всю поэму по камням. Буквально в ключья. Картина I (или пролог) происходит в трактире в Петербурге или в Москве, где секретарь опекунского совета дал случайно Чичикову уголовную мысль покойников купить и заложить (загляните в т. I, гл. XI). Поехал Чичиков покупать. И совсем не в том порядке, как в поэме. В картине X-й, называемой в репетиционных листах „камеральной“, происходит допрос Селифана, Петрушки, Коробочки и Ноздрева, рассказ про капитана Копейкина и приезжает живой капитан Копейкин, отчего прокурор умирает. Чичикова арестовывают, сажают в тюрьму и выпускают (полицмейстер и жандармский полковник), ограбив дочиста. Он уезжает. „Покатим, Павел Иванович!“.

Вот-с, какие дела. Что было с Немировичем, когда он прочитал! Как видите, это не 161<-я> инсценировка и вообще не инсце-

⁹ краткое содержание (франц.).

пировка, а совсем другое. (Всего, конечно, не упишешь в письме, но, например, Ноздрев всюду появляется в сопровождении Мижуева, который ходит за ним как тень. Текст сплошь и рядом передан в другие уста, совсем не в те, что в поэме, и так далее).

Владимир Иванович был в ужасе и ярости. Был великий бой, но все-таки пьеса в этом виде пошла в работу. И работа продолжается около 2-х лет!

4) Ну и что же, этот план сумели выполнить? Не беспокойтесь, Павел Сергеевич, не сумели. Почему же? Потому что, к ужасу моему, Станиславский всю зиму прохворал, в Театре работать не мог (Немирович же за границей).

На сцене сейчас черт знает что. Одна надежда, что Ка-Эс (Константин Сергеевич, — Б. Е.) поднимется в мае, глянет на сцену.

Когда выйдут „Мертвые души“? По-моему, никогда. Если же они выйдут в том виде, в каком они сейчас, будет большой провал на Большой Сцене.

В чем дело? Дело в том, что для того чтобы гоголевские плетительные фантазмагории ставить, нужно режиссерские таланты в Театре иметь.

Вот-с как, Павел Сергеевич! А впрочем, все равно. Все равно. И все равно! До следующего письма. Ваш МБ» (№ 369, л. 16—18 об.).

А три года спустя, 14 марта 1935 г., Булгаков пишет Попову о конфликте со Станиславским:¹⁰ «Не одни киношники. Мною многие командуют. Теперь накомандовал Станиславский. Прогнали для него „Мольера“ (без последней картины, не готова), и он, вместо того чтобы разбирать постановку и игру, начал разбирать пьесу. В присутствии актеров (на пятом году!) он стал мне рассказывать о том, что Мольер гений и как этого гения надо описывать в пьесе. Актеры хитро обрадовались и стали просить увеличивать им роли.

Мною овладела ярость. Опьянило желание бросить тетрадь, сказать всем: пишите вы сами про гениев и про негениев, а меня не учите, я все равно не сумею. Я буду лучше играть за вас. Но нельзя, нельзя это сделать. Задавил в себе это, стал защищаться.

Дня через три опять. Поглаживал по руке, говорил, что меня надо оглаживать, и опять пошло то же. Коротко говоря, надо вписывать что-то о значении Мольера для театра, показать как-то, что он гениальный Мольер, и прочее. Все это примитивно, беспомощно, не нужно. И теперь сижу над экземпляром, и рука не поднимается. Не вписывать нельзя: пойти на войну — значит, сорвать всю работу, вызвать кутерьму фюрменную, самой же пьесе повредить, а вписывать зеленые заплатки в черные фрачные штаны!.. Черт знает, что делать! <...>» (№ 369, л. 49).

¹⁰ Описываемая в письме репетиция «Мольера» состоялась 5 марта 1935 г. См. о конфликте вполне объективные записи, сделанные помощником режиссера В. В. Глебовым: *Виноградская И. Жизнь и творчество К. С. Станиславского. Летопись*, т. 4, с. 396—397.

В свете этих конфликтов становится психологически понятным тот сатирический яд, который пропизывает «Театральный роман».

Инсценировка Булгакова (при участии Сахповского) в творческом истолковании Станиславского получила всемирную известность. В архиве находятся договоры, письма, запросы по поводу постановки «Мертвых душ» в Латвийском художественном театре (Рига), чешском театре в Пильзене, по пражскому радио, в японском театре «Сию Цукидзи Гекидзю», в других зарубежных театрах 1930-х годов (№ 174, 181, 183, 191, 195, 201). Н. И. Эльяшев из Берлина 12 сентября 1931 г. просил прислать инсценировку «Мертвых душ» для перевода: «Немцы теперь проявляют большой интерес к Гоголю: в этом сезоне в Берлине пойдут „Женитьба“ и „Ревизор“, а в провинции ставятся даже такие у немцев малопопулярные вещи, как „Игроки“» (№ 198).

Немало также имеется материалов о постановках «Мертвых душ» в театрах СССР: в Бакинском рабочем театре, Театре русской драмы в Киеве, Ленинградском народном доме, Государственном осовавиахимовском ударном русском театре им. А. В. Иванова в Одессе, Иваново-Вознесенском театре, Костромском театре им. А. Н. Островского (№ 169—171, 175, 188, 189). А. С. Вознесенский в письмах от 23 января и 22 февраля 1931 г. просил прислать «Мертвые души» для перевода на украинский язык и для передачи в театры Украины (№ 190).

Успех мхатовской инсценировки «Мертвых душ» заинтересовал деятелей кино, и руководство московской первой кинофабрики «Союзфильм» заключило 31 марта 1934 г. договор с Булгаковым о написании сценария «Мертвые души», со сроками сдачи: экспозиции — к 15 мая того же года, сценария — к 20 августа (№ 172, л. 1). В архиве находятся экспозиция и дополнение к ней. Писатель «переводит» Гоголя на язык кинематографа.

ЭКСПОЗИЦИЯ КИНОСЦЕНАРИЯ «ПОХОЖДЕНИЯ ЧИЧИКОВА, ИЛИ МЕРТВЫЕ ДУШИ» ПО ПОЭМЕ Н. В. ГОГОЛЯ

... «Мертвые души» — произведение «...» беспощадно сдергивающее покров с действительности, социальное, общественное и историческое.

Белинский.

Если смеяться, так уж лучше смеяться сплывно и над тем, что действительно достойно осмеянья всеобщего.

Гоголь.

Для того чтобы представить поэму Гоголя на экране, ее надлежит подвергнуть значительной ревизии в том плане, чтобы события, совершающиеся в ней, были видимы с точки зрения современного человека.

Высокохудожественное и значительное по объему произведение Гоголя должно быть усечено, и прежде всего в том смысле, чтобы отпала его вторая часть, из которой должен быть извлечен для экрана лишь один, и притом важнейший, эпизод, именно арест Чичикова и последующее его освобождение из тюрьмы.

В экранизированной поэме должна быть заманчивая завязка, ясная, точная и сжатая фабула и оглушительная развязка. Действующие лица должны пройти перед зрителем не в виде неподвижных сатирических масок, а в виде реальных живых людей, хорошо ввязанных в интригу, причем положения, в которые попадают они, должны быть смешны, по возможности, конечно, в высоком плане. Но крайне желательно введение в кинопоэму отступлений, которые бы дали возможность показать, во-первых, лирическую сторону поэмы (сцены Плюшкина — «о, моя юность, о, моя свежесть!..»), а, во-вторых, исключительные по силе сатирические отступления, к которым относится баллада о капитане Копейкине. Но какие бы то ни было отступления ни в каком случае не должны нарушать строгой сюжетной линии поэмы.

Главным действующим лицом поэмы явится, конечно, Чичиков — человек исключительной энергии, мошенник, одержимый мыслью нажиться во что бы то ни стало, человек-хамелеон, обладающий искусством нравиться окружающим и совершенно голый в смысле каких-либо принципов.

Очень сжато говоря, поэма должна развернуться на экране таким образом: случайно захватив чужую идею о том, как можно нажиться, скупив у помещиков умерших, но еще не вычеркнутых из списков крестьян, Чичиков является в губернский город, представляющий собою тихое болото, и обольщает администрацию этого города и губернии. Познакомившись с окрестными помещиками, Чичиков поражает Манилова («я полагаю приобрести мертвых...»), получает мертвых от него в подарок, покупает мертвых у Собакевича и совершает крупную ошибку, сделав попытку купить их у Ноздрева. Вырвавшись из рук Ноздрева, встретив в полях губернаторскую дочку, поразившую его сердце, приобретя у Плюшкина и мертвых и беглых, Чичиков завершает круг своих покупок. Оформив в палате уголовщину, Чичиков вступает в период славы в городе (миллионщик).

На губернаторском балу Ноздрев губит Чичикова, рассказав про мертвых. Происходят сцены смятения в городе. Чиновники доходят до состояния умоисступления, вследствие чего зарождается горячечный рассказ о капитане Копейкине. В довершение всего получается известие о назначении и внезапном приезде генерал-губернатора. Оглушительные события вызывают внезапную смерть прокурора.

Чичиков заболевает. По выздоровлении схвачен генерал-губернатором и ввергнут в тюрьму.

Но генерал-губернатор бессилен уничтожить Чичикова. Мошенники-чиновники за громадную взятку выпускают его вместе с купчими крепостными, и Чичиков отправляется в странствие по николаевской России.

10 мая 1934 года. Москва.

К этой экспозиции 17 мая 1934 г. было послано дополнение:

ДОПОЛНЕНИЕ К ЭКСПОЗИЦИИ КИНОСЦЕНАРИЯ «ПОХОЖДЕНИЯ ЧИЧИКОВА, ИЛИ МЕРТВЫЕ ДУШИ» ПО ПОЭМЕ Н. В. ГОГОЛЯ

Содержание сценария

В отдельной комнате ресторана Чичиков угощает чиновника из опекунского совета. Чичикову нужно заложить чужое разоренное имение в совете. Ресторан петербургского типа, с силуэтами блестящих гвардейских офицеров и господ. Задача Чичикова щекотлива. Многие из крестьян разоренного имения умерли. Взяточник чиновник говорит, что это легко обойти, если умершие крестьяне еще не вычеркнуты из списков. У Чичикова рождается блестящая уголовная идея — скупить у помещиков покойных крестьян с тем, чтоб заложить их под видом живых («Ах, я Аким-простота!». »).

Бричка Чичикова в полях. Чичиков едет скупать усопших. Крестьянское кладбище. Чичиков считает кресты.

Чичиков в губернском городе NN. В трактире расспрашивает полового («... не было ли повальных горячек в губернии?.. »).

Чичиков делает визиты губернской администрации, мимолетно показываясь то у одного, то у другого чиновника, начиная с губернатора. Всех обольстил. Узнал об окрестных помещиках.

Чичиков у Манилова. Оглушение Манилова («... я полагаю приобрести мертвых... »).

Чичиков у Ноздрева (десятитысячный жеребец за четыре тысячи, каурая кобыла, шарманка, перекрашенная бричка). Дикая скандал из-за плутовства Ноздрева во время игры в шашки. Избиение Чичикова и травля его собаками. Еле спасся.

Встреча в полях с губернаторской дочкой. Сердце Чичикова поражено.

У Собакевича. Собакевич запросил по сто рублей за мертвую душу, Чичиков давал по восьми гривен.

Разрушенное, запущенное имение Плюшкина. Фонтан, из которого появляется собирающий хлам Плюшкин. Покупка мертвых и беглых.

Круг покупок завершен. Возвращение в город. Размышления Чичикова над списком купленных. Типы беглых крестьян в наплыве.

Оформление уголовного чичиковского дела в палате.

Пир по поводу чичиковской покупки у полицмейстера.

Пир Селифана и Петрушки в подвале в трактире.

Бал у губернатора. Чичиков в зените славы. Ухаживания за губернаторской дочкой. Внезапное гибельное явление Ноздрева («Ведь вы не знаете, ваше превосходительство, он торгует мертвыми душами... »).

Бегство Чичикова с бала. Ночью, при свечке, раздеваясь, ругает балы. Заболевает.

Смятение в городе. Чиновники собираются, чтобы решить, что такое мертвые души. Чудовищное вранье Ноздрева. Воспаленное воображение почтмейстера создает капитана Копейкина.

Баллада о капитане Копейкине на экране. Страх чиновников доходит до наивысшей степени («Шайка разбойников в лесах»).

В то время, когда почтмейстер создает Копейкина, по полям соседних губерний предшествуемый лихим капитан-исправниками по свежим и кое-как починенным мостам летит из Петербурга генерал-губернатор.

Один из чиновников врывается на совещание и сообщает о том, что едет генерал-губернатор. Прокурор падает и умирает от разрыва сердца.

Чичиков, отлежавшись в номере гостиницы, вздумал выйти, сразу увидел, что скандал из-за негодяя Поздрева принял гибельные размеры. Собирается укладываться, чтобы бежать из города. Негодяй Поздрев и здесь помешал.

Жандармы арестовывают Чичикова.

Чичиков валяется в ногах у генерал-губернатора. Громы и молнии.

Чичиков в тюрьме. Проходящие похороны прокурора. Отчаяние Чичикова.

Чиновники за тридцать тысяч рублей дают возможность ускользнуть Чичикову вместе с купчими крепостями.

По тем же самым дорогам, по которым летел грозный, но бессильный генерал-губернатор, Чичиков уезжает продолжать свою деятельность в других местах.

Николаевская Русь. «Открыто-пустынно и ровно все в тебе; как точки, как значки неприметно торчат среди равнин невысокие твои города... Тоскливая песня от моря до моря...»¹¹ Кресты, вороны, поля. Николаевская Русь (№ 172, л. 2—3, 5—6 об.).

Итак, экспозиция сценария довольно близка к театральной инсценировке. Постановка «Мертвых душ» была поручена И. А. Пырьеву. В начале июня сценарий вчерне был уже готов, как видно из недатированного письма Булгакова в ответ на просьбу редактора многотиражной газеты «За большевистский фильм» Н. Достая от 11 июня 1934 г. сообщить о ходе работы над сценарием: «Я закончил сценарий „Похождения Чичикова, или Мертвые души“ по гоголевской поэме. Ранее, работая над инсценировкой „Мертвых душ“ для театра, я убедился в том, что это сложное произведение Гоголя представляет для инсценировщика величайшие трудности. Превращение „Мертвых душ“ в кинопоэму, с моей точки зрения, представляет работу еще более трудную, но увлекательную. Работа эта, надо сказать, протекала в очень благоприятной обстановке. Режиссер И. А. Пырьев и заместитель директора И. В. Вайсфельд сделали все, чтобы такую обстановку создать. С самых первых шагов они поддерживали с *о* мной постоянную связь, и наши живые беседы значительно помогли мне в поисках способа, при помощи которого можно было бы труднейший в композиционном смысле роман-поэму превратить в стремительную и достаточно острую пьесу для экрана. Мне понадобились три варианта, чтобы пройти через все ухабы и добиться

¹¹ Неточная цитата из XI главы первого тома «Мертвых душ».

результата, который мог бы меня удовлетворять. М. Булгаков» (№ 192, машинописная копия; ответ Булгакова опубликован в газете «За большевистский фильм» 25 августа 1934 г.).

Интересные подробности содержатся в письме Булгакова к П. С. Попову от 10 июля 1934 г.: «Люся¹² утверждает, что сценарий вышел замечательный. Я им (И. В. Вайсфельду и И. А. Пырьеву, — *Б. Е.*) показал его в черновом виде и хорошо сделал, что не перебелил. Все, что больше всего мне нравилось, то есть сцена суворовских солдат посреди ноздревской сцены, отдельная большая баллада о капитане Копейкине, панихида в имении Собакевича и, самое главное, Рим с силуэтом на балконе, — все это подверглось полному разгрому! Удастся сохранить только Копейкина, и то сузив его. Но — боже! — до чего мне жаль Рима! Я выслушал все, что мне сказали Вайсфельд и его режиссер, и тотчас сказал, что переделаю, как они желают, так что они даже изумились» (№ 334, л. 45 об.—46).

15 сентября 1934 г. И. А. Пырьев извещал Булгакова: «Многоуважаемый Михаил Афанасьевич! Посылаю Вам экземпляр сценария, в котором я сделал кое-какие режиссерские поправки, прошу за них на меня не обижаться. Дня через два, если позволите, я к Вам зайду лично, и тогда мы эти „поправки“ обговорим, кстати я Вам сообщу мнение о сценарии т. Храпченко (ЦК ВКП/б)» (№ 194).

Булгаков, всегда принципиальный в делах, касающихся его произведений, далеко не со всеми исправлениями Пырьева согласился, как видно из машинописной копии его письма от 5 ноября 1934 г.:

«Милый Иван Александрович!

При просмотре экземпляра сценария „Мертвых душ“, переписанного с Вашими режиссерскими добавлениями, я обнаружил многие вещи, которые следует немедленно исправить. В частности, на балу Вы ввели *менуэт*. Я не могу сейчас сделать срочной проверки танцев того времени, но и без этой проверки могу сказать, что на губернаторском балу менуэт в чичиковские времена никак танцевать не могли. Менуэт надо убрать.

Далее: на 56-й странице у Вас введен *урядник*. Урядники появились в России в 1878 году. Следовательно, урядника надо немедленно убрать.

Еще: на стр. 41-й введена странная надпись: „*Несравненно замечательное впечатление он произвел на дам...*“. Такой надписи быть не может!

Вообще весь сценарий содержит такое множество стилистических ошибок и всякого рода искажений, что его надлежит немедленно править. И я прошу Вас прислать мне экземпляр для того, чтобы я его выправил, с этого выправленного переписать и лишь тогда давать его читать. Я не хочу отвечать за те ошибки, кото-

¹² Елена Сергеевна Булгакова.

рые в нем содержатся. На сценарии стоит моя фамилия, и я, как автор, настаиваю на том, чтобы текст был мною выправлен.

Я надеюсь, что Вы меня познакомите и с режиссерским сценарием.

Нам следовало бы повидаться с Вами и потолковать.

Дополнения, которые от меня требовались, я сегодня сдаю т. Кузнецову.¹³

Желаю Вам успеха в работе. Ваш М. Булгаков» (№ 179).

Дополнения, о которых говорится в письме, связаны с замечаниями руководства кинофабрики, сделанными на основе указаний кинокомиссии ЦК партии. В архиве хранится письмо дирекции фабрики (за подписями директора фабрики С. А. Саврасова и заместителя директора И. В. Вайсфельда) к Булгакову от середины октября 1934 г. (на полях пометка: «Получил 18 X 1934 года вечером. Вручено мне на квартире Г. П. Кузнецовым. М. Булгаков»):

«Уважаемый тов. Булгаков!

Настоящим сообщаем Вам, что вышестоящими инстанциями даны дополнительные указания по исправлению сценария „Мертвые души“.

Полагая, что Вы больше, чем кто-либо другой, заинтересованы в судьбе сценария, а следовательно, и картины „Мертвые души“, и учитывая, что привлечение нового автора к осуществлению переработки вряд ли целесообразно как с точки зрения существа сценария, так и с точки зрения Вашего правового положения как автора, ниже излагаем основные исправления, которые мы Вам предлагаем внести в сценарий.

1. Усилить моменты, характеризующие тот социальный фон, на котором разворачивается действие (слухи о мертвых душах, проникающие в деревню и приобретающие там уродливую форму; губернатор, приезжающий в город не только по чичиковскому делу, но и потому, что в губернии неблагополучно; сцена в кабаке с Селифаном и Петрушкой; торговля Чичикова с кузнецами; «Вшивая спесь»; отдельные пейзажные вставки).

2. Усилить роль „дамы приятной во всех отношениях“ (заключенные Чичикова на балу, приход к Чичикову в номер).

3. Ввести сон Чичикова на кладбище (фантастическая с «оживающими» мертвыми душами)» (№ 172, л. 7).

Булгаков ответил на это письмо 22 октября 1934 г.:

«В дирекцию 1-й кинофабрики. Тт. Саврасову и Вайсфельду.

Уважаемые товарищи! В ответ на Ваше письмо, которое мне 18 X 34 передал т. Кузнецов, сообщаю Вам, что я согласен произвести в сценарии „Мертвых душ“ те переработки, которые указаны в письме, но при условии, что эта работа будет оплачена фабрикой.

¹³ Г. П. Кузнецов — административный работник Московской кинофабрики.

По нашему договору фабрика могла требовать от меня переделки сценария *два раза*. Дважды мною и были произведены переделки, после чего сценарий был принят фабрикой. Вповь предложенная мне работа не входит в мой договор и должна быть оплачена отдельно.

Прошу на это письмо срочный ответ, так как я чрезвычайно загружен другими работами и должен знать свои сроки.

Меня крайне удивило то, что Вы пишете в письме о возможности привлечения другого автора для осуществления переделок. Фабрика не имеет права вводить в мою работу никакого другого соавтора.

Условия, которые я излагаю в этом письме, были мною сообщены 18 X т. Кузнецову, но от него до сего времени нет ответа. М. Булгаков» (№ 172, л. 11).

Очевидно, между заинтересованными сторонами была достигнута в этом вопросе договоренность. 18 ноября Булгаков представил новый вариант сценария, на что получил следующую рецензию дирекции кинофабрики, датированную 27 ноября 1934 г.:

«Уважаемый тов. Булгаков!

Настоящим доводим до Вашего сведения, что сделанные Вами поправки к сценарию „Мертвые души“ для внесения их в режиссерский сценарий не могут удовлетворить фабрику.

Несмотря на то что характер и текст поправок были^и точно и в подробностях известны Вам из сообщений режиссера Пырьева, все сделанные Вами поправки либо противоречат заданию, либо, если не противоречат, носят настолько неглубокий характер и настолько литературно не доработаны, что не могут быть органично связаны с остальным текстом сценария.

Сожалея об этом обстоятельстве, тем более непредвиденном, что автор поправок и сценария — одно и то же лицо, которое всегда обнаруживало искреннее и ревностное отношение к работе над сценарием, — фабрика все же вынуждена отказать от предложенных Вами поправок» (№ 172, л. 8).

По-видимому, еще до этих исправлений последний вариант режиссерского сценария был представлен в ЦК партии. Булгаков получил рецензию М. Б. Храгченко, тогдашнего руководителя кинокомиссии ЦК:

«Озыв о сценарии „Мертвые души“.

В результате переработки, которая была произведена по постановлению кинокомиссии ЦК, — качество сценария значительно улучшилось. В настоящем своем виде сценарий нужно признать *вполне* годным для постановки. Недостатки прежнего варианта почти полностью устранены.

Изолированность образов помещиков от социальной атмосферы эпохи преодолена тонким, умелым включением кадров, рисующих крепостную деревню. Не создавая новой сюжетной линии, не навязывая голо агитационных выводов, авторы сценария дают живое ощущение николаевской России. Более глубоко и

полно, чем раньше, разработаны образы Чичикова, Собакевича, Манилова. Известная односторонность в раскрытии этих образов снята.

Сценарий приобрел большую внутреннюю связанность, органичность развития действия. Сюжетная линия разворачивается в плане все большего нарастания событий.

Не до конца устранены пробелы в показе Плюшкина. Отдельные замечательные детали, найденные в режиссерском варианте, не покрывают суженности, композиционной неопределенности этого образа. В „Мертвых душах“ образ Плюшкина — вершина во всей системе образов, художественный итог, наиболее значительное обобщение. В сценарии этого в полной мере достигнуть не удалось.

В целом сценарий удачно решает задачу кинематографического воплощения „Мертвых душ“. В сценарии удалось сохранить основные элементы поэмы, приспособляя их к специфическим требованиям кино, интерпретируя их с наших позиций.

Сценарист сохраняет лирическую струю „Мертвых душ“, но совершенно правильно переключает ее на изображение крепостной деревни. Некоторая приподнятость, былинность здесь совершенно уместна. Отчетливо вскрыта юмористическая и сатирическая линия. Может быть, несколько больше следует подчеркнуть внутреннюю опустошенность, превращение человека в ничто, в мертвенное состояние. Эту функцию как раз и должен воплотить образ Плюшкина.

Тот внутренний постепенный подъем, который пронизывает „Мертвые души“, проходит и через развитие действия в сценарии.

Огромные трудности, заключающиеся в экранизации „Мертвых душ“, — преодолены.

Сценарий обещает интересный и значительный фильм.

17 II 1935 г. М. Храпченко» (№ 172, л. 13—13 об.).

В рецензии особенно примечательно подчеркивание значимости образа Плюшкина, выделение «внутренней опустошенности, превращение человека в ничто»; в самом деле, и в театральной инсценировке, и в киносценарии образ Плюшкина привлекал Булгакова меньше, чем образы других помещиков «Мертвых душ», и рецензент это хорошо подметил.

13 декабря 1934 г. дирекция кинофабрики прислала на отзыв к Булгакову исправленный вариант режиссерского сценария (№ 172, л. 9), на что писатель ответил 26 марта 1935 г., т. е. уже после получения рецензии М. Б. Храпченко (сопроводительное письмо из киностудии при отзыве М. Б. Храпченко помечено 11 марта 1935 г.— № 172, л. 12):

«Фабрика художественных фильмов № 1. Тов. Вайсфельд. Уважаемый Илья Вениаминович!

В ответ на Ваш запрос сообщаю Вам свое мнение о режиссерском сценарии „Мертвые души“:

1. По-моему, следует исключить в 1-й части, стр. 14 и 15, сцену кобзаря с пением былинного сказа, так как это нарушает ткань сатирической поэмы Гоголя.

2. Невозможен гипсовый Наполеон в гостиной вице-губернатора (часть 1-я, стр. 20).

3. Следует исключить сцену катания крашенных яиц у полицмейстера (часть 1-я, стр. 24—26).

4. Неверна концовка маниловской сцены (часть 2-я, стр. 12): предложение Чичикова продать мертвых не может вызвать у Манилова хохот — это предложение может вызвать у Манилова только ужас.

5. В ноздревской сцене непонятны крики Ноздрева: „Дерут... дерут его, дерут...“ (часть 4-я, стр. 16).

6. Следует исключить сцену Анны Григорьевны и Чичикова в кустах сирени (часть 5-я, стр. 8 и 9).

7. Невозможны слова губернаторши — „Вот вам моя дочь“ (часть 5-я, стр. 10).

8. Непонятна фраза Чичикова: „я, кажется, опять увлекся, сюда приехал, позабыл зачем...“ (часть 5-я, стр. 24).

9. Надо изменить надпись на бумаге (часть 6-я, стр. 5): вместо „его высокопревосходительству генерал-аншефу (?) Александру...“ надо: „его сиятельству графу...“ (если действие происходит после 1832 года).

10. Сцену появления дамы в номере Чичикова (часть 5-я, стр. 22—24) следует вернуть в тот вид, какой она имела в моих дополнениях к сценарию от 18 XI 34. В том виде, в каком она в режиссерском сценарии, она значительно снижена в качестве.

11. Следует исключить сцену, в которой конвой мнет старика, и последующую — с пением былины, как нарушающие ткань сатирического произведения Гоголя.

12. Следует проверить слова: „Исайя ликуй... дева имя во чреве (?)“ (часть 7-я, стр. 3).

13. Нельзя не пожалеть, что исключена баллада о капитане Копейкине» (№ 172, л. 15).

Замечания Булгакова чрезвычайно интересны: как бы писатель ни был сам свободен в «исправлениях» гоголевского текста, он глубоко проник в историко-культурный фон гоголевской эпохи, в гоголевский метод и поэтому с позиций историзма не только исправляет прямые анахронизмы режиссерских добавок, но и справедливо возражает против включения кобзаря и былинного пения, против «сцены Анны Григорьевны и Чичикова в кустах сирени».

Сценарий был принят к постановке,¹⁴ но затем он так и не увидел света из-за переключения режиссера Пырьева на дру-

¹⁴ Сценарий опубликован, см.: Булгаков М., Пырьев И. Мертвые души. Киносценарий. — Москва, 1978, № 1, с. 125—164.

гую работу: он был назначен постановщиком фильма «Партийный билет» (вышел на экраны в 1936 г.).

В архиве имеются также материалы о работе М. А. Булгакова над сценарием гоголевского «Ревизора» (№ 173). 16 августа 1934 г. «Украинфильм» заключил с писателем договор о сценарии «Ревизор» для постановки на Киевской киностудии (режиссер А. Д. Дикий) со сроками представления режиссерского либретто 25 октября 1934 г., сценария — 25 февраля 1935 г.

В дальнейшем Булгаков настоял на утверждении постановщиком молодого режиссера Михаила Степановича Коростина, который начал совместно с писателем работать над сценарием. Булгаков предложил «Украинфильму» 5 марта 1935 г. ввести имя режиссера в договор и делить гонорар пополам (л. 20), а 26 сентября между Булгаковым и Коростиным было заключено соглашение о разделении гонорара в пропорции 25 и 75%; такое увеличение в пользу режиссера совершалось «в соответствии с размерами произведенной работы каждым из соавторов» (л. 26).

Вероятно, Булгаков, занятый в эти месяцы своими оригинальными работами, в том числе постановкой во МХАТ «Мольера», уделял сценарию «Ревизора» значительно меньше творческого внимания, чем в свое время «Мертвым душам». Об этом говорит и сохранившийся в архиве конспект сценария:

М. БУЛГАКОВ

РЕВИЗОР. КОНСПЕКТ

Часть первая

Комната городничего. Городничий распечатывает письмо, читает его, радостно улыбаясь. — «Любезный друг, кум и благодетель...».

Лицо городничего искажается ужасом. Городничий падает в кресло. Городничий вылетает в дверь.

Городничий и чиновники. — «Я пригласил вас, господа, с тем, чтобы сообщить пренеприятное известие: к нам едет ревизор...». Аммос и Артемий: «Как ревизор?!».

Улица. По ней бежит почтмейстер.

Почтмейстер вбегает в комнату.

Сцена с письмами.

Почтмейстер вынимает из разных карманов письма: «Я вам скажу, что это преинтересное чтение...».

«Сегодня мне всю ночь снились какие-то две необыкновенные крысы...».

Ночь. Городничий лежит в постели, раздетый, в колпаке. Рядом с ним лежит и спит Анна Андреевна, в чепчике. Городничий просыпается, садится на постели. Две огромные черные крысы. Городничий швыряет подсвечником в них.

Анна Андреевна просыпается, вскакивает.

Городничий дико озирается.

Анна Андреевна: «Что? Что?».

Городничий: «Крысы!» (Вскакивает в одном белье, старается дognать крыс, но не может бежать во сне, прилипают ноги).

Длинный темный коридор. Городничий пытается гнаться за крысами. Крысы бегут.

Крысы бегут по улице города, освещенного луной.

Крысы пухнут и увеличиваются, превращаются в двух толстяков во фраках с острыми фалдочками. Это Бобчинский и Добчинский.

Бобчинский и Добчинский подбегают к дому городничего.

Комната городничего. Городничий: «Право, я таких никогда не видел. Неестественной величины!..».

Хлопов вздрагивает в кресле.

Городничий: «Так и ждешь, что вот отворится дверь, и шась!».

Дверь открывается, и врываются Бобчинский и Добчинский.

Бобчинский: «Он-то и есть этот чиновник...».

Испуг. Городничий: «Свистунов!».

Распоряжения и отъезд городничего.

Окно. В окне — Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Анна: «Муж! Антон! Антоша! Что? Приехал? С какими усами?».

Сцена с Авдотьей.

Часть вторая

Гостиница. Осип кончает монолог. Появление Хлестакова.

Табак... Разговор.

Хлестаков один.

Хлестаков и слуга.

Хлестаков (один): «Штаны, что ли, продать?» (Начинает снимать штаны. Снимает их, рассматривает), «Нет, уж лучше поголодать, да приехать домой в петербургском костюме». «В карете... подкатить с фонарями, а Осипа сзади одеть в ливрею...» (вытягивается). «Иван Александрович Хлестаков из Петербурга, прикажете принять?». «К дочечке подойдешь...» (раскланивается). «Тьфу! Даже тошнит, так есть хочется!».

Осип: «Несут обед!».

Хлестаков торопливо надевает штаны, танцует: «Несут! Несут! Несут!».

Сцена со слугой. Хлестаков выплевывает суп. Хлестаков вылавливает в супе громадное перо, показывает слуге: «Какие-то перья плавают!».

Хлестаков с Осипом разрывают курицу: «Это топор?».

Слуга: «Как топор?».

Хлестаков: «Топор зажарили вместо говядины».

Появление городничего.

Сцена с городничим.

Хлестаков вынимает громадного клопа из-под подушки, показывает городничему. «Как собака кусает!».

Сцена со слугой.

Сцена падения Бобчинского. Городничий распахивает дверь, и Бобчинский, влетая, попадает Хлестакову в живот. «Растянулся, как черт знает что!».

Часть третья

Сцена городничихи и Добчинского.

Сцена Анны и Марьи.

Сцена Мишки и Осипа.

Чиновники и Хлестакова.

Хлестаков пьян. В глазах у Хлестакова все раздваивается: две Анны Андреевны, две Марьи Антоновны. Предлагают чашку. Две чашки. Берет правую, левая падает на пол. Чиновники почтительно смеются.

Суп из Парижа.

Вист с посланниками.

35 тысяч курьеров.

Мутные видения Хлестакова.

Укладывают Хлестакова.

Часть четвертая

Пробуждение Хлестакова.

Хлестаков и судья.

Хлестаков и почтмейстер.

Хлестаков и Лука.

Сцена с сигарой.

Хлестаков и Земляника.

Бобчинский и Добчинский. Сцена поисков денег.

Письмо.

Купцы.

Слесарша и унтер-офицерша.

Хлестаков и Марья.

Хлестаков и Анна.

Хлестаков и обе.

Сцена с городничим.

Отъезд.

Часть пятая

Городничий и городничиха.

Городничий воображает себя генералом. Городничий в красной ленте через плечо сидит в комнате и ест корюшку.

Анна Андреевна: «Ему все бы только рыбки...». «Я не иначе хочу, чтоб наш дом был первый в столице...».

Представляется первый дом в столице. Анна Андреевна разодетая. Графы и все светские. Входят граф и светский человек. Анна Андреевна закатывает глаза, потом, когда открывает их, видит, что они *«так!»* превращаются в купцов.

Городничий: «А, здорово, соколики!».

Купцы валяются в ноги.

«Знаете ли вы, семь чертей и одна ведьма вам <...».¹⁵

Городничиха затыкает уши.

Сцена поздравлений.

¹⁵ Край листа оборван.

Как Анна Андреевна рассказывала о том, как Хлестаков делал предложение.

В это время почтмейстер с письмом: колеблется, распечатать или нет? Наконец, распечатывает.

Чтение письма.

Свинья в ермолке.

Монолог городничего.

Свинные рыла вместо лиц.

Сцена избиения Бобчинского и Добчинского.

Появление жандарма (№ 173, л. 7—13).

Как видно, конспект сценария почти полностью идентичен по содержанию и фабульной последовательности гоголевскому «Ревизору», и даже возможности кино использованы здесь минимально: развернут до целой картины сон городничего; крысы превращаются в Бобчинского и Добчинского; у пьяного Хлестакова все раздваивается в глазах; изображена «светская» жизнь в представлении Анны Андреевны.

В создававшемся одновременно или даже чуть ранее подобном сценарии В. Б. Шкловского (три отрывка из него были опубликованы в «Литературной газете» от 20 сентября 1934 г.; 5 октября в московском Доме писателей состоялось чтение сценария) было несравненно больше кинопревращений. Приведем один из них в изложении самого Шкловского (письмо к автору данного обзора от 27 августа 1976 г.): «На Бассейном переулке, сейчас это улица Некрасова, была вывеска — на синем фоне накладная карета. Когда Хлестаков мечтал, что он приедет домой франтом, то дело было так в сценарии: с вывески срывалась карета, она катилась по улицам, попадала на Аничкин мост, в нее впрягались бронзовые кони, а два голых бронзовых богатыря становились на запятки вместе с Осипом, а открытой каретой ехал Хлестаков».

В целом же сценарии Булгакова и Шкловского характеризуют трудный первоначальный этап прихода в кино профессиональных писателей, когда еще лишь складывались взаимоотношения литературы и киноискусства, складывался сам жанр сценария.

В связи с тем что Шкловский одновременно с Булгаковым готовил сценарий «Ревизора», в газетах появились разноречивые заметки: в них, с одной стороны, сообщалось, что сценарий для «Украинфильма» написан Шкловским (заметка «Ревизор в кино» в «Вечерней Москве» от 17 ноября 1934 г.), с другой — что сценарий сделан совместно Шкловским и Булгаковым («Дневник искусств» в той же газете от 15 ноября 1934 г.).

На самом деле сценарии были созданы каждым писателем единолично, что подтвердил В. Б. Шкловский в указанном выше письме; не удалось только установить, писал ли Шкловский своего «Ревизора» для какой-либо киностудии.

Между тем Булгаков с Коростинным продолжали трудиться по заказу «Украинфильма»; 8 февраля 1935 г. был подготовлен уже

третий вариант киносценария, признанный руководством студии «не отвечающим требованиям» (№ 173, л. 21). В дальнейшем, наверное, были созданы последующие варианты.¹⁶ Но вопрос о постановке был снят после критики в центральной печати. Газета «Советское искусство» от 29 февраля 1936 г. излагала выступление А. П. Довженко на дискуссии в московском Доме кино: «Недавно в той же студии „Украинфильм“ работники ГУКФ просмотрели фрагменты из фильма „Ревизор“ (по сценарию Коростина и Булгакова). В этом фильме, как и в „Прометее“ отсутствует художественная правда. Постановщик извращает смысл и содержание классического произведения Гоголя. Художественно-декоративное оформление этого фильма сделано приемами сугубо формалистической стилизации. Способный молодой режиссер с первых своих шагов запутался в формалистической паутине. И никто ему не помог <...> постановку <...> нельзя было давать молодому начинающему режиссеру». В архиве Булгакова хранится вырезка из газеты (№ 173, л. 34).

Гоголевские инсценировки Булгакова и их творческая история раскрывают новые стороны в художественном наследии большого писателя и уточняют некоторые уже известные черты его таланта. Инсценировки свидетельствуют о том, что Булгаков предпринимал интенсивные попытки преодолеть мировоззренческий кризис двадцатых годов. Частичным доказательством этих попыток служит и инсценировка поэмы «Мертвые души», произведения с высоким лиризмом, с мощным моральным пафосом. Недаром Булгаков так серьезно работал над образом Первого, дающего как бы от лица автора оценочные характеристики персонажам и событиям. Однако почти полное отсутствие в тексте Первого высокого лирического начала, да и последующее согласие Булгакова на исключение образа Первого из пьесы, показывают сложность и непрочность этих поисков.

Правда, сама напряженность исканий, видимо, повлияла на усиление фантазмагоричности и «высокой» буффонады, парадоксально освобождая Булгакова от некоторой фельетонной легковесности, присущей писателю в двадцатые годы. В то же время погружение в глубины страшного гоголевского мира и проникновение в моральный пафос поэмы ускоряли приход Булгакова к положительным ценностям жизни в мировоззренческом и художественном плане, по крайней мере расчищали к ним дорогу.

Будущим исследователям творчества Булгакова еще много предстоит сделать для уяснения всех трудных и сложных аспектов его художественного пути, для раскрытия его эстетических и этических идеалов, и архив писателя в Пушкинском Доме окажет им в этом большую помощь.

¹⁶ Видимо, один из этих вариантов и был издан соавторами в литографированном виде: Булгаков М. А., Коростин М. С. Необычайное происшествие, или Ревизор. М., Цедрам, 1935. Данное издание имеется в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина.

М. П. Алексеев

ПЕРЕПИСКА ТОМАСА ГАРДИ С ЕГО РУССКОЙ ПЕРЕВОДЧИЦЕЙ

В бумагах, оставшихся после смерти В. М. Спасской и хранящихся ныне в Пушкинском Доме, есть несколько писем к ней Томаса Гарди (ф. 247, № 39), Уолтера Безанта и Эдмунда Госса.

Вера Михайловна Спасская (1855—1938) была одной из плодотвейших русских переводчиц конца XIX—начала XX в. Она помещала свои переводы с немецкого, английского и датского языков в различных русских периодических изданиях. С середины 80-х годов она была постоянной сотрудницей «Русской мысли», куда рекомендовал ее профессор Н. И. Стороженко. В. М. Спасская познакомила русских читателей со многими английскими философскими и критическими работами, а также переводила современных ей английских и американских беллетристов (М. Крауфорд, У. Безант, В. Хоуэллс и др.); впоследствии она усердно переводила с датского Георга Брандеса, выпустила собрание его сочинений в издательстве «Просвещение» и состояла с ним в многолетней переписке.¹ Один из ее переводческих трудов, связанных с современной ей английской литературой, инте-

¹ Автобиографию В. М. Спасской и список ее печатных трудов см. в книге «Словарь членов Общества любителей российской словесности при Московском университете. 1811—1911» (М., 1912, с. 269). О В. М. Спасской см. также: Шарыпкин Д. М. Русская литература в скандинавских странах. Л., 1975, с. 13, 39, 49—50, 54—61. В последней работе приводятся интересные данные о переводах Спасской со скандинавских языков и о знакомствах с авторами переводимых ею произведений. В особенности длительными были дружеские отношения переводчицы и Георга Брандеса, который посвятил ей особый этюд под заглавием «Надежда» (Vandes G. Nadejesjda. — Samlede Skriften, 1906, Bd XVII. København, s. 98—102). В этом рассказе Брандес говорит о своем знакомстве со Спасской в Москве и дает ее характеристику; рассказ появился и в русском переводе Спасской под измененным заглавием — «Вера» (Литературные вечера «Нового мира», 1901, № 11, с. 609—614).

рессен как ранняя попытка познакомить русского читателя с творчеством Томаса Гарди.

В России Томас Гарди (Thomas Hardy, 1840—1929) был еще совершенно неизвестен; в русских переводах существовало лишь несколько его рассказов, не обративших на себя внимания. Одно из первых упоминаний о Гарди в русской литературе, насколько мы знаем, появилось в журнале П. И. Вейнберга «Изящная литература» за 1884 г., где он рекомендовался как один из «наиболее молодых оригинальных писателей, пользующихся известными симпатиями»; вместе с тем здесь же его называли «последователем Блэкмора», второстепенного английского беллетриста 70—80-х годов.²

Через несколько лет в другом русском журнале писали: «Один американский критик, Brandes Matthews, считающийся знатоком современной английской литературы, высказывает в журнале „Cosmopolitan“ свое мнение о представителях английской беллетристики. Так, Thomas'a Hardy он считает первоклассным романистом современной Англии. Этот действительно талантливый и плодовитый писатель, к сожалению, почти не известен в нашей переводной литературе; помнится, три маленькие грациозные его рассказа были помещены в свое время в журнале г. Вейнберга, в „Вестнике иностранной литературы“».³

В самом деле, этот замечательный писатель, ныне общепризнанный классик английской литературы, к началу 90-х годов был еще совершенно не знаком русским читателям. Впрочем, и европейская известность пришла к Томасу Гарди достаточно поздно; даже в самой Англии он долго ждал своего признания. За плечами у него было уже больше десятка романов, из которых первый, «Отчаянные средства» («Desperate remedies»), вышел еще в 1871 г., пока, наконец, в середине 80-х годов Гарди не обратил на себя всеобщего внимания. В период создания «Мэра Кэстербриджа» («The Mayor of Casterbridge», 1886) и «Джуда Незаметного» («Jude the Obscure», 1896), в которых философия отчаяния и фаталистической обреченности сочеталась с гневным обличением всех уродливых форм современной ему действительности, Гарди вышел в первые ряды английских писателей, а эти романы

² См.: Ф. У. Современный роман в Англии. — *Изящная литература*, 1844, февраль, с. 276—279. Ричард Блэкмор (Richard D. Blackmore, 1825—1900) писал исторические романы, действие которых происходит в английской провинции и сильно окрашено местным колоритом; так, в романе «Lorna Doone» (1869) события разворачиваются на границе северного Соммерсета и Девоншира в эпоху восстания герцога Монмутского; в «Spring Haven» (1887) действие сосредоточено в южном английском портовом городке в период наполеоновских войн. Сближение Гарди с Блэкмором, очевидно, имело в виду общий для них интерес к быту английских захолустьев.

³ Библиографические записки, 1892, № 6, с. 464. Действительно, в «Вестнике иностранной литературы» (1892, № 4—5, с. 45—56) был помещен рассказ Гарди «Типы английских лэди».

закрепили за ним репутацию одного из выдающихся мастеров английской художественной прозы.

«Как могло случиться, что Европа почти не знает имени и произведений одного из великих романистов, Томаса Гарди? — спрашивал французский критик Огюстен Филон еще в 1897 г. — Тонкий ум, редкий, чуткий художник, своими многочисленными уже произведениями он в продолжение двадцати пяти лет сгруппировал вокруг себя избранное общество <...> Какой из современных писателей лучше, чем Томас Гарди, понимает английского крестьянина? Кто лучше знает тайну мрачного направления его мыслей, его мораль, его язык, со всеми его народными особенностями?»⁴

Одним из лучших романов Гарди этого плодотворнейшего его творческого десятилетия (1886—1896), не только привлечшим к себе особое внимание, но вызвавшим даже настоящий скандал в мещанских кругах английского общества, был роман 1891 г. «Тэсс из рода д'Эрбервиллей» («Tess of the d'Urbervilles: a pure woman faithfully presented»). Его подзаголовок: «чистая женщина, правдиво изображенная» — был настоящим вызовом ханжеской морали и лицемерному нравственному благополучию английских читателей среднего круга. Гарди осмелился здесь назвать «чистой» ту женщину, которая, на языке его читателей, должна была бы быть определена как женщина «падшая» и даже убийца; он осмелился окружить ореолом святости и непривычной нравственной красоты простую английскую крестьянку, коровницу на молочной ферме, которую довели до гибели лживая мещанская мораль и сам социальный строй, способствовавший утверждению и расцвету этой морали.

Роман «Тэсс из рода д'Эрбервиллей» был одним из главных литературных событий 1891 г. в Англии. В журнале «The Graphic», где он печатался первоначально, некоторые его главы не смогли появиться и публиковались отдельно от произведения в других изданиях;⁵ выход же в свет полного текста романа в трех небольших томках (J. V. Osgood, McIlvoine and Co. London, 1891, 3 vols.) вызвал негодование и восхищение.

«В этом романе, — писал Гарди в предисловии к одному из позднейших его переизданий, — великая жизненная эпопея героини начинается после события, которое принято считать роковым для ее роли главного действующего лица и во всяком случае непоправимым крушением всех прежних ее надежд и чаяний, и потому публика буквально восстала против общепринятых условностей, когда оказала этой книге горячий прием и со-

⁴ Филон Ог. Английский роман в 1896 году. — Северный вестник, 1897, № 2, с. 68—69 (из «Cosmopolis», 1897 г.).

⁵ Так, глава «Saturday night in Arcady» появилась в «National Observer» (1891, 14 November); «The midnight Baptism, a Study in Christianity» — в «Fortnightly Review» (1891, May). См.: Webb A. A Bibliography of the Works of Th. Hardy, 1865—1915. London, 1916.

гласилась со мной в том, что художественное произведение может еще очень многое добавить к тому, что уже было сказано о теневой стороне известной катастрофы». Тем не менее общеевропейским это событие сделалось лишь значительно позже: первый французский перевод романа появился в 1901 г.,⁶ итальянская и немецкая литературы заинтересовались им в первое десятилетие XX в.; лишь лейпцигское Таухницевское «Собрание британских авторов», так быстро реагирующее на всякую английскую литературную новинку, еще в 1892 г. перепечатало английский текст романа в двух томиках своей известной серии (vol. 2800—2801) и способствовало этим популяризации романа среди европейских читателей, владевших английским языком.

Именно это издание попало в руки к В. М. Спасской: она прочла его, не отрываясь; роман Гарди произвел на нее сильное впечатление, и она решила обратиться к автору с просьбой дать разрешение на перевод этого произведения на русский язык. Так возникла переписка между Т. Гарди и В. М. Спасской, продолжавшаяся около полугода. Переписка эта представляет несомненный литературный интерес, так как ни два письма Т. Гарди к В. М. Спасской, ни пять писем ее к английскому писателю (1892—1893 гг.) еще не были опубликованы.

Подлинники писем В. М. Спасской к Т. Гарди хранятся ныне вместе с другими бумагами писателя в «Музее Дорсетского графства» в г. Дорсетшире («The Dorset County Museum», Dorsetshire, England). Благодаря любезности профессора университета в г. Торонто (Канада) М. Миллгейта, приславшего мне ксерокопии указанных пяти писем Спасской,⁷ мы имеем возможность опубликовать в полном виде всю переписку Т. Гарди и его русской корреспондентки, ставшей первой переводчицей на русский язык одного из лучших его произведений.

⁶ См.: Hardy Th. Tess d'Urberville. Trad. par M-lle Roland. Paris, Hachette, 1901. В 1897 г. в драматической переработке Г. Кеннеди (H. Kennedy) «Тэсс» шла в одном из лондонских театров; затем появилась трехактная опера (музыка Фредерика Эрлангера), шедшая в Неаполе (1906) и в Лондоне (1909).

⁷ В настоящее время проф. Ричард Л. Парди (Richard L. Purdy) в сотрудничестве с проф. Майклом Миллгейтом (Michael Millgate) готовит к печати новое полное собрание «Писем» Т. Гарди, долженствующее заменить прежнее неполное и сильно устаревшее издание, выпущенное К. Вебером (Hardy Th. Letters. Ed. by C. J. Weber. Waterville, Maine, Colby College Press, 1954; см. об этом издании: Modern Lang. Review, 1954, vol. XLIX, № 4, p. 560). Они обратились ко мне с просьбой предоставить им фотоснимки двух писем Т. Гарди, хранящихся в Пушкинском Доме, для опубликования их в готовящемся издании (Collected Letters of Th. Hardy. Clarendon Press); о местонахождении этих неопубликованных писем они узнали из моей обзорной статьи «British Manuscripts in Russia» (The Times Literary Supplement, London, 1946, 21 September), где я указал на них впервые. В ответ на посланные мною фотокопии двух писем Т. Гарди проф. М. Миллгейт прислал мне копии всех писем В. М. Спасской, хранящихся в Дорсетском музее; по нашему обоюдному уговору все указанные письма, хранящиеся в СССР и в Англии, должны быть опубликованы одновременно, в 1978 г., в Оксфорде и в Ленинграде.

Первое письменное обращение В. М. Спасской к Томасу Гарди датируется 31 июля 1892 г. Приводим его текст:⁸

«Глубокоуважаемый сэръ,

Простите смелость иностранке, позволившей обратиться к Вам из далекой страны.

Я — переводчица по профессии и по просьбе журнала „Русская мысль“, для которого я работаю и который является одним из наиболее известных и распространенных у нас периодических изданий, хотела бы перевести английский роман „Tess of the d'Urbervilles“,⁹ предложенный мне нашим редактором; книга эта произвела на меня глубокое впечатление трагической силой своего содержания и совершенством своей формы. Но это еще не все. Женщину не может не тронуть до глубины души Ваша гуманная трактовка избранной Вами темы.

Отключенная от деятельной жизни тяжелой хронической болезнью и сдерживаемая ею более в положении наблюдательницы, но живейшим образом симпатизирующая горестям и несчастиям, столь часто выпадающим на долю моего пола, я приношу автору „Тесс“ мою сердечную благодарность за его благодарную защиту чистой женщины и за этот прекраснейший шедевр новейшей литературы.

Обещаю сделать свой перевод самым тщательным образом. Это не первый роман, который я перевожу на русский язык. Из области художественной литературы я уже познакомила нашу публику с „Зороастром“ м-ра Крауффорда,¹⁰ со шведским романом Эрнста Альгрена под заглавием „Деньги“,¹¹ с драмой Г. Ибсена „Женщина с моря“¹² и недавно с датским романом,¹³ рекомендованным мне Георгом Брандесом.

⁸ Все письма В. М. Спасской к Т. Гарди написаны по-английски. В настоящем издании мы публикуем только их русский перевод.

⁹ В дальнейшем в тексте публикуемых в русских переводах писем Спасской мы будем приводить это заглавие в том виде, в каком оно появилось затем в опубликованном ею собственном переводе: «Тесс, наследница д'Эрбервиллей», которое, кстати сказать, представляется мне более соответствующим заглавию подлинника, чем утвердившееся у нас в последующей переводческой практике.

¹⁰ Имеется в виду роман «Zoroaster» (1885) писателя Френсиса Мариона Крауффорда (Francis Marion Crawford, 1854—1909); в переводе В. М. Спасской был опубликован в журнале «Русская мысль» (1891, № 9—12).

¹¹ Имеется в виду роман шведской писательницы, печатавшейся под мужским псевдонимом «Ernst Ahlgren» (1850—1885; настоящее ее имя Victoria-Maria Benedictsson, урод. Bruzelius). Роман ее «Pengar» (1885), переведенный В. М. Спасской, появился в «Русской мысли» (1891, № 3—6), а затем вышел отдельной книгой в издательстве «Посредник».

¹² Драма Генрика Ибсена «Женщина с моря» (1889) в переводе с норвежского В. М. Спасской была напечатана под заглавием «Эллида» в журнале «Артист» (1891, № 14, апрель, отд. II, с. 36—75).

¹³ Очевидно, имеется в виду перевод с датского романа Эрика Скрама «Гертруда Колкбернсен», напечатанный В. М. Спасской в «Русской мысли» (1892, № 6—9).

Однако я должна признаться, что, к стыду своему, я совсем не знаю английской поэзии; цитаты, которые Вы приводите в Вашей книге, мне совершенно неизвестны, и я бы очень хотела знать, откуда, из какого поэта и из какого произведения они взяты. Поэтому не будете ли Вы столь добры, что внимательно прочтете перечень заметок, которые я Вам посылаю? Эти заметки главным образом относятся к указанным цитатам, но есть среди них и вопросы о других вещах, однако все они имеют отношение к „Тесс“.

Смею надеяться, глубокоуважаемый сэр, что Вы любезно исполните мою смиренную, но настоятельную просьбу. С совершенным почтением Вера Спасская.

P. S. Прошу Вас писать мой адрес по-французски следующим образом: В редакцию „Русской мысли“. Леонтьевский переулок, 21. Для М-ле Веры Спасской».

В конце последней страницы этого письма рукою Т. Гарди сделана следующая помета в квадратных скобках: «[Имена поэтов посланы. Перевод появился впоследствии в ряде журнальных книжек]».

Короткий, но вполне положительный ответ Т. Гарди, датированный 26 августа 1892 г., пришел к В. М. Спасской через контору «Русской мысли» месяца через полтора (следует принять во внимание разницу календарных стилей и медленность почтовой пересылки писем пароходами из России в Англию и обратно); во всяком случае ее ответное (второе) письмо к Т. Гарди помечено 14 сентября (ст. ст.) 1892 г. Приводим по автографу письмо Т. Гарди: ¹⁴

«My dear Madam,

I am much interested in your account of yourself and your opinion of my novel «Tess of the d'Urbervilles».

You have my full permission to translate it into Russian, the only condition I make being that you send me a copy of your translation when printed.

Any further question I will answer, if you send them, I think the answers enclosed will meet your requirements. If you are ever in England I shall be pleased to know of it.

I remain

yours faithfully

Thomas Hardy». ¹⁵

¹⁴ Публикуемое письмо Т. Гарди написано на печатном бланке с обозначением: «Max Gate, Dorchester».

¹⁵ Перевод:

«Милостивая государыня,

Я очень заинтересован Вашим сообщением о себе и Вашем суждением о моем романе „Тесс из рода д'Эрбервиллей“.

Даю Вам полное согласие перевести его на русский язык, с единствен-

Получив это письмо, В. М. Спасская тотчас же ответила на него большим посланием, в котором благодарила писателя за разрешение на перевод его романа, но вновь задавала некоторые вопросы, относящиеся к произведению, над переводом которого ей предстояло трудиться. Очевидно, те «имена поэтов», которые он сообщил ей, и названия их произведений, которыми он вдохновлялся, создавая текст «Тэсс» (см. вышеприведенную помету, сделанную Т. Гарди на первом письме переводчицы), были для нее недостаточны; В. М. Спасская хотела получить разъяснения по поводу отдельных мест романа, затрудняясь их толкованием или формой их русской передачи. Получив предварительное согласие автора ответить на эти вопросы, В. М. Спасская составила их список и послала ему. Приводим это ее письмо, датированное 14 сентября 1892 г.:

«Глубокоуважаемый сэр,

Горячо благодарю Вас за любезный ответ на мое письмо, за разрешение на перевод Вашего прекрасного романа, а также за Вашу драгоценную для меня помощь. Конечно, экземпляр моего перевода будет Вам послан, как только он будет напечатан. Редактор „Русской мысли“ намерен напечатать первые главы в ближайшей январской книжке и продолжать публикацию без перерывов в шести или восьми номерах журнала.

Вы дружески обещали мне, что будете отвечать на некоторые дополнительные вопросы, относящиеся к Вашей книге, если я Вам пошлю их. Я надеюсь, что я не слишком злоупотребляю Вашей добротой, осмеливаясь надоедать Вам снова.

В „Тесс, наследнице д'Эрбервиллей“ имеются слова и выражения, взятые, вероятно, из уессекского диалекта; их не мог мне объяснить даже хорошо образованный английский джентльмен, с которым мне недавно посчастливилось встретиться. Не могли бы Вы, глубокоуважаемый сэр, объяснить мне их смысл по-французски или по-немецки, либо истолковать их по-английски, если Вы это найдете более удобным. Мне хотелось бы сохранить, насколько это было бы возможно, типический характер сельских сцен и анекдотов, которые рассказывает хозяин молочной фермы Крик.¹⁶

Цитаты из английских поэтов, которые Вы приводите в Вашей книге, обновили мое давнее желание. Я всегда хотела изучить стихи Браунинга и Суинберна; моя болезнь и обязательные ра-

ным условием — прислать мне экземпляр Вашего перевода, когда он выйдет в свет.

На Ваши дальнейшие вопросы я отвечу, если Вы их мне пришлете. Полагаю, что ответы, которые я приложу, удовлетворят Вас.

Если Вы будете когда-нибудь в Англии, очень буду рад узнать об этом. Остаюсь искренне Ваш Томас Гарди».

¹⁶ В. М. Спасская имеет в виду те страницы романа, действие которых происходит на скотном дворе фермера Ричарда Крика (Фаза третья. Выздоровление, XVII; о фазах см. ниже, примеч. 19).

боты оставляют мне малый досуг, но я твердо намереваюсь осуществить это желание вскоре или позже. С Браунингом я познакомилась до некоторой степени из ряда статей, ему посвященных. Среди них я прочла одну итальянскую статью, которую и перевела, но о Суинберне я знаю только то, что он был пламенным приверженцем свободы, проповедником благородных идеалов, виднейшим и главнейшим из викторианских поэтов. Что касается Теннисона,¹⁷ то я читала и перечитывала многие из его мелких стихотворений и восхищалась теми, в которых он остается поэтом для самого себя, не лауреатом. Жаль, что все дешевые английские издания их большею частью неудобочитаемы для людей со слабым зрением.

У меня нет ни малейшего вероятия приехать когда-либо в Англию, чтобы познакомиться с Вами лично. Поэтому Вы доставите мне большое удовольствие, если пришлете мне Ваш портрет. Когда я перевожу что-нибудь по собственному выбору, подобное Вашей „Тесс, наследнице д'Эрбервиллей“, что произвело на меня неизгладимое и подавляющее впечатление, я предаюсь всем сердцем и душою моей работе, и меня укрепляет и вдохновляет тогда изображение автора, стоящее передо мною. Поэтому разрешите мне питать надежду, что Вы исполните мою почтительную просьбу. Искренне преданная Вера Спасская».

В письме указан московский адрес Спасской: «Тверская. Чернышевский переулок. Дом Василенко».

Следующее письмо В. М. Спасской к автору «Тэсс» написано было через три дня после предшествующего; текст письма от 17 сентября не вполне объясняет причину той поспешности, с которой оно было написано и отправлено в Англию:

«Глубокоуважаемый сэр,

Я писала Вам за два или три дня до получения Вашей почтовой открытки, чтобы поблагодарить Вас за любезное письмо и попросить Вас ответить на некоторые дополнительные вопросы о Вашей книге. Мне очень стыдно, что я запоздала со своим

¹⁷ Альфред Теннисон (Alfred Tennyson, 1890—1892) — известный английский поэт, с 1850 г. получивший титул «поэта лауреата», унаследованный им после смерти Вордсворта. К началу 90-х годов он был уже довольно хорошо известен русским читателям; в русских периодических изданиях к этому времени напечатано было свыше сорока произведений Теннисона в русских стихотворных переводах, правда, большею частью весьма среднего качества (П. Васильева, В. Лихачева, Д. Минаева, М. Михайлова, О. Чюминой и др.), а также до десятка критических статей о них. В 1892 г., в год смерти Теннисона, о нем писали больше, чем обычно. В русских журналах появились о нем некрологические статьи и пространные характеристики, см., например: К [раснов] Пл. Поэзия Теннисона. — Книжки недели, 1892, № 11; Чуйко В. В. Теннисон. — Наблюдатель, 1892, № 10, и др.). В ноябрьской книжке «Библиографических записок» 1892 г. опубликован перечень русских переводов его произведений: см. за подписью «Провинциального библиографа» (Н. Н. Бахтин) заметку «Иностранцы писатели в русской литературе. Теннисон» (с. 811—812). В. М. Спасская безусловно видела некоторые переводы из Теннисона и читала статьи о нем.

ответом, но я жила в сельской местности, откуда было затруднительно посылать письма почтой; весьма плохое состояние моего здоровья воспрепятствовало мне выразить Вам ранее мою горячую и искреннюю благодарность. Теперь я чувствую себя несколько лучше и надеюсь, что мой перевод двинется вперед без перерывов.

Будьте добры, простите мне мою невольную невежливость. С глубоким уважением преданная Вам Вера Спасская.

P. S. В моем втором письме я сообщила Вам мой собственный адрес: он не соответствует адресу конторы, где помещается „Русская мысль“. Сообщаю об этом для будущих писем, туда отправляемых».

Можно предположить, что настоящее письмо (третье) служило ответом на ту почтовую «открытку» (post-card), которую она получила от Т. Гарди уже после того, как отправила ему письмо от 14 сентября; причиной же недоразумения был адрес, сообщенный ею в первом письме, который он счел адресом редакции журнала «Русская мысль». Проверить эти догадки затруднительно, так как указанная «открытка» в бумагах В. М. Спасской отыскана не была, а с другой стороны, конверты от двух других писем, публикуемых нами, не сохранились.

Оптимистический тон этого письма и высказанная в нем надежда переводчицы, что предпринятый ею перевод пойдет вперед быстро и без помех, однако, не оправдались. Болезнь, на которую В. М. Спасская ссылалась, не только не прошла, но постепенно усилилась. Правда, она всячески сопротивлялась болезни и работала над переводом «Тэсс» в течение всей осени, в чем ей оказало немалое содействие письмо Т. Гарди от 31 октября (н. ст.) 1892 г., к которому были приложены фотография, о которой она его просила, а также составленный ею перечень вопросов с собственноручно вписанными Т. Гарди ответами на них.

«Dear Madam:

I enclose herewith the answers to your questions concerning passages in «Tess of the d'Urbervilles» also the photograph you request.

I shall be glad to see *La Pensée Russe* when the story appears therein. Yours truly

Thomas Hardy».¹⁸

В. М. Спасская ответила на это письмом от 26 октября (ст. ст.) 1892 г.:

«Глубокоуважаемый сэр,

Спешу выразить Вам глубокую благодарность за полученные мною вчера фотографию и за ответы на мои вопросы.

¹⁸ Перевод:

«Милостивая государыня,

Прилагаю при сем ответы на Ваши вопросы, касающиеся отдельных мест в „Тэсс из рода д'Эрбервиллей“, а также просимую Вами фотографию.

Первые две фазы¹⁹ „Тесс, наследницы д'Эрбервиллей“ мною в настоящее время переведены полностью, и я надеюсь (если, однако, мое плохое здоровье не воспрепятствует этому) закончить весь первый том в последних числах нашего декабря.

Oct 31. 1892

Dear Madam:

I enclose herewith the answers to your questions concerning passages in "Tess of the D'Urbervilles". Also the photograph you request.

I shall be glad to see La Pensée Russe when the story appears.

Hersin

Yours truly
Thomas Hardy

Письмо Т. Гарди к В. М. Спасской. 31 октября 1892 г.

Я собиралась Вам посылать мой перевод в отдельных книжках журнала, но теперь, когда узнала, что Вы хотели бы видеть „Русскую мысль“ полностью, я поговорю с редактором (изда-

Я хотел бы увидеть „Русскую мысль“, когда моя повесть появится в этом журнале. Уважающий вас Томас Гарди.

¹⁹ Переведенный В. М. Спасской роман разделен автором на «фазы» (своего рода периоды развития действия, или, вернее, душевной эволюции героини), имеющие собственные заглавия, а в каждую «фазу» включен ряд глав, обозначенных римскими цифрами.

телем)²⁰ этого периодического издания, и не сомневаюсь, что он охотно исполнит Вашу просьбу.

С пожеланиями всяческого благоденствия, всегда преданная Вам Вера Спасская».

Фотографический портрет, посланный Т. Гарди В. М. Спасской, до нас не дошел. Зато сохранился полностью (на четырех листах) перечень предложенных ею писателю вопросов, с его ответами, аккуратно вписанными его рукой на тех же страницах: это самый ценный документ во всей их переписке. Этим интересным авторским комментарием к «Тэсс» мы займемся ниже; необходимо, однако, рассказать предварительно, почему Спасская смогла воспользоваться им только отчасти.

Публикация ее перевода («Тэсс, наследница д'Эрбервиллей») в силу целого ряда неблагоприятных обстоятельств началась в «Русской мысли» позже, чем ранее предполагалась, — с мартовской (вместо январской) книжки. Главной причиной задержки, однако, оказалась ее болезнь, о которой, как мы видели, она упоминала в каждом письме. На этот раз болезнь переводчицы настолько обострилась, что она вынуждена была на несколько месяцев вовсе прервать свою работу за письменным столом. Обо всем этом мы узнаем из письма Спасской к Т. Гарди, посланного в Англию в конце мая 1893 г. Роковым образом оно оказалось последним в их переписке.

Приводим это прощальное письмо Спасской, датированное 16 мая, в котором она чистосердечно рассказывает Т. Гарди грустную историю о том, почему ей пришлось отказаться от продолжения удачно начатого перевода его романа и передать его вторую часть для перевода другому лицу:

«Глубокоуважаемый сэр,

Примите мои смиреннейшие извинения за то, что я на столь долгое время оставила Вас без всяких известий относительно моего перевода Вашего романа. Как я писала Вам незадолго перед рождеством, первые его главы должны были быть напечатаны в январской книжке „Русской мысли“. Однако совершенно неожиданно для меня публикация его была отсрочена, чтобы извести больше места для „Космополиса“ Поля Бурже, — повести, которая произвела большую сенсацию в наших литературных кругах, хотя издатели „Русской мысли“ очень далеки от симпатий к ее тенденции.²¹ Первая фаза „Тэсс, наследницы

²⁰ Главным редактором «Русской мысли» в это время был В. М. Лавров.

²¹ Роман французского писателя Поля Бурже (Paul Bourget, 1852—1935) «Космополис» («Cosmopolis», 1892) тотчас по выходе в свет в подлиннике (в конце 1892 г., но с обозначением 1893 г.) появился в русском переводе М. Ремезова в «Русской мысли» и печатался там без перерыва, начиная с декабрьской книжки этого журнала за 1892 г. (кн. XII, с. 222—242), где опубликована первая глава; последующие главы появились в журнале в 1893 г. в книгах I (с. 143—216), II (с. 83—150), III (с. 132—200) и закончились в кн. IV (с. 154—215). В. М. Спасская была права, утверждая,

д'Эрбервиллей“ появилась в книжке журнала от марта—апреля, и я посылаю Вам этот перевод заказной бандеролью.

Однако я должна сообщить Вам кое-что о себе, что является для меня предметом глубокой горести: я была так больна, начиная от Рождества, что была вынуждена отказаться от моей работы. Прошу Вас поверить мне, что я пришла к такому решению после долгой и тяжелой борьбы, после многих серьезных попыток продолжать работу, которой я дорожу, вопреки все ухудшавшемуся состоянию моего здоровья; в конце концов я провела около двух месяцев в санатории... Но все было напрасно. Если бы я имела возможность выпустить в свет мой перевод отдельным изданием, это было бы для меня гораздо более удобным и я бы, конечно, могла ждать наступления более благоприятного периода моей болезни, но это — не тот случай, а ежемесячный журнал не может ждать. В майской и июньской книжках „Русской мысли“ „Тесс“ продолжает печататься в моем переводе (я перевела в общем 29 глав), а затем будет печататься в переводе другого лица. Очень возможно, что этот другой переводчик выполнит свою задачу с большим мастерством, чем это удалось мне, но сделает ли он это с таким же энтузиазмом, который все время наполнял мое сердце, с тем же глубоким сочувствием, которое я испытывала к бедной Тесс и многим ее сестрам по судьбе?

Во всех этих обстоятельствах я чувствую утешение в мысли, что прекрасный роман, с которым я страстно желала познакомиться наших читателей, появится в полном переводе, в который я внесла свой вклад.

Я была бы очень рада узнать, какой новый роман в последнее время появился из-под Вашего пера.

Верьте мне, дорогой сэр, что я всегда буду преданной поклонницей Вашего щедрого поэтического дарования. Вера Спасская.

P. S. Я плохо вижу то, что я пишу: я так устала и так взволнована после консультации, которую я имела с одним из наших

что «Космополис» помешал опубликованию «Тэсс», перевод которой вместо первой книги начал печататься в том же журнале лишь в мартовской книге, т. е. два месяца спустя. Права была В. М. Спасская также в том, что роману Бурже было отведено много места в журнале, несмотря на то что редакция в предпосланном тексту перевода предвостерегла к русскому читателю, а также в послесловии к нему довольно резко возразила против ярко сказавшихся в романе воинствующих клерикальных тенденций. В этом произведении модного в то время писателя, как отмечалось в заметке от редакции «Русской мысли», «с большой яркостью и правдивостью, с отличным знанием, изображено космополитическое общество теперешнего Рима, та международная „золоченая богема“, которая топчется в „Вечном городе“ и превращает его в настоящий Космополис». «Художественность и яркость картины <..> побудили нас познакомить читателей с этим блестящим романом, тенденции которого мы не сочувствуем, и притом убеждены, что и никто из русских людей сочувствовать не может» (кн. I, с. 222—223).

лучших медиков; он находит, — как и остальные его коллеги, — что я страдаю очень типической формой истерии».

На этом короткая, но плодотворная переписка Т. Гарди и В. М. Спасской прервалась и более не возобновлялась. Важнейшим ее результатом был, как уже указывалось выше, своеобразный автокомментарий Т. Гарди к его роману — ответы на вопросы переводчицы. В. М. Спасская, по-видимому, собиралась не только воспользоваться этим документом Гарди для своих переводческих целей, но и напечатать отдельные замечания автора романа в подстрочных примечаниях к переведенному ею тексту. Однако это намерение осуществилось только отчасти. Русский перевод «Тэсс» начал печататься в «Русской мысли» с мартовской книжки 1893 г.²² К первым главам романа сделано несколько примечаний, хотя и без указания на то, что они принадлежат автору романа. Однако вскоре эти примечания исчезают из публикации²³ и качество перевода резко ухудшается; разъяснения автора при переводе больше не принимаются во внимание, из текста выбрасываются целые главы. Вместе с тем после майской книжки исчезает и имя переводчицы, скрывшейся за инициалами В. М. С. Объяснение дает сама переводчица в своем последнем письме к Гарди. То же засвидетельствовано и в автобиографической заметке В. М. Спасской: «За болезнью пришлось передать вторую часть романа другой переводчице»,²⁴ — кому именно, осталось неизвестным. Таким образом, большая часть ответов Гарди не была использована при переводе и не публиковалась.

Список В. М. Спасской содержал в себе 24 вопроса. Наименее интересная их часть относилась к собственным именам, цитируемым в романе; при желании переводчица могла получить необходимые разъяснения в любом справочном издании. Так, например, ее затруднили цитаты из Роберта Саута, Роджера Эшема и Джереми Тейлора, приводимые Гарди в главах XII и XV романа. «Кто был Роберт Саут, слова которого „так мало сладости в собственной гибели“ Вы приводите на стр. 121 первого тома Таухницевского издания?», — спрашивала она автора, и он разъяснил ей, что Роберт Саут был «an English divine and writer of forcible sermons. Born 1633. Died 1716. The quotation is from a sermon of his» («английский священник и писатель, автор пламенных про-

²² Тэсс, наследница д'Эрбервиллей. Роман Томаса Гарди. Пер. с англ. В. М. С. — Русская мысль, 1893, кн. III, с. 43—82; кн. IV, с. 43—75; кн. V, с. 28—84; кн. VI, с. 33—115; кн. VII, с. 110—188; кн. VIII, с. 16—75.

²³ Публикация этих примечаний началась в пятой книжке «Русской мысли» за 1893 г. (с. 37 — о Р. Сауте, с. 51 — о Р. Эшеме, с. 52 — о Дж. Тейлоре), но на этом же и остановилась; в книжках VI—VIII примечаний больше нет; следовательно, «вопросо-ответный» перечень не был передан В. М. Спасской другому переводчику.

²⁴ Словарь членов Общества любителей российской словесности. М., 1912, с. 269.

поведей, род. 1633, ум. 1716. Цитаты взяты из одной его проповеди»²⁵ Того же порядка разъяснения относительно Роджера Эшема и Джереми Тейлора, упоминаемых на стр. 141 и 142 первого тома того же лейпцигского издания романа.²⁶ Гарди пишет, что слова «By experience we find out a short way by a long wandering» («Опыт помогает нам, посредством долгого странствования, отыскивать кратчайший путь») принадлежат Роджеру Эшему (Roger Asham, 1515—1568) — «наставнику королевы Елизаветы» и «безупречному английскому писателю («an accomplished English writer») XVI века». В главе XV своего романа Гарди пишет: «Как и Джереми Тейлору, ей приходила мысль, что настанет время, когда знавшие ее будут говорить: это такое-то число, день, когда скончалась бедная Тэсс!!!...». На вопрос В. М. Спасской по поводу этой цитаты автор ответил: «Джереми Тейлор, 1613—1677 — красноречивый церковный оратор и писатель»; далее он называет «наиболее известное из его сочинений» — «Holy Living and Dying» («Святая жизнь и кончина»). Гарди пояснил также, что слова «the ironical Tishbite» (I, 105) имеют в виду пророка Илию Фесвитянина в Библии (3 кн. Царств, XVIII, 27—30), смеявшегося над жрецами Ваала, а «the man of Uz» («человек из Уца» — I, 180) — патриарха Иова.²⁷

Гораздо интереснее в списке раскрытие тех цитат в тексте романа, источники которых не указаны автором и, может быть, даже не всегда предполагались известными читателю. В стилистическую ткань своего повествования, зачастую возвышающегося до мерной ритмизованной речи, Гарди незаметно ввел много точных и неточных цитат из английских поэтов; эти цитаты лишней раз убеждают нас в широкой начитанности Гарди в английской поэзии и подготавливают нас к тому перелому в его творческой деятельности, который к концу XIX в. привел его к полному отказу от художественной прозы; как известно, в последний период своей литературной деятельности Гарди писал только поэтические произведения. Интересен и выбор этих «скрытых» цитат: Гарди охотнее всего вспоминает Суинберна и Роберта Браунинга, старинные народные баллады; иных же поэтов Гарди цитирует по

²⁵ Разъяснения относительно Роберта Саута В. М. Спасская внесла в свой перевод (см.: Русская мысль, 1893, кн. V, с. 37). К сожалению, в последующих русских переводах романа, например А. В. Кривцовой (Гарди Т. Тэсс из рода д'Эрбервилль. М.—Л., изд. «Земля и фабрика», 1930, с. 148), Rob. South превращен в поэта-романтика Роберта Саути (1774—1843), а слова «in love with ruin» переданы как «влюблена в собственную гибель». Однако в более поздних изданиях эта ошибка исправлена (см., например, примечания М. Гордышевской в издании: Гарди Томас. Тэсс из рода д'Эрбервиллей. М., «Художественная литература», 1972, с. 389).

²⁶ Далее при цитировании Таухницевского издания 1892 г. указываются в скобках том (римская цифра) и страница (арабская цифра).

²⁷ Из «Книги Иова» (I, 3, 15—17; II, 11; XXXII, 2) явствует, что земля Уц, где жил Иов, находилась на восток от Палестины, вблизи Аравии и Идумеи (см.: Солянский П. Опыт библейского словаря собственных имен, т. II. СПб., 1881, с. 275; т. IV. СПб., 1884, с. 206—207).

контрасту со своей собственной поэтической манерой и ради необходимости их полного и категорического отрицания. Интересно, что в числе этих последних на первом месте стоит Вордсворт; Гарди претит его сентиментальный христианский оптимизм, а идиллический характер его народничества слишком противоположен его собственной натуралистической манере, чтобы не вызвать в нем желания открытой полемики. Лучшие романы Гарди из английского крестьянского быта — это протест против вордсвортской традиции в английской литературе.

«Какого поэта вы имеете в виду, говоря на 35-й странице Таухниевского издания о „святом плане Природы“?», — спрашивает В. М. Спасская автора. Она осведомляется здесь о том месте романа, где Гарди от своего имени спрашивает: «Любопытно было бы знать, в силу какого авторитета поэт, философия которого считается в наши дни столь глубокой и истинной, а стих его — чистым и воздушным, в силу какого авторитета этот поэт говорит о „святом плане Природы“ («Nature's holy plain»)». Гарди разъяснил, что имел в виду Вордсворта, именно известные слова в его «Lines written in early spring» («Стихи, написанные ранней весной»).

Действительно, эти слова для Гарди звучали полной бессмыслицей: он меньше всего мистик или пантеист; небеса для него пусты, а на природу, враждебную человеку или вполне к нему равнодушную, он смотрит не только оком художника, но и взглядом естествоиспытателя. «То, что отделяет Гарди от Вордсворта, — замечает автор критической параллели между ними, Хеджкок, — это не столько разница их темперамента, сколько целый век научного знания и детерминистической философии».²⁸ Другой выпад против Вордсворта находим мы в LI главе романа: «Для Тэсс, как и для многих миллионов людей, жестокой насмешкой звучали слова поэта:

Not utter nakedness, but trailing cloud of glory
Do we come...
(Не нагими приходим мы в мир,
Но облеченные облаком славы...).

Когда В. М. Спасская захотела узнать источник этой поэтической цитаты, автор ответил ей, что указанные стихи взяты из «Ode on Intimations of Immortality» («Ода на близость бессмертия») Вордсворта. Эти авторские разъяснения существенно помогают уяснению романа, его идейной основы и философского замысла.

Любопытно также раскрытие Гарди тех «скрытых» поэтических цитат, на которые обратила внимание его переводчица. В главе XXXV Энджел Клар размышляет «о страшных случайно-

²⁸ Hedgcock E. Th. Hardy penseur et artiste. Paris, 1914, p. 362—376. См. также: Tinker Ch. Natures simple Plan. Princeton, London, 1922.

стях, руководящих человеческой судьбой, о неожиданности событий. Когда боготворил он Тэсс, не было, кажется, существа чище, нежнее, девственнее, чем она, но вот стала она

The little less, and what worlds away!
(Меньше чуть-чуть, и какие миры исчезли!)

Этот стих оказывается цитатой из стихотворения Роберта Браунинга (Robert Browning, 1812—1889) «У камелька» («By the Fireside»). В главе XXXVII тот же Клэр «видел, как она (Тэсс, — М. А.) уезжает, и в тоске цитировал стих поэта, переделывая его по-своему:

God's not in the his heaven: all's wrong with the world
(Бога нет на небе: все неблагополучно на земле)

Это переделка известного стиха из песенки Пиппы в «Pippa passes» (1841) того же Браунинга:

God's in his heaven: all's right with the world
(Бог на небе: все благополучно на земле)

Особенно же охотно Гарди цитировал Суинберна (Algernon Charles Swinburne, 1817—1909). В XXV главе романа (I, 255) Гарди говорит про свою героиню, что она должна была пережить «еще четыре с лишним месяца мучительного восторга — радости, опоясанной болью» («Pleasure girdled about with pain»). Это стих из Суинберна («Swinburne, a living English poet»). В главе XXXV (II, 45) — новая цитата из того же поэта, имя которого не указано в тексте:

Behold, when thy face is made bare, he that loved thee shall hate.
The face shall be no more fair at the fall of the fate.
For the life shall fall as a leaf and be shed as the rain
And the veil of thine head shall be grief and the crown shall be pain.
(Когда лицо твое будет изношено, кто любил тебя, возненавидит,
Не будет прекрасным лицо твое под осень жизни твоей.
Ибо жизнь твоя упадет, как лист, и прольется, как дождь;
И вуаль на твоей голове будет скорбью, а корона — болью)

«Не Теннисону ли принадлежат эти стихи?», — осведомлялась В. М. Спасская у автора, но Гарди разъяснил, что это цитата из трагедии Суинберна «Atalanta in Calydon» (1865).

В главе XLII (II, 113) — новая цитата из Суинберна, в тексте опять не названного:

The maiden's mouth is cold
· · · · ·
Fold over simple fold · · · · ·
Binding her head.
(Холодны уста девушки
· · · · ·
Складка за складкой
На лбу пролегли)

Это стихи из «Фраголетты» («Fragoletta»), суинберновских «Поэм и баллад».

В главе XXVII (I, 248), однако, оказались стихи и из Теннисона. Гарди указал В. М. Спасской, что строка «Leave thou thy sister when she prays» взята из Теннисона, именно из самой тонкой из его поэм, озаглавленной «В память» («from his finest poem, entitled „In Memoriam“»).²⁹ Но когда переводчица предположила, что одна из цитируемых Гарди баллад «артуровского цикла» взята им из теннисоновских «Королевских идиллий», автор возразил. Речь идет о том месте романа, где Тэсс вспоминает балладу «о мистическом платье»:

К лицу оно не будет той,
Что хоть раз согрешила, —

балладу, которую так весело и задорно напевала ей в детстве м-с Дейберфильд, раскачивая ногой колыбель под аккомпанемент песенки. Что, если платье изменит цвет и предаст ее, как предана была королева Гиневра? «Могу ли я найти эту легенду в теннисоновских балладах?», — простодушно спрашивала Гарди переводчица, забывая о том, что чуткий художник не только не мог вложить в уста крестьянской девушки стихи из теннисоновской идиллии, но что для Гарди, очевидно, должен был быть и вовсе чужд розовый и сладенький колорит этих идиллий, в которых средневековые легенды переделаны во вкусе английских мещан середины XIX в. Он отвечал: «Нет. Это древняя баллада, которую можно найти в „Остатках древней поэзии“ Перси. Заглавие ее „Мальчик и мантия“ («The boy and the mantle»)). Прибавим, что эта баллада относится к числу очень ранних³⁰ и рассказывает о мальчике, который прыбыв ко двору короля Артура с чудесной мантией, имевшей свойство изобличать неверных жен; однако, по балладе, королева Гиневра не одевает эту мантию, а предоставляет это придворным дамам; сама же она из опасения, что ее тайны открыты, удаляется из общего зала в свои покои; лишь эту народную балладу, известную в многочисленных записях, Гарди мог вложить в уста матери Тэсс и заставить вспомнить о ней и свою героиню.

Дальнейшие разъяснения Гарди значительно менее интересны: он указывает В. М. Спасской, что в ряде мест воспользовался цитатами из Библии,³¹ один раз процитировал шекспировский со-

²⁹ В память друга Теннисона Генри Галлана, умершего в 1833 г.

³⁰ См. эту балладу в известном собрании: Child Fr. The English and Scottish popular ballads. Boston, 1883, p. 11, 29. Чайльд полагает, что эта баллада дает вариант одного эпизода из романа о «Персевале» Кретьена де Труа.

³¹ Так, фраза «pillar of a cloud» (II, 28) взята из Библии (Исход, XIII, 21), слова «How are the mighty fallen» (II, 246) — из II книги пророка Самуила (I, 19).

нет;³² по ее просьбе, он разъяснил ей, что имена Изз и Кетти (Izz and Ketty) — уменьшительные от Элизабет и Генриетта (Elizabeth and Henrietta), и рассказал, почему английские крестьянки называли 6 апреля «старым благовещением» (Old Lady Day): «До введения нового стиля, т. е. до изменения календаря, благовещение приходилось на этот день, ныне же приходится на 25 марта»; к этому прибавлено несколько объяснений встречающихся в романе диалектных выражений.³³

Как видим, список вопросов русской переводчицы и обстоятельные и точные ответы на них автора «Тэсс» представляют собой очень интересный литературный документ; он помогает нам войти в творческую лабораторию писателя, подчеркивает его пристрастия и антипатии, раскрывает явный или тайный смысл приводимых им поэтических цитат, источники которых, повторяем, не во всех случаях могли быть хорошо известны даже английскому читателю.

Не знаем, дождался ли Гарди обещанного ему экземпляра русского перевода своего романа. Думаем, что нет: Спасской едва ли удобно было посылать ему оттиски из «Русской мысли», так как начатый ею перевод закончен был другим лицом, переводчицей весьма ремесленного склада, которая не могла или не захотела воспользоваться советами автора и попросту выбросила из своего перевода все то, что представляло для нее хоть малейшее затруднение. В итоге этот первый русский перевод крупного произведения Гарди оказался малоудовлетворительным и прошел почти незамеченным в русской литературе. Никаких следов дальнейшей переписки В. М. Спасской с автором «Тэсс» мы не нашли в ее бумагах, — очевидно, неудача с этим переводом была важнейшей для этого причиной. В архиве Спасской сохранилось, однако, письмо к ней (от 30 июля 1890 г.) близкого друга Т. Гарди — известного эссеиста и литературного критика Эдмунда Госса (Edmund Gosse, 1849—1928), с извещением о присылке ей сборника критических статей («A volume of collected essays»), из которых

³² «Which alters when it alteration finds» (II, 241), см. шекспировский сонет CXVI, стихи 2—3:

... Love is not love
Which alters when it alteration finds
(Любовь — это не любовь,
Если она изменяется, когда встречает изменение)

³³ «Lanchets or lynchets — is it crags?», — спрашивала В. М. Спасская. Гарди отвечал: «A lanchet is a local name for a stratum of flinty stones, which crops out in chalk land» («lanchet — местное название пласта скального камня, выходящего наружу из меловой почвы»). Далее Спасская задает вопрос: «A Counterblast to Agnosticism? Кто автор и что означает подчеркнутое слово?». Гарди отвечал: «Это фиктивное заглавие. „Counterblast“ означает „встречный порыв ветра“ (т. е. ответ)». На последний вопрос переводчицы, что он «хотел сказать словом „the Rally“ — заголовком третьей фазы „Тэсс“?», следует ответ Гарди: «Смысл — „Выздоровление“».

она могла бы выбрать несколько этюдов для перевода на русский язык («any of which you are perfide at liberty to translate into Russian»).

Приложение

ОТВЕТЫ ТОМАСА ГАРДИ НА ВОПРОСЫ В. М. СПАССКОЙ В СВЯЗИ С ПЕРЕВОДОМ РОМАНА «ТЭСС ИЗ РОДА Д'ЭРБЕРВИЛЛЕЙ»¹

Vol. I Tauchnitz Edition

1. What poet do you mean on p. 35 of the Tauchnitz Edition — the poet speaking of «Nature's holy plan»? — *Wordsworth. The name of the poem in «Lines written in early spring».*

2. The ironical Tishbite? p. 105. — *The prophet Elijah.*

3. Who was Roberth South, whose words «in love with ruin» you quote on p. 121 — *An English divine, and writer of forcible sermons. Born 1633. Died 1716. The quotation is from a sermon of his.*

4. Roger Asham? «By experience we find out a short way by a long wandering», p. 141. — *An accomplished English writer, tutor to Queen Elisabeth. Born 1515. Died 1568.*

5. Jeremy Taylor? p. 142. — *An eloquent English divine and author. His bestknown work is entitled: «Holy Living and Dying» B. 1623, D. 1667.*

6. Whose verses do you quote on p. 167? Indeed opine that the Eternal and Divine etc. — *The poet Robert Browning, recently deceased.*

7. The man of Uz? p. 180. — *The Bible. The patriarch Job.*

8. Of what names are Izz and Ketty the diminutives? — *«Elizabeth» and «Henrietta».*

9. From what poet is the quotation «Pleasure girdled about with pain?» p. 255. — *Swinburne, a living English poet.*

10. Idem: «Leave thou thy sister when she prays etc.» p. 248. — *Tennyson, a living English poet. The quotation is from his finest poem, entitled «In Memoriam».*

11. Queen Guénever, p. 295. Can I find the legend in Tennyson's ballads? — *No. The ballad is an ancient one, which may be found in Percy's Reliques of Ancient Poetry. Its title is «The boy and the mantle».*

Vol. II

12. To whom belong the verses «the man of upright life, from frailties free etc...?» p. 34 — *It is the authors translation from Horace. Ode XXII the beginning of which is quoted in the Latin.*

¹ Ответы Т. Гарди, вписанные им в перечень вопросов В. М. Спасской, выделены курсивом.

13. Idem: «Behold, when thy face is made bare etc». (Is if Tennyson?) p. 45. — No: Swinburne's <Poems and Ballads> «Atalanta in Calydon».

14. Idem: «The little less, and what worlds away!» p. 50 — Browning's «By the Fireside».

15. To what poet does belong the line, that Angel quotes with emendations of his own, on p. 77. — «God's not in his heaven, all's wrong with the wold». — Browning. *The original line is «God's in his heaven: all's right with the world» and it occurs in «Pippa passes».*

16. «The maiden's mouth is cold» etc.? p. 113. — Swinburne's «Fragoletta» (in «Poems and Ballads»).

17. Why is the 6 April caled Old-Lady-Day? — *Because it was the Lady Day before the «New Style» (or change of the Calendar) was introduced. Lady Day (the day of our Lady) is now March 25th.*

18. Whence are taken the words «pillar of a cloud»? p. 208. — *From the Bible. (Exodus XIII, verse 21).*

19. Whence are the lines «Not in utter nakedness, but trailing clouds of glory do we come»? p. 222. — *From Wordsworth's poem called «Ode on Intimations of Immortality».*

20. Idem: «which alters when it alteration finds». p. 241. — *Shakespeare. Sonnet CXVI.*

21. Idem: «How are the mighty fullen». p. 246. — *Bible (2 Samuel. Ch. I. v. 19).*

22. Lanchets or lynchets? p. — is it crags? — *A «lanchet» is a local name for a stratum of flinty stones, which crops out in chalk land.*

23. A Counterblast to Agnosticism? — Who is the author and what means the under lined word? — *It is a fictions title. «Counterblast» means «an opposing wind» — (i. e. an answer to).*

24. Do you mean by «The Rally», the title of Tess's third phase «the mocking of the fate», or something else? — *The meaning is «The Recovery».*

Vol. I. - Facsimile Edition

1. What poet do you mean on p. 55 of the Saint
with Religion. The poet speaking of "Nature's
holy stem"? Wordsworth. The name of the
poem is ^{lines} "Written in early Spring"

2. The ironical Fish bite? p. 105°.
The prophet Elijah.

3. Who was Robert South, whose words, in love
with religion you quote on p. 124?

An English divine, and writer of forcible sermons.
Born 1633. Died 1716. The quotation is from a sermon of his.

4. Byron, Ascham? .. By experience we find out
a short way by a long wandering. p. 141.

An accomplished English writer, tutor to Queen Elizabeth.
Born 1515. Died 1568.

5. Jeremy Taylor? p. 142.

An eloquent English divine, and author. His best-known
work is entitled "Holy Living and Dying". B. 1613. D. 1667.

6. Whose verses do you quote on p. 167? Jacob.

again that the Council and Divine etc.
The poet Robert Browning, recently deceased.

7. The meaning of Ux? p. 180.

The Bible. The patriarch Job.

8. Of what names are Ux and Kotlykhardime's
natives? "Elizabeth" and "Henrietta".

9. From what poet is the quotation "Was she
gaddled about with pain"? p. 235.
Twintrane, a living English poet.

10. Idem: Where should his sister whom she proclaims.
p. 248. Tenmyson, a living English poet. The quotation
is from his finest poem, entitled "In Memoriam".

11. Queen Guinevere p. 295. Can I find the
legend in Tenmyson's ballads?

No. The ballad is an ancient one, which may
be found in "Percy's Reliques of Ancient Poetry". Its
title is "The boy and the Mantle".

#

Vol. II

12. To whom belong the verses "The man of upright

life; from frailties free etc." p. 34.

It is the author's translation from Horace, Ode XIII, the beginning of which is quoted in the Latin.

13. Idem: Behold, when thy face is made bare etc." (Is it Tennyson?) p. 45

~~14. Idem: "Atlanta in Calydon"~~ No: Swinburne's Poem

14. Idem: The little less, and what worlds away? p. 50
Browning's "By the Fireside"

15. To which poet does belong the line, that Angel quotes with emendations of his own on p. 44.

— God's not in his heaven: all's wrong with the world;
Browning. The original line is
"God's in his heaven: all's right with the world."
and it occurs in "Pippa passes".

16. The maiden's mouth is cold: etc.? p. 113
Swinburne's "Fragoletta" (in Poems & Ballads)

17. Why is the 6 April called Old Lady Day?
Because it was the Lady Day before the "New Style" (or change of the Calendar) was introduced.
Lady Day (the Day of our Lady) is now March 25th.

17. Whence are taken the words, "gates of a cloud" p. 228
From the Bible (Exodus XIII. vers 21.)

18. Whence are the lines, "Not in better inwardness, but
travelling clouds of glory do we come" p. 222
From Wordsworth's poem called; "Ode on Intimations
of Immortality"

20. To whom is he addressed when it addresses friends? p. 241
Shakespeare. Sonnet CXVI

21. To whom: "How are the mighty fallen" p. 246
Bible (2 Samuel. Ch. I. v. 19)

22. Lanchets or lynchets? p. — is it crags?
A "lanchet" is a local name for a stratum of flinty
stones, which crops out in chalk land.

23. A Counterblast to Agnosticism? — Who is the
author and what means the underlined word?

It is a fictitious title. "Counterblast" means "an
opposing wind" — (i.e. an answer to)

24. Do you mean by "The Rally", "Recovery" of his
third phase, the meaning of the first, or something
else?
The meaning is "The Recovery"

II. НОВЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ

ОБЗОР АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ XVIII—XX ВВ., ПОСТУПИВШИХ В РУКОПИСНЫЙ ОТДЕЛ ИНСТИТУТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ АН СССР ЗА 1974—1975 гг.¹

Рукописный отдел Института русской литературы выносит глубокую благодарность писателям Ф. А. Абрамову, Н. П. Вагнеру, М. А. Дудину, Н. М. Поляковой, Л. И. Раковскому, Н. С. Тихонову, Л. И. Хаустову, В. С. Шефнеру, основавшим свои личные фонды в Рукописном отделе. Рукописный отдел сердечно благодарит также за принесение ему в дар архивных материалов А. К. Бабореко, И. М. Бадалича, Е. В. Гиппиуса, А. А. Гитовича, А. Л. Григорьева, П. А. Иванова, Е. К. Кардосысову, О. Л. Клеушеву, Е. И. Князеву, А. Г. Лебедеву, Т. Е. Острогорскую, Т. Б. Меншуткину, В. А. Милашевского, К. В. Пигарева, Е. Я. Саянову, К. Л. Селезнева, И. А. Семерикову, К. М. Симонова, В. А. Солоухина, Т. П. Сычеву, Д. П. Шестакова, М. А. Шолохова.

НОВЫЕ ФОНДЫ

Бадалич Йосип Михайлович (род. 1888), профессор Загребского университета. Фонд 750.

Собрание его, включающее материалы архива Павла Ивановича Фонвизина (1746—1803), брата Д. И. Фонвизина, и его сына Сергея Павловича.

Отрывок стихотворного перевода трагедии немецкого драматурга Феликса Христиана Вейсе «Рихард III» (1759), сделанного, по предположению И. М. Бадалича, П. И. Фонвизиним (б. д.).

Письма С. П. Фонвизина к А. Я. Булгакову, черновики 4 (1827). Письма к С. П. Фонвизину: А. Я. Булгакова 2 (1827, 1828), М. А. Дмитриева-Мамонова 4 (б. д.), Д. Руднева (1829).

¹ Обзор составили: Л. П. Архипова, З. И. Власова, Л. Н. Иванова, Б. Н. Капельюш, Л. И. Кузьмина, Г. Г. Полякова, И. М. Юдина.

Записи рассказов неустановленного лица (женщины) об излечении ее от тяжелого недуга и записи рецептов лекарств от разных болезней, рукой С. П. Фонвизина и неустановленного лица, на русском и французском языках (б. д.).

Выписки, очевидно принадлежавшие С. П. Фонвизину, из масонских сочинений И. Арндта, И. Бема, Иоанна Масона, сочинения по магии Иоанна Батиста де Порты и др., на немецком, русском и французском языках, рукой неустановленного лица.

«Мнение одного украинского помещика, выраженное после беседы со своими братьями, об указе 23 мая 1816 года об Эстляндских постановлениях. Из сочинений В. Каразина». Список с пометой неустановленного лица: «Из бумаг Фседора» Михайловича» Тургенева» (<1820-е гг.>).

Перевод на русский язык неустановленным лицом од (5) Пиндара, черновая рукопись (XIX в., первая четверть).

Запись стольника Сергея Григорьевича Водорезского об отъезде от прав на своих беглых крестьян, живущих в поместьях стольника Афанасия Михайловича Дмитриева-Мамонова (1700).

Купчая о продаже А. М. Дмитриеву-Мамонову прапорщиком Тимофеем Карповичем Пасынковым поместных своих крестьян Галицкого уезда деревни Вахрамеево за 10 рублей (1715).

Фотография с портрета Бадалича работы художника Яна Койана.

Евгеньев-Максимов (наст. фам. — Максимов) Владислав Евгеньевич (1883—1955), литературовед, педагог, профессор Ленинградского гос. университета им. А. А. Жданова. Фонд 719.

Рукописи его (черновые и беловые, машинопись с правкой): «Из впечатлений лектора красноармейских аудиторий»; дневник военных лет и воспоминания об университетской жизни зимой 1941/42 г.; записи, относящиеся к изданиям сочинений Н. А. Некрасова, рецензии, отзывы о научной деятельности других лиц, а также сборниках, сценариях и т. п.

Письма В. Е. Евгеньева-Максимова (черновые): к М. К. Азадовскому (1949), М. П. Алексееву (1946), Н. Ф. Бельчикову (1953), М. Я. Богаевской (1950), А. А. Вознесенскому 7 (1943—1946), Б. П. Городецкому (1954), А. И. Груздеву (б. д.), Г. А. Гуровскому (б. д.), А. М. Еголину 3 (1947—1953), И. С. Зильберштейну (1944), Л. А. Плоткину 2 (1951, 1952), К. И. Чуковскому 3 (1951) и др.

Письма к В. Е. Евгеньеву-Максимову: В. П. Адриановой-Перетц 2 (1948), М. К. Азадовского (1943), И. Я. Айзенштока 3 (1943—1949), М. П. Алексеева 5 (1946—1954), В. А. Архипова 2 (1952, 1953), Н. С. Ашукина 2 (1941, 1947), С. Д. Балухатого (1938), Н. Ф. Бельчикова 12 (1949—1954), П. Н. Беркова 6 (1943—1951), Г. П. Бердникова 2 (1949, 1950), Т. А. Бесединой 58 (1941—1954), В. Д. Бонч-Бруевича (1931), И. А. Бродского (1946), Б. И. Бурсова 5 (1951), Б. Я. Бухштаба 5 (1943—

1950), А. С. Бушмина (1946), Г. А. Бялого 7 (1949—1952), А. М. Гаркави 48 (1950—1954), С. С. Гейченко (1951), М. М. Ги-на 64 (1943—1954), Э. Ф. Голлербаха (1928), К. Н. Григорьяна 3 (1943—1951), А. И. Груздева (1953), А. Г. Дементьева 2 (1940, 1943), В. П. Друзина 2 (1943, 1946), А. Л. Дымшица 7 (1940—1954), А. М. Еголина 51 (1940—1954), И. П. Еремина 2 (1951, 1952), В. В. Ермилова (1953), А. В. Запорова 12 (1947—1954), И. С. Зильберштейна 9 (1944—1951), Е. И. Катерли 6 (1943—1952), И. Ю. Крачковского (1947), Б. П. Кузьмина 6 (1945—1946), Б. А. Ларина (1954), Д. С. Лихачева 4 (1948—1953), О. В. Ломан 26 (1948—1954), Л. М. Лотман 9 (1953—1954), С. А. Макашина 29 (1940—1951), В. А. Мануйлова (1944), С. Я. Маршака (1951), Н. И. Мордовченко 6 (1948—1950), В. Ф. Некрасова (1940), А. Ф. Некрасовой 2 (1945, 1948), Н. В. Осмакова 3 (1951—1953), Н. К. Пиксанова 9 (1944—1952), Е. П. Приваловой 2 (1940, 1953), С. А. Рейсера 11 (1940—1955), А. П. Скафтымова 5 (1947—1953), Н. И. Соколова 5 (1952—1954), В. С. Спиридонова 2 (1944, 1948), Н. Л. Степанова 8 (1950—1951), А. А. Суркова (1946), А. Ф. Тарасова 68 (1947—1953), Е. В. Тарле (1951), А. Т. Твардовского (1953), А. А. Фа-деева (1947), В. Е. Холшевникова 4 (1946—1953), А. Г. Цейт-лина 2 (1940, 1946), Н. М. Чернышевской 3 (1945—1948), К. И. Чуковского 53 (1940—1954), Б. М. Эйхенбаума 6 (1941—1951) и др.

Автобиография (1937). Личные и служебные документы: ме-трическая выписка о рождении 17 марта 1883 г., членские би-леты Дома писателя, Литфонда и проч. (1930—1951).

Документы, относящиеся к научной и научно-педагогической деятельности; списки научных трудов, материалы, связанные с организацией музеев Н. А. Некрасова в Карабихе и Чудовской Луке (1929—1949) и с лекционной работой.

Лебедева Анастасия Григорьевна (род. 1900), педагог и библиотекар. Фонд 757.

Рукописи (черновые и беловые, машинопись) статей и мате-риалов к ним на тему «Писатели и цирк» (А. А. Блок, А. С. Грин, М. Горький, А. И. Куприн, Л. М. Леонов, В. В. Маяковский). Альбомы на ту же тему. Записи бесед с А. А. Ахматовой, П. П. Гайдебуровым, А. А. Мгебровым и др.

Письма к А. Г. Лебедевой: Н. Н. Грин 12 (1962—1964), Л. М. Леонова 2 (1964, 1972), Ф. С. Богородского 3 (1951), ар-тистов цирка.

Автобиография (1973). Личные документы (1929—1942).

Никритина Анна Борисовна (род. 1900), заслуженная артистка РСФСР (Большой драматический театр им. М. Горького). Фонд 741.

Рукописи воспоминаний А. Б. Никритиной (черновые и машинопись, частично с правкой): «Есенин и Мариенгоф», о Е. М. Грановской, Вс. В. Иванове, В. И. Качалове, А. Г. Коонен, М. Ф. Ларионове, С. Д. Лебедевой, К. А. Марджанове, Н. Н. Монахове, Г. Г. Нейгаузе, Ж. и Л. Питовых, П. Пикассо, Д. Д. Шостаковиче, Б. М. Эйхенбауме и др. (<1970-е гг.>).

Письма А. Б. Никритиной к матери — С. С. Никритиной 7 (1940—1942).

Письма к А. Б. Никритиной (часть писем обращена также к А. Б. Мариенгофу): Б. А. Бабочкина (1963), М. А. Бебана (1965), Р. М. Беньяш 14 (1969—1974), Н. Я. Берковской 13 (1962—1971), Л. В. Варпаховского (1967), В. Я. Виленкина 4 (1972—1976 и б. д.), А. К. Гладкова 4 (1965—1969), Е. М. Голышевой 21 (1962—1974), Т. В. Ивановой 50 (1964—1976), Р. Ивнева (псевд. М. А. Ковалева) 2 (1966, 1967), С. Кары (псевд. С. С. Кары-Демура) 21 (1965—1974), М. М. Козакова 2 (1973), В. М. Красовской, с приписками Д. И. Золотницкого 10 (1974), А. А. Крона 89 (1959—1976), Н. А. Крымовой 4 (1974), Б. А. Лавреница (1947), С. Д. Лебедевой 55 (1958—1966), Г. Маквея (G. McVay) 8 (1968—1975), А. Б. Мариенгофа 28 (1948—1964), Из. М. Меттера 52 (1958—1975), К. Милоты (K. Milota) 8 (1965—1968), В. А. Нелли-Влата 42 (1969—1976), З. А. Никитиной 153 (1951—1973), С. Б. Никритина 17 (1957—1965), С. В. и О. А. Образцовых 22 (1957—1975), Н. А. Ольхиной 45 (1957—1975), Н. Оттена (псевд. Н. Д. Потапинского), с приписками Е. М. Голышевой 107 (1963—1975), И. А. Синеокого 25 (1969—1975), Н. Б. Томашевского 8 (1972—1975), В. В. Устименко 13 (1974—1975), В. Н. Чувакова 2 (1969), М. Н. Шамшевой 21 (1962—1975), В. В. Шитовой 5 (1973), Б. М. Эйхенбаума (1958) и др.

Пьеса А. Л. Барто «Цветовая гамма» (машинопись) с дарительной надписью А. Б. Никритиной и Н. А. Ольхиной (1958). Портреты (фото) разных лиц с дарительными надписями А. Б. Никритиной: Е. М. Грановской (1948), О. Г. Казико (1935), В. И. Качалова (<1928>), А. Г. Коонен (<1930-е гг.>), С. Д. Лебедевой (б. д.), Н. Н. Монахова (1936), С. В. Образцова (1944), Н. А. Ольхиной (1956), Л. Питовой (б. д.), И. Ю. Шлепянова (б. д.), Б. М. Эйхенбаума (1945) и др.

Материалы, собранные А. Б. Никритиной для своей творческой биографии (машинопись, с вставками): биография, список ролей, сыгранных ею с 1917 по 1947 г., обзор статей и заметок в периодической печати о сыгранных ею ролях в спектаклях БДТ (1947) и др.

Портреты (фото) А. Б. Никритиной, одиночные и групповые (вместе с Б. А. Бабочкиным, А. Л. Барто, Ю. П. Германом, В. А. Десницким, Вс. В. Ивановым, О. Г. Казико, В. Т. Кибардиной, А. И. Лариковым, С. Д. Лебедевой, А. Б. Мариенгофом, С. В. Образцовым, Н. А. Ольхиной, Ж. и Л. Питовыми, В. Я. Со-

фроновым, В. Б. Шкловским, Д. Д. Шостаковичем, Б. М. Эйхенбаумом и др.) 51 (1920—1960-е гг.) и в ролях (одиночные и групповые) 25 (1920-е гг. — 1961).

Рукописи «маленьких комедий» А. Б. Мариенгофа (машинопись с правкой, <1950-е гг.>): «В машине пять мест», «Кукушка», «Мистер „Б“», «Тетя Ньюша».

Письма к А. Б. Мариенгофу: И. К. Авраменко (1961), С. И. Аладжалова (1959), А. Е. Горелова 9 (1961—1962), А. Л. Дымшица (1960), А. А. Крона 3 (1950—1956), С. Д. Лебедевой 12 (1952—1962), Э. Межелайтиса (1961), З. А. Никитиной 3 (1960—1961), А. Б. Никритиной 37 (1952—1957), Е. Г. Половской 2 (1961, 1962).

Письма художника С. Б. Никритина (брата А. Б. Никритиной) к матери — С. С. Никритиной 5 (1942).

Попова Людмила Михайловна (1898—1972) — поэтесса. Фонд 734.

Рукописи произведений ее (черновые и беловые, машинопись с правкой). Стихи о поэтах (Пушкине, Маяковском, Есенине и др.); о летчиках (В. П. Чкалове, В. С. Гризодубовой, М. М. Расковой, П. Д. Осипенко); о космонавтах (Ю. А. Гагарине, А. Г. Николаеве, В. В. Терешковой и др.); о В. Клиберне и др.; стихи военных лет и дней блокады Ленинграда (1918—1972). Поэмы: «Киров на Невдубстрое» (1936), «Открытое небо» (<1938>), «Седьмая симфония. Посвящается Д. Д. Шостаковичу» (1947—1953), «На солнце курс (капитан Бахчиванджи)» (1951—1953), «Дерево дружбы» (1965—1966), «Звездные братья» (б. д.) и др. Сборники стихотворений: «Крылья жизни» (1943), «Говорит сердце» (1957—<1966>), «Аппассионата» (<1958>—1960), «Счастье летать» (1959), «Звездная тетрадь» (1966—1969), «Избранная лирика» (<1967>). Переводы стихотворений: с коми-зырянского — С. И. Ермолина, В. П. Савина (псевд. В. Нёбдинса), В. Т. Чисталева (1935—1936), с нанайского — А. Самары (1930—1960-е гг.), с финского — Я. Виртанен, с чешского — П. Яна, и др.

Статьи, очерки, рецензии, заметки о писателях и летчиках (1938—1970).

Доклады, сообщения, речи, выступления на радио (1930—1960-е гг.).

Воспоминания о В. П. Чкалове, В. В. Маяковском, о летчиках периода Великой Отечественной войны, о встречах с космонавтами (1930—1971 гг.).

Дневники, записные книжки (начало 1930-х—1960-е гг.).

Письма Л. М. Поповой (черновики): к В. И. Гагариной (1970), В. Клиберну (<1965>), Б. Л. Пастернаку, в стихах (<1925>), В. В. Терешковой и А. Г. Николаеву (<1970>), Г. С. Титову 3 (1969—1970), Н. С. Тихонову (<1967>), К. А. Федину 3 (<1967>), О. Э. Чкаловой (б. д.), Д. Д. Шостаковичу (б. д.) и др.

Письма к Л. М. Поповой: В. Б. Азарова 3 (1963—1968), М. Бажана (1969), Г. Ф. Байдукова 33 (1953—1972), П. В. и Е. П. Бариновых 44 (1947—<1972>), И. В. Бармаш 44 (1967—1972), А. В. Белякова 11 (1942—<1972>), А. Д. Беляковой 70 (1939—<1962>), Г. П. Васильева 16 (1964—1967), В. И. Гагариной (1972), С. С. Гейченко 2 (1959), Н. И. Замошкина (1930), Ф. М. Зорина 20 (1947—1967), С. Кары (псевд. С. С. Кары-Демура) (1969), И. Ф. Кованева 8 (1960—1971), А. А. Коротковой-Лебедевой ок. 80 (<1962>—1972), В. А. Кочетова (1957), Т. К. Кулаковой 17 (1967—1972), О. С. Кулжинской 12 (1964—1965), П. С. Кухтина 5 (<1965>—1966), Н. П. Луговцова 17 (<1965>—1972), П. Н. Лукницкого 2 (1927), Н. Г. Михайловского 40 (1956—1972), Е. В. Можаровской 20 (1964—1972), Г. Г. Нейгауза 7 (1959—1964), А. Г. Николаева (1971), С. К. Норина 2 (1937), М. Н. Нугманова 4 (1970—1971), В. М. Озерова 5 (<1965>—1970), Л. А. Озерова 7 (1947—1970), С. С. Орлова (1968), А. С. Осипенко 2 (1939, 1940), С. Ф. Панова 6 (1970—1972), Н. В. и Л. Б. Петропавловских 35 (1956—1972), А. И. Пиотровского 2 (<1925>), П. А. Покрышева 20 (1952—1972), Е. Г. Полонской 12 (1955—1967), Б. А. и Л. П. Порфирьевых 6 (<1971—1972>), Вс. А. Рождественского 11 (1922—1972), В. М. Саянова (1937), Л. Н. Свердлина 19 (<1962>—1969), К. М. Симонова (1964), А. М. Сеницына 11 (1959—1971), Л. С. Соболева (1967), А. К. Тарасенкова 4 (1952—1954), А. Т. Твардовского (1954), Н. С. Тихонова 40 (1948—1972), С. А. Трегуба 2 (1968, 1969), А. А. Фадеева (1940), К. А. Федина 21 (1930—1971), Ю. В. Фидлера 17 (1962—1969), О. Э. Чкаловой 63 (1945—1972), М. С. Шагинян (1964), В. Я. Шишкова (1944), Д. Д. Шостаковича 32 (1948—1971) и др.

Дарительные надписи разных лиц Л. М. Поповой: на книгах и фото — А. В. Белякова (1941), В. Клиберна (1950-е гг.), Г. С. Титова (1961), К. А. Федина 5 (1936—1959) и др.; на бортовом журнале перелета через Северный полюс (копия) — В. П. Чкалова, Г. Ф. Байдукова, А. В. Белякова (1938).

Автобиографии 3 (1945—1971); анкеты; списки литературных трудов.

Личные и служебные документы, в том числе материалы, связанные с работой в Ленинградском отделении Союза советских писателей в качестве ответственного секретаря по работе с молодыми авторами (рукописи с ее правкой и замечаниями, переписка, планы семинарских занятий, протоколы заседаний и т. д.) (1930-е гг.—1972).

Портреты (фото) Л. М. Поповой, одиночные и групповые (1920-е гг.—1972).

Рецензии и отзывы на ее книги: В. Б. Азарова (<1955>), П. П. Громова (1968), Д. М. Молдавского (1959), Вс. А. Рождественского (1961) и др.

Материалы Марии Михайловны Поповой — сестры Л. М. Поповой, связанные с ее работой над биобиблиографией Вс. В. Вишневского (черновые и беловые рукописи) (1951—1970) и др.

Рукописи стихотворений разных лиц (беловые, машинопись): М. И. Борисовой, С. С. Васильева, Э. М. Дубровиной, Р. Б. Крайшицкой, Б. М. Лихарева, Т. А. Никитиной, Н. А. Островской, Н. М. Поляковой, Е. И. Рывиной, Л. В. Щипахиной, Э. Р. Яворской и др.

Тексты выступлений Д. Д. Шостаковича по радио из блокадного Ленинграда (1940-е гг.) и перед избирателями (1950-е гг.).

Письма разных лиц: Н. Г. Михайловский — Н. С. Тихонову (1972), Н. А. Семенова-Войтова — А. А. Прокофьеву (1959), и др.

Дарительная надпись К. А. Федина А. А. Черновскому на своей книге «Сад» (1922).

Портреты (фото), одиночные и групповые: В. Клиберна (1960-е гг.), А. С. Новикова-Прибоя (б. д.), Н. А. Островского (1935) и др.

Саянов Виссарион Михайлович (1903—1959), писатель; редактор журнала «Звезда», общественный деятель. Фонд 597.

Рукописи его (черновые и беловые, машинопись): стихотворения разных лет, «Голос молодости» — сборник стихотворений (1957); поэмы «Ленин в Горках» (1948—1949), «Встреча друзей» (1951); роман в стихах «Колобовы» (1954); повести в стихах «Беловежская повесть» (1943), «Праздник» (1945), «Орешек. Невская повесть» (1947), «Оренбургская повесть» (1951); романы «Небо и земля» (1934—1954), «Ленинградцы» (1947), «Лена» (1952—1958), «Страна родная» (1952—1955); повести «Остров Мадагаскар» (1933), «Олегов щит» (1934), «Две реки» (1936), «Страна отцов» (1937), «Юность Матюшина» (1938); очерки «Под Выборгом» (1940), «Герои Советского Союза Маричев и Маминов» (1941), «В боях за Ленинград. Записки военного корреспондента» (1942—1944); «На полях Ленинградской битвы» (1942); «Ленинградский дневник» (1944); «История Кировского завода» (для серии «История заводов», т. 3) (1935) с материалами к работе, среди них список старых производственников завода и стенограмма воспоминаний красногвардейцев и партизан завода (11 мая 1935); пьесы и киносценарии — «Людвиг» (1935), «Большие неприятности» (1938), «В дни Октября» (1947), «Последняя любовь» (1958), «Ты будешь маршалом» (1940); статьи и заметки — о Д. В. Давыдове (1933), А. В. Кольцове (1933), Э. Г. Багрицком (1937); «О поэтической культуре» (1934); сборник «Из пройденного пути. Статьи и воспоминания» (1957) и др.; рецензии на книги: «Стихотворения» С. Я. Надсона (1949), «Русская басня XVIII—XIX веков» (1949), «Колония Росс» И. Ф. Кратта (1949) и др.

Записные книжки (ок. 100; 1935—1956),

Письма В. М. Саянова (отпуска и машинопись): к Н. Н. Альтовской (1958), П. Я. Баугису (1952), В. П. Беляеву (б. д.), А. Г. Бочарову (1956), Г. С. Верейскому (1953), Д. И. Еремину (1952), В. В. Ермилову (1937), М. Э. Козакову (1945), В. А. Кочетову (1956), Н. П. Луговцову (1956), В. К. Луксу (1953), А. Г. Островскому 9 (1933—1947), П. А. Павленко (1946), Д. В. Петровскому (1938), Е. Я. Рыковой 51 (1937—1956), Н. Г. Свирину (1934), Б. И. Соловьеву 2 (1952, 1956), А. А. Суркову (<1957>), А. К. Тарасенкову 7 (1936—1951), Н. С. Тихонову 2 (1945), О. Д. Форш (1953), А. Т. Чивилихину (1952), А. К. Югову (1945) и др.

Письма к В. М. Саянову: И. А. Авраменко 4 (1941—1950), Е. Г. Адельгейма 2 (1935, 1937), В. П. Адриановой-Перетц (1950), В. Б. Азарова 2 (1957), В. М. Алексева 9 (1944—1951), Н. Н. Альтовской 6 (1957—1959), П. Г. Антокольского 5 (1934—1939), Н. А. Асанова 4 (1945), А. А. Ахматовой 4 (1943—1945), М. Бажана 8 (1935—1948), Л. Н. Барышева 7 (1954—1957), В. П. Беляева 65 (<1934> — 1958), Г. П. Блока 4 (1941—1955), В. Д. Бонч-Бруевича 2 (1930), Л. И. Борисова 7 (1946—1954), И. Я. Бражнина 2 (1945, 1954), Н. Л. Брауна 3 (1929—1957), П. У. Бровки 2 (1949, 1951), Н. П. Вагнера 3 (1948—<1955>), Е. А. Ветчомовой 12 (<1931> — 1956), И. В. Виноградова 16 (1947—1958), Вс. В. Вишневого 3 (1942—1950), А. А. Волкова 16 (1945—1958), С. А. Воронина 2 (1951, 1954), Ю. П. Германа (1954), Н. М. Грибачева 2 (1935), И. Л. Гринберга 10 (1944—1958), И. А. Груздева 8 (1932—1949), П. Л. Далецкого 4 (1943—1952), И. И. Демьянова 3 (1954—1956), Е. А. Долматовского (1955), А. Ф. Достоевского 7 (1950—1959), В. Н. Дружинина 2 (1944), В. П. Друзина 19 (1933—1957), М. А. Дудина (1951), П. В. Жура 9 (1957—1958), П. Журбы 2 (1949, <1954>), М. И. Зорина 5 (1951—1955), А. М. Ивановой (урожд. Махнина) 58 (1942—1957), М. В. Исаковского (<1929>), В. А. Каверина 3 (1929—<1933>), В. П. Катаева (1944), Б. А. Кежуна 8 (1951—1958), В. В. Князева 7 (1930—1934), М. Э. Козакова 2 (1929), Б. И. Коплана 4 (1929), И. Ф. Кратта 4 (1939—<1946>), Ю. С. Крымова (1940), Б. А. Лавренева 5 (1935—1946), Д. А. Левоневского 8 (1930—1958), А. А. Леонова 3 (<1950—1953>), Ю. Н. Либединского 2 (1929), Б. М. Лихарева 19 (1930—1953), М. Л. Лозинского 2 (1945), Н. П. Луговцова 14 (1952—1958), Е. Д. Люфанова 7 (1933—1937), Г. М. Маркова (1955), С. Н. Маркова 6 (1945—1956), Л. Н. Мартынова (<1946>), Г. А. Марягина 11 (1954—1958), Н. И. Нарбута 2 (1944, 1945), А. И. Недогонова (<1947>), С. Е. Нельдихена (1939), А. Н. Нечаева 6 (1934—1955), З. Ш. Нурутдинова 3 (1953—1957), В. Н. Орлова 9 (1937—1957), А. Г. Островского 9 (1933—1954), П. А. Павленко 2 (1946), Б. Л. Пастернака 6 (1929—1946), Г. Н. Петникова 5 (1945—1958), Д. В. Петровского 10 (<1934> — 1945), В. А. Петровского (псевд. — Кнехт) 7 (1939—1946),

Р. М. Плехановой (урожд. Богорад) (1939), В. К. Покровского 3 (1948), Б. Н. Полевого 2 (1950, 1954), С. В. Полуботко 13 (1931—1949), Е. Е. Поповкина 5 (1955—1956), А. А. Прокофьева 10 (1929—1957), А. Е. Решетова 5 (1939—1955), В. Ричиотти (псевд. Л. О. Турутовича) 3 (1937—1939), Е. Я. Рыковой 106 (1935—1957), Н. И. Рыленкова 10 (1945—1949), М. Ф. Рыльского 4 (1939—1957), И. И. Садофьева 5 (1935—1952), М. А. Светлова (<1929>), Н. Г. Свирина 2 (1933), И. Л. Сельвинского 3 (1930—1946), М. А. Сергеева 15 (1946—1952), В. И. Сидорова 8 (1947—1956), К. М. Симонова 3 (1941—1949), М. Л. Слонимского 2 (1929), В. В. Смирнова 2 (1951), С. В. Смирнова (1949), Л. С. Соболева (1941), И. С. Соколова-Микитова 2 (1939), Б. И. Соловьева 56 (1939—1958), А. А. Суркова 4 (1929—1949), А. К. Тарасенкова 39 (1934—1952), Н. С. Тихонова 57 (<1930>—1959), А. А. Фадеева 6 (1943—1947), К. А. Федина 3 (<1937>—1949), Н. Г. Флерова 9 (1952—1954), О. Д. Форш (<1930>), В. И. Цветкова 19 (1944—1957), А. Б. Чаковского 4 (1938—1940), А. Н. Чепурова 3 (1954—1958), А. И. Черненко 10 (1941—1955), А. Т. Чивилихина 9 (1952—1954), С. И. Чиковани 6 (1936—1958), К. И. Чуковского (б. д.), А. Д. Чуркина 4 (1930—1944), С. А. Швецова 12 (1935—1952), В. Я. Шишкова 2 (1944), А. К. Югова 9 (1945—1949), А. И. Яльмарова 33 (1955—1958) и др.

Письма В. М. Саянову из редакций газет и журналов, издательств, писательских союзов.

Письма читателей, бóльшая часть о романе «Небо и земля». Стенограммы (2) читательских конференций по обсуждению романов «Страна отцов» (16 января 1938) и «Небо и земля» (21 апреля 1950).

Автобиография (1958). Личные и служебные документы, юбилейные адреса в связи с 50-летием Саянова (1953) и др.

Форш (урожд. Комарова) Ольга Дмитриевна (1873—1961), писательница. Фонд 732.

Рукописи произведений ее (черновые и беловые, машинопись с правкой). Романы: «Оглашенные» (1915—1919), «Одеты камнем» (1924—1925), «Современники» (1925—1926), «Горячий цех» (1926), «Сумасшедший корабль» (1930), «Ворон» (1933), «Радищев», трилогия (1932—1937), «Михайловский замок» (1945—1946), «Первенцы свободы» (1950—1952); пьесы: «Смерть Коперника» (1919), «Причальная мачта» (1929), «Наши женщины», в соавторстве с В. Кулябко (1930), «Живая вода» (1927—1960), «Камо» (1936—1955), «Актеры» (1938), «Луиза Мишель» (1940—1943), «Рождение Руси» (1943), «Князь Владимир», в соавторстве с Г. Н. Бояджиевым (1943); рассказы: «В Неполе» (1908), «Поголовщина» (1918), «Безголовая банда» (1919), «Полгуся», «Использованный классик», «Малинники» (1920-е гг.), «Синекура», «Хируроид» (1922), «На Красной площади» (1922—1923),

«Шимка и Степа» (1923), «Без сигары» (1924), «Пятый зверь» (1925), «Бабий вагон», «Салтычихин грот» (1926), «Тетка Бородкина», «Товарищ Пфуль» (1928), рассказы о Франции (1927—1928), «Два штрафа», «Всем коллективом», «Розариум», «Статистика», «Филаретки», «Хамовное дело», «Шапокляк» (1930-е гг.), «Боковая функция» (1931), «Новый памятник», «Пломбир» (1939), «Живописная автобиография», план и начало рассказа «Мои звери» с рисунком (1940-е гг.); статьи и очерки: «Буйство любви», «Творчество слова», «О Прекрасной Даме» (1900-е гг.), «В. А. Серов», «Демон у Лермонтова» (1914), «На могиле Гоголя» (1920-е гг.), «Пушкин в институте» (1924), «Пропетый гербарий» (1925), «Как я пишу» (1929), «Новая женщина» (1930-е гг.), «О капризе и новаторстве» (1934), «Эрнесто Росси», «Советские литераторы — борцы за мир» (1940-е гг.), «Чацкий и современность» (1945), «Виринея», «Бессмертный Гоголь» (1940-е гг.); заметки о Ленинграде (1950-е гг.), «Весной 1961 года» и др.

Письма О. Д. Форш (черновые, отпуска, копии): к И. Л. Андроникову (б. д.), А. О. Аптекману (1959), Г. С. Березко (б. д.), М. П. Берновичу (1958), И. Д. Василенко (1960), Г. И. Владыкину 2 (1957, 1959), С. Л. Горскому 2 (1956), М. Горькому 11 (1926—1930), А. Г. Деменьтеву (1958), М. С. Довлатовой 21 (1950-е гг.), П. А. Кракову 3 (1923—1936), И. Г. Лежневу (1924), И. И. Любименко (1944), Е. А. Мещерской 3 (1953—1957), О. Э. Мещерской (урожд. Форш) 8 (1954—1959), С. Е. Мещерской (1902), Г. Н. Петникову (1961), Л. С. Соболеву (1956), Н. С. Тихонову 4 (1959—1961), К. А. Федину 2 (1924, 1930), К. И. Чуковскому (1957), П. Е. Щеголеву 2 (1923).

Письма к О. Д. Форш: М. М. Алексидзе 18 (1938—1961), П. Г. Антокольского 2 (1936), В. Г. Арапаян (1953), П. П. Бажова (1945), Г. Н. Бояджиева 2 (1942, 1944), И. А. Бродского (1960), Н. Н. Бромлей 12 (1938—1961), Н. Б. Вараке (урожд. Форш) 2 (1928, 1938), К. В. Воронкова (1959), А. К. Воронского (1921), К. С. Гамсахурдия (1940), Э. Ф. Голлербаха (1934), Г. С. Гора (1942), М. Горького 14 (копии, 1915—1930), М. О. Давтян (1953), С. К. Дароняна (1955), Б. А. Дижур (1942), М. С. Довлатовой (1950), Т. Г. Донжашвили (1959), А. Л. Дымшица 3 (1953), В. В. Ермилова 4 (1926—1936), Е. И. Замятина (1924), В. О. Зарахани (1961), Б. Е. Захавы 3 (1936—1937), И. С. Зильберштейна 2 (1958, 1959), М. М. Зощенко 4 (1938—1953), О. Д. Иваненко 5 (1951—1960), Вс. В. Иванова 7 (1948—1961), В. М. Инбер 3 (1948), В. А. Каверина 3 (1953—1961), Н. В. Каграманова 2 (1955), Е. И. Катерли 2 (1953, 1957), Е. Ф. Книпович 5 (1945—1953), В. Л. Комарова 3 (1926—1944), Н. В. Комаровой (урожд. Старк) 2 (1939, 1950), Ф. М. Левина 2 (1941), И. Г. Лежнева 6 (1924—1953), В. Г. Лидина (1927), Е. М. Лидовой 2 (1958), М. Л. Лозинского 3 (1950—1955), Н. П. Луговцова (1953), Е. Г. Лундберга 23 (1944—1961);

П. Н. Медведева 2 (1926), Т. Б. Меншуткиной (урожд. Форш) 2 (1952), С. Д. Мстиславского 8 (1921—1958), Б. Ф. Нижинской (1923), Н. Н. Никитина 13 (1941—1961), А. С. Новикова-Прибоя (1940), П. А. Павленко 4 (1930—1940-е гг.), Н. А. Павлович 6 (1955—1958), В. Ф. Пановой 3 (1943—1961), Ф. И. Панферова (1950), Б. Л. Пастернака (1927), К. Г. Паустовского (1953), Г. Н. Петникова 4 (1958—1961), К. С. Петрова-Водкина (1927), М. А. Пожаровой 18 (1935—1957), В. Л. Порай-Кошица 2 (1943), Н. Н. и О. А. Порай-Кошиц 3 (1943—1953), М. М. Пришвина 2 (1929, 1953), А. А. Прокофьева 4 (1938—1956), К. В. Рождественской 2 (1943, 1945), Вс. А. Рождественского 2 (1940, 1956), С. А. Сажина 4 (1940—1953), В. М. Саянова 2 (1938, 1953), З. Н. Сейфуллиной (в замуж. Шапиро) 3 (1958—1959), Л. Н. Сейфуллиной (1927), И. И. Слонимской 3 (1943—1945), М. Л. Слонимского 3 (1924—1958), Л. С. Соболева (1958), И. С. Соколова-Микитова (1957), Ф. К. Сологуба (1922), А. А. Суркова (1949), Б. М. Сушкевича (б. д.), Е. В. Тарле (1951), М. В. Тарновской-Тарле (1956), Н. С. Тихонова 21 (1951—1961), М. К. Тихоновой (урожд. Неслуховская) (1955), А. Н. Толстого (1934), Б. В. Томашевского (1938), Ю. Н. Тынянова (1938), А. А. Фадеева 4 (1942—1953), К. А. Федина 15 (1920—1961), В. Д. Флоренской 5 (1950—1960), принцессы М. Р. Фонтену фон Бассино, на французском языке (1954), Д. С. Хижинского (1938), А. П. Чапыгина (1923), О. Э. Чистяковой-Мейер (1950), К. И. Чуковского 2 (1943, 1958), М. С. Шагинян 9 (1924—1957), Е. Л. Шварца (1956), В. Я. Шишкова (1938), В. Б. Шкловского 6 (1943—1958), М. М. Штрауха 2 (1938, 1941), Т. Л. Щепкиной-Куперник (1931), Б. М. Эйхенбаума (1958) и др.

Письма из редакций газет и журналов, учреждений, от читателей (1920—1960-е гг.).

Юбилейные материалы: письма, телеграммы и приветствия.

Автобиографии 21 (1920—1957), дневник (1891), записные книжки 9 (1920—1950). Личные и служебные документы: свидетельство о рождении, аттестат об окончании Московского Николаевского сиротского института (1891), удостоверения, договоры на издание книг и право постановки ее пьес; документы, относящиеся к периоду пребывания во Франции и Италии (1927), пригласительные билеты (1925—1950) и т. д.

Воспоминания об О. Д. Форш: М. С. Довлатовой, П. Н. Зайцева, В. С. Квашниной-Самариной, Е. А. Мещерской, О. Э. Чистяковой-Мейер, Н. С. Тихонова, С. И. Юркиной (1950—1974).

ДОПОЛНЕНИЯ К ФОНДАМ

Гиппиус (псевд. — Вл. Бестужев, Вл. Нелединский) Владимир Васильевич (1876—1941), поэт, литературовед. Фонд 77.

Рукописи произведений его (черновые, машинопись): роман «Созвездие рыб» (первая часть — «Тетушка Маргарита», вторая —

«Принц Петя») (1923—1940); сборники стихотворений: «На семи путях. Лирическая трилогия. 1893—1919 годов», «Стихи 1924 г.», «Одна. 1932 г.», «Чайная роза. Лирика 1935—40 гг.», «С головы до ног уполномоченный...» (1938); поэма «Лик человеческий» (1920—1922), и др.

Кавелин Константин Дмитриевич (1818—1885), историк, профессор Московского и Петербургского университетов. Фонд 119.

Письма его к М. Г. Брюлловой (урожд. Лихонина) 58 (1880—1883), П. А. Брюллову 12 (1879—1883). Письма П. А. Брюллова к жене — М. Г. Брюлловой (урожд. Лихонина), на русском и французском языках 33 (1880—1883). Письма к П. А. Брюллову: Н. А. Блок (урожд. Веймарн) (1880), В. А. Брюллова 3 (1879—1881), А. А. Брюлловой (урожд. бар. Ралль), на русском и французском языках 4 (1879—1883), Б. Б. Корсова (псевд. Г. Г. Геринга) 11 (1880—1895), В. Ф. Корша (1880), Д. А. Корш (1882), Е. С. Лихониной (1880), Г. Г. Мясоедова 2 (б. д.), А. Н. Пыпина (1880), О. А. Старицкой (урожд. Коптева) (1880), И. И. Шишкина (1882), Н. А. Ярошенко (1881).

Письма М. Г. Брюлловой: к П. А. Брюллову 2 (1883), А. Г. Лихониной 2 (1879), О. А. Коптевой (в замуж. Старицкая) 2 (1878).

Письма к М. Г. Брюлловой: В. А. Бабкина (1879), Н. Н. Брок, на немецком языке 6 (1879—1883), А. А. Брюлловой 4 (1881—1883), А. И. Брюлловой 2 (1883), А. А. Булатовой (в замуж. Глинка) (1867), А. А. Волковой (урожд. Брюллова) 4 (1880), С. А. Воронина 2 (1879), О. А. Коптевой (в замуж. Старицкая) 36 (1879—1883), Д. А. Корсакова (1877), А. Г. Лихонина 6 (1879—1882), В. Г. Лихонина 4 (б. д.), А. С. Лихониной 25 (1879—1883), Н. Г. Лихониной (в замуж. Иосса) 11 (1879—1883), Л. И. Лонтаи (1883), А. Н. Мундт 7 (1879—1881), С. Н. Мундт 2 (б. д.), Ю. Пекре, на французском языке (1879), Н. А. Рыкачева 4 (1879—1882), М. А. Рыкачевой 4 (1879), В. Д. Сиповского (б. д.), Е. И. Суздальцевой, на немецком языке 8 (1879—1880), Ш. А. Суздальцевой 7 (1879—1883).

Кони Анатолий Федорович (1844—1927), юрист, литератор, академик.

Труды его (машинопись): «Воспоминания. К концерту в память В. С. Калининкова» (1901); «Федор Алексеевич Кони. (По случаю столетия рождения)» (1909); «Из истории судебной реформы» (1914); «Памяти Ж. А. Полонской» (1919); рецензия на книгу М. Н. Гернета «Преступление и борьба с ним в связи с эволюцией общества» (М., 1916), наборная рукопись рукой Е. В. Пономаревой, подпись — автограф (б. д.); «Воспоминания о петербургской 3-й гимназии. Из лекции, прочитанной 23 марта 1923 г. в пользу фонда школы» (1923); «„Слово“ А. Ф. Кони в память Н. Н. Фигнера, сказанное в 5-ю годовщину смерти артиста, 21 января 1924 г., в Музее театра» (1924); «Мотивы и

приемы творчества Некрасова. (Беглые заметки)» (б. д.); выписки из дневников (1901—1905).

Письма А. Ф. Кони: к П. Н. Манасеину (<1914>), Е. В. Пономаревой 2 (1909), А. Н. Шабановой (1926).

Письма к А. Ф. Кони: Л. А. Данилова (1916), П. А. Деменса (псевд. — П. А. Тверской) (1912), П. Н. Манасеина (1914), Е. В. Пономаревой 3 (1896—1905), О. Д. Рудольфи (б. д.), А. И. Чупрова (1895).

Портреты (фото) А. Ф. Кони 5 (1906).

Стихотворение Н. А. Макшеевой «Памяти А. Ф. Кони» (1928); статья Т. Л. Щепкиной-Куперник «Памяти Кони», машинопись с правкой и дарительной надписью ее Е. В. Пономаревой (<1927>).

Некролог А. Ф. Кони, написанный А. Мазоном, машинопись на французском языке (<1927>); извещение Академии наук СССР об открытии мемориальной доски на доме, в котором жил Кони, печатное (<1928>).

Доклад А. Н. Шабановой «А. Ф. Кони. (По случаю исполнившегося в этом году 85-летия со дня его рождения)» (<1929>).

Портреты (фото) разных лиц (частично с дарительными надписями А. Ф. Кони): К. К. Арсеньева, В. А. Арцимовича, А. Л. Боровиковского, С. И. Зарудного, И. И. Каразина, Н. А. Манасеина, В. А. Половцева, В. Д. Спасовича, Д. В. Стасова, А. М. Унковского, кн. А. И. Урусова (1871—1886).

Тетради Е. В. Пономаревой (2) с записями стихотворений В. Л. Величко, М. А. Волошина, С. А. Есенина, А. Н. Плещеева, Н. Ф. Щербины и др.; на л. 5—6 — стихотворение И. И. Горбунова-Посадова «Брату-человеку», машинопись, подпись — автограф (1919); на л. 9—10 — стихотворение П. Беранже «Вера и любовь» в переводе Д. Т. Ленского, рукой Ф. А. Кони (б. д.).

Письма Е. В. Пономаревой: к И. И. Горбунову-Посадову (1929), М. А. Ечинац (1927), Л. И. Крамп (1923).

Письма к Е. В. Пономаревой: М. Д. Аленич 3 (1909—1910). И. И. Горбунова-Посадова (1927), И. С. Миклашевского (1899), Е. П. Тархановой (1929), М. Д. Тушинского (б. д.).

Кукольник Нестор Васильевич (1809—1868), писатель. Фонд 371.

Рукописи произведений его (черновые и беловые): «Сломанная нога. Исторический роман в стихах, прозе, письмах, диалогах и т. д.» (1854); «Стенограф» («Два романа») (<1858>); «Тонни, или Ревель при Петре Великом» (<1850-е гг.>); «История Невского проспекта, первенствующей улицы в столичном городе С.-Петербурге. Рассказ о старом времени» (б. д.); «Петергоф. 1837 г.», тетрадь, содержащая дневниковые записи, стихотворения (10), «Аполог» — диалог между странником и пустынноиком (басня), «Новую сцену, приделанную к опере „Жизнь за царя“

23-го и 24-го августа 1837»; статьи: «Замечания В. И. Григори-
вича на драму „Скопин-Шуйский“, писанные на цензурной тет-
ради карандашом» (1834); «О Роксолане» («Замечания <...>
на рецензию в „Библиотеке для чтения“») (1835); «Записка
о составлении смеси» (1838); «Муза красавица. (Воспоминание
о 1831 годе)» (1838); «Жизнь русских городов. 1. Воронеж»
(1849); «О театре» (1853); «Азовские письма» (1854—1860);
«Письма к потомкам. О юбилее 100-летия русского театра»
(1856); «Василий Григорьевич Кукольник. (Биографический
очерк, извлеченный из писем к потомкам)» (1861); «Вместо
предисловия. К драме „Азовское сидение“» («Из письма к по-
томкам») (1862); «О праздновании тысячелетия России» (1862);
«Новый путь. Туда и обратно» (1864); «Записки особняка»
(о праздновании 100-летия со дня рождения Н. М. Карамзина)
(1866); «История первого года. Глава первая» (об объявлении
Министерством финансов в 1866 г. второго государственного
займа с выигрышами) (1866); «Финансовые заметки» (о дея-
тельности министра финансов М. Х. Рейтерна) (1866); «Лицей
князя Безбородко. (Из памятной книжки Н. К.)» (б. д.); «Письма
в провинцию» (б. д.); «Статьи без заглавия. (Из памятной
книжки Н. К.)» (б. д.); «О торговом значении Таганрога» (1868);
«Речь, сказанная на обеде в зале Таганрогского коммерческого
собрания по случаю освобождения крестьян. 2 апреля 1861 г.»;
заметка «Этюды. О газетах» (1863); записка на имя М. Н. Му-
сина-Пушкина — члена Главного управления цензуры (1852—
1853).

Дневник за 1835—1842 гг., дневниковые записи, путевые
записи, планы произведений, приходо-расходные записи (1830—
1867).

Письма Н. В. Кукольника (отпуска в тетради): к Е. М. Баку-
пиной, А. М. Геденову, Н. Н. Иванову, Е. Т. Лазаревой (урожд.
фан дер Флит), О. И. Сенковскому (1837), Ф. Т. фан дер
Флиту (1834—1836).

Ляцкий Евгений Александрович (1868—1942), литературовед,
редактор газеты «Русская жизнь» (Хельсинки, 1919). Фонд 163.

Материалы для примечаний к монографии об И. А. Гончарове
(1900—1926), главы «Очерка по истории русской литературы»
(1930-е гг.), статьи и заметки для «Русской жизни», материалы,
относящиеся к издательству «Пламя» (Прага), и др.

Письма Е. А. Ляцкого (в копировальных книгах, копии рукой
неустановленных лиц, черновики): к Г. А. Алексинскому, Н. Е. Ан-
дрееву, К. Д. Бальмонт, А. Л. Бему, И. А. Бунину, Ф. Ф. Зе-
линскому, А. Ф. Изюмову, С. К. Маковскому, П. П. Муратову,
С. С. Ольденбургу, Б. Н. Персу, Н. И. Потапенко, Г. П. Струве,
Н. А. Тэффи, С. А. Циолу и др. (1919—1942).

Письма к Е. А. Ляцкому: бар. А. К. Аминова (1918),
В. Э. Бухгейма (1919), Г. И. Виленского (1919), Х. Л. Гуревича

(1919), В. П. Ляцкой (урожд. Зелена) (1938), К. К. фон Петца 9 (1924—1927), А. К. Рейхе 4 (1919), В. Н. Тукалевского 2 (1919), Л. Н. Урванцова (1928), В. А. Францева (1942) и др.

Автобиография (1924). Портреты (фото), одиночные и групповые (16).

Синегуб Сергей Силыч (1851—1907), поэт, участник народнического движения 1870-х годов. Фонд 675.

Рукописи произведений его (черновые и беловые, некоторые рукой жены — Л. В. Синегуб): «Тетрадь 3-я», стихотворения (31); «Атаман Сидорка. (Предание из времен крепостничества)», поэма; «Из далекого прошлого», рассказ, не полностью; «Мои горькие думы по поводу печатания моих стихов в „Русском богатстве“», письмо-размышление, обращенное к П. Ф. Якубовичу, и др.

Письма С. С. Синегуба: к Г. И. Клитч-оглы, с ответом адресата на обороте (1900), Л. В. Синегуб (1906), Л. С. Синегуб (в замуж. Батурина) 4 (б. д.), П. Е. Щеголеву, не полностью (начало 1900-х гг.), П. Ф. Якубовичу 10 (1902—1904).

Письма к С. С. Синегубу: Г. А. Вяткина (1907), Г. И. Клитч-оглы 2 (1906, 1907), П. И. Макушина 2 (1898, 1905) и др.

Портреты (фото) С. С. Синегуба, одиночные и групповые (вместе с женой и детьми) 9 (<1901—1907>).

Письма жены, Л. В. Синегуб (урожд. Чемоданова): к сыну — Е. С. Синегубу (1917), дочерям — Лидии С. Синегуб (адресовано также ее мужу — А. Д. Батурину) 6 (1919—1922) и М. С. Синегуб (1923), Н. А. Чарушину (1922). Письмо к Л. В. Синегуб Е. С. Синегуба (1917).

Портреты (фото) Л. В. Синегуб, одиночные и групповые 2 (б. д.).

Свидетельство о рождении Лидии С. Синегуб (в замуж. Батурина). Портреты (фото и рисунок художника А. Е. Степанова) Лидии С. Синегуб 2 (1927).

Портреты (фото) В. С. Синегуба 2 (1916, 1917), Ларисы С. Синегуб (1916), Льва С. Синегуба (б. д.) и Н. С. Синегуб (б. д.).

Письмо А. В. Луначарского заведующему Новосибирским губоно, подпись — автограф (1923).

Портрет (фото) Н. А. Морозова, групповой (вместе с Гр. И. Потаниным) (б. д.).

Сюннерберг Константин Александрович (псевд. — К. Эрберг) (1871—1942), писатель. Фонд 474.

Рукописи произведений его (черновые): «Столкновение», рассказ (1898); «Катюша. (Воспоминания старика)», поэма в 16 главах (1938); «Примечания мемуарного характера к собранию писем из архива К. Эрберга (К. А. Сюннерберга)» (1940).

Письма К. А. Сюннерберга к Н. В. Галаниной 86 (1925—1941).

Удостоверение, выданное К. А. Эрбергу как сотруднику Научно-исследовательского института сравнительной истории литературы и языков Запада и Востока (1930).

Протоколы и записи 14 собраний (11 мая—2 августа 1920 г.) кружка К. А. Эрберга «Философия творчества» при «Вольфиле» (Вольная философская ассоциация).

Дарительная надпись А. А. Блока «Константину Александровичу Сюннербергу с сердечным рукопожатием автор. Ноябрь 1911 г.» на кн.: Блок А. Ночные часы. Четвертый сборник стихов (1908—1910). М., 1911.

Портреты (фото) К. А. Сюннерберга 2 (один вместе с женой — В. М. Сюннерберг) 1890-е гг. — 1901).

Фофанова-Устинова Екатерина Константиновна. Фонд 282.

Письма к ней: Е. Ф. Никитиной 17 (1962—1970), В. Н. Орлова 2 (1960), Е. В. Сахаровой (1971), К. М. Симонова (1974), Б. В. Смиренского 27 (1934—1970), В. В. Смиренского 528 (1923—1973), И. С. Соколова-Микитова (1949), А. К. Тарасенкова 2 (1953), К. А. Федина (1960), А. И. Цветаевой 31 (1962—1975), Н. А. Шамина (1932), И. Г. Эренбурга (1962) и др.

Щеголев Павел Елисеевич (1877—1931), историк, литературовед. Фонд 627.

Письма его А. Н. Толстому (<1930>), жене — В. А. Щеголевой 210 (1907—1930), сыну — П. П. Щеголеву 30 (1908—1929).

Письма к П. Е. Щеголеву: С. М. Бонди (1931), А. К. Бороздина (1911), А. А. Гизетти (б. д.), Е. И. Замятина (1916), А. Мазона, на русском и французском языках, машинопись и автограф 3 (1912—1928), Г. И. Чулкова 3 (1912—1915).

Письма В. А. Щеголевой: к Е. В. Бороздиной (1925), С. Н. Салтыкову (1913), А. Н. Толстому, черновые 2 (1931), Н. Г. Чулковой (1930), П. Е. Щеголеву 310 (1907—1931), П. П. Щеголеву 34 (1908—1931).

Письма к В. А. Щеголевой: А. А. Ахматовой (1913), А. К. Бороздина (1911), Е. В. Бороздиной 3 (1925—1926), М. А. Волошина (1908), М. В. Добужинского (1907), З. А. Жилкиной 4 (1911—1914), А. А. Мойсеевой (псевд. — Мирэ) (1906), З. А. Никитиной (1931), Л. Ф. Пантелеева (1909), П. Н. Переверзева 6 (1909—1910), Е. И. Переверзевой 9 (1910—1914), Д. М. Пинеса (1931), С. Н. Салтыкова 15 (1909—1913), Я. Я. Селюка 3 (1928—1929), Ф. К. Сологуба, с припиской Ан. Н. Чеботаревской (1913), Ан. Н. Чеботаревской (1909), О. Н. Черносвитовой (1930), Н. Г. Чулковой 6 (1910—1930), Л. В. Шапориной 4 (1929—1930).

Свидетельство о смерти В. А. Щеголевой (1931).

Письма П. П. Щеголева отцу — П. Е. Щеголеву 61 (1909—1930), матери — В. А. Щеголевой 21 (1910—1931). Письма к П. П. Щеголеву: Н. И. Альтмана (1928), С. В. Архангельского (1935), А. А. Ахматовой 2 (б. д.), Н. С. Ашукина (1931),

Е. В. Бороздиной 7 (1931—1932), П. Я. Брусова 21 (1915—1916), М. И. Давидовича 4 (1927—1931), Г. С. Зайделя (1928), Я. М. Захера 3 (1927—1930), Н. И. Кареева (б. д.), Е. Е. Колосова (1933), А. И. Молока, на русском и французском языках 10 (1923—1931), М. В. Сабашникова (1931), Е. В. Тарле 5 (1925—1929), П. Южного (псевд. П. М. Соляного) (1921).

ОТДЕЛЬНЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ

Арцыбашев Михаил Петрович. Письмо его к Г. А. Вяткину (1907).

Бек (урожд. Жукова) Анна Николаевна, общественная деятельница Забайкалья, педагог и врач. Воспоминания «Обзор моей жизни» (конец 1940-х — начало 1950-х гг.), машинопись. Портреты (фото) ее 2 (<1920-е гг.>).

Бианки Вера Николаевна. Письма к Е. К. Кардо-Сысоевой 2 (1960).

Бианки Виталий Валентинович. Письма к Е. К. Кардо-Сысоевой 8 (1948—1951).

Бунин Иван Алексеевич. Материалы, посвященные 50-й годовщине со дня прибытия его в г. Грасс (Франция, департамент Приморские Альпы) и 40-й годовщине со дня присуждения ему Нобелевской премии: письмо к советскому литературоведу А. К. Бабореко мэра г. Грасса Анри де Фонмишеля (1972) и хранителя библиотеки и муниципального архива г. Грасса П. Форестье (1973); письма А. К. Бабореко к А. де Фонмишелю и П. Форестье 4 (1972—1973); программа чествований (3) И. А. Бунина в г. Грассе 27—29 ноября 1973 г., пригласительные билеты, афиша и каталог выставки, посвященной жизни и творчеству писателя. Машинопись, фотокопии и печатное. На русском и французском языках (1972—1973).

Виардо Полина. Письма к неустановленному лицу, на французском языке 2 (1880).

Видерт Август Федорович, фон, писатель, переводчик. Портрет (фото) его (переснимок) (1880-е гг.).

Гаршин Всеволод Михайлович. Альбом, посвященный открытию Дома-памятника «В. М. Гаршин» в селе Светлен Торговитского округа (Болгария) с фоторепродукциями и дарительной надписью Пушкинскому Дому от жителей села Светлен, на болгарском языке (1974).

Гончаров Иван Александрович. Письмо к неустановленному лицу об условиях отсрочки вступительных экзаменов в Училище правоведения (б. д.).

Городецкий Сергей Митрофанович. Письмо к Н. С. Гумилеву (б. д.).

Грамматчикова (урожд. Кони) Людмила Федоровна. Портрет (фото) ее (1935).

Гумилев Николай Степанович. «„Дитя Аллаха“. Арабская сказка в трех картинах». Список с хранившейся у М. Л. Лозинского корректуры рукой П. Н. Лукницкого; его же рукой воспроизведены правка Н. С. Гумилева на корректуре и замечания М. Л. Лозинского и С. К. Маковского (см. примечания П. Н. Лукницкого на списке корректуры 1924 г.). Рукописи Н. С. Гумилева (беловые, машинопись): стихотворения «Швеции», «Так вот и вся она природа...» (<1918>); план произведения «Опустевший корабль» (б. д.); перевод поэмы Г. Гейне «Вицли-Пупцли», не полностью (со слов «как та праздничная пьеса...» и до конца текста) (б. д.); переводы стихотворений Т. Готье «Гишпопотам», «На берегу моря» (б. д.); «Вступление», §§ 1—6 (<1909—1910>) (напечатано под заглавием «Анатомия стихотворения» в кн.: Гумилев Н. С. Письма о русской поэзии. Пг., «Мысль», 1923, с. 13—17); «Фонетика», §§ 7—16 — вторая часть неоконченного труда по теории поэзии (<1909—1910>); программа статьи для сборника «Поэтика» (б. д.); предисловие (не закончено) к неустановленному циклу стихотворений (б. д.); планы работы над циклом стихотворений и статьями; «Самуэль Тейлор Кольридж», начало вступления к готовившейся книге «Кольридж. Стихи» в издательстве «Всемирная литература», на английском и русском языках; перечни произведений Кольриджа для перевода с подсчетом страниц.

Письма к А. А. Ахматовой 8 (<1913—1917>). В письме от 6 июля 1915 г. (л. 6 об.) — копия письма Н. С. Гумилева (его рукой) Ф. К. Сологубу; на л. 14 об. приписка рукой А. А. Ахматовой к А. И. Гумилевой. Письмо Н. С. Гумилева А. И. Гумилевой (1916). Записка к В. А. Сутугиной; на обороте ее расписка Д. С. Гумилева в получении от В. А. Сутугиной печати, штампа, дел и т. д. «Союза поэтов» (1921).

Письма к Н. С. Гумилеву: А. И. Тинякова (1912), Т. В. Чурилина (1916), Ж. Шузвиля (J. Chuzewille) на французском языке (<1910>). Записи прихода и расхода кассы «Цеха поэтов», сделанные Н. С. Гумилевым (<1921>). Рисунки пером: «Две пальмы» (и калька с него), «Птица» (калька с рисунка (?)) с пояснением Н. С. Гумилева) (б. д.).

Кардо-Сысоева Елена Константиновна, писательница. Рассказ «Онежское озеро», фрагменты. Машинопись с правкой (1938).

Князев Филипп Степанович, писатель. Рукописи произведений его (черновые и беловые): роман «Наследники счастья» (1937—1940); «Белые ночи. (Ленинградская повесть)» (1940); «Пулемет кинжального действия», литературный сценарий короткометражного фильма (1941).

Кони Федор Алексеевич. Портрет (фото) его (б. д.).

Лансере Надежда Павловна. Портрет (фото) ее (б. д.).

Малкина Екатерина Романовна, литературовед. Главы из докторской диссертации ее «Драматургия А. А. Блока», рукопись с правкой (<1945>). Письма Е. Р. Малкиной к мужу, В. З. Голубеву

Своего имени Давомиди,
А ирраи, нани, митарови
(Текст: Ере. Мочини ии Франср.)
Младувава, кави, фемаритови:
Свобода, Дилли, ко митарр.

Модриарован, Росси, Били, одина
порядован, уор, да и Вили, о ка-
Лобел, Са мис, Вилуиов (Мис Дилли)

Не родеи, Логантис
Не родеи, митарр
А родеи, Кондолови

Записи Д. Д. Минаева в записной книжке (1874—1883).

беву З (1941). Письма к Е. Р. Малкиной: О. Ф. Вальдгауера 3 (1924), В. З. Голубева 2 (1940), 1941), А. Л. Дымшица 2 (1941), М. Л. Лозинского (1924), А. П. Остроумовой-Лебедевой 2 (1934, 1935), Ю. Н. Тынянова (1939). Письма к В. З. Голубеву: И. М. Берхина (1940), Г. А. Обуховой (1940). Портреты (фото) В. З. Голубева (2 из них групповые) (1941),

Материалы А. Я. Острогорской (в замуж. Малкина) — матери Е. Р. Малкиной. Письма к ней: В. Л. Серошевского 5 (1907—1913), В. Н. Фигнер (1914). Портреты (фото): Д. Н. Мамина-Сибиряка с дарительной надписью А. Я. Малкиной (1895), Н. К. Михайловского (б. д.).

Мережковский Дмитрий Сергеевич. Письма к О. Л. Костецкой 12 (1916).

Милашевский Владимир Алексеевич. «Анна Ахматова. Мемуарный этюд», машинопись с дарительной надписью Пушкинскому Дому (1974).

Минаев Дмитрий Дмитриевич. Записная книжка с записями эпиграмм-экспромтов, фамилий друзей и знакомых за двадцать лет, денежных расходов (1879—1883).

Михайлов Виктор Константинович, педагог. «Воспоминания о Петроградской земской учительской школе (годы 1914—1919), в которой учились поэты Василий Князев и Александр Прокофьев»; справка о присутствии на встречах в Петроградской земской учительской школе бывших ее учеников в 1960—1962 гг. и пригласительный билет на одну из встреч (5 января 1963 г.).

Модзалевский Борис Львович. Письмо к Л. М. Жуковской (урожд. Маркович) (1916).

Новодворский (псевд. — А. Осипович) Андрей Осипович, писатель. Письмо к И. И. Ясинскому (б. д.).

Овчинникова Ольга Федоровна. «Мои воспоминания о народном художнике СССР Сергее Тимофеевиче Коненкове», машинопись с правкой (1974). Портрет (фото) ее (групповой, вместе с М. М. Блюменталь-Тамириной и В. Н. Рыжовой) (б. д.).

Олейников Юлий Михайлович. Корректурa невышедшей книги «М. Горький и „Знание“» (Л., 1941).

Писарева Анна Николаевна. Письмо к Ф. И. Стравинскому (1891) с пометой последнего. Подклеено в конце издания пьесы А. Н. Островского «Банкрот» («Свои люди — сочтемся»), перепечатанной М. И. Семевским из журнала «Русская старина» (<1891>).

Привалова Екатерина Петровна. Письма к ней П. Н. Беркова 10 (1961—1968).

Римский-Корсаков Николай Андреевич. Письмо к М. М. Ипполитову-Иванову (1907).

Садова Елизавета Александровна, библиотекарь-библиограф. «Листки воспоминаний об А. Ф. Кони», машинопись с правкой (1960—1967). Портреты (фото) ее 2 (один групповой) (1928, 1969).

Материалы А. Ф. Кони: стихотворение его «В альбом „тете Ли“ <Е. А. Садовой>»; надпись его на листе из тетради, предназначенной для дневника Е. А. Садовой (1921—1922). Письма А. Ф. Кони к Е. А. Садовой 68 (1920—1926). Портреты 5 (фото) А. Ф. Кони (3 из них групповые) (б. д.). Фотографии могилы А. Ф. Кони 2 (1934).

Симонов Константин Михайлович. Письмо его к родителям (1 октября 1941—21 января 1942).

Тургенев Иван Сергеевич. Письмо его к Луи Дьмеру (L. Diemer), на французском языке (б. д.).

Умников Сергей Дмитриевич. «Поэт, писавший зубами» (очерк о поэте Никтополионе Павловиче Святском) (1975).

Хомяков Алексей Степанович. «Стихотворения А. С. Хомякова» (Изд. 4-е. М., 1882). Книга с рукописными и печатными дополнениями и комментариями В. А. Францева.

Цветаева Марина Ивановна. Владельческие надписи ее (2) на шмуцтитулах книги «Oeuvres de Alfred de Musset. Poésies. vol. 1—2. 1828—1862» (Paris, 1907), с записями и пометами ее в тексте. На корешке переплета вытиснены инициалы «М. Z.» (1908). На с. 167 запись С. Я. Эфрона.

Чехов Антон Павлович. Дарительная надпись на его портрете (фото): «Лидии Ивановне Веселитской на добрую память и в знак глубокого уважения. 2 августа 1900 г. А. Чехов».

Чудовский Валериан Адольфович, критик, стиховед. Письма к В. А. Чудовскому: А. А. Блока (1910), В. Я. Брюсова 2 (1911), М. А. Волошина (1912), С. К. Маковского (<1912>), Н. В. Недоброво (1916), А. М. Ремизова (1911). Стихотворение М. А. Волошина «Бальмонту в январе 1912 г.» («Мы в тюрьме изведенных пространств...») (<1912>). Письмо М. А. Кузмина к неустановленному лицу (б. д.). Письмо Н. В. Шелгунова к Н. К. Михайловскому (1888).

Шестаков Дмитрий Петрович, поэт. Стихотворения его (10), рукопись и машинопись с правкой (1913—1928).

Шишков Вячеслав Яковлевич. Дарительные надписи его (2) П. А. Иванову на форзацах I и VI томов «Полного собрания сочинений» (изд. 2-е. М.—Л., ЗИФ, 1928).

Шолохов Михаил Александрович. Рукопись и машинопись с правкой романа «Тихий Дон»: первая глава шестой части III книги (л. 1, 2 — фотокопии) и разрозненные листы III и IV книг романа (<1928—1940>).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ПОСОБИЯ

Ротач Петр Петрович. Літературна Полтавщина. Матеріали до біобібліографічного словника, ч. 1—2 (1972). Машинопись.

Его же. Літературна Полтавщина. Матеріали до біобібліографічного словника. Письменники і літературознавці у зв'язках з Полтавщиною (1972). Машинопись.

Храбровицкий Александр Вениаминович. Материалы к библиографии В. Г. Короленко: тексты (публицистика и критические статьи), литература о писателе (1975). Машинопись. Дополнения и уточнения к «Библиографии произведений В. Г. Короленко», составленной Е. В. Мокршанской (хранится в Гос. библиотеке СССР им. В. И. Ленина и в ИРЛИ).

Его же. Летопись жизни и творчества В. Г. Короленко, вып. I—IV (1853—1885 гг.) (1970—1972). Машинопись.

Чуваков Вадим Никитич. Биографические сведения о русских писателях, критиках, ученых, политических и общественных деятелях XIX—начала XX в. (М., 1963). Машинопись. Преимущественное внимание уделено выявлению дат смерти после 1917 г. Привлечена зарубежная печать.

Его же. Сведения о разных лицах, похороненных на московских кладбищах (М., 1967). Машинопись.

Его же. Справки о разных лицах, умерших на территории России—Советского Союза (с 1917 по 1967 г.) (М., 1967). Машинопись.

Шмилин Николай Степанович. Литературные объединения России и СССР. 1900—1932 гг. Т. 1—4 (Л., 1975). Аннотированный указатель литературных объединений, союзов, обществ, товариществ, групп, кружков.

Его же. Русские художники-иллюстраторы (1816—1917), ч. 1—3. Библиография (Л., 1972). Машинопись. Алфавитные списки художников-иллюстраторов и писателей, произведения которых иллюстрировались.

Его же. Русское изобразительное искусство середины XIX—начала XX в. (до 1917 г.), ч. 1—6 (Л., 1969). Машинопись. Материалы для библиографического указателя (периодика, выставки, художественные музеи, творческие объединения и т. д.).

Его же. Указатель газетных и журнальных статей, посвященных русскому изобразительному искусству (1860—1917 гг.), т. 1, 2 (Л., 1970). Роспись газет и журналов: «Новое время», «Одесские новости», «Речь», «Русские ведомости», «Театр и искусство» и др.

Его же. Художественная жизнь СССР (1917—1932 гг.). Изобразительное искусство. Библиография. Ч. 1—6 (Л., 1973). Машинопись. Материалы для библиографического указателя (периодика, выставки, художественные музеи, творческие объединения и т. д.).

Его же. Словарь псевдонимов и монограмм русских и советских художников, ч. 1—2 (Л., 1971). Машинопись.

III. ПУБЛИКАЦИИ

К ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПОЛЕМИК XVIII в.

(«ОБЕД МИДАСОВ»)

Публикация В. П. Степанова

В 1780 г. в журнале «Санкт-Петербургский вестник», в издании которого принимали участие Н. И. Новиков, Я. Б. Княжнин, Г. Л. Байко и ряд других известных литераторов XVIII в., была напечатана «Сатира I» В. В. Капниста, в то время еще никому неизвестного писателя. Критика «на порок», лежавшая в основе сочинения Капниста, была традиционна для жанра сатиры и не привлекла бы особого внимания современников, если бы не включенный автором в сатиру уничтожающий отзыв о целой группе современных писателей:

Не должно ли изыскивать стараться,
Чем с глупостью глупцов принудить бы расстаться,
Пиитов научить без смыслу не греметь
И веру теплую к рассудку возыметь.
Но можно ли каким спасительным законом
Принудить Рубова мириться с Аполлоном?

Котельский, Никошев, Вларикин, Флезиновский,
Обвесимов, Храстов, Весевкин, Кампаровский
И все семейство их, не убоясь судов,
Напутав кое-где и прозы и стихов,
В свет могут их пустить без пошлин, без окладу
Читателям, уму и Музам на досаду.¹

Под этими прозрачными зашифровками современники легко прочли имена В. Г. Рубана, Ф. Я. Козельского, Н. П. Николева, И. Владыкина, А. Н. Фрязиновского, А. О. Аблесимова, А. С. Хвостова, М. И. Веревкина и Я. Кантаровского. Дерзость начинающего сочинителя, осмелившегося на прямой пасквиль, не только вызвала гнев со стороны оскорбленных им авторов, но и послужила предметом литературной полемики на страницах того же «Санкт-Петербургского вестника», что в общем было довольно редким явлением в журналистике XVIII в. Чтобы утихомирить разбушевавшиеся страсти и вместе с тем показать, что он не собирается отка-

¹ Капнист В. В. Собр. соч., т. I. М.—Л., 1960, с. 73.

зваться от принципиальных положений сатиры, Капнист, не без поддержки друзей и единомышленников из львовско-державинского кружка, перепечатал свое сочинение в первом выпуске нового журнала «Собеседник любителей русского слова» (1783) под заглавием «Сатира первая и последняя», исключив при этом перечень фамилий писателей-современников.

Несмотря на то что полемика 1780—1781 гг. давно и неоднократно привлекала внимание историков литературы, многое в ней продолжает оставаться неясным и спорным.² Очевидно, однако, что печатные отклики составляют незначительную часть полемики. Разыскания Г. В. Ермаковой-Битнер³ заставляют думать, что еще более многочисленными и резкими были рукописные сочинения, которые одни только и могут объяснить все детали и перипетии споров. Одно из таких сочинений хранится в Рукописном отделе Пушкинского Дома. Стихотворная сатира «Обед Мидасов» находится в сборнике разных произведений, озаглавленном «Собрание стихотворений. 1800 года сентября 28 дня» (р. II, оп. 1, № 582, л. 25). Приведенная дата, по-видимому, фиксирует начало заполнения сборника; одновременно она указывает и приблизительное время его составления по разнообразным источникам, как рукописным, так и печатным: включенные сюда произведения, поддающиеся датировке, относятся в основном ко времени до 1800 г.

Как представляется, особое значение сатиры «Обед Мидасов» определяется тем, что она связана не только с полемикой вокруг «Сатиры I» Капниста. Поднятые в ней вопросы, упоминаемые имена и произведения показывают, что спор вокруг Капниста не был изолированным эпизодом литературной борьбы; Капнист лишь продолжил полемику, начало которой относится к 1779 г. и в основе которой лежали не личные отношения, а эстетические и идеологические разногласия писателей позднего классицизма, ставшие особенно очевидными после смерти А. П. Сумарокова.

29 января 1779 г. в Москве состоялась первая постановка комической оперы А. О. Аблесимова «Мельник — колдун, обманщик и сват», имевшей поразительный успех как на публичной, так и на придворной сцене, в Эрмитажном театре. Однако простонародный сюжет, соответствующая ему простонародная, грубая речь персонажей из крестьян, отступление от традиции таких театральных авторитетов, как Кино, Метастазιο, Фавар, вызвали яростные нападки на Аблесимова в литературной среде, со стороны театралов-традиционалистов, представителей дворянской эстетики.⁴ «Очень худой комической оперой» назвал «Мельника» М. Н. Муравьев (письмо к отцу от 29 апреля 1781 г. из Петербурга — р. II, оп. 1, № 261, л. 37 об.). Крупнейший актер и драматург П. А. Плавильщиков, издававший в 1781 г. журнал «Утра», на его страницах резко осудил ко-

² См.: Берков П. Н. История русской журналистики XVIII века. М.—Л., 1952, с. 352—353.

³ См.: Поэты-сатирики конца XVIII—начала XIX в. Л., 1959 (Б-ка поэта. Большая серия), с. 18—21.

⁴ См.: Гозенпуд А. А. Музыкальный театр в России. Л., 1959, с. 142—144.

медю за «подлость» шуток, заявив, что терпеть не может «кабаков», «треухов», «плетищев» и «живых лошадей» на сцене.⁵ О каких-то широко распространявшихся рукописных сатирах свидетельствует статья Аблесимова в его журнале «Рассказчик забавных басен» (1781, лист 49, с. 177), в которой он возражал на критику «господина Некто» (по-видимому, следует понимать как русский перевод слова «аноним»). Грубым, но по своему остроумным и поэтому получившим наиболее широкое распространение произведением в этой полемике была «Ода похвальная автору „Мельника“, соч. в Туле в 1781 г.». Она довольно долго и бесосновательно приписывалась В. И. Лукину.⁶ Скорее всего ее автором был известный поэт-сатирик князь Д. П. Горчаков, который, судя по биографии, составленной его внучкой Е. С. Горчаковой, в 1780 г., по выходе в отставку, поселился в имении под Тулой.⁷ Косвенным доказательством его авторства может служить включение «Оды» в подборку несомненно горчаковских сочинений в сборнике «Книга, пазываемая „Когда что попалось“...» 1792 г., озаглавленную «Труды незнакомого» (ф. 265, оп. 3, № 9, л. 402). Независимо от этого несомненно Горчакову принадлежит эпиграмма против Аблесимова сходного содержания — «Все лица в Мельнике мне кажутся на стать...»; в ней осмеяно появление на сцене лошади во время представления «Мельника».

С развернутым осуждением испортившихся вкусов театральной публички выступил также Н. П. Николев, явно имея в виду успех «Мельника». Николев постоянно жил в Москве и, по-видимому, присутствовал на первом московском представлении оперы. Публикуя собственную комическую оперу «Розана и Любим» (1781), он предпослал ей обширное предисловие, в котором писал: «Просвещенные московские зрители, как видно, снисходя к малому числу российских творцов, снисходят еще некоторым образом и к дурным творениям; а российские орангутанги, не поияв причины такого снисхождения, столько ж усердно бьют в ладоши по представлении подлого игрища, как по представлении „Синава и Трувора“, а часто еще и усерднее».

Три наиболее примечательные комические оперы XVIII в. — «Мельник» Аблесимова, «Розана и Любим» Николева, «Несчастье от кареты» Я. Б. Княжнина — появились на сцене почти одновременно: первая — 20 января 1779 г. в Москве, вторая (по свидетельству Николева в указанном предисловии) — несколькими днями позднее, тоже в Москве, третья — 2 ноября 1779 г. в Петербурге. Современники правильно почувствовали в этом совпадении элемент «состоязания» драматургов в новом и имевшем успех жанре. Как видим, однако, к «состоязанию» примешивалась также принципиальная эстетическая полемика, и Николев сознательно противопоставил свою «Розану» «Мельнику» Аблесимова.

Еще более скандальным театральным событием этих лет стало представление комедии Николева «Самолюбивый стихотворец». Направленная против А. П. Сумарокова, который выведен в ней под именем Надмена,

⁵ XVIII век, сб. 4. М.—Л., 1959, с. 129.

⁶ См.: Тупиков Н. М. Сатира на Аблесимова. — Ежегодник имп. театров, сезон 1893/94, Приложение 2, с. 141—146.

⁷ Горчаков Д. П. Соч. М., 1890, с. V.

и написанная еще в 1775 г., пьеса была отдана на театр всего через три года после смерти поэта — в 1780 г., ко времени выхода в свет «Полного собрания всех сочинений» Сумарокова. С одной стороны, Николев излил в ней свое раздражение по поводу той роли литературного мэтра, которую продолжал играть в 1770-е годы старый, больной и уже почти не писавший поэт, к тому же оставшийся равнодушным к первым литературным опытам самолюбивого Николева. С другой стороны, изображая сватовство Честнодума к Милане, племяннице Надмена, которое завершается благополучно лишь благодаря тому, что жениху удается скрыть от будущего тестя свои грехи по части сочинения трагедий, Николев чувствительно задевал Е. А. Сумарокову и ее мужа, известного автора трагедий Я. Б. Княжнина. Существует предание, что именно партия Е. А. Сумароковой-Княжнинной освистала «Самолюбивого стихотворца» во время премьеры комедии.⁸ Сама же она написала в связи с этим представлением какую-то, остающуюся до сих пор неизвестной, «эпиграмму» на Николева. Отзвуки этой перепалки мы находим в разделе «Смесь» четвертого тома «Творений» Николева (вышел из печати в 1797 г.), где помещена эпиграмма «В уединении ко мне доходит слух...», концовка которой несомненно имеет в виду Княжнину: «Эта дама На мужа и себя давно уж эпиграмма». К Княжнинной также относится его грубая притча «Мартышка» («Вскочив мартышка на столчак...»), в конце которой «эта дама» проваливается в клозетную дыру. В других стихотворениях того же тома, датировка которых не вполне ясна, находятся многочисленные намеки на драматурга, обкрадывающего других авторов; этот упрек в 1780-е годы являлся стандартным обвинением против «переимчивого» (по определению Пушкина) Княжнина. За Княжнинным-драматургом еще в 1770-е годы закрепилась репутация естественного преемника Сумарокова на трагической русской сцене. По-видимому, именно к 1779—1781 гг. относится начало открытого соперничества Княжнина и Николева, отражение которого несколько позднее мы видим в комедиях и сатирических журналах молодого Крылова. Следует также учесть, что Княжнин был одним из редакторов «Санкт-Петербургского вестника», напечатавшего сатиру Капниста.⁹

Борьба за изменения в литературной иерархии, за смену литературных авторитетов отразилась также и в «Послании к творцу посланий» А. С. Хвостова, которое было написано, согласно помете во многих списках, «1781 года июня 4 дня в кампанте (лагере, — В. С.) при СПб.» (см., например: ф. 265, оп. 3, № 107). Оно направлено против Д. И. Фонвизина. Его основной мотив — непомерное авторское самолюбие, которым наделен создатель «Бригадира» (над «Недорослем» Фонвизин в это время еще только работал). Хвостов обвиняет Фонвизина не только в высокомерном третировании современников; он также говорит о его пренебрежительной оценке лучших трагедий Сумарокова и лирики Ломоносова. Напомним, что Капнист упомянул Хвостова в «Сатире I».

⁸ См.: Берков П. Н. История русской комедии XVIII века. Л., 1977, с. 169—170.

⁹ См.: XVIII век, сб. 11. Л., 1976, с. 20.

Недавно стали также известны две эпиграммы И. И. Хемницера, которыми он отвечал на «Послание» Хвостова против Фонвизина, упрекая его, как можно понять, в неожиданной измене своим бывшим друзьям из львовско-державинского кружка. Тот же Хемницер от имени кружка первым выступил на защиту Капниста, поместив в «Санкт-Петербургском вестнике» басню «Черви». А. С. Хвостов и родственными, и дружескими отношениями был тесно связан с николевским кругом, который наиболее яростно пытался дискредитировать Капниста. Все это вместе взятое дает основание предположить участие Фонвизина в театральной полемике 1781 г.

Что наступившее в 1781 г. общее обострение литературных противоречий не ретроспективная выдумка, что оно существовало в действительности и ощущалось современниками, подтверждает сообщение М. Н. Муравьева от 31 мая 1781 г.: «между петербургских писателей междуусобная брань» (р. II, оп. 1, № 261, л. 48). В Москву самые свежие новости об этой «войне» привез Ф. Г. Карин, уехавший из Петербурга в конце июля и 2 августа специально заезжавший к Николеву, чтобы «кой-чего сообщить от Дмитревского и о том расположении литературы, в каком осталась она в Петербурге» после его отъезда.¹⁰ Сатира «Обед Мидасов» помогает нам более детально представить это «расположение», эту расстановку сил.

Если составить перечень писателей, упомянутых автором «Обеда Мидасова», то мы увидим, что он почти совпадает с «Сатирой I» Капниста, включая в себя имена, постоянно встречающиеся в связи с указанными литературными распрями и полемиками. Фонвизин, артистически исполнявший собственные произведения, действительно широко читал их в светских гостиных. В данном случае скорее всего речь идет не о послании «К слугам моим Шумилову, Ваньке и Петрушке», опубликованном в 1769 г., а об известном только по фрагменту, но имевшем скандальный успех «Послании к Ямщикову». «Владимир» Княжнина — это трагедия «Ярополк и Владимир». Княжнин закончил ее в 1772 г., но театральное начальство смутил нарисованный драматургом неортодоксальный образ «святого равноапостольного князя Владимира» (Крестителя); из-за этого пьеса не попала на сцену и увидела свет только в 1787 г., в «Сочинениях» Княжнина. Упоминание об авторских чтениях «Ярополка и Владимира» в Петербурге является единственным свидетельством читательского интереса к этому малоизвестному сочинению драматурга. «Ода» А. С. Хвостова — это несомненно его шутивное стихотворение «Хочу к бессмертью приютиться...» (обычно датируется 1783 г. по времени первой публикации), самое известное из немногочисленного наследия писателя.

Ценно также то обстоятельство, что, беря имена из списка, ранее приведенного Капнистом, автор сатиры «Обед Мидасов» конкретизирует, какие именно произведения данных писателей были предметом насмешек. Это поэма И. Владыкина «Потерянный и приобретенный рай» (1773); «чертовской» она называется потому, что в ней, как и в поэме Д. Миль-

¹⁰ XVIII век, сб. 3. М.—Л., 1958, с. 513.

тона «Потерянный и возвращенный рай», действующим лицом выступает пизвергнутый в ад Люцифер. Говоря о Веревкине, автор имеет в виду его комедии «Так и должно» (1773) и «Именинники» (1774) и произведение неопределенного жанра (что, видимо, и удивило современников) «Помянник повсядневный» (1770) — подобие церковных святцев, переложенных в стихи. Рубану, как поэту сервильному, бездарному и в своих оригинальных сочинениях, и в переводах из Вергилия, но обладающему непомерными литературными притязаниями, еще Капнистом было уделено около десятка стихов в «Сатире I». Упоминание трагедий «Деидамия» (1751, опубликована в 1775 г.) В. К. Тредиаковского, «Пантея» Ф. Я. Козельского (1769), «Траян и Лида» В. В. Лазаревича (1780)¹¹ не отражает какой-либо принципиальной полемики с их авторами: все три произведения традиционно называются в сатирической поэзии XVIII в. в качестве примеров «образцовой» литературной нелепости.

Насмешки над неудачными произведениями, однако не означают, что автор сатиры — противник классической трагедии вообще. В этой связи любопытен намеренно насмешливо поданный отзыв одного из «рифмачей», «любителя „Пантея“», о трагедии Княжнина «Дидона». Эта трагедия, потерпевшая неудачу при первом представлении, была с большим успехом возобновлена сначала на любительской сцене в доме Дьяковых (1778), где роль Ярба исполнял профессионал И. А. Дмитриевский, а Дидону играла М. А. Дьякова, будущая жена Н. А. Львова. 17 июня 1779 г. состоялся спектакль в Эрмитажном театре. «Дидона» в известной нам поздней редакции является новаторским произведением, и публикуемая сатира точно фиксирует черты сценического действия, нарушавшие установленный канон. Княжнин в этой трагедии с лирическим сочувствием описывает всепоглощающую страсть героини, вместо того чтобы осудить ее во имя «идеи долга». Необычным было и такое новшество, как введение в пьесу сцены пожара в царском дворце, во время которого непосредственно перед глазами зрителя Дидона кончала жизнь самоубийством.

Насмешки над критиками «Дидоны» являются одной из существенных частей антиниколевского замысла сатиры: «Дидона» и «Милосердие Титова» (1778) Княжнина были объектами нападок в эпиграммах Д. П. Горчакова. Внутренний сюжет «Мидасова обеда» составляет отношение к Николеву: Николева превозносят, ставят в пример, сравнивают с другими писателями. Нагнетание похвал служит осмеянию претензий московского дружеского кружка на руководящую роль в литературе. Отзывы таких претензий довольно многочисленны в дружеских посланиях его членов. Укажем лишь две, анонимные, но наиболее близкие к тексту сатиры апологетические характеристики Николева по рукописным сборникам ИРЛИ: «Да нового в тебе Расина узрит Росс!» («Письмо к Н. П. Николеву») — ф. 322, № 82, л. 199) и «В тебе потомству для примера Соккупленных зрим Расина и Вольтера!» («Письмо к Н. П. Николеву» — ф. 285, оп. 3, № 9, л. 419).

¹¹ Авторство В. В. Лазаревича в отношении этой трагедии и других произведений в издававшемся им единолично журнале «Что-нибудь» установлено В. В. Пуховым в его сообщении на заседании Группы по изучению русской литературы XVIII в. ИРЛИ.

Некоторого пояснения требует проходящий через весь текст сатиры спор о сравнительных достоинствах новейших комических опер. Пьесы автор «Обеда Мидасова» обозначает сокращенно, по имени наиболее заметного действующего лица. Так, намек на «Самолюбивого стихотворца» дан фразой «как игран был Надмен»; «Мельником» называется опера Аблесимова «Мельник — колдун, обманщик и сват», «Розаной» — опера Николева «Розана и Любим». Последняя, впрочем, именуется также и «Рыбак», поскольку Любим, ее герой, действительно по тексту является не крестьянином, а рыбаком. Возможно, однако, что такое название носила первоначальная редакция пьесы, относящаяся к 1776—1778 гг. и поставленная в 1778 г. в Москве; текст ее остался неизвестен. Издание 1781 г. дает, как указывал в предисловии Николов, новую, более полную редакцию, дополненную 4-м действием. В частности, Николов расширил при переработке роль Лесника (Дровосека), специально для А. Ожогина, блестяще ее исполнявшего. «Рыбаком» называл пьесу Николева и Аблесимов. В письме для журнала «Рассказчик забавных басен», напечатанном за подписью «Простяков», в числе сочинений автора, подвергнувшегося «ругательствам сатирика господина К***», т. е. Капниста, Аблесимов упомянул «Сатиру на обычаи и нравы» Николева и «из лоскутков скропанного Рыбака» (1781, лист 38, с. 89).¹² В упоминавшемся предисловии Николов действительно защищался от упреков в заимствованиях из французской комической оперы «Дровосек». Что касается симпатий автора сатиры к новому, модному жанру комической оперы, то он не отдает предпочтения ни одному из упоминаемых произведений. По-видимому, споры о достоинствах произведений этого жанра казались ему одинаково смешными.

В рукописном сборнике сатира «Обед Мидасов» имеет подпись «Кн. Горчаков». Но ни по общему характеру, ни по адресатам сатирических нападок она никак не могла быть написана известным сатириком князем Д. П. Горчаковым: определенно известно, что Горчаков был ближайшим другом Николева. Тем не менее возможность установить ее истинного автора дают именно стихи Горчакова. В одном из его ранних «нозлей» («святко»), жанре, который, по наблюдениям исследователей, Горчаков первый перенес на русскую почву, упоминается некий Арсеньев:

За ним (Капнистом, — В. С.) Арсеньев следом,
Прославиться хотя,
С украденным обедом
Пришел перед дитя.

Христос ему сказал: «Хоть ты имеешь пару
Мидасовых, мой друг, ушей,
Однако рук его, ей-ей,
Иметь не можешь дару». —
Арсеньев осердился
Ему смеялся всяк...¹³

¹² Автор выражает благодарность Ю. В. Стеннику, указавшему — в качестве альтернативы — также на комическую оперу «Рыбак и дух» (М., 1788), которая в некоторых работах по истории театра без всяких оснований приписывается Княжнину. Хотя на титуле издания указано, что опера «сочинена 1781 года», никаких следов ее постановки в это время обнаружить не удалось.

¹³ Поэты-сатирики конца XVIII—начала XIX в., с. 92.

Эти стихи и примечание к ним Горчакова непосредственно направлены против интересующей нас сатиры. «Украденный у Буало обед» — это и есть «Обед Мидасов». Канвой для его автора действительно послужила 3-я сатира Буало; в ней точно так же описана ссора присяжных литераторов на званом обеде у богача, выдающего себя за знатока литературы. Как и другие сатиры Буало, она была хорошо известна в России; в частности, ее переводил А. Д. Кантемир, и этот перевод распространялся в рукописи. Таким образом, Горчаков определенно пазывает автором «Мидасова обеда» Арсеньева. Но Арсеньев, сатирик, выступающий заодно с Капнистом, против которого направляет целый куплет своего «ноэля» Горчаков, фигурирует также и в «Мидасовом обеде». За союз с Капнистом его ругает сам Мидас, хозяин обеда, в пространным отрывке, начинающемся стихами «Хозяин наш, знаток, писателей судил». Таким образом, Арсеньев из этой сатиры и Арсеньев из «ноэля» Горчакова — одно и то же лицо. Иначе говоря, автор «Мидасова обеда», как бы скрывая свое авторство, литературно воспроизвел в сатире те нападки, которым он подвергался за свои сатиры в действительности.

Этот прием, остроумно отводящий подозрения в авторстве от истинного автора, ложная подпись «Горчаков» под списком сатиры заставляют вспомнить о загадочном примечании Горчакова к стихотворению «Теперешняя моя жизнь. Письмо Г. И. Шипову». Он писал в нем: «Один преглупый стихокропатель сочинил преглупые стихи на одного чиновного человека и выпустил их под именем нашего автора, за что наш автор вывел его на театр с собственными его стихами; ибо он знает, что клепать своими стихами дурно». Не имеет ли это примечание в виду «Обед Мидасов» и не является ли поэт Чертополох, осмеянный в опере Горчакова «Счастливая тоня», сатирой на Арсеньева?

Известно несколько Арсеньевых, выступавших в конце XVIII в. в печати со своими сочинениями и переводами. Вместе с тем нам не удалось найти достаточно сведений о деятельности этих литераторов, которые дали бы возможность с уверенностью указать, кто из них является автором сатиры. Сведения, которые удастся почерпнуть из переписки М. Н. Муравьева, наиболее тщательного хроникера событий интересующего нас времени, лишь подтверждают авторство Арсеньева. 31 мая 1781 г. Муравьев сообщил отцу последние литературные новости из Петербурга: «К Фонвизину пишет Ал. Сем. Хвостов послание, в котором его пародирует. Некто Арсеньев, покровительствуемый Княжьиною, трудится над несколькими сатирами против Николева, Карина, двух Хвостовых, где *rag parenthèse*¹⁴ и я буду иметь свое место. Но я, *en dépit d'Arselev,*¹⁵ считаю себя очень счастливым, если буду честный человек...» (р. II, оп. 1, № 261, л. 48). К сожалению, судя по всему, Муравьев не был лично знаком с Арсеньевым, и биографические сведения, которые находим в переписке, оказываются крайне скудными. Вот что он писал по поводу тех же событий Д. И. Хвостову в письме от 10 августа 1781 г.: «Об Арсеньевой слышал я пятой сатире и о том, что он теперь ссорится не с Парна-

¹⁴ между прочим (*франц.*).

¹⁵ вопреки Арсеньеву (*франц.*).

сом, а с ложей. Почтеннейший принял его в пятую степень, а он уже работал в седьмой. Почтеннейший прогневан дерзостью челобитен его на французском языке и требует к экзамену. Это не Аполлон...» (ф. 322, № 59, л. 60). Отсюда можно понять, что Арсеньев был масоном в какой-то ложе шведской системы (только в них были распространены столь высокие «степени»), ссорился с мастером ложи, владел французским языком свободнее, нежели русским, и в 1781 г. выпустил в публикацию пять рукописных литературно-полемических сатир. До настоящего времени ни одна из них не была известна. Из всех Арсеньевых-литераторов этим биографическим данным ближе всего соответствует биография Александра Ивановича Арсеньева (1751—1840); некоторые источники указывают, что он был масоном и сотрудником масонских журналов.¹⁶

Суждения «рифмачей», как они излагаются в данной сатире, также невозможно убедительно и точно соотнести со взглядами известных участников полемики 1781 г. или каких-либо других литераторов того времени. Остается предположить, что их образы, как часто бывало в сатирах XVIII в., — сатирические штампы, лишь какой-то одной-двумя деталями адресованные тому или иному лицу. Значение таких деталей вскрывается обычно лишь случайно.

С большим основанием можно говорить о прототипе хозяина обеда. Мидас — имя мифологической, намекающее на очень богатого, но глушого и самодовольного человека, к тому же отличающегося дурным вкусом: ведь в споре Аполлона с Марсием он отдал предпочтение Марсию, за что бог искусства и наградил его ослиными ушами. Изображенный в сатире меценат, хлебосольный хозяин широких русских обедов, «знаток» в литературе, у которого запросто бывают Д. И. Фонвизин, Я. Б. Княжнин, А. С. Хвостов и другие писатели, заставляет вспомнить уже упоминавшегося Ф. Г. Карина. Это был один из богатейших помещиков XVIII в., владелиц семи тысяч душ крепостных, сумевший благодаря широкому, открытому образу жизни за полтора десятилетия настолько расстроить наследственное состояние, что над ним была учреждена опека. Сам он писал очень мало, еще меньше печатал, но его литературные связи и знакомства были всеобъемлющими. Ближайший друг Николаева, он в этом кругу считался неоспоримым авторитетом в области вкуса и стиля. В качестве теоретика, что и могло задеть современников, Карин выступил в 1778 г. с «Письмом к Н. П. Николаеву о преобразителях российского языка на случай преставления А. П. Сумарокова». По-видимому, некоторые мысли этого «Письма» об излишестве стиля как в кривом зеркале отражаются в рассуждениях Мидаса. Аналогию сумбурным, противным общепринятому мнению отзывам Мидаса о драматических сочинениях Ломоносова и Сумарокова, так же как и предпочтение Николаева этим классическим писателям, мы находим одновременно у Д. П. Горчакова, члена того же кружка, в примечаниях к стихотворению «Он и Я. Разговор»: «Н. П. Николаев, лучший наш трагик, оставивший далеко за собою

¹⁶ См.: Арсеньев В. С. Род дворян Арсеньевых. Тула, 1903, с. 56, № 460; Vakounine T. Le répertoire biographique des francs-maçons russes. Paris, 1940, p. 31.

в сем роде г-на Сумарокова и прочих и почти равняющийся с г-ном Ломоносовым». ¹⁷

Наряду с литературно-полюемическим содержанием сатиры, восполняющей наши представления о борьбе в рамках русского классицизма, следует обратить внимание и на ее жанровые особенности. Взяв за основу известное сочинение Буало, расширив диалоги и приноврив сюжет к русским нравам, автор «Мидасова обеда» дал разнообразную сводку мнений по самым злободневным вопросам литературной жизни и заставил своих противников самих опровергать друг друга. Тем самым он избегал того ригоризма и грубости, которые характерны для большинства «любовых» сатир XVIII в.

ОБЕД МИДАСОВ ¹

«Что ты?» — «Ах, мочи нет...» — «С ума ты что ль сошел?..»

— «Ах! на обеде был». — «Ну что ж?» — «Я там нашел...»

— «Кого?» — «Дай отдохнуть...» — «Да что за приключенье

Тебе соделало толь злобное мученье?

Ты бледен! Ты дрожишь! Совсем иным ты стал».

— «Есть от чего...» — «Скажи ж!» — «Мидас меня зазвал.

Давно я от него отделаться старался,
А ныне в дураки нечаянно попался.

Он, встретясь, мне сказал: „Постой, любезный друг,
Ты вовсе позабыл твоих покорных слуг.

Чем провинились мы, что ты нас покидаешь?

Прятелей своих ты редко вспоминаешь!

Все первые умы бывают у меня;

Число дополнить их недостает тебя“.

— „Мне дело есть...“ — „Нет, нет!“ — „Божусь тебе!“ — „Какое?“

— „Мне должно видеться... и дела тьма...“ — „Пустое!

Фонвизин хочет нам послание прочесть,
Княждин мне посулил «Владимира» привезть
И с одою Хвостов заехать обещался“.

Не верил долго я, но он божился, клялся.

Был час, и я к нему: Фонвизин не бывал,

И нет здесь Княждина. Мидас мне закричал:

„Не будет и Хвостов! Некстати б им гордиться!

Вить можно и без них с друзьями веселиться!“

Я, слушав речь его, с досады побледнел,

А он, меня схватя, в гостиную повел.

¹⁷ Поэты-сатирики конца XVIII—начала XIX в., с. 114.

Вся горница была набита рифмачами;
Они стихи свои читали с знатоками,
А лучший тут пиит чуть грамоте умел.
Все бросились ко мне, лишь в двери я вошел;
Теснились кучами, целуя, обнимали,
И дружбою меня, и ласками терзали:
Тот, за руку схватя, ее всей силой жал;
Другой мое лицо губами замарал.
А я остолбенел, не знал, что делать боле;
Решился, наконец, отдаться божьей воле,
Терпеть, как мученик, все глупости сносить,
И Рубана стихи решился уж хвалить:
К нему с концов земли слетались грусти, скуки —
Не можно описать моей тогдашней муки,
Стократно с бешенства быть в Тартаре желал:
И, слушав „Рыбака“, не столько я зевал.
Как игран был Надмен, глушцы все восхищались;
Разумные, сердясь, нахальству удивлялись;
Скрепясь, я мог смолчать, досаду утаил.
А тут... Ах, боже мой! Я шляпу подхватил,
Прервал хозяйску брань, гостей негодованье
И справедливое невежи нареканье;
Оставя дураков, от них бежать хотел,
Как, хлопнувши дверьми, дворецкий к нам вошел
И громко возгласил, что кушанье готово.
Лишь вымолвить успел сие приятно слово,
Как жадны рифмачи крик подняли и шум
И начали хвалить хозяйский вкус и ум:
Глушца всегда льстецы прельщают похвалами,
Ругают за глаза поносными словами.
Но с шумом гости все в столовую пошли,
Предолгий узкий стол накрытый там нашли;
И грязь на скатерти, смешенна с белизною,
Блистая из-под блюд к нам пегой лепотою.
Вкруг рюмки кверху дном стояли на столе,
И грязных лап печать, оставшись на стекле,
Являла письменно, что их перетирали;
Душисты устрицы для роскоши стояли,
Для пицци были щи, говядины кусок,
И в сажу облачен тут с кашею горшок;
В середине был десерт, на нем три пирамиды,
На главной писано: „Творца Траяна—Лиды“;
Вблизи тут блюдо рыб, на нем снетки, плотва,
С лавровым тут венцом бычачья голова;
Тут с салом пироги, молочное, тельное,
А по концам стола — сушеное жаркое,
И в соусных судках в три пальца плавал жир.
Рассевшись, рифмачи кричали: „То-то пир!“

Лукулл так не едал, хоть в роскошах купался!²
— „Такой беседою Лукулл не наслаждался!“, —
Ответствовал Мидас, велел пси раздавать.
Умолкли рифмачи, пустились с жаром жрать.
Тот, ложкой жир схватя, хлебнул и обварился,
Иной тут салом весь из соуса облился;
Один из них рифмач, голодный гость,
Со стула вдруг упал, имея в горле кость.
Все бросились к нему. Одни в рот масло лили,
Другие по спине несчастного тузили.
Избавили его. Я, сам себя забыв,
Куска не могши съесть, сидел ни мертв, ни жив.
Тогда Мидас сказал: „Что сделалось с тобою?
Ты смотришь сентябрем. Доволен ли ты мною?
Стараясь всячески, тебя чтоб угостить,
Позволь хоть рюмочку винца себе налить.
Авось либо тогда ты будешь веселее
И наше общество покажется милее:
В беседе где друзья, там обитает смех.
Зеваешь только ты в середине сих утех“.
— „Мне очень весело... Нет, право, мне не скучно,
Но жарко у тебя и, кажется мне, душно,
А ныне нездоров, и голова болит“.
— „Нет-нет, не болен ты: невесел и сердит.
Ты ничего не ешь. Зачем же сел обедать?
Смотри, какой каплун! Не хочешь ли отведать?
Ты извинишь меня, коли не вкусен стол:
Я русский дворянин, и я ведь не посол.
По знатым ездивши, ты сладко наедался;
Великолепием ты там избаловался“.
Я тут схватил кусок и сало оторвал,
Но твердость петуха насилу разжевал.
Проворны рифмачи все блюда посещали,
Тарелки им менять чуть слуги успевали.
Свой голод победив, пустились в разговор;
Из уст их полетел всех глупостей собор.
Судили обо всем, правленья поправляли,
Воюющих держав мирили, разоряли;
Тот низок при дворе, иной великим стал,
Другой, как буква ерь, в изгнание попал...³
Судили вкривь и вкось. Оставили интриги
И, слово за слово, попали как-то в книги.
Хозяин наш, знаток, писателей судил,
И Николева он сверх облак возносил.
„Поэзия, — сказал, — достойна уваженья.
«Розану» можно ли читать без восхищенья?
Великий Николев — писателей пример,
Он разумом своим — российских стран Вольтер.

Прельщает слог его. Но что тому виною?
Играют в нем слова с отменной пестротою.
Он Сумарокова честь, славу помрачит,
В трагедии своей стихами умертвит.
Владыкин смело взял одну с Милтоном тему,
По-русски написал чертовскую поэму;
Он попирал в ней рай, род смертных погубил,
Читателей терзал и в ад их посадил.
В смешных комедиях Веревкин успеваает;
Блажен, кто в жизни раз «Помянник» прочитает.
Шутлив Аблесимов; он «Мельника» писал,
В похабных он стихах похвально успевал.⁴
И с рылом Рубан наш пушит всех похвалами,⁵
Сбирает денежки и торг ведет стихами.
Сатирую Капнист хотел нас осмеять.
Но может ли Капнист достоинство отнять?
Летит к нему, спеша, Арсеньев на подмогу,
И два слепца в одну пустилися дорогу:
Кто лучше их стократ, тех вздумали бранить.
Не должно ль дерзость их указом прекратить?⁶
Я слушал и молчал. „Он сочинитель мерзкий, —
Сказал сидящий гость. — В сатире глухой, дерзкой
Он лучших рифмачей, ругая, не щадил,
И Николева в стих бессовестный вместил.
А Николеву <нрзб.> и целый свет дивится:
Мольеру с ним нельзя в комедиях сравниться,
Поучит Буало, сатиры как писать;
Арсеньев и Капнист способны только врать.
Капнист с Арсеньевым недавно подружился.
Он лучше бы у нас здесь вкусу поучился:
Здесь школа разума, сидит здесь вкуса бог;
Надули б мы тогда и мысли в нем, и слог,
Заставили б его за разумом гоняться,
И в русском языке лишь рифмою пленяться;
Оставить ясный слог и презреть простоту,
Картины не писать, любить слов пестроту;
Узнал бы он красы, которых он не знает.
Ум сочинителю ведь очень помогает“.
— „Ты правду говоришь, — один рифмач сказал. —
Мы знаем Княжнина: «Дидону» он писал.
«Дидона» публике понравилась ужасно,
И хвалят все ее; но хвалят все напрасно.
Когда ее свистать людей я соберу,
От сердца моего полмуки отдеру.
В ней страшных нет стихов, и ужас не пугает,
В ней зверства не найдешь, а страсть одна пылает;
В ней благородства нет, простенок разговор;
Пожар один хорош, а прочее все вздор.

Люблю чрезмерно я трагедию «Пантею»,
Читал ее стократ, а все не разумею;
Вот сладок и пригож «Дейдамиин» мне склад,
Как будто в зимний день в ней ощущаешь хлад.
Птенец вот превзошел творца «Тилемахиды»⁶
И горько описал всю страсть Траяна, Лиды;
В ней всё, всегда, везде страдает всё там дщерь,
И всем затворена спокойствия вся дверь.
Единый Николев над «Лидой» торжествует
И в обществе умов над всеми первенствует“.
— „У всякого свой ум, — тогда сказал Мидас. —
Не верен публики несправедливый глас.
Мы с разумом живем и судим не по моде,
Готовы завсегда противу стать природе,
Не терпим между нас естественных красот:
Вот разума, наук и просвещенья плод.
Люблю, чтобы видна была в стихах работа,
Горелась к выдумкам во всех сердцах охота.
Природу описать нетрудно простяку,
А в вымыслах успеть лишь можно знатоку.
Вся публика кричит: «Велик наш Ломоносов!
Он истинный пиит! украсил слово Россов!»
Не знаю, он за что в великие попал;
В моих глазах всегда был Ломоносов мал.
Его изряден слог, но стих его не гладок
И в мыслях у него ужасный беспорядок:
В трагедиях — велик, искусен, смел и чист,
А в одах — мерзок, подл и сущий он Капнист.
Прекрасен во псалмах и одах Сумароков,
И сколько не ищи, не сыщешь в них пороков;
Он — в баснях не пригож, в трагедиях он слаб,
Он пишет с естества, природы подлой раб.
Царь — Николев, они — подвластные народы;
Те — черви на земли, властитель он природы!
Ее по-своему ломает и вертит,
Не вовремя смешон, не вовремя сердит;
Ужасный делают стихи его парад;
Он скуден разумом, но рифмою богат.
Он Сумарокова в Надмене нам представил,
И после смерти в нем он спеси поубавил;
Потом Арсеньева, Капниста подсвистал,
И за глаза троих он храбро разругал“.⁷
Один из знатоков сказал в своем ответе:
„Подобного тебе не сыщется на свете!
С какою тонкостью ты судишь о вещах,
Как скоро видишь ты все красоты в стихах!
Кто знал бы без тебя, что Николев прекрасен?
Кто мог бы разобрать, что слог в нем чист и ясен?

Еще раз похвалить «Розану» пропустил,
 Осмеянный Рыбак тебе уж стал постыл.
 Нет лучше для меня на свете сочиненья;
 «Розану» николи не вижу без мученья.
 Какой в ней бойкий склад, какая чудна связь!
 Другие оперы пред сею — тина, грязь“.
 Рифмач, сидящий тут, винцом уж распаленный,
 Не мог стерпеть хвалы, и, ревностью разожженный,
 Он знатоку сказал: „А «Мельник» чем же худ?
 Великий он колдун, но честен и не плут.
 В нем русски песенки поются, как в «Розане»;
 С седою бородой и в сером он кафтане;
 Дал мужу и жене загадку отгадать,
 Но крепко запретил пустое им болтать;
 Потом толкует сам, что это однодворец.
 И Николева сей глупее ль стихотворец?“
 — „Ты в злости говоришь, — отвечает знаток. —
 Винцом расстроивши свой слабенький умок,
 Смотри, как ты пригож: глаза посоловели,
 Вертится чуть язык и чувства онемели.
 Ну, как тебе судить о чьих-нибудь стихах?
 Ты любишь в «Мельнике» лишь речь о кабаках
 И нравишься тебе плетища да сивуха.
 В сравненьи: «Рыбак» — слон, а «Мельник» — муха“.
 Взбесился наш рифмач. Сказал он знатоку:
 „Нет, пьяница, ты сам подобен Рыбаку!
 Парнаса изверг ты, гонимый Аполлоном,
 И смело я скажу, хотя пред божьим тронем:
 Кому не нравится прекраснейший «Рыбак»,
 Ни в прозе, ни в стихах, а просто тот дурак“.
 — „Кто? Я?! — сказал <знаток>. — Врешь, гнусная скотина!
 Как смеешь дураком назвать ты дворянина?
 Ушей не донесешь отсюда домой!
 Сей час же выходи... поди... дерись со мной!“
 Тот бросился к нему. Столы тут полетели,
 И рюмки, вдребезги разбившись, загремели.
 Сразились воины. Друг друга по щекам,
 По роже, по спине, по ребрам, по губам,
 Пылая яростью, махали кулаками,
 Соперника удар бессилили скулами.
 В покоях раздался ударов тяжелых стук,
 И топот бранных ног, и гласу яркий звук;
 Там гром столов, и блюд, и стульев, вниз летящих,
 Разбитых стекол звон, от шарканья бренчащих,
 Прерванных треск волос и шибких размах рук,
 Здесь лоскуты летят, а там волосьев пук;
 А пудра и песок — смешенны под ногами,
 И по полу вино с водой течет ручьями.

Все бросились толпой, чтоб бранников унять,
 А я, оставя их, ударился бежать;
 Касался чуть земли поспешными ногами,
 Дорога взад бежит, урвавшись под стопами.
 И прежде, нежели к ним в беседу попаду,
 То будет зелено и в генваре в саду,
 Скорее Николев сравняется с Вольтером,
 Скорее Рубану удастся быть Гомером,
 Скорей Аблесимов разумным будет слыть,
 Скорей Владыкину Милтоном можно быть,
 Скорее щеголи покинут все наряды,
 Скорей откупщики, оставивши подрады
 Для пользы общия, забудут воровство
 И лавошник скорей покинет плутовство».

¹ Мидас — фригийский царь, с именем которого связана легенда о рожковом даре — превращать все, к чему он прикасался, в золото. Аполлон награждал Мидаса ослиными ушами за то, что при состязании Аполлона с Марсием царь отдал предпочтение последнему.

² Лукулл Луций Лициний (106—56 до н. э.) — римский политический деятель и полководец. Славился своим богатством и роскошными пирами («Лукуллов пир»).

³ Намек на споры о лишних буквах русского алфавита, происходившие еще между Ломоносовым, Сумароковым и Тредиаковским и возобновившиеся в 1780-е годы. В частности, по инициативе С. Г. Домашнева, директора Академии наук, с 1781 г. в журнале «Академические известия» информационный отдел «Показания новейших трудов разных академий» начал печататься без употребления буквы «ъ» (ер). За отмену букв, пришедших из церковно-славянского алфавита, выступил также В. В. Лазаревич, поместив в журнале «Что-нибудь» (1780, неделя 18—19) «Челобитную» с Парнаса от *зело, ук, э, юс, троерогого О, кси, пси, ижицы* к Аполлону с просьбою не выбрасывать их из «буквословия» и «резолюцию» Аполлона:

Вы пользы никакой отнюдь не приносили
 И только азбуку российскую тягчили:
 Вам места нет ни здесь, ни в российских областях.

⁴ Имеется в виду распространенная в XVIII в. форма бурлескных стихотворений, которые представляли переложение произведений самых разных жанров на непристойный лад. Все эти сочинения рукописная традиция приписала в конце концов И. С. Баркову, хотя в сочинении так называемых «сборников барковьяны» принимали участие многие авторы (И. П. Елагин, А. В. Олсуфьев, В. Г. Рубан и др.). О подобных стихах Аблесимова ранее не было известно.

⁵ «Рыло», правильное «рыле» — украинский простонародный музыкальный инструмент вроде балалайки. Упоминается здесь потому, что Рубан был родом из Малороссии. Отметим, что соответствующий, относящийся к Рубану стих в «Сатире I» Капниста: «И рылом не мутить кастальских чистых вод» — сколько нам известно, никогда не комментировался.

⁶ «Тилемахида» — поэма В. К. Тредиаковского.

⁷ О каком сочинении Николева в данном случае идет речь, установить не удалось.

Н. М. ЯЗЫКОВ

ПИСЬМА К РОДНЫМ

Публикация А. А. Карпова

В феврале 1823 г. девятнадцатилетний Николай Михайлович Языков писал из Дерпта брату Александру, что переписка их «должна быть хранима тщательно для современников и для потомства»: «Не правда ли? Так, при свидании нашем мы расположим соответственно и хронологически мои и твои письма; после будет самым приятно видеть, что мы думали и чувствовали во время нашей разлуки».¹ Переписка с родными, охватывающая период с 1820 по 1846 г., действительно представляет большой интерес при изучении биографии, творческой эволюции Н. М. Языкова, а порой и истории текстов его сочинений. Любопытна она и как отражение общего историко-литературного процесса первой половины XIX в. К сожалению, большая часть материалов обширного языковского архива, хранящегося в Рукописном отделе Пушкинского Дома, до сих пор еще мало изучена.² Предпринятая в начале века Академией наук публикация эпистолярного наследия Н. М. Языкова оборвалась на первом томе, соответствующем дерптскому этапу жизни поэта.

В 1930-е годы к материалам архива обратился М. К. Азадовский, который издал переписку Языкова с В. Д. Комовским за 1831—1833 гг.³ и письма к Языкову П. В. Киреевского.⁴ Им же дана характеристика материалов, хранящихся в Пушкинском Доме.⁵

¹ Языковский архив, вып. I. Письма Н. М. Языкова к родным за дерптский период его жизни (1822—1829). Под ред. и с объяснительными примеч. Е. В. Петухова. СПб., 1913, с. 47. Далее ссылки на это издание даются в тексте сокращенно: Архив, страница.

² Библиография изданий писем Н. М. Языкова и к Н. М. Языкову дана М. К. Азадовским в приложении к кн.: Языков Н. М. Полн. собр. стихотворений. М.—Л., 1934, с. 864—867. См. также: История русской литературы XIX века. Библиографический указатель. М., 1962, с. 834.

³ Литературное наследство, т. 19—21. М., 1935, с. 33—104.

⁴ Письма П. В. Киреевского к Н. М. Языкову. Ред., вступит. статья и коммент. М. К. Азадовского. М.—Л., 1935.

⁵ Азадовский М. К. Судьба литературного наследия Языкова. — Литературное наследство, т. 19—21. М., 1935, с. 341—370.

Публикуемые в настоящем издании письма Н. М. Языкова относятся ко времени с января 1830 по конец февраля 1831 г. и непосредственно примыкают к письмам дерптского периода. Годы, проведенные Языковым в Дерпте (1822—1829), где он учился на философском факультете тамошнего университета, — годы становления и расцвета его поэтического таланта, годы, когда его дарование стало завоевывать всеобщее и несомненное признание. Однако пребывание в Дерпте постепенно начинает тяготить поэта. Выйдя в начале 1827 г. из состава студентов, он решает готовиться к кандидатским экзаменам, с тем чтобы получить необходимый по понятиям того времени чин и в дальнейшем всецело посвятить себя творчеству. Но попытки самостоятельной подготовки не принесли успеха не умеющему организовать свои занятия Языкову. В январе 1829 г. он принимает новое решение, о котором пишет брату Александру: «Сообразив и то и се, прошедшее, настоящее и будущее, усмотрев, к несчастью, что второе все-таки разительнее похоже на первое и что последнее мне ничего хорошего не обещает, ежели я еще дольше останусь в Дерпте, где мне всё и все надоело и надоело, где жизнь моя, так сказать, гниет в тине бездействия, обстоятельств глупых и глупостей ежедневных, где, наконец, убедился я в невозможности порядочно подготовиться к экзамену, *gebus sic stantibus*,⁶ а кое-как не хочу его выдержать, — я, нижеподписавшийся, решил спастись отсюда в Симбирск, где месяца два могу надеяться кончить оное, ежели нужно, приготовление благополучно и экзаменоваться, например хоть в Казани» (Архив, с. 379). Так, после почти семилетнего пребывания в Дерпте Языков в мае 1829 г. покидает этот город «бездипломным студентом».

Проведя в Симбирске зиму 1829/30 г., Языков едет в Москву, где рассчитывает заняться осуществлением своего плана. В подготовке к экзамену, постоянно откладываемому то из-за нездоровья, то из-за поразившей Москву эпидемии холеры, но в первую очередь, конечно, вследствие иных — литературных — интересов, целиком охвативших Языкова, проходит год. Наконец, окончательно разочаровавшись в своем прежнем намерении, поэт решает поступить на службу, чтобы после получения необходимого в глазах общества хотя бы первого чина выйти в отставку и всерьез посвятить себя творческой деятельности. Таким образом, новый период в биографии Языкова (1830—начало 1831 г.) оказывается еще в значительной степени связанным с прежней студенческой жизнью, прежними дерптскими планами, что позволяет рассматривать его как своеобразный эпилог к Дерпту. С другой стороны, он характеризуется углублением творческих интересов поэта, его представлений о собственном призвании, расширением круга литературных знакомств.

Начало 1830-х годов — время резкого размежевания литературных сил, конфронтации, обострения журнальных полемик. Приехав в Москву после почти семилетнего дерптского удаления от центров литературной жизни, Языков оказался в самой ее гуще. Возобновляются его личные контакты с Пушкиными и Е. А. Баратынским. Тесно сходитя он с литераторами, составляющими круг «Московского вестника», и в первую очередь

⁶ при неизменном положении вещей (*лат.*).

с М. П. Погодиным.⁷ Большое значение для определения литературной позиции Языкова имело и его сближение с семейством Елагиных-Киреевских, из которого вышли известные деятели славянофильства И. В. и П. В. Киреевские.⁸

Московское окружение несомненно сыграло роль в той эволюции Языкова-поэта, которая проявилась в изменении тематики его произведений, в переосмыслении исторических интересов, а также в выдвижении на первое место религиозных мотивов. Новый путь Языкова, который привел его в итоге в лагерь правого славянофильства, достаточно ярко обозначился в таких произведениях 1830 г., как «Подражание псалму XIV» или «Хор, петь в Московском благородном собрании по случаю прекращения холеры в Москве». Знакомство с публикуемыми письмами помогает более глубокому пониманию перемен, происходящих в этот период в жизни и творчестве Языкова.

Большинство из писем, обращенных к родным, адресовано к среднему из братьев Языковых — Александру Михайловичу (1799—1874), с которым поэт был особенно близок и под известным влиянием которого находился. А. М. Языков несомненно представлял собой незаурядную фигуру среди дворянской интеллигенции 1820—1830-х годов.⁹ Он был тесно связан с литературными кругами, брал уроки у лучших тогдашних профессоров — К. И. Арсеньева, А. И. Галича, К. Ф. Германа, вместе с П. В. Киреевским и своими братьями увлекался собиранием русских народных песен. О широте его умственных интересов, наблюдательности и остроумии свидетельствует многолетняя переписка с В. Д. Комовским (ф. 348, № 104).

Другая часть писем Н. М. Языкова обращена к старшему брату — Петру Михайловичу (1798—1851), известному геологу.¹⁰ Третий из постоянных адресатов Николая Михайловича — его сестра Прасковья Михайловна Бестужева (1807—1862).

⁷ «Языков также здесь, привез мне множество драгоценных исторических материалов и предан „Московскому» Вестнику» душевно», — писал 23 марта 1830 г. М. П. Погодин С. П. Шевыреву (Русский архив, 1882, № 6, с. 162).

⁸ Знакомство Языкова с этим семейством состоялось в 1829 г., когда, возвращаясь из Дерпта в Симбирск, он останавливался в Москве в доме Елагиных-Киреевских вместе со своим дерптским товарищем и родственником А. П. Елагиной — А. П. Петерсоном. В свой новый приезд в Москву в 1830 г. Н. М. Языков проводит в этом доме около года. Родственник Языковых Д. Н. Свербеев вспоминал: «Из Дерпта переселился он в Москву, в лоно литературной семьи тех Киреевских-Елагиных, в которой царил ласковой любовью и нежно-внимательным добродушеством мать этой семьи, друг Жуковского <...> Авдотья Петровна Елагина. Она и ее сыновья Киреевские тотчас же стали баловать, делять, обогрывать наступившую неудачам поэзию Языкова. Крылья поэта встрепнулись, и этим годам московской жизни принадлежат едва ли не лучшие его стихи» (Свербеев Д. Н. Записки, т. 2. М., 1899, с. 96).

⁹ Любопытную характеристику А. М. Языкова в своих «Записках» дает его близкий приятель Д. Н. Свербеев.

¹⁰ Пушкину принадлежит следующий отзыв о П. М. Языкове в письме к Н. Н. Пушкиной от 12 сентября 1833 г.: «Здесь я нашел старшего брата Языкова, человека чрезвычайно замечательного и которого готов я полюбить, как люблю Плетнева или Нащокина» (Пушкин А. С. Поля. собр. соч., т. XV. М.—Л., 1948, с. 80).

Из 24 писем Н. М. Языкова к родным за 1830 г. и 5 писем за январь—февраль 1831 г., хранящихся в Рукописном отделе Пушкинского Дома (ф. 348, № 9, 10), нами публикуются 18. Из них 16 обращены к брату Александру (письма 1, 3—16, 18), по одному — к брату Петру (письмо 17) и к сестре Прасковье (письмо 2).

1

1830. Февраля 1. <Симбирск>.

Здесь все слава богу! Альма<на>хов по обычаю не получаю; но, может быть, повестка, здесь прилагаемая, есть Альманах. Аладбин¹ сильно молчит. Книга, для Когла² выписанная, оказалась чрезвычайно занимательною и прекрасною — я еще не читал ее, между тем по случаю ее образовались у Маминьки³ литературные вечера и, кажется, успешнее бывших у Елисаветы Петровны,⁴ потому что чтение происходит просто, без всяких декламаторских ужимок и соблазнительных переливов голоса по системе Санси.⁵ Возвратившийся из Дерпта Татаринов⁶ начал брать уроки у Санси во французском языке, на которых уже успело обнаружиться самое грубое и подлое невежество в истории онаго оракула образованнейшей части здешняго дворянства! Краевский почти ежедневно приезжает наведываться о книгах («Черный год»),⁷ Петром <Михайловичем> ему обещанных, — сделайте милость, кончите чем-нибудь эту возню!

Да будет известно и ведомо Конторе,⁸ что я желаю (хочу?) отправиться в белокаменную и буду сердечно благодарен богу и всем святым его, ежели это желание исполнится поскорее — чем скорее, тем лучше. Мне зевать не надобно: не то может постичь меня судьба Горохсва! Червь, во мне живущий,⁹ конечно, не помешает: его можно выгнать и там, и едва ли не легче, — а пережидать будет долго, долго и долго. Не знаю, с чего думает <Петр> Мих<айлович>, что именно он-то может где-либо задержать меня. В Москве я надеюсь не предаться лени, надеюсь действовать под руководством Погодина¹⁰ и в сообществе Петерсона¹¹ — людей деятельных и ко мне доброжелательных как нельзя больше. Вот и все. Что же твоя поездка в Питер, Ал<ександр> Мих<айлович> <?>. Надобно ж мне поскорее развязаться с моим именем на пиру земном, решите же меня! Имей уши слышати, да слышит!¹²

Для Дельвига¹³ написал я стихи, здесь прилагаемые,¹⁴ — плод усилий неимоверных: таков ли был я, расцветая?¹⁵ Впечатления Гармонии усиливаются, впрочем, — все тот же он; все тот же вид, непобедимый, непреклонный!¹⁶ Само собой разумеется, что до приобретения какого-нибудь прозвания в мире политическом мир моей поэтической деятельности должен будет ограничиваться мелочами, а никто не сомневался в моей способности производить важное, торжественное. Замечание Фаддея¹⁷ читал я — что ж делать? Маккавей — цоговей, говорит поговорка. Сапоги посылаю;

они, кажется, по собственному моему опыту, не выполняют своего предназначения: так же стучат, скрипят и тяжелы, как обыкновенные общественные, должно было их сделать вовсе равными зеленым. (Деньги за сапоги 20 р.уб.?)

На сих днях у меня сильно разболелся геморрой, вероятно ожесточенный многими слабительными употребленными против червя, но Рудольф остановил оный недуг чрезвычайно скоро, и я теперь, слава богу, здоров, в некотором смысле.

Видя, как пошло учат здесь истории, географии, риторике и арифметике, я возымел мысль учить Котла сам — и исполню ее по возвращении из Москвы и, конечно, лучше этих мусьяков,¹⁸ обыкновенно невежественных вообще и не умеющих учить в особенности. Я подарил Котлу стихотворения Жуковского, мне подаренные Протасовой,¹⁹ находившиеся до сих пор у Татарина и привезенные им из Дерпта. Да кончатся же ваши сомнения и по сему случаю. Посылаю пряник, произведение знаменитой Казани, один из предметов будущей Ярманки. 30 коп. фунт и продается большими пластами — есть двадцатифунтовые. Что же Позерну записку на получение книг в Петербурге (?). Он спрашивает — смотрите не опоздайте по обыкновению. Ганке²⁰ Елизавета Петровна не дает, говоря и рассуждая, что вы, господа, выпишете для вашего обихода другой экземпляр, а ей-де он не обходим.

Личности ряда упоминаемых в письме лиц не установлены.

¹ Аладыян Егор Васильевич (1797—1860) — писатель, издатель «Невского альманаха» (1825—1833), в котором активно участвовал Н. М. Языков.

² «Котел» — шуточное прозвище сестры поэта Екатерины Михайловны Языковой (1817—1852), с 1836 г. жены А. С. Хомякова.

³ Языкова (урожд. Ермолова) Екатерина Александровна (ум. 1831).

⁴ Языкова (урожд. Ивашева) Елизавета Петровна (1805—1848) — жена Петра Михайловича Языкова, сестра декабриста В. П. Ивашева.

⁵ Санси — гувернантка-француженка в семье Ивашевых либо ее муж, также живший в их доме.

⁶ Татаринев Александр Николаевич (1810—1862) — земляк и приятель Н. М. Языкова, племянник Н. И. и А. И. Тургеневых, в 1826—1829 гг. дерптский студент. Зимой 1830 г. Языков написал два послания, адресованных Татариневу, — «Здорово, брат! Поставь сюда две чаши...» и «Не вспоминай мне, бога ради...». А. Н. Татаринев — автор воспоминаний о Языкове (Архив, с. 393—400). См. также: Бобров Е. Мелочи из истории русской литературы. Н. Языков и Татаринев. — Русский филологический вестник, 1907, № 1, с. 181—183.

⁷ Имеется в виду роман В. Т. Нарезного «Черный год, или Горские князья» (М., 1829).

⁸ «Контора» («языковская контора») — наименование семьи Языковых в их семейной переписке.

⁹ Речь идет о солитере. Н. М. Языков страдал также головными болями, начавшимися еще в Дерпте. Позднее к этим болезням прибавилось тяжелое заболевание позвоночника.

¹⁰ Поводом для заочного знакомства Н. М. Языкова с М. П. Погодиным (1800—1875) послужила публикация в «Московском вестнике», издателем которого последний являлся в 1827—1830 гг., стихотворения Языкова «Тригорское» (1827, ч. 1, № 2). Личная встреча состоялась в мае 1829 г. в Москве. 15 июля 1829 г. Погодин писал С. П. Шевыреву: «Языков пробыл здесь больше месяца, и мы познакомились очень хорошо. Добрый малый

и без всяких претензий» (Русский архив, 1882, № 5, с. 96). См. также: Погосдин М. Мои воспоминания об Языкове. — Москвитянин, 1846, ч. 1, № 11—12, с. 254—258.

¹¹ Петерсон Александр Петрович (род. 1800) — приятель Н. М. Языкова, брат А. П. Елагинной. Изучал в Дерпте военные науки. Так же как и Языков, Петерсон собирался в 1830 г. сдавать экзамен в Московском университете.

¹² «Кто имеет уши слышать, да слышит» — цитата из Евангелия (от Марка, 4, 9).

¹³ Знакомство с А. А. Дельвигом (1798—1831) состоялось еще до отъезда Н. М. Языкова в Дерпт в доме А. Ф. Воейкова в Петербурге (см.: Гаевский В. Дельвиг. — Современник, 1854, т. XLIII, с. 42—46). Дельвиг одним из первых признал поэтический талант Языкова (см. его сонет «Н. М. Языкову», 1823). Языков деятельно участвовал в издаваемых Дельвигом «Литературной газете» и альманахах «Северные цветы» и «Подснежник».

¹⁴ Среди писем Н. М. Языкова к брату А. М. Языкову за 1830 г. эти стихи не сохранились.

¹⁵ «Таков ли был я, расцветая?» — строка из пушкинских «Отрывков из Путешествия Онегина». Включающие эту строку отрывки появились в «Литературной газете» 1830 г. от 1 января.

¹⁶ Ср. в «Кавказском пленнике» Пушкина: «Все тот же он; все тот же вид непобедимый, непреклонный».

¹⁷ О каком конкретно высказывании Ф. В. Булгарина (1789—1859) идет речь, не установлено. В «Северной пчеле» в конце 1829—начале 1830 г. упоминаний о самом Н. М. Языкове нет.

¹⁸ От искаженного «мусье» (monsieur). Имеются в виду учителя-французы.

¹⁹ Протасова Екатерина Афанасьевна (1771—1843) — сестра по отцу В. А. Жуковского, мать А. А. Воейковой, игравшей видную роль в поэтических настроениях Языкова в дерптский период его жизни.

²⁰ Ганке (Hanke) Генриетта-Вильгельмина (1785—1862) — немецкая писательница.

2

1830. <5 февраля. Симбирск>.

Ты все жалуешься, моя милая Пикать,¹ что я мало пишу к тебе, а сама пишешь ли ко мне вообще и, следовательно, много ли? Столыпины рассказывали очень подробно, как вы их приняли, угостили и обласкали, они, дескать, целые 3 дня у вас отдыхали и теперь целую неделю не нахвалятся вашим искусством и радушием угаживать и проч. и проч. Ты поручила Агате сказать мне, чтобы я остерегался — благодарю тебя за такое участие в благосостоянии моего сердца! Что делать? Мы все под богом ходим! Третьего дня <был> бал у Татаринова,² и вообрази себе — и я воображаю твое удивление! — и я был там и мед пил! Федор Федорович и я отправились на оное торжество именин Анны Семеновны,³ помнится, часов в семь пополудни — нет, в восемь — точно так, в восемь — там уже было собрано все, что радует сердце, танцует и франтит, — весь цвет мужеска и женска пола Симбирского! Я играл в вист, проиграл четыре рубля серебром, Федор Федорович играл тоже, только не в вист, а в бостон, — теперь не помню, что сделал, проиграл или выиграл? — при свидании расскажу тебе. Танцевали без устатку: из кавалеров осо-

бенно отличился мой товарищ по Дерпту А. Н. Татаринов. Он явил при сей верной оказии чрезвычайную неумоимость пог своих и, что еще важнее и реже, неизмеримую изобретательность ума при составлении фигур в котильоне, новых, трудных, иногда даже заимствованных и из жизни поселянина и из грозного быта воина! Эффект был блистательный! Знай наших дерптских! Всего разительнее была фигура, в которой — вообрази себе! — кавалер держит в правой руке обнаженную саблю и между тем вальсирует с дамою, его избравшею! Этим, так сказать, прекрасно-страшным подарком котильону обязаны мы, вероятно, подвигам графа Дибича-Забалканского⁴ и даже благополучному миру с турками,⁵ давшему нам возможность *потешаться* орудием брони, употребляя оное уже не на каранье врагов отечества, а на увеселение наших любезных соотечественниц! На этом бале, который, конечно, будет славен в летописях здешних потех, пробыли — даже Федор Федорович и я — до 2 часов пополуночи. Котла Маминька не пустила. Завтра еще бал у Столыпиных! Ждем — и Котла, кажется, пустят. У Татариновых на бале была и Олимпиада Петровна, просидела до 3-го часа и к Столыпиным тоже поедет. К масленице соберется сюда все семейство наше — братья спешат из Языкова⁶ — поторопитесь же и вы. Очень жалею, что на прошлой почте Маминька забыла прислать мне свое письмо к тебе — я было собирался описать здесь тебе вожделенный отъезд Ивашевых.⁷ Они едут очень, очень тихо — в *кнрзб.* просидели три дня.

Прощай покуда. Мы все слава богу! Петра Александровича⁸ целую. У меня есть много о чем рассказать тебе, когда приедем.

Твой Н. Языков.

Датируется на основании упоминания о дне именин А. С. Татариновой. В конце письма приписка рукой Е. А. Языковой (матери поэта).

Личности ряда упомянутых в письме лиц не установлены.

¹ «Пикать (Пикоть)» — домашнее прозвище Прасковьи Михайловны Языковой.

² Татаринов Николай Ильич — отец А. Н. Татаринова.

³ Татаринова (урожд. Аржевитинова) Анна Семеновна — мать А. Н. Татаринова.

⁴ Дибич-Забалканский Иван Иванович (1785—1831) — фельдмаршал, командующий армией в русско-турецкой войне 1828—1829 гг.

⁵ Имеется в виду завершивший русско-турецкую войну Адрианопольский мир (1829).

⁶ Языково — село и родовая вотчина Языковых в Корсунском уезде Симбирской губернии, на берегу реки Уренья.

⁷ Имеются в виду Ивашевы Петр Никифорович и Вера Александровна — родители Елизаветы Петровны Языковой, жены П. М. Языкова, а также ее сестра Екатерина Петровна, отправившиеся в Москву в конце января 1830 г. О семействе Ивашевых см.: Буланова О. К. Роман декабриста. М., 1925.

⁸ Бестужев Петр Александрович (1804—1840) — муж Прасковьи Михайловны Языковой, симбирский помещик.

⟨1830. Февраль. Симбирск⟩.

Вот вам покуда два Альманаха, видно Ширяев¹ не понял письма твоего, Александр, и вместо «Радуги»² явился «Альманах Анекдотов».³ Получены «Троесловие»⁴ и «Юрий»⁵ — жду тебя для оных прочтения. Не пускать, особенно последнего, вращаться между красавицами родины моей⁶ — дело трудное; даже и потому, что первым его прочитавшим лицом была Елисавета Петровна. «Московский Вестник»⁷ получается. Да примет же Языковская Контора в соображение и то в отношении моей особы, что я избавлю ее (Контору) от издержек за три журнала! Я все по балам да вечерам — был на бале у Татаринова, у Столыпиных, зван и не поеду к Кондакову — развиваюсь, в некотором смысле. Елисавета Николаевна и бабушка Палагея Ивановна приехали. Пикоть ждем с часу на час. Видно, Булгарину сильно и сильно не понутру слова о «Выжигине» в «Деннице».⁸ Должно ожидать великой войны литературной.

Датируется на основании сообщений о балах у Татариновых и Столыпиных.

Личности ряда упомянутых в письме лиц не установлены.

¹ Ширяев Александр Сергеевич (ум. 1841) — московский книгопродавец и издатель.

² Радуга, литературный и музыкальный альманах на 1830 год. Изд. П. Араповым и Д. Новиковым. М., 1830. В альманахе были напечатаны произведения Пушкина, Вяземского, Баратынского, Жуковского, С. П. Шевырева и др.

³ Речь идет об издании: Альманах анекдотов. СПб., 1830.

⁴ Сань-Цзы-Цзин, или Троесловие, с литографированным китайским текстом. Изд. монахом Иакинфом. СПб., 1829.

⁵ Т. е. исторический роман М. Н. Загоскина (1789—1852) «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году», вышедший в 1829 г.

⁶ «красавицами родины моей» — неточная цитата из стихотворения Языкова «К А. Н. Татаринову» («Не вспоминай мне, бога ради...»).

⁷ «Московский вестник», издававшийся под редакцией М. П. Погодина, был организован при ближайшем участии Пушкина, который привлек к сотрудничеству в журнале Языкова. О положении, которое Языков занимал в «Московском вестнике» еще до приезда в Москву, говорят следующие строки из письма Погодина к С. П. Шевыреву от 29 мая 1829 г.: «... буду стараться, чтобы „Московский Вестник“ продолжался, хотя я уже решительно не буду издателем. Думаю передать Баратынскому, Киреевскому и Языкову; а мы, остальные, будем сотрудниками» (Русский архив, 1882, № 5, с. 92—93).

⁸ Нравственно-сатирический роман Булгарина «Иван Выжигин» был резко отрицательно оценен в «Обзрении русской словесности за 1829 год» И. В. Киреевского, помещенном в альманахе «Денница» на 1830 г. Ответом Булгарина явилась опубликованная в «Северной пчеле» (1830, № 11, 12) рецензия на альманах, содержащая, в частности, критический отзыв о стихотворении Языкова «Прощальная песня» («Когда умру, смиренно совершите...»), напечатанном в «Деннице» без имени автора (здесь же было опубликовано стихотворение Языкова «Пловец»).

1830. Мая 16. Москва.

Получаешь ли ты мои письма?

Я что-то сомневаюсь в этом: не перевираю ли адреса, не теряли ли их коварные почтальоны и прочее». Путешествие к Троице¹ совершили мы благополучно и удовольствием: туда шли двое суток, осмотрели почти все, и воротились посредством наемной езды, зане нас настигло ненастье, воспрепятствовавшее нам посетить и Вифанию.² Я теперь слава богу в смысле духовном, а тело мое ждет уже со страхом и трепетом наступления жаров несноснейших — сегодня 19 в тени! И чем дальше в лес, тем больше дров, еще благодаря Проведение, что комнаты, мною занимаемые, мало подвержены разрушительному действию лучшей солнечных. Я достал тетради здешних студентов и начинаю читать их с сокрушенным сердцем — голый вздор. Кстати, здесь прошел и с большим вероятно слух, что, дескать, чины уничтожены!³ Напиши мне, что это значит, кого это освобождает и от каких причин, и не освобождает ли нашу братью от труда приготовляться к экзамену! Дай-то бог. Обещаюсь написать торжественную оду на случай этого случая — в роде Капнистовой на уничтожение слова раб.⁴

Петр прислал мне образчики сит — для заказа у Котуара:⁵ я нахожусь в недоумении, ему ли, Котуару, или Русаку поручить это? Разреши. Объявление о Машине Петровой было уже напечатано в здешних ведомостях,⁶ пришлю тебе список. В Симбирске снова происходит волнение сумасбродства. Елксавета Петровна, кажется, все еще не оставляет кочевой жизни и вообще ни мало-мальски не следует правилам природы и строгой истины. Замечу мимоходом, что семейная жизнь в семействе нашем очень, очень сильно оттолкнула от нее существо мое, и что первая и едва ли не единственная причина этому неудовольствию, несомненно, есть любезная, образованная и всепревышающая симбирских дам — наша невестка! На будущее самоисправление и надеяться, кажется, уже поздно!

Что Ивашевы, здесь меня спрашивают, когда они сюда будут?

Прощай покуда.

Весь твой Н. Языков.

Комовскому?⁷ и Алцадыну? мои поклоны.

Баратынский написал повесть в стихах: Цыганка.⁸ Шубы просушиваются! Чухломской⁹ здесь мне вовсе не нужен — ему нечего делать; и проч. и проч. Иванушке¹⁰ поклон.

Часть письма опубликована В. Шенроком в очерке «Николай Михайлович Языков» (Вестник Европы, 1897, № 12, с. 600).

¹ В путешествии в Троице-Сергиевскую лавру (мужской монастырь в 60 верстах от Москвы) приняли участие А. П. Елагина, ее дочь М. В. Ки-

реевская, А. П. Петерсон, М. П. Погодин, А. О. Армфельд, Н. М. Языков. Поэтическим откликом Языкова на это путешествие были стихотворения «М. В. Киреевской» («Ее светлости, главноуправляющей отделением народного продовольствия по части чайных обстоятельств, от благодарных членов Троице-Сергиевской экспедиции») (подлинник сохранился среди писем Н. Языкова к А. Языкову) и «Дорожные экспромты» («Мытищи», «Село Воздвиженское», «При посылке К. К. Яниш ложки деревянной на колесцах, из Троице-Сергиевской лавры»).

² Вифания — Спасо-Вифанский мужской монастырь близ Троице-Сергиевской лавры.

³ Неоправдавшиеся слухи об «уничтожении чинов» (т. е. петровской «Табели о рангах») были вызваны деятельностью секретного Комитета, ставившего своей задачей пересмотр всего государственного устройства и управления. Решение занимавших Комитет сословных вопросов свелось к ряду законоположений (см.: Полиевктон М. Николай I. Биография и обзор царствования. М., 1918, с. 291—320).

⁴ Речь идет об «Оде на истребление в России звания раба Екатериною Второю, в 15 день февраля 1786 года», написанной В. В. Капнистом (1758—1823).

⁵ Котуар — ремесленник.

⁶ В «Московских ведомостях» (1830, № 2, с. 47—49) был напечатан «Указ Правительствующего Сената о выданной гиттенфервальтеру Петру Языкову привилегии на пользование в течение 10 лет изобретенною им машиною для обдeldывания овса». В № 33 (23 апреля, с. 1530—1531) помещено объявление о продаже изобретенной машины.

⁷ Комовский Василий Дмитриевич (1803—1851) — переводчик, археограф, чиновник Главного управления цензуры. Принял деятельное участие в издании первого сборника стихов Н. М. Языкова, вышедшего в 1883 г. (см.: Н. М. Языков и В. Д. Комовский. Переписка 1831—1833 годов. — Литературное наследство, т. 19—21. М., 1935).

⁸ Языков познакомился с Евгением Абрамовичем Баратынским (1800—1844) 12 июня 1824 г. в Петербурге и особенно сблизился с ним в 1830 г., в период своего пребывания в Москве. Известны положительные отзывы Баратынского о творчестве Языкова, см.: Поляков А. С. Н. М. Языков и Е. А. Боратынский. — В кн.: Литературно-библиологический сборник. Пг., 1918, с. 60—71 (там же опубликованы письма Баратынского к Языкову), «Цыганка» — поэма Баратынского, изданная в 1831 г. под заглавием «Наложница». Слова Языкова позволяют заключить, что заглавие «Цыганка», данное поэме в издании 1835 г., существовало как вариант заглавия «Наложница» еще в 1830 г.

⁹ Речь идет о Чухломском Иване — слуге Н. М. Языкова.

¹⁰ Балдов (Болдов) Иван — управляющий именными Языковых. В 1830-е годы участвовал в предпринятой Языковыми и П. В. Киреевским записи народных песен.

5

1830. Мая 26. Москва.

Я до сих пор все еще не получил от тебя отповеди, что мне делать с образчиками сит, присланными ко мне из Симбирска: кому заказать их — Котуару или русскому мужичку-художнику, потому что Петр именно указывает на первого? Об тарондасе я не могу справиться, не знаю, какому кушцу он заказан, а Демонси¹ является ко мне так редко, что после твоего отъезда я видел его только один раз!!

В Симбирске сильно волнение: Мам<инька> (и дело) собирается и теперь, вероятно, уже отправилась в Казань, Ел<исавета> Петр<овна> кипит разными пустяками, и пынешнее лето будет опять кочевать то в Ундорах,² то в город — что дальше в лес, то больше дров. Пора бы, кажется, образумиться и делать свое дело, и жить как следует и где следует. Об этой весьма и очень щекотливой истории упомянул я довольно решительно в письме к Федорову³ — на всякой случай.

Мои дела идут довольно хорошо — покуда, потому что они вовсе прекратятся, когда стану пить лекарственную воду — жду только Ал<ексея> Андреевича⁴ из деревни, с ним вместе и примусь ходить по саду раним-рано поутру. Оно хождение тела и необходимое бездействие духа продлится недели с 4, а дальше — что ж дальше? Собравшись с силами душевными и, так сказать, восстановив телесные (последнее, само собою разумеется, мне всего нужнее для оногo — вовсе непоэтического — дела), чего не совершу, ободряемый и собственным желанием и теплыми убеждениями всех меня любящих?

Полевой все еще пристаёт ко мне со своими глупостями: в 8<-м> № он, как говорят, меня именует Пыреем Ливонии удалой.⁵ Погодин прекращает издание «Московского Вестника» текущим годом, собирается в чужие края через Одессу—Стамбул—Александрию — в Рим!!⁶ Что слышно у вас об Ивашевых? Когда они восвоюси<?>

Вот нечто вроде эпиграммы:⁷

Готовяся прилично выдать в свет
Двенадцать важных книг — плоды ума и лет, —
Послушайся меня, Селивановской!⁸
Не покупай для них бумаги Петергофской!
Но знаешь ли? Потешь читающий наш мир,
Будь друг общественного блага!
Купи-ка ты для них: — есть славная бумага
И называется у Немцев *Artschpapier!*⁹

Прощай покуда. Надеюсь, что мы скоро увидимся. Здесь обр<азуется> предприятие издавать новый журнал (под заглавием «Журналист»¹⁰), целью которого будет всевозможно скорое пере<давание> всех ученых и литер<атурных> известий Европы — в Россию, составляться будет он из всех иностранных журналов. Главный издатель — Мельгунов,¹¹ тот, с которым ездил Василевский.¹² Сотрудники: Андросов,¹³ некто Ржевский¹⁴ и проч. Петерсон тоже будет участвовать.

Часть письма с некоторыми неточностями процитирована М. К. Азадовским в комментариях к переписке Н. М. Языкова с В. Д. Комовским за 1831—1833 гг. (Литературное наследство, т. 19—21, с. 47—48).

¹ Демонси Александр Осипович — московский купец, владелец модного магазина.

² Ундоры — имение Ивашевых в Симбирской губернии.

³ Федоров — вероятно, Федоров Василий Федорович (1802—1855), товарищ Н. М. Языкова по Дериту, впоследствии профессор астрономии в Киевском университете.

⁴ Елагин Алексей Андреевич (ум. 1846) — муж А. П. Елагиной, отчим И. В. и П. В. Киреевских.

⁵ В № 8 «Нового живописца общества и литературы» (приложение к «Московскому телеграфу») была напечатана эпиграмма Н. А. Полевого (под псевдонимом «Обезьянин») «На пиве бедной и бесплодной...», в которой наряду с Дельвигом, Баратынским, Пушкиным и др. был выведен и Н. М. Языков («Пырей Ливонии удалый»). Отношения между Языковым и Полевым в эту пору были обострены. Неодобрительный отзыв Полевого в «Московском телеграфе» (1828, № 1, с. 126—127, 130) о произведениях Языкова, помещенных в «Северном вестнике» и «Невском альманахе» на 1828 г., вызвал резкую реакцию со стороны поэта (Архив, с. 352, 362; см. также послание «А. Н. Вульф»). В 1829 г. окончательно определился разрыв Полевого с пушкинским литературным кругом и примыкающими к нему писателями. Для Языкова этот разрыв носил и сугубо личный характер. Для характеристики его отношения к Полевому в 1830 г. несомненный интерес представляет письмо Е. П. Языковой к В. П. Ивашеву (от 12 февраля 1830 г.), в котором сообщалось, что поэт в свой приезд в Москву в 1829 г. встретил «радушный прием в литературном кругу всех, кроме редактора „Телеграфа“⁴, „un certain Полевой“ (известного Полевого, — А. К.), который не может простить ему отказа дать свои стихи для его журнала и теперь в отместку безжалостно критикует его. Николай, впрочем, не обращает на него внимания, а его друзья воюют за него, так как все писатели с лучших и до посредственных против Полевого, и что эта литературная война отражается в „Телеграфе“⁴, день ото дня делающемся все более дерзким» (Буланова О. К. Роман декабриста, с. 70—71). Этот отзыв основан, видимо, на рассказах самого Н. М. Языкова, который, как и Е. П. Языкова, находился в феврале 1830 г. в Симбирске.

⁶ Намечавшееся путешествие М. П. Погодина в Германию, Италию, Грецию, страны Ближнего Востока не состоялось.

⁷ Эпиграмма впервые была опубликована по данному тексту М. К. Азадовским (Языков Н. М. Полн. собр. стихотворений, с. 353) с неверным прочтением во второй строке: «лени» вместо «лет».

⁸ Селивановский Семен Иоанникович (ум. 1835) — владелец московской типографии.

⁹ Туалетная бумага (нем.).

¹⁰ Неосуществленные планы издания «Журналиста» М. К. Азадовский связывает с последовавшей в 1831 г. организацией «Европейца» И. В. Киреевского (Литературное наследство, т. 19—21, с. 47—48).

¹¹ Мельгунов Николай Александрович (1804—1867) — прозаик, публицист, принадлежал к кругу «Московского вестника».

¹² Василевский Дмитрий Ефимович (1781—после 1855) — юрист, профессор Московского университета.

¹³ Андросов Василий Петрович (1803—1841) — литератор, критик и статистик, член райчевского словесного общества, один из основных сотрудников «Московского вестника», впоследствии редактор журнала «Московский наблюдатель» (1835—1838).

¹⁴ Ржевский — возможно, А. В. Ржевский (1786—1835), петербургский профессор зоологии.

6

23 июля. Москва. 1830.

Радуюсь, что ты благополучно доехал до Симбирска, сельских удовольствий — плодов, купания и прочего многого, чего нет в столицах и что все-таки очень хорошо, в некотором смысле. Еще радуюсь, что Петр почти заготовил геогностическое¹ описа-

ние Симбирской губернии: честь и слава его деятельности! Ее-то именно и недоставало ему для полного счастья его особы, как мужа, супруга и гражданина, — и для полного о нем удовольствия всех его знающих и любящих.

У меня все еще продолжается переписка с Дерптом — о прислании мне аттестата на право здесь экзаменоваться: месяца с два назад писал я об этом к Хрипкову² и только на сих днях получил от него ответ самый неудовлетворительный и ярко свидетельствующий, что вопрошаемый не понял спрашивавшего: прилагаю здесь письмо его, оно и до тебя касается, по случаю вкладывания тобою в ломбард денег на имя Рейцова³ сына Николая.

Камовский доставил Погодину список книгам за 1829 г.,⁴ сей последний в восторге: так-то беден он материалами для своего «Вестника».

Трагедия его «Марфа»⁵ приведена к концу, он недавно читал ее в доме, меня приютившем: много шуму, беготни, толкотни, действий лиц исторических и великих в истории, все это стихами, языком неуклюжим, все это на живую нитку! Он ее, вероятно, напечатает. Кстати — не можешь ли ты раздать в Симбирске, издавна отличающемся модностью и образованностью, здесь прилагаемые пять билетов на переводы Шипкова:⁶ тебе уже известно, что покупающий оные, кроме удовольствия иметь по-русски и хорошо переданные лучшие драмы немцев, кроме удовольствия поощрять талант, делает еще и доброе дело — доставить пропитание существу, созданному по образу и подобию божию!

Сюда недавно приехала славная немецкая певица Зонтаг;⁷ все, имеющее ухо, стремится ее слышать, и я уже успел не отстать в этом случае от просвещенной публики и насладился божественным голосом сего соловья Германии (а не немецкого соловья, как говорят ея здешние соотчичи, не чувствуя, что выражение немецкий соловей — и смешно и отталкивательно) — из райка: все было занято и битком набито.

Пушкин ускакал в Питер печатать «Годунова»: свадьба его будет в сентябре.⁸ Погодин собирается в чужеземие, а издавать «Московского вестника» останется известный тебе Надоумко,⁹ так ревностно заслуживший себе репутацию парнасского дуботолка. История Полевого¹⁰ — еще все так и не вышла — все ждут, умы волнуются. Здесь теперь Баратынской: он написал роман в стихах под заглавием «Цыганка». Недавно познакомился я с Деларю,¹¹ да это бишь при тебе еще случилось: он канзанской.

Петра и семейство его целую и обнимаю. Будьте здоровы и благонадежны.

Твой Н. Языков.

Чуть было не забыл сказать тебе самую важную новость не только для нас — для России, не только для России — для всего человечества! В провинциях заводятся от правительства публичные библиотеки по предложению Мордвинова.¹²

Отрывок из письма опубликован Е. В. Петуховым (Архив, с. 497); сообщение о Пушкине приведено в подборке Д. Садовникова (Исторический вестник, 1883, № 12, с. 530).

¹ Геогностическое — т. е. историко-геологическое.

² Хрипков Александр Дмитриевич (род. 1799) — товарищ Н. М. Языкова по Дерптскому университету, художник (ему принадлежит известный портрет Языкова в халате). Хрипкову адресовано послание Языкова (1844). Письмо Хрипкова в архиве не сохранилось.

³ Рейц Александр Федорович (1799—1862) — профессор по кафедре русского права в Дерптском университете в 1825—1840 гг.

⁴ «Список всех книг, вышедших в России в 1829 году», составленный В. Д. Комовским, был опубликован в «Московском вестнике» (1830, кн. 4, с. 46—80, 196—253). В нем указано 530 названий. Просьба прислать список содержится в письме А. М. Языкова В. Д. Комовскому от 25 июня 1830 г. (ф. 348, № 104).

⁵ Речь идет о трагедии М. П. Погодина «Марфа Посадница». В письме Н. М. Языкова Погодину говорится: «Вот что я думаю о вашей Марфе: если вы желали в ней изобразить дух тогдашних времен — и только! То вы достигли своей цели. Разговор вообще очень жив и идет без натяжек, особенно в сценах, где есть народ, выключая последнее действие. Оно вообще холодно, смею сказать, недействительно. Характер Марфы надобно было выразить ярче, и мне кажется, что вы слабо смотрели за выделкою личностей ваших лиц. Это, по-моему, главный недостаток вашей Марфы. Еще стихи многие неблагозвучны, некоторые неприличные» (см.: Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина, т. III. СПб., 1890, с. 71).

⁶ «Избранный немецкий театр» Александра Ардалионовича Шишкова (1799—1832), поэта, переводчика, племянника А. С. Шишкова, вышел в Москве в 1831 г. Наряду с другими произведениями в него вошли переводы из Тика и Шиллера, которых очень высоко ценил Н. М. Языков.

⁷ Зонтаг Генриетта (1805—1854) — знаменитая певица, в 1830—1837 гг. концертировавшая в Петербурге и Москве.

⁸ Свадьба Пушкина и Н. Н. Гончаровой состоялась 18 февраля 1831 г. (см. письмо 17). Пушкин одним из первых признал поэтический талант Н. М. Языкова, обратившись к нему с посланием еще в 1824 г. В 1825 г. поэты обмениваются стихотворными посланиями. Личное знакомство Пушкина и Языкова состоялось летом 1826 г. в Тригорском, где гостил Языков. Приехав в Москву в марте 1830 г., Пушкин возобновил встречи с Языковым. В письме к П. М. Бестужевой от 9 апреля 1830 г. А. М. Языков писал: «Пушкин у Весселя» (шутливое прозвище Н. М. Языкова, — А. К.) часто бывает, он большой забавник и доставляет нам много удовольствия» (ф. 348, № 9). Переписка Языкова и Пушкина охватывает 1826—1836 гг. (сохранились 6 писем Пушкина и 2 письма Языкова, см.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч., т. XIII—XVI. М.—Л., 1937—1949).

⁹ Надоумко — псевдоним Николая Ивановича Надеждина (1804—1856), профессора Московского университета, литературного критика, журналиста. Н. М. Языков с исключительной антипатией отзывался о Надеждине; см. его письмо к В. Д. Комовскому от 11 августа 1832 г.: «Над(еждин) глупее всех наших журналистов: он вполне заслуживает себе наименование осла, как замечает брат Александр» (Литературное наследство, т. 19—21, с. 86).

¹⁰ К моменту написания письма из 12 томов «Истории русского народа», объявленных Н. А. Полевым, вышел лишь один. Задержка в издании «Истории» вызывала многочисленные толки во враждебных Полевому кругах (в том числе и среди литераторов, объединившихся вокруг

«Московского вестника»), так как Полевым были получены с подписчиков деньги за все 12 томов.

¹¹ Деларю Михаил Васильевич (1811—1868) — поэт, переводчик, активный сотрудник «Литературной газеты» и «Северных цветов».

¹² Мордвинов Николай Семенович (1754—1845) — адмирал, член Государственного совета, член Российской академии. В 1830 г. обратился к министру народного просвещения с планом устройства публичных библиотек. 5 июля вышло циркулярное распоряжение о заведении в губерниях публичных библиотек для чтения. Н. М. Языков был первым вкладчиком симбирской библиотеки, послав в нее 50 специально купленных книг. После его смерти братья поэта пожертвовали в нее все его книги — свыше 5000 томов. Нужно, однако, отметить, что реализация планов создания библиотек продвигалась чрезвычайно медленно. Так, например, постановление о подписке на библиотеку в Симбирске относится к 1838 г., а открыта она была лишь в 1848 г. (см.: Столпянский П. Н. К истории провинциальных публичных библиотек в эпоху императора Николая I. — Русский библиофил, 1912, № 1, 2).

7

1830. Августа 3. Москва.

Я все еще нахожусь в ожидании аттестата от *Дерптского университета*: причину замедления присылки одного то, что мои об нем письма пришли туда во время каникул — 23<-го> прошлого месяца они кончились, и так на днях я получу и тотчас приступлю к принятию решительных мер — надобно ж хоть чем-нибудь, хоть как-нибудь и хоть поздно, все-таки лучше, нежели никогда, покончить сие неизмеримо долгое томление духа моего, и тем несноснейшее, что дело идет о пустяках!

О сапогах твоих, будто бы оставленных Чухом¹ для своего обихода, оный Чух говорит, что он их никогда не оставлял здесь — и знать-де не знаю. Не потерял ли ты их дорогой? Или не общитался ли, имея пред собою несколько пар вдруг?

Басни Крылова² еще не вышли — выйдут в текущем месяце — и я с первой почтою пришло тебе приличное число экземпляров. О «Годунове» ничего не слышно; Погодин кончил свою «Марфу» и собирается в чужие края, оставляя «Московский Вестник» на попечение Недоумки.³ 26 июля скончался знаменитый Мерзляков⁴ — в бедности, так что на погребение кое-как собрали — и заметь благородную черту нашего высшего духовенства: два архиерея, отпевавшие его, не взяли денег за труд свой довольно длинный и в самые жаркие часы жаркого дня!! Кого-то поставят на место сего мужа доблести и славы литературной? Что если нашего дерптского Василья Матвеевича?⁵ А дело статочное. Про людей, которые будут выбирать профессора словесности Русской в первый русский университет,⁶ можно сказать то же, что Хаджи-Баба⁷ о двух персианах: ум их очень мал, а способность быть ослами — чрезмерна! Вышел второй том «Истории Русского народа» — опять начнется брань во всех журналах:⁸ Погодин только что заместит прежние графы

своей критикой.⁹ У него же вышла неприятность с Булгариним: заступился в «Московском» Вестнике» за сербов, которых он смешал с сороками или вендами, чего вовсе смешивать не позволено, даже и неученому. Он, Погодин, назвал в жару своего славнолюбия Лузацию¹⁰ — область Австрийскую, да и пошел, и пошел, и пошел! И, можно сказать, осрамился! Не знаю, как ему оговориться, а такие промахи не скоро забываются у нас в журналах.¹¹

Медные решеты на сей же неделе будут готовы, а прочие две препорции еще не скоро. Первые отправятся прежде. В Москве был недавно граф Толстой¹² — юноша, твой прежний сослуживец у Лонгинова,¹³ и, как сказывают, искал было тебя. Из того, что жених Екатерины» Петровны»¹⁴ понравился Елисавете» Петровне», ничего заключать не надобно, потому что оное поправление, вероятно, есть действие без причины, болезнь без болящего!

Прощай же покуда.

Твой Н. Языков.

Ивану Болдову, и супруге его Марии, и сыну его Вадиму, и дщери его Порции кланяюсь. Пошли в Белев¹⁵ Review» Britan-pique»,¹⁶ ежели хочешь. Ал«ексей» Анд«ревич» давно там.

Начало письма опубликовано Е. В. Петуховым (Архив, с. 497).

¹ Чух — Чухломский Иван, слуга Языкова.

² Речь идет об издании: Басни Ивана Крылова. В 8 книгах. Новое издание, вновь исправленное и умноженное. СПб., 1830. Объявления о его выходе появились весной 1830 г.

³ Недоумка — от. Надоумко (псевд. Н. И. Надеждина) (см. письмо 6, примеч. 9).

⁴ Мерзляков Алексей Федорович (1778—1830) — поэт, критик и теоретик архаической ориентации, профессор Московского университета. Его похороны состоялись 29 июля 1830 г. на Ваганьковском кладбище.

⁵ Речь идет о Перевошикове Василии Матвеевиче (1785—1851) — писателе, историке литературы, профессоре Дерптского университета (1820—1830), впоследствии члене Российской академии. Поначалу оказал большое влияние на Н. М. Языкова, но к концу пребывания в Дерпте отношение последнего к нему становится иронически-неприязненным.

⁶ Имеется в виду Совет Московского университета.

⁷ Хаджи-Баба — герой нравственно-сатирических романов английского писателя Морьера (1780—1849): «Хаджи-Баба, или Персидский Жилблаз» и «Хаджи-Баба, или Персидский Жилблаз в Лондоне».

⁸ Первый том «Истории» Полевого был отрицательно встречен большинством журналов. См. рецензии: Московский вестник, 1830, ч. 1, с. 165—190 (М. П. Погодин); Вестник Европы, 1830, № 1, с. 37—72 (Н. И. Надеждин); Галатей, 1829, № 29 (С. Е. Раич), и др.

⁹ В письме А. М. Языкова к В. Д. Комовскому от 2 сентября 1830 г. по поводу выхода второго тома говорилось: «Пог«один» напечатает об нем то же, что и об 1-ом» (ф. 348, № 104).

¹⁰ Сорбы (венды) — немецкое название лужичан, западнославянской народности, населяющей так называемую Лужицу (Лузанию, нем. Lausitz) — область между Эльбой и Одером (ныне на юго-востоке ГДР).

¹¹ Речь идет о переводе сочинения проповедника Рихтера «О сербском языке в отношении к государству, церкви и народному образованию»,

опубликованном в «Московском вестнике» (1830, ч. III, с. 354—372) с примечаниями М. П. Погодина. Сербский язык — здесь язык, на котором говорят жители Верхней и Нижней Лузаци. В своем сочинении Рихтер призывает к вытеснению и замене этого языка немецким. Комментарии Погодина содержат полемику с Рихтером. В ответ на критические высказывания Ф. В. Булгарина (Северная пчела, 1830, № 86; эти замечания и были использованы в письме Н. М. Языкова) Погодин опубликовал в «Московском вестнике» (1830, ч. IV, с. 83—86) свои возражения.

¹² Имеется в виду Толстой Дмитрий Николаевич (1806—1884). В письме к В. Д. Комовскому от 28 октября 1830 г. А. М. Языков характеризует его как чрезвычайно приятного человека, знающего польский язык и литературу, а в письме от 9 декабря 1830 г. пишет: «Граф Толстой, с которым я старался вас познакомить, получил позволение издавать с 1831 г. Журнал иностранной словесности и изящных художеств: при нем будет особое прибавление, посвящаемое оригинальной русской литературе <...> Брата и даже меня он приглашает участвовать в этом издании» (ф. 348, № 104).

¹³ Лонгинов Николай Михайлович — статс-секретарь у принятия прошений и член Комитета призрения заслуженных гражданских чиновников.

¹⁴ Жених Е. П. Ивашевой (1811—1855) — князь Юрий Сергеевич Хованский (1806—1868), воспитанник Царскосельского лицея, камер-юнкер, в 1830 г. состоял на службе в Министерстве внутренних дел.

¹⁵ В Белевском уезде Тульской губернии семье Киреевских-Елагиных принадлежало село Долбино, где прошли детские годы И. В. и П. В. Киреевских.

¹⁶ «Revue Britannique» — литературно-критический журнал, издавался в Париже с 1825 г.

8

Августа 16. 1830. Москва.

Письмо твое от 5<-го> числа текущего месяца я получил — и радуюсь, что вы, мои кровные, наконец уверились в несправедливости вашего мнения, будто бы я вознамерился вовсе не писать к вам. Третьего дня воротился я из путешествия в Новый Иерусалим,¹ продолжавшегося с неделю, ездил туда с Погодиным, воспользовавшись возвращением из Палестины, Сирии, Египта и проч. Андрея Муравьева: он объяснил нам все, что нужно, по части нашего Иерусалима сравнительно с истинным; он описал все, что видел, читал нам отрывки этого описания; отправляется в Питер окончательно обработать свое сочинение и издать в свет;² все это чрезвычайно важно всякому христианину и чрезвычайно любопытно всякому любопытному. В Новом Иерусалиме мы встретили Василевского, снова общи с ним все достопримечательности; видели Архив, Никонову пустынь и проч.; все это чрезвычайно важно всякому Русскому, потому что в первом хранится вторая по древности рукопись русская,³ а во второй жил отшельником Никон.⁴ Замечу мимоходом, что Погодин собирается сочинить жизнеописание сего великого Патриарха:⁵ это, ей-богу, будет полезнее и достохвальнее, чем записывать стихотворением мужу, не рожденному под созвездием поэта, как мне кажется.

Сношения с Дерптом мне были необходимы — не только по самой их сущности, но и потому, что жара все-таки не дала бы мне никакой возможности что-либо делать: я так и распорядился. Теперь, кажется, собирается наступить осень — в значении противоположном лету.

Рейца зовут Александр Федорович. На место Мерзлякова совет здешнего Университета выбрал Давыдова.⁶ Вышли басни Крылова, только еще не получены здесь: их, верно, понадобится изданных в 12° экземпляров с 10 на один наш дом в Симбирске.⁷ Решета будут готовы через неделю, все три препорции вдруг — пришлите на все это денег — да и на меня лично что-нибудь, потому что уже одно питье горькой воды, теперь усиленное по причине жаров (в три дня кувшин, стоящий 5 рублей ассигнациями) и вовсе мне необходимое и в грядущем, чрезвычайно истощает мои финансы, не говоря об обуви, нижнем платье, харчовых Чухломскому — прочем и прочем — без чего, может быть, и существовать трудно.

Сам ли ты выпишешь Крылова или поручишь мне переплести сначала <?>.

Медно-железный кошелек Иванушки⁸ — действительно здесь находится, но с ним сделалась причина: я, грешный, принял его за твой, потом за свой; начал употреблять в сем смысле, не заметив даже, при тогдашнем богатстве, что в нем было, и кончил тем, что привел его в ветхость. При свидании с Болдовым разочтись добросовестно. Никололай Ильич⁹ привез сюда известие о благополучном совершении бракосочетания князя Юрия с Екатериной Петровной¹⁰ и что Елисавета Петровна скоро, дескать, восвоится — первому я тут же поверил, а в последнем честь имею усумниться, зная, сколько могу судить со стороны, что Елисавету Петровну едва ли так скоро выпустят из Питера и ее почтенные родители, и собственный характер, так сказать, стрекозиный!

Целую семейство Петра — и самое лице его.

Твой Н. Языков.

¹ Новый Иерусалим — Воскресенский Истринский мужской монастырь. Основан в 1656 г. патриархом Никоном. Близ монастыря находился также основанный Никоном Никонов скит.

² Муравьев Андрей Николаевич (1806—1874) — поэт, религиозный писатель, участник «Московского вестника». Речь идет о его «Путешествии ко Святым местам в 1830 г.» (2 части. СПб., 1832).

³ Видимо, Юрьевское евангелие (около XII в.), писанное для Новгородского Юрьевского монастыря. Наиболее раннее описание см. в кн.: Сахаров И. П. Описание славяно-русских рукописей, находящихся в библиотеке Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря. Описание составлено на основании предшествовавшего рукописного труда П. М. Строева. СПб., 1842.

⁴ Никон (1605—1681) — шестой патриарх московский и всея Руси.

⁵ Жизнеописание Никола не было написано М. П. Погодиным, хотя интерес к этой фигуре не оставлял его на протяжении всей жизни. Так,

им было опубликовано «Замечание о родине патриарха Никона и его противников» (Москвитянин, 1854, № 18, с. 137—138).

⁶ Давыдов Иван Иванович (1794—1863) — математик, физик, историк, философ и словесник, профессор Московского университета.

⁷ Это издание басен Крылова выходило в трех форматах — в 8-ю, 12-ю и 16-ю долю листа.

⁸ Речь идет об Иване Болдове.

⁹ Речь идет о Николае Ильиче Татаринове.

¹⁰ Имеется в виду свадьба князя Ю. С. Хованского и Е. П. Ивашевой.

9

Августа 28. 1830. Москва.

Наконец я получил из Дерпта ответ на мое желание получить от тамошнего университета аттестат на право экзаменоваться. Ответ очень, очень огорчительный — преимущественно для вас, мои родные братья. Надобно вам сказать, что я, отправляясь из Дерпта, не отобрал у профессоров, коих лекции слушал, записок, что слушал (и не мог бы, потому что важнейший мой профессор умер в те дни, в Ревеле¹), ободренный словом Эверса,² обещавшего мне немедленно прислать все, что потребуется, если вздумаю где бы то ни было экзаменоваться. А дело вот в чем: Эверс при смерти болен (у него делается рак в голове) и до него никакие дела теперь не доходят, должность же ректора исправляет другой,³ человек, характером своим очень подобный нашему Перевощикову и вовсе не имеющий желания нарушать законные формы для кого бы то ни было, а без вышеозначенных записок аттестат на вышереченное право не выдается.⁴ Вот и все! В следующем письме напишу подробнее, что мне хочется сделать со мною: ибо теперь лучший из моих планов, кажется, рушится, потому что, в некотором смысле, основывался на моем кандидатстве!!

Пушкин здесь: свадьба его еще не скоро совершится: недавно скончался его дядя В. Л. Пушкин, известный сочинитель Буянова. Все литераторы, находящиеся в Москве, провожали тело его в Донской монастырь,⁵ и на сих-то проводах Погодин, растроганный и умиленный очень приличною мыслью о бренности земных человеков, простер Полевому руку примирения — последствия еще не известны.⁶ Не хочешь ли читать записки Бейрона?⁷ Тебе их пришлю на время, только отзовись.

На сих днях я познакомился с человеком, известным в Европе по своим спорам о Египетских иероглифах с Шамполионом,⁸ — и теперь сошедшим с поля сражения за неимением возможности печатать свои сочинения. Это Гульянов⁹ — он живет теперь в Москве в бездействии по части книгопечатания, потому что уже не получает жалования и, следовательно, средств заниматься учеными изысканиями. Как приятеля Каподистрия,¹⁰ его угнетает Нессельрод.¹¹ Он показывал нам несколько огромных кнп тетрадей, им написанных, о языкознании в Египте, рассказы-

вал свою систему читать иероглифы и проч. и проч. Сверх того он еще чревовещатель, и сверх того у него находится оригинальная Мадона Карла Дольче¹² — чудо!

Прощай покуда.

Твой Н. Языков.

«Годунов» на днях выйдет. «Марфа» тоже.

Всем нашим поклоны мои и почтение.

Первый абзац письма опубликован Е. В. Петуховым (Архив, с. 497—498). Сообщение об А. С. Пушкине приведено в подборке Д. Садовникова (Исторический вестник, 1883, № 12, с. 530).

¹ Среди профессоров Дерптского университета нет умерших в Ревеле в 1829 г. Возможно, речь идет здесь о Ф.-Э. Рамбахе, любимом Языковым профессоре кафедры камеральных наук, финансов и торговли, умершем в Ревеле летом 1826 г. См. «Воспоминания А. Н. Татаринова о Н. М. Языкове» (Архив, с. 395), где Рамбах ошибочно назван Раупахом.

² Эверс И.-Ф.-Г. (1781—1830) — профессор русской истории, затем положительного государственного народного права и политики в Дерптском университете, крупный ученый. Его лекции имели большое влияние на формирование личности Н. М. Языкова. В 1818—1830 гг. был ректором Дерптского университета. Умер 8 ноября 1830 г.

³ Имеется в виду Паррот Фридрих — профессор физики в Дерптском университете. В 1830 г. во время болезни Эверса он был проректором, а в 1831—1833 гг. ректором Дерптского университета.

⁴ В бумагах Н. М. Языкова сохранились три записки от дерптских профессоров о прослушанных у них лекциях; все три помечены 19 февраля 1829 г. (Архив, с. 498).

⁵ Пушкин Василий Львович (1766—1830) умер 20 августа 1830 г. На его похоронах присутствовал П. И. Шаликов, И. И. Дмитриев, М. П. Погодин, братья Н. А. и К. А. Полевые, И. М. Снегирев и др. Буянов — герой поэмы В. Л. Пушкина «Опасный сосед» (1811).

⁶ С момента знакомства (23 января 1824 г. в обществе Раича) между М. П. Погодиным и Н. А. Полевыми установились натянутые отношения, ставшие открыто враждебными в годы издания «Московского вестника», полемика которого с «Московским телеграфом» была заметным явлением в журналистике той поры. В письме В. Д. Комовскому от 23 сентября 1830 г. А. М. Языков, пересказывая сообщение брата о похоронах В. Л. Пушкина, заключает: «Сим (т. е. примирением Полевого и Погодина, — А. К.) оканчивается продолжительная война противников, казавшихся непримиримыми, как обыкновенно бывает в распрях литературных и прочих; кто мог предвидеть развязку столь щастливую (ибо из ссоры их самая литература ничего не выиграла)». 6 октября он же пишет: «Погодин теперь, верно, уже не будет так сильно нападать на Полевого» (ф. 348, № 104). Однако обоюдная вражда Полевого и Погодина не прекратилась до самой смерти Полевого в 1846 г.

⁷ Имеется в виду издание: *Mémoires de Lord Byron, publiées par Thomas Moor, traduits de l'Anglais par M-me Louise Bella. Paris, 1830.*

⁸ Шампильон Жан Франсуа (1790—1832) — французский археолог и египтолог, нашедший ключ к пониманию египетских иероглифов.

⁹ Гулянов Иван Александрович (1789—1841) — дипломат, египтолог, член Российской академии, автор работ по вопросам дешифровки иероглифов.

¹⁰ Каподистрия Иоаннис (1776—1831) — в 1816—1822 гг. вместе с К. В. Нессельроде возглавлял Коллегию иностранных дел. В 1822 г. покинул Россию в результате разногласий с Александром I по греческому вопросу. С 1827 г. был президентом освобожденной Греции

¹¹ Нессельроде Карл Васильевич (1780—1862) — управляющий Коллегией иностранных дел, затем министр иностранных дел (1816—1856).

¹² Дольчи Карло (1616—1686) — известный пталъянский живописец.

1830. Москва. Сентября 5.

Письмо твое и деньги я получил — и, как ты заметил, уже исполняю твои поручения: решета еще не готовы, Тиэрри¹ я купил и перешлю вместе с баснями Крылова, которых издание in 12° еще не явилось. Да, сделай милость, напиши мне сызнова все то, что писал в оном письме о других книгах, долженствующих получиться от Семена:² это место письма твоего так перемарано, исчерчено и проч., что я никак не мог разобрать, в чем дело; подобные обстоятельства должны быть выражаемы пером как можно четче.

Для получения аттестата из Дерпта обратился я — или, лучше сказать, Авд<отья> Петр<овна>³ оборотила меня — к Мойеру,⁴ и теперь надеюсь скоро получить все, что можно, и все будет слава богу и святым его! Прилагаю здесь стихи Пушкина, написанные им к своей невесте;⁵ действую теперь желанием удовлетворить, хоть мало-мальски, судьбою гонимого издателя Невского Альм<анаха>.⁶ Погодин, кажется, не поедет в чужие края; остроумно приписывает оное приостановление своей особы в России треволнениям, бывшим на днях во Франции.⁷ «Марфа» его дня через три явится incognito.⁸ Благодарю за деньги за билеты на Шишкова. Жду Ел<исавету> Петр<овну> со стариками и многими новостями по части свадьбы и того-сего.

Разговор о холере и здесь кипит.⁹ Сегодня поскакали, по именному повелению, в Саратов многие из здешних врачей — под предводительством Мудрова.¹⁰ Туда-де съедутся их 30 из разных краев России, на курьерских, составится на месте факультет и проч. и проч.

Второй том «Ист<о>р<ии> Рус<ского> нар<ода>» лучше первого, и, как замечает Пушкин, если это усовершенствование продолжится, то 5-й или 6-й будет на что-нибудь годен.

Пушкин уехал в Нижний осматривать деревню, ему отданную отцом, и заложить.¹¹ «Годунов» на днях выйдет в свет: странная игра судьбы и шутка Аполлона! Годунов и Марфа — рядом выступают, вероятно, удивляясь своей современности!

Говорят — и с доказательстами, — что книги вообще и в особенности какие ты купил у Семена гораздо дороже, чем решительно у всех прочих. Сообщи это!

Ежели тебе не составляет много, то пришли сюда Revue Brit<annique>, а в возмездие за такую гражданственность можешь прочесть Мура о Байроне.¹² Не знаю, за что Полевой назвал меня Беранже? Судьбы оного критика неисповедимы. Не может ли

Петр составить хоть краткое описание позвонков (и срисовать) ихтиосавруса (а не соруся) и переслать мне для республикования. Это мысль всех благомыслящих.

Прощай покуда, всем нашим поклон. Петра и его семейство целую.

Твой Н. Языков.

¹ Тьерри Огюстен (1795—1856) — французский историк, представитель так называемой «романтической» школы во французской историографии. Н. М. Языковым были посланы брату его «Lettres sur histoire de France» (Paris, 1827). А. М. Языков писал 6 октября 1830 г. В. Д. Комовскому: «Брат прислал уже мне письма Тьерри» (ф. 348, № 104).

² Семен Август Иванович (1783—1862) — содержатель типографии, книгоиздатель и книгопродавец.

³ Елагина Авдотья Петровна (урожд. Юшкова, по первому мужу Киреевская; 1789—1877) — мать И. В. и П. В. Киреевских.

⁴ Мойер Иван Филиппович (1786—1858) — профессор Дерптского университета, через свою жену М. А. Протасову (1793—1823) был в родстве с А. П. Елагиной. В бытность свою в Дерпте Н. М. Языков часто бывал в доме Мойеров, где собиралась русская молодежь.

⁵ Имеется в виду посвященное Н. Н. Гончаровой стихотворение Пушкина «Мадонна». Среди писем Н. М. Языкова к брату список этого стихотворения не сохранился, однако он имеется в письме А. М. Языкова к В. Д. Комовскому от 23 сентября 1830 г. (ф. 348, № 104).

⁶ В «Невском альманахе» Е. В. Аладына на 1831 г. было опубликовано стихотворение Н. М. Языкова «К Ан. К.—у» («Не часто ли поверхность моря...»).

⁷ Имеется в виду июльская революция 1830 г. во Франции.

⁸ На титульном листе книги (Марфа, посадница новгородская. Трагедия в 5 действиях. В стихах. М., 1830) фамилия Погодина указана не была; однако им было подписано предисловие «От издателя».

⁹ В 1829 г. эпидемия холеры обнаружилась в Оренбурге, в 1830 г. — в Астрахани, а затем охватила все Поволжье и достигла Москвы. Позднее эпидемия распространилась по всей России, вызвав сильнейшие народные волнения — «холерные бунты».

¹⁰ Мудров Матвей Яковлевич (1772—1831) — профессор медицины в Московском университете. Во время эпидемии холеры 1830 г. был назначен главным врачом Центральной комиссии для прекращения холеры. 5 сентября он выехал в Саратов.

¹¹ Пушкину было отдано отцом 200 душ в деревне Кистеневка близ Болдина.

¹² Мур Томас (1779—1852) — английский поэт, друг и биограф Байрона, издал «Письма и дневники лорда Байрона с замечаниями о его жизни» («Letters and journals of Lord Byron with notes of his life», 1830).

1830. Октября 4. Москва.

Вам уже известно из «Московских Ведомостей», что здесь делается. Государь действует геройски; ¹ сам везде является, всех ободряет, распоряжается как можно лучше, привел полицию в деятельность необычайную — и все слава богу. Хлору я уже к вам отправил достаточное количество: видно, вы еще не получили — я послал, на всякий случай, полпуда одного вещества благодатного и в Сызрань, ² не зная, что Пикоть уже в Языкове.

Дом Елагиных находится в самом строгом оцеплении, никого не пускают и не выпускают, всех окуривают, кормят мясом, одевают как можно теплее и проч. и проч.

Книги пошлю тебе во времена благоприятнейшие. Теперь же посылаю список новой поэмы Боратынского, она вам понравится; есть много истинно прекрасного.³ Пушкин находится теперь в Нижнем. Погодин издает ведомость о состоянии здоровья города Москвы⁴ — ведомость, которой расходуется 10 000 экземпляров.

Всех вас целую, будьте веселы и здоровы — это, ей-богу, главное в жизни вообще. Жду аттестат из Дерпта и надеюсь, наконец, кончить свое томление благополучно.

Весь ваш Н. Языков.

¹ Николай I прибыл в Москву 29 сентября 1830 г. в связи с эпидемией холеры.

² В Сызранском уезде Симбирской губернии находилось имение Бестужевых Репьевка.

³ Речь идет о поэме Боратынского «Цыганка». Любопытен отзыв о поэме, принадлежащий А. М. Языкову (в письме к В. Д. Комовскому от 4 ноября 1830 г.): «Она мне нравится более всего им написанного и полнотою содержания, которой нет ни в „Эде“, ни в „Бале“, и хорошими стихами, и верностию характеров, и точностию языка, особливо в разговорах Веры с Елецким и Сары с ним же; напишите, как она вам покажется? Баратынскому» должно отдать и ту справедливость, что он работячее прочих наших поэтов; посмотрите, например, на брата, на Хомякова — что они делают кроме того, что подают надежду?». Среди писем А. М. Языкова к В. Д. Комовскому находится и список поэмы Боратынского, присланный ему братом (ф. 348, № 104).

⁴ «Ведомость о состоянии города Москвы» — вышедшее с 23 сентября 1830 г. под редакцией Погодина специальное приложение к «Московскому вестнику». Ее задачей было «сообщение обывателям верных сведений о состоянии города <...> пресечение ложных и неосновательных слухов, известия о мерах, принимаемых правительством» и т. д. Холере Н. М. Языков посвятил еще несколько писем, которые не публикуются в «Ежегоднике».

12

1830. Октября 22. Москва.

Сердечно радуюсь, что вы все здо<ровы>, продолжайте, любезнейшие; <здесь> тоже слава богу: болезнь, кажется, начинает проходить и мало-помалу все поправляются духом. Обо всем, что ты вопрошаешь у меня в последнем письме, ответу подробно в свое время. Нового здесь вообще ничего не слышно по всем частям, ибо все разговоры поглощены были одним самым неприятным случаем и несносным, точно так, как вся журналистика замкнулась одними бюллетенями¹ о состоянии здоровья в Москве. Впрочем, и оные бюллетени не достигают своей цели, будучи чрезвычайно бестолковы и глупо стараясь утешить по-погодински!

Наконец я получил аттестат от Дерптского университета благодаря ходатайству Авд<отьи> Петр<овны> — и извещу тебя скоро, что предпринимаю.²

Свадьба Пушкина не состоялась: его Мадона выходит за князя Давыдова.³

Прощайте покуда, пора на почту, всех вас целую.

Весь твой Н. Языков.

Сообщение о расстройстве свадьбы Пушкина опубликовано Д. Садовниковым (Исторический вестник, 1883, № 12, с. 530).

¹ Речь идет о «Ведомостях», издаваемых Погодиным (см. письмо 11, примеч. 4).

² Аттестат на право Н. М. Языкова экзаменоваться в Московском университете помечен 12 сентября 1830 г.

³ Возможно, имеется в виду Сергей Иванович Давыдов (1790—1878), в 1828—1831 гг. витебский вице-губернатор, впоследствии вице-президент Академии наук. Слухи о расстройстве женитьбы Пушкина были ложными.

13

Москва. 1830. Ноября 1.

Письмо твое от 20 прошлого месяца меня чрезвычайно обрадовало; успокоил мою душу, взволнованную разными неприятными предположениями о состоянии всех вас по части здоровья. Здесь также мало-помалу все идет к лучшему, и, бог даст, скоро кончатся все наши страхи и трепеты. Пребывание проклятой холеры в Москве считается с 12 сентября. Теперь уж и лекаря давным-давно к ней приловчились, и она сама ослабла в количестве и качестве своих действий: ждем с нетерпением морозов и вместе с ними окончательного окончания всех оных неприятностей. Дом Елагиных все еще заперт посетителям и отопрется уже тогда, как опасность вовсе пройдет. В свое время сообщу тебе много любопытного обо всем, что здесь делалось в годину кары небесной.

Между тем почти ежедневно получаю я письма от Альманашников, изо всех краев широкой России, а стихов у меня покуда нет ни строки, и писать их, само собою разумеется, невозможно, потому что вообще ничего делать невозможно во время беспокойств душевных, которым нет подобных, — и не дай бог, чтоб были.

Сердечно радуюсь, что Ел<исавета> Петр<овна> сидит довольно смирно. Жаль, что в бытность свою в Москве она не благоволила исполнить мою просьбу познакомиться с Елагиными, мне хотелось этого особенно для примера ей, теперь же могу только желать, чтобы дети ее были так же милы, умны, дельны и щастливы, как дети Авд<отьи> Петр<овны>. И даже, чтоб их матушка была так же благоразумна, просвещенна, занята своим делом и чужда всяких пустяков, частных и общих, личных и столичных, как Авд<отья> Петр<овна>. Как ты об этом думаешь, по крайней мере мое желание искренне.

Книг посылать теперь нельзя не потому, что их проколят на почте, а потому, что посылка она не принимает уже давно: а с разрешением получишь и перевод Маржерета, очень хорошо совершенный,¹ получишь и «Марфу» — гиль, которой равную не дай бог читать и злomu Татарину. Жаль Погодина, что он в состоянии писать такой вздор и что он совратился с поприща истории, на котором мог бы что-нибудь значить, в чужие поля — и, кажется, невозвратно!!

Всех вас целую. Будьте здоровы. Мы все слава богу, подражайте хорошему.

Басни Крылова пришлю тебе, когда будет можно. Иванушке мой поклон.

Весь твой Н. Языков.

После пришлю тебе письма от Альманашников.² Есть прецеденты.

Отрывок из письма опубликован В. Шенроком в очерке «Н. М. Языков» (Вестник Европы, 1897, № 12, с. 605).

¹ Речь идет о записках Жака Маржерета (ок. 1550 или 1560 — не ранее 1618) «Состояние Российской державы и великого княжества Московского с присовокуплением известий о достопамятных событиях, случившихся в правление четырех государей, с 1590 по сент. 1606», изданных в переводе и с примечаниями известного историка Н. Г. Устрялова в 1830 г.
² В архиве Языковых хранится письмо от одесского журналиста М. И. Розберга, содержащее просьбу принять участие в альманахе «Евксинские цветы» на 1831 г. (ф. 348, № 78).

14

1830. Декабря 4. Москва.

Здесь все слава богу: холера, кажется, прошла, хотя оцепление еще не снимается и, вероятно, долго не снимется, потому что Петербург сильно трусит. До сих пор зима еще не устанавливалась благонадежно: только со вчерашнего дня началось что-то благовествующее по сей части, смеем думать, что уж это не в шутку.

На следующей неделе напишу тебе о том, что мне нужно (а мне кое-чего нужно), что и долго ли буду я делать в Москве — что далее — и так далее. Книг посылать еще нельзя. «Марфы», пока не пройдут все смуты политические во всей Европе, Погодин не хочет выпускать, боясь цензуры, хотя уже одну пропустившей, но все еще страшной сочинителю первой народной трагедии русской.¹

Греч сочинил роман.² Вероятно, опять поездка в Оренбургскую губернию³ не состоится — что ж с этим делать? Бедствие, постигшее всю Россию, должно было иметь неприятное влияние и на нас грешных.

Прощай пока.

Весь твой Н. Языков.

Всех вас целую,

В начале письма рукой А. М. Языкова поставлена дата получения: «суббота 21».

¹ «Марфа Посадница» М. П. Погодина была отпечатана и пропущена цензором С. Т. Аксаковым еще 26 августа 1830 г., но в свет долго не выпускалась по политическим причинам. 10 марта 1831 г. Бенкендорф писал Аксакову: «Искреннейше благодарю вас за доверие, оказанное мне вами в письме, при коем вы изволили препроводить ко мне экземпляр трагедии „Марфа Посадница“, напечатанной по дозволению вашему, но не выпущенной в свет по некоторому сомнению, для разрешения коего вы с согласия господина сочинителя спрашиваете мнения моего. Честь имею вас уведомить, что чтение сей трагедии, написанной в духе отлично благородном и похвальном, доставило мне величайшее удовольствие и что я не предвижу ничего, могущего препятствовать выпуску оной в продажу; но в уважение причин, побудивших вас обратиться с сим вопросом ко мне, я с своей стороны полагаю бы неизлишним, в предупреждение какой-нибудь неприятности, отложить обнародование сего сочинения до перемены вынешних смутных обстоятельств» (см.: Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина, т. III. СПб., 1890, с. 245—246). В продажу трагедия Погодина поступила в конце 1831 г.

² Роман Н. И. Греча (1787—1867) «Поездка в Германию» пользовался успехом у публики. Так, например, А. М. Языков писал 3 февраля 1831 г. В. Д. Комовскому: «„Поездка в Германию“ мне очень понравилась, в ней много ума, и я прочел ее без всяких усилий — существенное отличие от „Дмитрия Самозванца“ Булгарина!» (ф. 348, № 104).

³ Намечавшаяся в 1830 г. поездка А. М. Языкова в Уфимский уезд Оренбургской губернии состоялась в марте 1831 г. Она была вызвана земельной тяжбой Языковых с крестьянами деревни Кашкалаши.

15

1830. Декабря 20. Москва.

После праздников, которых ждем с нетерпением, потому что при них обыкновенно бывают морозы, я начну приводить в действие желание мое решить судьбу моего пребывания в Москве: пора, пора! Надобно снестись по этой части именно с Погодиным, уединиться во весь опор — и (не правда ли?) хоть чем бы то ни было, да наотрез прекратить несообразность житья-бытья моего с моим предназначением! К Новому году все передраги, постигшие Москву, должны кончиться — и я сообщу вам подробное описание моего плана, который должен исполниться в непродолжительном времени — и которого благодетельное развитие, не в Москве, совершится! Об этом после!

До сих пор здешняя зима походит более на осень или весну, нежели на бело; но мне все-таки жаль, что моя шуба не здесь, она бы умножила вдвое гардероб мой. А здесь сшить что-нибудь подобное мне трудно вообще — и особенно теперь, когда денег не имеется. Мне надобно бы, как говорится, окапироваться: да об этом после!

Пушкин здесь; он во время холеры сидел в деревне и написал множество стихов и прозы: две последние главы Онегина, несколько отрывков драматических, критик, эпиграмм на Булга-

рина), статей полемических и проч. Вот какво! Что же письма Карамзина? ¹

Здесь прилагается эпиграмма по случаю Булгарипа.²
Будьте здоровы. Всех вас целую.

Весь твой Н. Языков.

Фиглярп — вот поляк примерный:
В нем истинных Сарматов кровь!
Взгляните, как в груди сей верной
Хитра к отечеству любовь!
То мало, что из злобы к Русским,
Хоть от природы трусоват,
Гулял он под орлом французским
И жизни в битвах был не рад:
Патриотической предатель,
Расстрига, самозванец сей;
Уже не воин, уж писатель,
Уж русской к сраму наших дней;
Двойной присягою играя,
Поляк в двойную цель попал:
Он Польшу спас от негодяя
И русских братством запятнал!

Распусти по белому свету сие стихотворение.³

¹ Письма Н. М. Карамзина были затребованы Н. М. Языковым для М. П. Погодина. Погодин писал С. П. Шевыреву от 26 февраля 1831 г.: «Языков достал мне письма Карамзина от 95 до 25 года» (Русский архив, 1882, № 6, с. 182).

² Между Языковым и Булгариным на протяжении 1820-х годов существовали лишенные неприязни деловые отношения. В «Северной пчеле» и «Сыне отечества» был опубликован ряд стихотворений поэта; в его письмах к родным из Дерпта содержатся доброжелательные в целом упоминания о Булгарине. Последний в свою очередь положительно высказывался о Языкове (см., например, его «Прогулку по Ливонии»: Северная пчела, 1827, № 75). Известно также, что Языков посещал дом Булгарина в Дерпте. Довольно резкое изменение в отношении Языкова к Булгарину находится, видимо, в связи с тесным сближением поэта с враждебным Булгарину кругом «Московского вестника», а также с обострением журнальной полемики на рубеже 1820—1830-х годов.

³ Ранее данная эпиграмма приписывалась Пушкину. В настоящее время автором этой эпиграммы на основании его собственного признания (Старина и повизна, 1904, кн. 8, с. 38) считается П. А. Вяземский. Датировалась она по письму Вяземского к П. А. Плетневу от 31 января 1831 г. Настоящее письмо Языкова дает возможность уточнить датировку эпиграммы. Приводимый текст несколько отличен от текста Вяземского. Просьба Н. М. Языкова о распространении эпиграммы была выполнена А. М. Языковым в письме к В. Д. Комовскому от 19 января 1831 г.: «... брат пишет, что Пушкин» <...> написал <...> несколько эпиграмм <...> Из числа эпиграмм представляется здесь на усмотрение ваше одна, к лицу Булгарина» относящаяся» (ф. 348, № 104).

1831. Февраля 11. Москва.

На письмо твое, полученное мною от Позерна, честь имею ответить: я нисколько не виноват в том, что Ширяев так поздно отправил к тебе книги: я понукал его уже несколько и посредством Ивана,¹ и собственно моею особою; «Годунов» уже есть у тебя, я же по этой части вот что сделаю: спишу места, пропущенные при печатании, и переплету воедино с печатным, куда что следует, — и наша библиотека украсится полным «Годуновым».² Подожди еще несколько дней — и получишь подробный отчет о будущих моих московских планах; теперь, брат, я еще не оправился вовсе: я ведь месяц тому назад простудил голову — и лечу оную до сих пор шпанскими мухами, слабительными и прочим». Надежда есть, что через неделю вполне восстановлюсь, а письмо, тобою от меня ожидаемое, должно исходить от головы — следственно > и прочее».

Книги с Позерном отправляются на днях. Я прибавил кое-что к полученным от Грефа³ (для Котла, басни Крылова и прочее»). А вы, мои почтеннейшие, все думаете, что я несостоятелен и неблагонадежен при исполнении ваших поручений. Журнал Надеждина ты получаешь — «Молва»⁴ глупа до крайности. Журнала Волкова⁵ здесь не видно.

Письма Карамзина я давно уже просил тебя прислать, получаешь ли ты все мои письма? Между прочими приятностями, теперь Москву утешающими, есть и та, что Свербеев⁶ свидетельствует тебе отсюда свой поклон. Он сам и все его находились во время бедствия России и теперь находятся в вожделенном здравии. Он перевел несколько лекций Кузенья⁷ и адресуется с нпми к Полевому, коего, как заметно, очень возлюбяет, уважает и холит.

По причине недуга, меня постигшего, я не мог переехать на особую квартиру, хотя уже и сделал некоторые предварительные по сей части распоряжения, — к масленице надеюсь.

Что ты будешь поделывать в стороне Закамской?⁸ Неужели только хозяйничать, в смысле самом простом и бездейственном?

Благодарю за известие о Петерсоне,⁹ но оно, брат, не полно: надобно, дескать, знать, какие именно средства употреблял он? Если не употреблял наружных, а только свои капельки, то его успех невероятен?

«Годунов» раскупается слабо. Пушкин точно пздал его слишком и слишком поздно, добро бы хоть он в эти пять лет поправил его, а то все прошлое — и все вообще не то, чего ожидать следовало.¹⁰

Прощай покуда.

Весь твой Н. Языков.

Петра и все его семейство обнимаю и целую. Чухломской, слава богу, здоров и всем кланяется и, вероятно, стал бы отвечать на письмо твое к нему, если <бы> оно было ему доставлено!!

Отрывок из письма приведен Д. Садовниковым (Исторический вестник, 1883, № 12, с. 531).

¹ Речь идет об Иване Чухломском.

² «Борис Годунов» Пушкина, написанный еще в 1825 г., вышел в конце 1830 г. (с датой 1831). В издании были искажены либо выпущены некоторые сцены (см. комментарий Г. О. Винокура в кн.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч., т. VII. Драматические произведения. Л., 1935, с. 427—436).

³ Грефф В. — петербургский книгопродавец.

⁴ «Молва» — приложение к основанному в 1831 г. Н. И. Надеждиным журналу «Телескоп».

⁵ Волков Платон — поэт, журналист, в 1830—1831 гг. издавал журнал «Эхо» (вышли 5 номеров). 8 апреля 1831 г. Н. М. Языков писал В. Д. Кововскому: «Что Журнал Волкова? У меня есть братнино поручение послать в него стихов, да здесь говорят, что он еще не показывался» (Литературное наследство, т. 19—21, с. 41).

⁶ Свербеев Дмитрий Николаевич (1799—1874) — дипломат, родственник Языковых, автор известных «Записок» (М., 1899), в которых он так пишет о своей встрече с Н. М. Языковым в этот период: «Когда я, возвратясь п-за границы <...> нашел в этой московской среде Языкова, я, к сожалению, убедился в том, что его уже слишком ублажали. Все его странности, все его недостатки не только извиняли, но находили особенно привлекательными» (Свербеев Д. Н. Записки, т. 2, с. 96).

⁷ Кузен Виктор (1792—1867) — французский философ-эклектик, политический деятель эпохи июльской монархии. Оказал большое влияние на Н. А. Полевого.

⁸ Речь идет об Уфимском уезде, куда намеревался выехать А. М. Языков.

⁹ В письме от 28 января 1831 г. Н. М. Языков спрашивал у брата о гомеопатических средствах, которые А. П. Петерсон применял для лечения холеры.

¹⁰ Трагедия, с которой Языков познакомился, видимо, летом 1826 г., в период личных контактов с Пушкиным, получила его положительную оценку в письме к П. М. Языкову от 29 декабря 1826 г.: «„Борис Годунов“ <...> лучше всего, что он сочинил доселе, удивительно верно изображает нравы тогдашнего времени — и вообще подвиг знаменитый» (Архив, с. 290). В публикуемом письме отзыв о трагедии Пушкина выражает явное разочарование. В этом отношении любопытна более подробная характеристика «Бориса Годунова» в письме А. М. Языкова к В. Д. Кововскому от 23 февраля 1831 г.: «„Годунов“ сделал на меня то же впечатление, как и на вас: он в целом как-то слаб, эпоха, век, характеры выражены неполно; самые отдельные части представляют только слабые очерки картин, которые потому не имеют сильного, общего, целого действия на воображение. Но, впрочем, это первый шаг и большой! Язык готов, может быть, Пушкин» обдумает еще что-нибудь подробнее, живее и проникнет глубже, что совершенно необходимо для картины столь разнообразной, обширной и трудной, как историческая драма; не худо ему почитать и почитать, да и подумать побольше» (ф. 348, № 104). Отметим, что суждения А. М. Языкова по вопросам литературы очень часто перекликаются с суждениями Н. М. Языкова.

1831. Февраля 25. Москва.

Благодарю тебя за деньги: это такой предмет жизни человеческой вообще — и жизни человека, жить не умеющего, в особенности, — что присылание их всегда должно быть ответственно благодарностию искреннею. «Ориктография Москвы», сочинение Фишера,¹ еще не вышла, говорят, скоро выйдет, хоть его и нет еще здесь: он, кажется, в Париже. Решета возьмут во вторник на первой неделе поста, не вините меня в том, что они являются поздно: великое бедствие, постигавшее почти все Россию, должно было иметь пагубное влияние и на все роды промышленности.

18 числа сего месяца совершилось бракосочетание Пушкина.² Говорят, что его супруга совершенство красоты. Когда увижу ее, опишу ее тебе с ног до головы: думаю, что и то и другое дела важные в быту супружеском. Накануне сего высокаторжественного дня у Пушкина был девичник, так сказать, или, лучше сказать, пьянство прощальное с холостою жизнью. Тут я познакомился с Денисом Давыдовым³ — и нашел в нем человека чрезвычайно достойного любопытства во всех отношениях — несмотря на то, что в то же время он во мне мог найти только пьяного стихотворца. Такова судьба нашей братья людей: все слабы!

У меня есть большая просьба до тебя и брата Александра, к которому пишу в Уфу; вот в чем дело: Иван Чухломской, по общему свойству сердец человеческих, влюбился здесь в девственницу — дочь отца, не состоящего в рабстве, — требуется, чтоб и он не принадлежал господам; ты уже догадываешься, что я ему обещал по сей части, в чем состоит моя просьба. Как сделать это, во всех смыслах, доброе дело? Да благословит бог сердца любящих! Это можно сказать и со стороны, даже нашему брату, покуда не имевшему случая чувствовать таковое благословение.

Я, слава богу, здоровьем поправился, но еще никуда не езжу, как видно из вышеписанного! Здесь теперь все шумит и гуляет — театры, балы, концерты, катанья и прочие масленичные наслаждения. Свербеев сидит здесь — жена его⁴ в Калуге — он мастерски перевел из Вильмена⁵ о литературе 4-го века.

Прощай покуда. Целую тебя и все твое семейство.

Весь твой Н. Языков.

Отрывок из письма приведен в подборке Д. Садовникова (Исторический вестник, 1883, № 12, с. 531).

¹ «Ориктография Московской губернии» («Oryctographie du gouvernement de Moscou») (М., 1830—1837) — сочинение Григория Ивановича Фишера фон Вальдгайма (1771—1853), выдающегося энтомолога, профессора естественной истории Московского университета.

² Бракосочетание Пушкина состоялось в Москве, в церкви Большого Вознесенья на Никитской. На «девичнике» у него присутствовали П. А. Вяземский, Е. А. Баратынский, Д. В. Давыдов, И. В. Киреевский, Н. М. Языков и др.

**Н. М. Языков. Литография Р. Гундризера с рисунка с натуры
А. Д. Хришкова. 1829 г.**

А. И. Тургенев. Литография П. Виньерона с акварели
К. П. Брюллова. 1833 г.

³ Давыдов Денис Васильевич (1784—1839) — герой войны 1812 г., известный поэт. Его имение находилось по соседству с имением мужа сестры Языкова — П. А. Бестужева (в Сызранском уезде Симбирской губернии). Давыдов исключительно высоко ценил Языкова-поэта. 23 апреля 1833 г. он писал ему: «Никто более вас, любезнейший по уму и почтеннейший по возвышенным чувствам Николай Михайлович, не имеет дара волновать мою душу и владеть над нею своевольно деспотически. Вы мой единственный Тиртей или, по-солдатски, вы мой нравственный отец и командир (<...>). В обеих последних войнах стихи ваши (песнь короля Регнера, подаренная мне в Персии Н. Киселевым) возились мною за пазухой, как волшебная ладонка, имеющая свойство возвышать душу и умножать бодрость духа и жажду к битвам и славе. Я, пьяный на девичнике Пушкина, говорил вам, но вы были так пьяны, что вряд ли это помните, а это сущая правда, и трезвый я трезвому повторяю то же» (Сочинения Дениса Васильевича Давыдова, т. 3. СПб., 1893, с. 182—183).

⁴ Жена Свербеева — Екатерина Александровна, урожд. княжна Щербатова.

⁵ Вильмен Абель-Франсуа (1790—1870) — французский историк, литературный критик, участник революции 1830 г., видный политический деятель июльской монархии.

18

1831. Февраля 25. Москва.

Благодарю за деньги. Вильмена¹ пришло тебе в Уфу. Как же прочие твои книги? Уж коли переезжать в глушь — так со всем домом, а иначе не стоит и беспокоиться: на поверку выходит все равно терять время, что в жизни семейной, что в лесу. Я теперь, слава богу, здоров, хоть еще не выезжаю, пользуясь недавно болевшею головою. Пушкин женился благополучно. Опишу тебе жену его в свое время. Я купил для подарения тебе вещь важную, знаменитую, запрещенную: именно историю революции франц<узской> Тьерса² — прими ее как знак моего желания видеть в твоей библиотеке хорошие книги и как знак моей благодарности к твоей особе.

Вот что мне хочется сделать с самим собою: отложить попечение об экзамене, потому что, кажется, пора назвать глупыми все мои толки об нем и сборы к нему, а определиться здесь куда-нибудь, хоть в Архив,³ примерно на год, прожить этот год в стихописании, а потом, получив чин, переселиться в деревню — вид<я> в этом последнем слове — глушь заволжскую, жизнь тихую, трудолюбивую и, следовательно, благородную и прекрасную. Как ты думаешь об этом (будь снисходителен к моим слабостям и возьми в соображение мой талант) и вот еще об чем: Погодин, кажется, оставит университет⁴ вследствие разных глупостей человеческих; нельзя ли и его приютить у нас — да наша тройца прославит спасенный чудом уголок!⁵

Из этого выйдет благословенный Монастырь литературный, и бог возлюбит нас, чистых, несвоекорыстных и презревших все суеты сего мира, обманчивого и пустого! Еще: Иван Чухломской влюбился в девственницу — дочь отпущенного на волю, для соединения их любящих сердец нужно и его освободить из-под гос-

подства; я с большим удовольствием обещал ему это благо и надеюсь, что вы, мои почтеннейшие, не заставите меня раскапываться в обещании, сделанном мною вовсе искренне. Как же это совершить? Я писал к Петру тоже.

На днях явится Денница, она несравненно хуже прошлогодней,⁶ особенно тем, что сам Максим <ович>⁷ написал обозрение Русской словесности в 1830. Я пришлю ее тебе немедленно.

Прощай покуда.

Весь твой Н. Языков.

Надобно написать к тебе подробнее обо всем, что здесь изложено вкратце: дай пройти масленице и мне переехать на *свою* квартиру. Погодин написал очень большую критику на 2 том Истории русского народа.⁸

Часть письма приведена (неточно) в очерке В. Шенрока (Вестник Европы, 1897, № 12, с. 601).

¹ Возможно, речь идет об известном сочинении Вильмена «Курс французской литературы» (Cours de littérature française, t. 1, 2. Paris, 1828—1829).

² Тьер Адольф (1797—1877) — французский историк и государственный деятель. Речь идет о его «Истории французской революции» («Histoire de la révolution française»), вышедшей в 10 томах в Париже (1823—1827).

³ Д. Н. Свербеев предлагал Н. М. Языкову поступить на службу в Комиссию печатания грамот и договоров, учрежденную при Архиве иностранных дел (Свербеев Д. Записки, т. I, с. 97—98). Однако Языков поступил в Межевую канцелярию (12 сентября 1831 г.). 17 сентября 1832 г. он был награжден чином коллежского регистратора, а 18 ноября 1833 г. уже уволен по собственной просьбе.

⁴ Мысль оставить университет была внушена Погодину натянутыми отношениями с товарищами, в первую очередь с М. Т. Каченовским, а также рядом других причин. Намерение Погодина осуществлено не было.

⁵ «Да наша троица прославит спасенный чудом уголок» — ср. в послании Пушкина «К Языкову» («И наша троица прославит Изгнанья темный уголок») и в поэме «Бахчисарайский фонтан» («Спасенный чудом уголок»).

⁶ В альманахе «Денница» на 1831 г. были опубликованы стихотворения Н. М. Языкова «Подражание псалму XIV», «Анне Ивановне», «Рассвет».

⁷ Максимович Михаил Александрович (1804—1873) — фольклорист и этнограф, историк, профессор ботаники Московского университета, в 1830—1831 гг. сотрудник «Литературной газеты», издатель альманаха «Денница» (1830—1831). Знакомство Языкова и Максимовича состоялось в 1829 г. во время пребывания Языкова в доме Елагиных. Переписка Языкова и Максимовича охватывает 1829—1846 гг.

⁸ Рецензия Погодина на второй том «Истории» Н. А. Полевого появилась в «Московском вестнике» (1830, ч. 6, с. 165—199; книжка журнала вышла в 1831 г. с цензурным разрешением от 6 февраля 1831 г.).

А. Н. МАЙКОВ

НЕИЗДАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Публикация И. Г. Ямпольского

В обширном архиве А. Н. Майкова сохранилось немало неизвестных стихотворений 1842—1844 гг., когда создавался цикл «Очерки Рима». Несколько наиболее интересных стихотворений этого времени публикуется ниже. Часть из них первоначально входила в указанный цикл (см. настоящее издание, с. 43—44).

Для прозы правильной годов я зрелых жду;
Теперь ее размер со мною не в ладу;
И слог мой колетя, как терн сухой и колкий;
А рифмы легкие, все в звуках и цветах,
Как средь колосьев ржи в украинских полях
На дудочку ловца младые перепелки,
Бегут и падают в расставленных сетях.

Публикуется по автографу ф. 168, № 16482, л. 34 об. Другой автограф, с небольшими разночтениями и датой «Ноября 1842», — ф. 168, № 16474, л. 15 об.

Интересно сопоставить это стихотворение с тем, что Майков писал позже, 24 января 1844 г., из Дрездена М. П. Заблоцкому-Десятовскому: «Странное дело: не могу писать прозой; кажется, рифма по натуре и по трудности своей должна быть препятствием выражения мысли: для меня напротив; я в стихах не упущу той мысли, которую хотел выразить, а в прозе беспрестанно ее упускаю. Происходит ли это от недостаточного воззрения на вещи? — Я чувствую это затруднение, говоря об самых обыкновенных и мне известных предметах; от неумения владеть языком? Язык у меня в стихах более правилен, чем неправилен, и слова выражают понятия, которые я хочу выразить. Это меня до того бесит, что я даже писал прозой для того, чтоб выучиться писать, и на сей конец переводил из Тацита лучшие места, какие встречал, читая его еще в Риме» (ф. 168, № 16994, л. 18).

ГОМЕРУ

Твоих экзаметров великое паденье
Благоговейною душой я ощущал.
Я в них жизнь новую, как в первый день рожденья

В сосцах у матери младенец, почерпал,
И тихо в душу мне вливалось вдохновенье...
Так морю Демосфен ревущему внимал:
Среди громадных волн торжественного шума
Мужал могучий глас, и, зрея, крепла дума.

Автограф — ф. 168, № 16474, л. 21 об., с датой «1843»; черновой автограф — без заглавия, с разночтениями — ф. 168, № 16482, л. 41 об.

ОТРЫВКИ ИЗ ДНЕВНИКА В РИМЕ

1

Лишь утро красное проглянет в небесах,
Я с верной книгою и посохом в руках
Иду из города, брожу между развалин...
Мне как-то хорошо! Тогда, полупечален
И полурадостен, я полон тишиной
Неизъяснимою. Я полюбил душой
С всеобщим сладостным беседовать молчаньем;
Тогда мой ум открыт мифическим преданьям,
Мечта работает и зиждет предо мной
Весь древний Лациум: Лавинии, Энея
Проходит предо мной живая эпопея;
И семь холмов, еще покрытые густой
Дубровою, и Тибр еще в пустыне роет
Крутые берега и невозбранно кроет
Разлитьем внешних вод долины меж холмов,
Нesia волной своей двух братьев-близнецов;
Волчица и пастух и мальчиков спасенье,
И града юного великое рожденье,
И домик Ромула, где после вознеслись
Чертоги Августов и в мрамор облеклись —
Все, все так близко мне! понятно, величаво!
Есть прелесть тайная в обломках падшей славы!
И холм, в котором прах руин священных скрыт,
Священ величьем их, и сердцу говорит,
И страшно оскорбить, что спит в нем, в вечном мраке,
Как мощи скрытые в благоговейной раке.

2

Уж месяц март. Весна пришла: так густ,
Так тепел воздух; ищешь тени жадно,
Бежишь на шум воды, и так отраднo
У свежих струй, лиющихся из уст
Угодливых тритонов в гроте мрачном.

Но мне не верится: когда ж она
Пришла сюда, игривая весна,
Как дева пышная в наряде брачном?
Я не видал ни пара талых льдов,
Ни дивного всеобщего журчанья
Из-под снегов лиющихся ручьев;
Ни тонкого, шумливого жужжанья
Летучих темным, облачным столбом,
На краткий миг рожденных насекомых.
Не всходит озимь бархатным ковром;
Мне нечего в местах моих знакомых
Любимую березку под прудом,
Пустынную иль посреди дубровы,
Прийти поздравить с зеленью новой.

Автограф — ф. 168, № 17556, л. 2—2 об., с посвящением «Степану Семеновичу Дудышкину», впоследствии зачеркнутым. Наброски первого стихотворения — там же, л. 20, 44—44 об.; в них ряд мотивов, не нашедших отражения в окончательном тексте. Вариант 2-й строки: вместо «Я с верной книгою» — «Я с верным Ливием». На л. 44 заглавие: «Римский дневник. (Стихотворения, написанные в Риме в 1843-м году)».

Но вечный зато предо мною свершается праздник.
Телега скрипит, погремешками звякают мулы,
И фыркают кони, и ослик молочный порою
Выходит, на Рим и на горы посмотрит и громко
На все заревет он окрестности, пробуя голос.
Вот жницы, в венках из колосьев, сверкая серпами,
Приходят под вечер с кувшином к фонтану.
Работник пуговщик, воин, погонщик веселый,
Глядишь, вокруг красавиц и вьются: веселье и шутки!
Откуда вдруг нищий с волынкой возьмется, и смотришь,
Долой все оружие и каску! Солдат, почерневший,
Как бронза в степях африканских, с дородной шинкаркой,
Пустился уж в хитрые танцы, при хохоте общем.
Патриций порой остановится, едучи мимо,
Глядит с колесницы, и чудно ему, что веселый,
Что истинный Бахус и Момус — друзья мне, что даже
Паллада разумница дева, здоровьем, красою
Цветущая, ног у меня не боится запачкать,
И в шутке плебейской скрывает высокую мудрость.

Автограф — ф. 168, № 17556, л. 18.

РОМАНС

Мой взор всегда искал твоих очей;
Мой слух ловил привет твоих речей;
Один другим как счастливы мы были. . .
О как тогда друг друга мы любили!

Разлуки час потом ударил нам;
На вечную любовь и *здесь и там*
Мы поклялись... но клятве изменили:
В разлуке мы других уже любили.

Мы встретились потом; полусмеясь,
Полувздыхнув, ты помнишь ли, в тот час
Друг друга мы почти шутя спросили:
«Ты помнишь, как друг друга мы любили?»

Автограф — ф. 168, № 16474, л. 24, с датой «1844».

И. А. ГОНЧАРОВ

ПИСЬМА К С. А. НИКИТЕНКО

Публикация Л. С. Гейро

В эпистолярном наследии Гончарова особое место занимают письма к С. А. Никитенко. Из них опубликовано менее трети, причем значительная часть в выдержках или с купюрами.¹ Между тем эта переписка помогает составить более полное представление о личности писателя, его литературных симпатиях и антипатиях, творческих планах, неосуществленных замыслах, о его быте, привычках, взглядах на протяжении двадцати пяти лет (1860—1885).

Все это время постоянным корреспондентом, верным другом и конфидентом писателя была Софья Александровна Никитенко (1840—1901), дочь известного петербургского профессора и цензора Александра Васильевича Никитенко, долгие годы связанного с Гончаровым служебными и дружескими отношениями.

Для данной публикации из 38 отобрано 8 писем 1868—1869 гг., которые позволяют восстановить неизвестную страницу биографии Гончарова и наиболее ярко раскрывают его отношение к С. А. Никитенко. Эти письма воссоздают также атмосферу колоссального творческого напряжения, которое испытывал автор «Обрыва» летом 1868—зимой 1869 г., когда при крайне

¹ Переписка Гончарова с С. А. Никитенко хранится в Рукописном отделе Пушкинского Дома: ИРЛИ, ф. 134, оп. 8, № 11 (далее письма из этого архива цитируются без указания шифра). Копии писем и выдержки из них, сделанные самой С. А. Никитенко, находятся в Центральном государственном архиве литературы и искусства (ЦГАЛИ, ф. 357, оп. 2, № 8). Письма к С. А. Никитенко частично публиковались в кн.: Гончаров И. А. 1) Собр. соч. в 8-ми т., т. VIII. М., изд. «Правда», 1952 (Б-ка «Огонек»); 2) Собр. соч. в 8-ми т., т. VIII. М., Гослитгиздат, 1955. Письма к Е. А. и С. А. Никитенко, относящиеся к 1860 г., опубликованы и прокомментированы А. И. Груздевым в кн.: Литературный архив, т. IV. М.—Л., 1953, с. 107—162. Отрывки из неопубликованных писем включены также в «Летопись жизни и творчества И. А. Гончарова» (М.—Л., 1960, составитель А. Д. Алексеев).

неблагоприятных личных обстоятельствах завершал и печатал свой последний роман.

Начало дружеским отношениям Гончарова и Софьи Никитенко было положено еще в 1860 г., когда она вместе с сестрой Екатериной переписывала черновые листы второй части будущего «Обрыва», которые автор вновь испещрял многочисленными поправками и уточнениями.

Исключительно серьезно относившаяся к жизни, обладавшая высоко развитым чувством долга, доходившим до аскетизма, двадцатилетняя девушка увидела в Гончарове легко ранимого, одинокого человека, глубоко преданного литературному делу, но страдающего от уязвленного авторского самолюбия, и, по-видимому, полюбила его.² Не отвечая взаимностью на чувство Софьи Александровны, Гончаров тем не менее был очень привязан к ней и неоднократно признавался ей в своей «оригинальной» любви: «...я никогда не был влюблен в Вас и теперь никогда, конечно, не буду, а наслаждаюсь Вами по-своему, как в своем роде *chef-d'oeuvre* доброты, ума и женского сердца. Все это я вижу, знаю и люблю, и это тем более не имеет цены, что меня не подкупает к Вам лукавое влечение, как к женщине, которое всегда более или менее ослепляет, следовательно преувеличивает и лжет» (13 (25) июля 1869). В другом письме, от 25 июля (6 августа), он вновь пишет: «...я, конечно, давно влюбился бы в Ваши серые умные глаза, благородные черты etc, но влюбиться в Вас можно только гармонически, т. е. вместе и полюбить. А я угораздился избегнуть *первого* и перешел прямо ко *второму*, а это второе не требует тех (весьма, впрочем, естественных и даже необходимых и неизбежных) сближений, каких потребовало бы одно первое — или первое и второе вместе. Дайте же руку и позвольте поцеловать ее [дружески] любовно, но не влюбленно».

Испытывая к Софье Александровне искреннюю, как признавался он в том же письме, «дружбу-любовь без влюбленности», Гончаров постоянно ощущал свою ответственность за ее судьбу, чувствовал себя перед нею в неоплатном долгу. Отсюда в его письмах завуалированные, а иногда и открытые призывы позаботиться об устройстве личной жизни, большей частью тщательно вымаранные впоследствии самой Никитенко. Наиболее откровенный из них прозвучал в письме от 29 мая (10 июня) 1868 г.: «...я все не покидаю мысли и надежды, что Вы должны выйти замуж за достойного Вас человека, хотя это нелегко найти такого, но бог не без милости».

Отказавшись от надежд на личное счастье, Софья Александровна осталась верна дружеским отношениям и проявляла исключительную выдержку, трогательную верность и преданность, оказывая Гончарову по-

² В бумагах М. Ф. Суперанского, известного дореволюционного исследователя творчества Гончарова, сохранилось письмо Б. Б. Глинского от 16 апреля 1912 г., в котором со слов О. Ф. Миллера он рассказывает о том, как влюбленный в С. А. Никитенку Миллер заметил предпочтение, отдаваемое ею Гончарову, и устранился. В итоге все участники этого «треугольника» остались без семьи (ЦГАЛИ, ф. 488, оп. 1, № 29). См. также в кн.: Mazon André. Un maître du roman russe Ivan Gontcharov. Paris, 1914, p. 117.

стоянную поддержку в творческих трудах, облегчая в меру своих сил его нравственные страдания, характер и содержание которых точно определены А. Ф. Кони в его посвященном Гончарову письме к М. Г. Савиной от 15 июля 1880 г. (ИРЛИ, ф. 134, оп. 2, № 13).³ «Годы уединения, — писал А. Ф. Кони, — вдумчивости, беспощадного анализа себя и других — и притом с точки зрения *обязательных* идеалов и их реального невыполнения, — сознание отсутствия правильной оценки, хмель общих восторгов и тупая боль равнодушного забвения толпою чрез несколько лет, ряд „ума холодных наблюдений и сердца горестных замет“ могут сложиться так, что тихое страдание станет неразрывным с самою жизнью, — что явится известная ревность к своему горю и тоске, которая будет щепиться при всяком прикосновении к этому горю даже и любящей и нежной руки <..> да и кто имеет право переделывать внутренний строй убеждений человека мыслившего и страдавшего? <..> нелицемерное, искреннее уважение со стороны окружающих — облегчает нашего друга, а Ваша дружба даже заставляет его посветлее смотреть вокруг. Это и все, что возможно. Утолять боль его души — Вы умеете, как только умеют русские женщины, — но прекратить его страдания — едва ли кто-нибудь в силах».

Искренняя привязанность Гончарова к Софье Александровне не вызывает сомнений. Он заботится о ее здоровье, пытается облегчить ее материальные затруднения, дает ей житейские советы. В этих письмах обнаруживаются мягкая и добрая его душа, стремление к человеческому теплу, желание быть кому-то полезным и близким. 13 (25) июля 1869 г. он пишет Никитенко: «Как Вам не стыдно считать долгом те рублишки, которые Вы взяли у меня, чтоб передохнуть, так сказать, от безденежья, как от засухи. И еще отложили, чтоб заплатить! Ужели дружба, даже серьезная, прочная, без облаков, как Ваша и моя, должна рабски подчиняться мелочам, условиям, установленным в обиходе будничной жизни? Хоть купите себе какую-нибудь безделку на этот „долг“, во имя мое, если не хотите заказать мне купить что-нибудь для Вас здесь. Ну, наконец, сделайте доброе дело на них, отдайте Вашей *protégée* или внесите за нее в гимназию, а не отдавайте мне на руки. Поступите с доверием к моему сердцу и — немножко к уму, как бы поступили, будучи моей сестрой. Даже упрекните, что ограничился буквально тем, что Вы просили, а не предложил Вам заем шире».

Работая над «Обрывом», писатель однажды заметил о М. М. Стасюлевиче: «Он теперь как нянька возится со мной — и мне точно нужна нянька» (25 мая (6 июня) 1868). Ту же роль, не всегда благодарную (имея в виду весьма нелегкий характер Гончарова), исполняла верно и преданно С. А. Никитенко.

Ее отношения с писателем, судя по переписке, не всегда были безоблачными. Так, 25 мая (6 июня) 1868 г. он писал своей корреспондентке: «Я очень дурен, но не все же совершенно дурно во мне, не все погибло —

³ Адресат установлен по содержанию. Подтверждается пометой М. Ф. Суперанского на копии письма, хранящейся в его архиве (ЦГАЛИ, ф. 468, оп. 1, № 40, л. 197).

и во имя этого немногого недурного ближние мои простят меня; как, помните, Вы простили, когда я сказал Вам, что в известных письмах я резко отзывался (в минуту досады и раздражения, под влиянием глупой впечатлительности и какой-нибудь мелочи) о Вас самих.

Но Софья Александровна умела, по-видимому, преодолевать обиды, и без всякого преувеличения можно сказать, что ее значение в жизни Гончарова и в судьбе его последнего романа исключительно велико. По мере того как знакомство Гончарова с Софьей Александровной перерастало во все более тесную дружбу и его доверие к ее вкусу и такту становилось все более основательным, писатель чаще и чаще обращался к ней за советами по существу своей творческой работы, с нетерпением ждал ее приговора. 28 октября (9 ноября) 1868 г.⁴ он писал ей: «Вы знаете ближе и подробнее самого меня весь роман до конца и можете сделать бездну полезных указаний, заметок, советов, как уже сделали одно драгоценное замечание о том, что Тушин так легко отнестись к печальному событию героини не мог.⁵ Потом Вы обратили внимание и на анахронизмы: помните, когда Пахотин говорит о пастушке и т. п.⁶ А этого всего много должно быть в этой куче тетрадей, т. е. недомолвок, ошибок, несообразностей и проч. Я читал первую часть, и мне самому страшно, как это все старо, длинно, скучно. Буду просить Вас перечитать опять и ее».

Приступая к подготовке отдельного издания «Обрыва», писатель вновь обращается к Никитенко с просьбой-вопросом: «...взяли бы Вы на себя груз (если б мне было нужно) издания „Обрыва“ отдельно, но так, чтоб я только прочел одну корректуру, а все прочее, как литературный присмотр, так и ведение дела с типографией <...>, все взяли бы в свои добрые, умелые и добросовестные руки? „Вот, — скажете Вы, — а еще мужчина! Стало быть женщина выше“ и т. д. Но ведь мужчина этот Обломов, Райский и проч. и проч.» (19 (31) августа 1869).⁷

⁴ Письмо полностью не сохранилось. Имеет помету: «понедельник». Датируется по содержанию.

⁵ Речь идет о рукописи пятой главы 5-й части «Обрыва». Тушин, видя отчаяние Веры, говорит ей: «...пройдут месяцы, год какой-нибудь, и Вы забудете его (Марка, — Л. Г.), забудете этот проклятый обрыв и будете сами дивиться нынешним тревогам. Это все пустое — потеря чести, вина — все это тряпье, бабы [сплетни] сказки!» (ИРЛИ, ф. 163, оп. 1, № 84, л. 37 авторской пагинации). Ср.: Гончаров И. А. Собр. соч. в 8-ми т., т. VI. М., Гослитиздат, 1954, с. 308—309 (далее ссылки на это издание даются в тексте: римскими цифрами обозначается том, арабскими — страницы).

⁶ Имеется в виду сцена из первой части романа, вошедшая в опубликованные в журнале «Современник» (1860, № 2) пять глав из романа — «Эпизоды из жизни Райского». Упоминаемая в диалоге Райского и Пахотина «пастушка», с которой Райский «катался в начале зимы в санях» (с. 422), — Наташа, юношеская любовь героя. «Анахронизм», замеченный Никитенко, состоял в том, что, согласно окончательному варианту главы, Наташа к этому времени уже умерла, тогда как по первоначальному замыслу автора, она существовала как пассия Райского одновременно с Софьей Беловодовой (ср.: V, 113). Изменив последующие главы, Гончаров забыл внести соответствующие исправления в текст глав, напечатанных в «Современнике». Оттиск из «Современника» с правкой, внесенной, согласно указаниям Никитенко, сохранился в ГПБ (ф. 209, № 7).

⁷ См. также письмо, помеченное «вторником». По содержанию датируется 2 (14) декабря 1869 г.

Так же как М. М. Стасюлевич, а позднее А. Ф. Кони, Никитенко поддерживала у невероятно мнительного и предельно требовательного к себе писателя веру в успех его литературных трудов, словом и делом помогала ему добиться их завершения. Романист делился с нею творческими замыслами, подробно информировал о ходе работы над «Обрывом», внимательно прислушивался к ее рекомендациям. Письма, связанные с этой темой, в основном опубликованы, но некоторые сведения, дополняющие наше представление о помощи, оказанной Гончарову С. А. Никитенко, можно почерпнуть также из их неопубликованной переписки.

Но особенно велика была та нравственная поддержка, которую оказывала писателю С. А. Никитенко в период завершения «Обрыва» и в годы, последовавшие за его публикацией. Письма этого периода поражают своей предельной искренностью и откровенностью. В них содержатся важные сведения о творческой истории «Обрыва», авторские оценки его героев, проясняется и уточняется отношение писателя к спорам вокруг романа. Они ярко характеризуют моральное состояние Гончарова в кризисной для него психологической ситуации 1868—1869 гг. Помимо невероятного напряжения сил, которого потребовало создание в течение нескольких месяцев двух последних частей романа, жизнь писателя крайне осложнилась двумя моментами: обострением его давней вражды к И. С. Тургеневу и личной драмой — трагической любовью к некой «Агр. Ник.».

Имя Тургенева в сопровождении весьма нелестных характеристик появляется (или подразумевается) в переписке Гончарова именно в периоды его интенсивной творческой работы, когда воскресает надежда на успешное завершение многолетнего труда, а вместе с ней возникают и мысли о читательской реакции, неизбежно связанные в сознании Гончарова с предчувствием того, что Тургенев вновь опередит его, напечатав свой очередной роман. Долго и мучительно вынашивавший свои замыслы, служивший искусству, по его собственным словам, «как запряженный вол» (VIII, 307), Гончаров не мог простить Тургеневу легкости, с которой последний, по мнению автора «Обрыва», создавал свои «эскизы» и выдавал их за романы доверчивой и рукоплещущей публике. В письмах своих он упорно повторяет, что у Тургенева «есть очаровательный карандаш и лира, как ни у кого, но у него нет широкой кисти, он, как ни силится, а живописать глубоко и жизненно-тепло людей и их жизни не может, что и составляет его отчаяние» (3 (15) июля 1869). Поднимая в своих произведениях огромные пласты жизни, Гончаров не мог в силу особенностей своего метода, дарования и, наконец, характера дробить эти замыслы. Он претендовал на воспроизведение целых эпох русской жизни, не вмещавшихся в рамки повести или небольшого романа. Обдумывая свои произведения годами, он с ужасом видел, что на тех же или близких путях ищет и, что самое главное, находит родственных героев Тургенев. Гончаров был глубоко убежден в том, что для «зодчества», т. е. для создания больших эпических полотен, «нужно упорство, спокойное, объективное обозрение и постоянный труд, терпение» (VIII, 308). Поскольку таких свойств он не видел в «характере, следовательно и в таланте», Тургенева (VIII, 308), постольку и возникало у него подозрение в тургеневском плагиате. Весьма показательно в этом смысле письмо от 5 (17) августа 1868 г. к Л. И. и М. М. Ста-

сюлевичам, в котором, поделившись своими творческими планами, Гончаров пишет: «Но серьезное проклятие ляжет на Вас за то, если Вы не только самому Тургеневу, но и Аппенкову, или другим господам, даже намекнули на то, что следует дальше. Я боюсь, что Толстые сделали это (помните, я вам всем рассказал вперед до сцены с померанцевыми цветами включительно), потому что я уже получил два-три письма с выражениями из Райского и т. п. милые штучки. Но еще может быть и худшее последствие от нескромности: а именно Вы же сами увидите в какой-нибудь повести в три странички с половиной — клочок, вырванный из содержания Райского, перефразированную сцену, намек на страсть или брошенный в окно букет, или намек на вопрос о том, что происходило на дне обрыва, — хоть что-нибудь... Это не мнительность!» (ИРЛИ, ф. 163, оп. 1, № 100).

Мысли о Тургеневе настолько овладели Гончаровым, что значительная часть мучивших писателя сомнений и подозрений со страниц писем к М. М. Стасюлевичу и С. А. Никитенко перешла в черновую рукопись «Обрыва». Подозрительность и мнительность по временам принимали болезненный характер. Писателю начинало казаться, что вокруг него и против него создан разветвленный заговор, цель которого — разрушить творческие его замыслы и вмешаться в его личную жизнь. По мере того как роман близился к завершению, подозрительность Гончарова несколько уменьшилась. Новая вспышка произошла с выходом в свет «Обрыва» в связи с почти единодушно отрицательной оценкой, данной роману в печати. В резких отзывах демократической критики была та правда, объективность которой не смог оценить автор. Но было там и много несправедливого. Главное же, чего, по мнению автора, не смогли (или не захотели) увидеть в его романе многочисленные рецензенты, — это постановка важных нравственных проблем, решение которых он в первую очередь адресовал своим читательницам. С горечью вынужден был он констатировать, что «из них немногие поняли смысл и цель романа».⁸

На всем протяжении своего жизненного и творческого пути Гончаров придавал огромное значение женской интуиции, особенностям женского мировосприятия, считая его высоким эталоном в оценке людских взаимоотношений, в оценке нравственных проблем века. Именно поэтому так важна была для него реакция читательниц на его роман и так трагически он воспринял казавшееся ему всеобщим непонимание. Не случайно, убедившись в доброжелательном отношении к нему графини А. А. Толстой, в письме к ней от 4 мая 1871 г. Гончаров горько заметил: «Не я Вас, как Вы говорите, а Вы побаловали меня; и это не только великодушно, но и справедливо с Вашей стороны, ибо я не привык к баловству вообще, к женскому в особенности. Я знаю только, как они казнят, а как балуют — не знаю. Следовательно, балуя меня, Вы искупаете в моих глазах жен-

⁸ Письмо от 12 (22) июня 1869 г. к С. А. Никитенко. В дате описки Гончарова: по всей вероятности, — 12 (24) июня. Частично опубликовано в «Собрании сочинений» Гончарова в издании «Библиотеки „Огонька“» (т. VIII, с. 391—392). Другой фрагмент текста опубликован мною в «Ежегоднике Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1973 год» (Л., 1976, с. 52—53).

ское жестокосердие и несправедливость, так как они почти всегда не ведали сами, за что карали, видя там врага, где был только друг».⁹

Немалое значение в постепенном нарастании замкнутости и чрезмерной обидчивости Гончарова имели его многолетняя служба в цензурном ведомстве (VIII, 303—304), т. е. сознание того, что «цензор — лицо не популярное» (VIII, 316; см. также с. 303—304), и некоторая сословная «ущербность», усиливавшаяся с годами, когда Гончаров переставал ощущать себя творческой личностью и когда все чаще приходили к нему мысли о происхождении «из купцов» и о десятилетиях жизни, отданных чиновничьей службе. Не отсюда ли такое тяготение престарелого писателя к аристократии, связанное, впрочем, и с поисками покровительства вследствие материальных затруднений.

Показательно, что у абсолютно одинокого Гончарова даже несчастная любовь Тургенева к Полине Виардо вызывала горько завистливое чувство, прорывавшееся порою в его переписке. Так, 15 (27) июля 1866 г. он писал О. А. Новиковой о Тургеневе: «... удержать его, овладеть им — ни в чьей власти. У него есть свой мир, свое царство и царица, и он будет всегда там» (ИРЛИ, ф. 137, оп. 2, № 17).

С крушением надежд на доброжелательное отношение к своему роману Гончаров стал искать причины всеобщего, как ему казалось, осуждения в продолжении и дальнейшем развитии заговора, руководимого Тургеневым, вовлекавшим в него все новых и новых участников. Эта *idée fixe* не только крайне осложнила личную жизнь писателя, усугубляя его одиночество, отчуждение даже от близких, расположенных к нему людей, но и в течение ряда лет приводила к потере творческой работоспособности. Свою роль сыграли в этом и весьма нелестные, порою даже пренебрежительные, отзывы Тургенева о романе «Обрыв», услужливо доведенные до сведения автора его «доброжелателями».

Тем более драгоценна была для Гончарова возможность излить свою душу Софье Александровне, которая хоть и «бранила» его, но всегда была готова разделить с ним груз обид. Так, 13 (25) июля 1869 г., подавленный неуспехом «Обрыва», Гончаров пишет: «Вы одна теперь можете извлекать из меня музыку, и я всегда буду играть ее Вам, зная, что никакая власть, никакие дары, никакая служба и никакие обольщения не заставят Вас употребить ее во зло, т. е. во вред мне же самому». Через год, осенью 1870 г., он вновь замечает: «Вы одна, кажется, всегда понимали и судили меня верно, и это большая отрада для меня, потому что сколько Вы умны — столько и справедливы».

Писатель и сам начинает сознавать гиперболизм своей подозрительности: «... если пожаловался, если роптал, то надо, чтобы были тут дружеские уши, которые бы терпеливо выслушали, и язык, который бы сказал с пощадой — он болен» (25 июля (6 августа) 1869). Из письма в письмо переходят жалобы на невозможность трудиться, на депрессию и полный упадок сил. «Я даже не развертывал 5 книжек его («Обрыва», — Л. Г.), взятых с собой для поправки, и начинаю привыкать к мысли, что *Обрыва* не существует больше. Я вполне и искренно отказываюсь от мысли пе-

⁹ ГИБ, ф. 209, № 26.

чатать его отдельно <...> Я так измучился, что авось выпесу и остальное, а если нет — тем лучше: я только вырвусь как будто из душевной тюрьмы <...> Я ничего не желал бы больше знать, хотел бы забыть это все, как дурной сон <...> дали бы мне жить, идти своей тропинкой, может быть, досказать, что желал бы я досказать, — и умереть покойно, сделал свое дело. Но, кажется, этого не будет» (12 июня 1869 г.). «Я твердо решил не печатать более романа, — пишет Гончаров 3 (15) июля 1869 г., — и вообще совершенно исчезнуть из литературы. Мне ничего не хочется, самолюбие убито совсем».

Трагическую роль в жизни Гончарова и в истории создания его последнего романа сыграли и другие сугубо личные обстоятельства, до сих пор оставшиеся неизвестными его биографам. В 1868—начале 1869 г. произошло его знакомство и очень скоро разрыв с некой «Агр. Ник.». В курсе всех подробностей их взаимоотношений была, вероятно, только С. А. Никитенко. Во всяком случае в письме к ней от 25 мая (6 июня) 1868 г. Гончаров предупреждал свою корреспондентку: «Если познакомитесь с Стасюлевичем, помните, что он знает от меня только о романе, об отношениях его к женщинам и ничего обо мне самом». Полное имя Агр. Ник. установить пока не удалось: Гончаров, вероятно, просил Никитенку не упоминать в своих письмах имя этой дамы, и бесспорно по его требованию были тщательно вымараны в его собственных письмах все детали, которые могли бы подсказать ее имя. Писатель горько сожалел о том, что иногда у него вырывалось несколько слов о ней, и старался всячески этого избежать.

Что же можно установить о самой Агр. Ник. и ее роли в жизни писателя по сохранившейся переписке? Из беспощадного в своей откровенности письма к С. А. Никитенко от 29 мая (10 июня) 1868 г. видно, насколько сильно увлечен был Гончаров и насколько велика была травма, нанесенная ему разрывом с Агр. Ник.¹⁰ Некоторое время писатель в глубине души, по-видимому, надеялся на восстановление хотя бы дружеских отношений. Но вскоре в связи с напряженной работой над романом обострилась его подозрительность, ему стало казаться, что Агр. Ник., как и многие другие, была подослана недругами с целью выведать его сокровенные мысли и, если удастся, помешать ему закончить роман. Тогда он поспешил отречься от прежнего признания выдающейся роли, сыгранной Агр. Ник. в его жизни и в его работе над романом («...это была моя не Вера, а модель моей Веры», — писал он 25 мая (6 июня) 1868 г.), и сказать, что он не вспоминал даже об Агр. Ник., когда писал свои «тетради» (VIII, 389). Дело, конечно, не в прямой прототипной связи Агр. Ник. с героиней «Обрыва». Ведь сам Гончаров точно и тонко писал о том, «как большею частью в действительности мало бывает художественной правды» и как «значение творчества именно тем и выражается, что ему приходится выделывать из природы те или другие черты и признаки, чтобы создавать правдоподобие, то есть добиваться своей художественной истины»

¹⁰ В «Ежегоднике Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1973 год» (с. 59) мною опубликован большой отрывок этого письма. Другой его фрагмент опубликован с неверной датой в «Собрании сочинений» Гончарова в издании «Библиотеки „Огонька“» (т. VIII, с. 369—372).

(VIII, 459). Тем не менее увлечение Агр. Ник. было настолько велико, что отразилось не только в его переписке, но и в черновой рукописи «Обрыва». Так, в письме к Никитенко от 29 мая (10 июня) 1868 г. писатель признавался: «...на одной станции, увидевши сзади какую-то стройную женскую фигурку, с ее натуральным шиньоном нежно-мочального цвета, — я весь обомлел от страха — „батушки, не она ли опять?“, думал и посмотрел сбоку, а она вдруг обернулась — у меня отлегло от сердца: у этой нос — точно трэфовый туз и нижняя губа раздвоена поперек. Как я обрадовался этой „красавице“!». Вскоре после этой встречи в рукописи «Обрыва» появляется запись: «Выбери! Воображение не выбирает, его затронет вздор, мелочь, чуть не фотографическая карточка: красивый профиль, немного грации, какой-нибудь локон черно-бархатного¹¹ или нежно-мочального цвета,¹² и пошла греметь музыка! Остальное все, чего там и не бывало, приделает он сам — и играет, пишет, наслаждается и мучается своими созданиями! Вот что значит моя болтливость: смейтесь же! <...> А они говорят — „Самолюбие, гордость не позволит любить, когда не разделяют любви“ <...> Ах вы, водевильные души с водевильными страстями, рождающимися и умирающими на берегах Черных и других речек!» (ИРЛИ, ф. 163, оп. 1, № 84, л. 9 авторской пагинации). Приписанные Райскому слова отражают собственные переживания Гончарова. Какое-то время писателя одолевали угрызения совести, ему казалось, что в разрыве с Агр. Ник. повинен прежде всего он сам: «...я виноват перед многими (в том числе и перед ней — когда-нибудь скажите ей это) — передо мной — почти никто», — пишет он Никитенко 25 мая (6 июня) 1868 г. В другом письме к ней, от 2 (14) июня 1868 г., он просит: «Вы, если бы и виделись с ней, не пишите мне о ней ничего долго, долго; еще рано. А между тем примирите нас, перескажите ей мои желания ей счастья, мои извинения и прибавьте к этому просьбу, чтоб она взяла у брата и отдала Вам отданный мною на сохранение ему ее портрет. Мне после будет приятно вспоминать ее, да и она, если кончу роман, не вспомнит меня лихом, зная, что встреча с ней подстрекнула меня к окончанию. Брат ее вызывался прийти ко мне с портретом и просил назначить час, но я, боясь еще встречи с ней, отклонил».¹³

¹¹ Не исключено, что Гончаров вспомнил здесь о Екатерине Павловне Майковой, также сыгравшей значительную роль в его жизни 50—60-х годов (см. о ней в кн.: Чемена О. М. Создание двух романов. Гончаров и шестидесятница Е. П. Майкова. М., 1966).

¹² Ср. также в письме Гончарова к С. А. Никитенко: «Пусть поймут один раз навсегда, что если я кому-нибудь был чем-нибудь неприятен, то это *неумышленно*; никогда не играл, не шутил и не притворялся, доказательством чему могу привести то, что я до сих пор не совсем еще отделился от пристрастия к хорошенькой, но бессовестной русалке с мочальными волосами, хотя вижу навсвязь ее ложь и беспутство, следовательно я не лгал и ей» (VIII, 417).

¹³ Имя брата Агр. Ник. устанавливается из письма Гончарова к С. А. Никитенко от 18 июля 1873 г.: «Ко мне, с месяц тому назад, зашел Иван Никол(аевич), брат Агр. Ник., больной, худой, невзрачный. Он лечится в лечебнице от нерв — и оставлен за штатом, просит рекомендовать его на место *исправника*! Я бы рад радостью (уже для одной А. Н.) сделать все, но я не знаю ни способностей, ни образования его — ничего, а помню

Через год Гончаров увидит в «одной лавочке» Киссингена «среди множества фотографических карточек» карточку Агр. Ник., «выставленную у дверей», и, забыв о всех своих подозрениях и о своем озлоблении, выкупит ее, находя, как сообщил он Никитенко в письме от 22 июня (4 июля) 1869 г., что поступает «недурно».¹⁴

Переписка Гончарова с С. А. Никитенко показывает, таким образом, что писатель долгие годы все же поддерживал какие-то контакты с Агр. Ник. и ее близкими или по крайней мере стороной узнавал о ее судьбе. Все вышесказанное, так же как и публикуемые письма, свидетельствует, что, как бы ни отрекался Гончаров от своей привязанности к Агр. Ник., встреча с ней сыграла значительную роль в его судьбе и в судьбе его последнего романа. Исследователям творчества Гончарова предстоит установить имя последней его привязанности, изучить круг близких Агр. Ник. людей и тем самым более полно представить себе обстоятельства личной жизни писателя, ту страницу его биографии, с которой тесно связано создание двух последних частей романа «Обрыв».

1

Швальбах. [Пятница] Суббота, 12/24 июля <1868>.

Спешу написать Вам несколько слов, Софья Александровна, перед отъездом из Швальбаха.

Прежде всего о Стасюлевиче.¹ Он едет отсюда 17/29, т. е. в следующий четверг,² и надеется быть в Петербурге *в воскресенье вечером*, 21-го числа.

Он просил меня передать Вам, что тотчас по приезде ему нужно будет Вас видеть, следовательно, начиная с 22-го июля (кажется — понедельник будет в это число), например 23 или 24-го, Вы его (т. е. собственно меня) крайне обяжете, если пожелаете к нему на квартиру, не ожидая от него записки, потому что он совестится, находя не деликатным, письменно пригласить Вас — хотя бы и по чужому делу. Квартира Стасюлевича: Галерная, № 20. *До 12 часов утра* — Вы его застанете всякий день до этого часа дома.

Он передаст Вам, как Вы можете помочь мне в моих хлопотах с новым моим чадом, над которым я работал до сих пор усердно.

только одни отзывы о нем, что он пил и кутил! А может быть, — он давно и не тот: но я не знаю, не знаю — и вот прошу (?) сделать тут доброе. Я спросил, отчего он не обратится к зятю и сестре, но он дал уклончивый ответ — и ушел» (ЦГАЛИ, ф. 357, оп. 2, № 8).

¹⁴ Не эта ли «карточка» была обнаружена наследниками Гончарова в 1977 г.? Сообщение об этой находке помещено в газете «Правда» (1977, 20 июня). В настоящее время портрет неизвестной находится в собрании Ульяновского краеведческого музея. Мне не удалось познакомиться с ним, но его романтическая судьба (фотография была спрятана под рамку, в которую был заключен портрет самого Гончарова, и обнаружена совершенно случайно, через сто лет после событий, описанных в предлагаемой читателю публикации) позволяет с большой долей уверенности предположить, что таинственная пезнакомка и есть Агр. Ник.

Не знаю только, годится ли. Так как описывать было бы слишком долго, чтоб и как надо сделать, то я передал все ему, да он и сам надсматривал, чтоб я не ленился, а писал, и потому лучше меня знает, как надо все написанное привести в порядок до моего приезда. А все, что написано вновь, также и часть старого — я перешлю Вам по частям, с почтой. С Мих<аилом> Матв<еевичем> еще отправить не могу, потому что тетради мне пока нужны для вставок и поправок.

Он едет домой дней на десять и к 1-му августа воротится сюда к своей жене,³ которая еще должна лечиться, и потом возьмет ее с собою. У него не только дни, но и часы рассчитаны — ему предстоит пропасть дела, следовательно, он много времени Вам посвящать не может. Я удивляюсь его деятельности и немного боюсь, чтобы он сгоряча не надорвался. Дело его — вместе и его страсть. Итак, будьте поаккуратнее, т. е. потрудитесь побывать у него, если не 22, то 23 или 24 числа.

Кроме своего журнала, на нем лежит еще обязанность: он ухаживает за своей больной женой, как за ребенком, а оба они представляют не часто встречающийся пример симпатии и согласия. Они оба ласковы ко мне — и мне совестно, что я еще не вполне это заслужил. Она умна, проста и добра — как нужно, чтоб были многие женщины. Вам предстоит в августе познакомиться с пей — и Вы будете довольны этим знакомством.

Вот все, что нужно сказать Вам.

Теперь скажу, отчего я вдруг собрался сегодня бежать отсюда: Вы, конечно, догадываетесь. Да, моему труду, даже и недавно только завоеванному было спокойствию грозит некоторая опасность. Я думал, что мне до А<гр.> Н<ик.> никакого уже дела нет, да и не было, я ее и забывал уже совсем — а теперь является опять привычка видеть ее на бульваре, на известном месте под деревьями. Я почти не подходил к ней, как уже писал к Вам, и она старалась, когда никого около меня и около нее не было, подойти ко мне, и раза два-три мы прошлись по аллеям — и только. Но она, конечно по заказу (как и приехала сюда по заказу же, а старалась свалить на меня), начала шевелить прошлое, плакать, играть какую-то роль, чтоб вызвать меня из моего блаженного утешения. Я видел все эти белые швы и тут же уличал ее, сказав прямо, что посторонний интерес заставляет ее так цепляться за меня. Наконец, когда я говорил, что собирался в Остенде купаться — и она стала поговаривать об Остенде; тогда я прямо объявил ей, что цель моя — расстаться с ней навсегда, и потому я поеду, по старой привычке, в Булонь, куда ездю всегда, стало быть уж никак нельзя подозревать, что еду для нее. Она, по-видимому, согласилась, но я все-таки думаю, что *она* или *они* поднимутся на хитрость и в покое меня не оставят.

Может она сказать, что я туда, например, звал ее, а она вот взяла да и обманула, не поехала, а я сижу там дураком да жду ее — ну, это ничего, пускай! Вчера, например, какой-то Бост-

руев,⁴ которого я вовсе не знаю, подбежал спрашивать, куда я еду и т. д. Может быть, это и подставное лицо, чтоб отвлечь меня от главных — но бог с ними!

Не в этом мое беспокойство. А вот в чем, что работа моя может пострадать и остановиться. Сегодня, например, ее почему-то на месте не было, где я привык видеть ее, — и мне вдруг стало скучнее и я написал меньше и хуже. Скверный знак! Еще недели две-три — и, пожалуй, старая пбгань расшевелится — ну, тогда уже шутка плохая.

А ведь она льнет ко мне не для меня — это-то я знаю, а для приобретения себе... других свиданий и благ...

Быть тут, сидеть рядом или ходить мимо, не глядя на нее и не говоря ни слова, — странно и дико. Тут русские, да и Стасюлевичи — все, конечно, заметили бы в этом что-нибудь особенное, а я не хочу этого, ни для нее, ни для себя. А между тем ей скажешь слово, два, а она встанет и тотчас пойдет гулять — и очень опечалится, когда я пройду молча, не замечая ее. Значит, тут есть и наблюдательное око. Сегодня она спросила, что я так долго сидел у себя, — и на ответ мой — что работал, она живо, нарочно при своей какой-то будто бы баронессе,⁵ спросила выразительно: «стало быть вы (т. е. я) довольны» — и очень обрадовалась моему утвердительному ответу. Ей нужно показать, как я вижу, что она мне необходима и что я жить без нее не могу.

Да, это *была бы*, пожалуй, правда: она жива, разнообразна, недурна и могла бы быть самой подходящей Агафьей Матвеевной⁶ для такого Обломова, как я, — но безделицы недостает: *честности* — excusez du peu!^a Я уж не гнался бы за большим образованием, развитием etc, а хоть *бы* не лгала она походя, не бегала по разным углам, как кошка, и т. д. Не оберешься этих *бы*. Я и сказал ей в ответ, когда она шептала, что я ее и не понял и не оценил, что она — *сокровище*: что если б я не был такой гнусный старик, могла бы мне дать большое счастье женщина — сестра и друг, которая бы меня немного понимала и занималась бы мной не для того, чтобы через меня пробираться к другому, третьему, а сидеть со мной остальную жизнь, а так как мне отплатить за такую жертву нечем и такой женщины не найдется, то я и решил быть один и делать назначенное мне дело. Я умолял ее не мешать мне, оставить меня навсегда в покое: не знаю, оставит ли она меня в покое.

А теперь, того и гляди, солжет или схитрит, и со мной и там: или скажет *там*, что она пела здесь со мной *осанну*, чтоб ее взяли в Остенде или куда-нибудь заниматься *земными делами* (пора уж: она, кажется, от одной *осанны* похудела здесь). Но это меньшее из зол — пускай ее! Есть миллионы людей, которые руководствуются философией гусарского житья старых времен и наслаждения юнкеров называют жизнью.

^a не взыщите! (*франц.*).

Худо, если она придумает как-нибудь пожаловать и в Булонь: ну, тогда, пожалуй, хоть клади перо. Она приписывает себе честь, что я работаю, говоря, что она мне шевелит нервы: да, теперь шевелит так, как кошмар, которого простой народ называет *домовым*. Он, по поверью, лошадям заплетает гривы, а людей давит. Не знаю, кому она там заплетает гривы, а меня давит. Я сказал ей, что она *могла бы* действовать так благоприятно, как говорит, но пропустила случай, а расшевелили во мне охоту тонкое и умное участие Стасюлевича и Толстых,⁷ которые единогласно уверяют, что труд мой... Но Вы знаете, что говорит Стасюлевич⁸ — и это вспынуло меня как живой водой. А она только мешала. Ей нужно только, чтобы ради *меня* занимались и *ею*, и вот она теперь всячески хочет меня зацепить. И ведь как обрадуется, когда заговоришь, как побежит за шляпкой, когда я соглашусь пройтись с пей. А как смутилась и покраснела, когда встретилась со мной, боясь, заговорю ли я с ней или пройду мимо. Даже Стасюлевичи заметили, как-де смутилась эта дама, увидя Вас. А из угла тут, верно, кто-нибудь следил, *что я!* Конечно, если б я имел время подумать, то и не подошел бы к ней, а если б знал, что она тут, то и не приехал бы. Теперь она (и, вероятно, другие) следят, не подойду ли, не заговорю ли, чтоб сказать — вон, мол, обольщает! О, должно быть, ей много денег обещали, или соболей солоц, а может быть, и пэ-за ласки стараются!

Грустно мне все это, Софья Александровна, и за себя больно, и за нее. Она недурна, неглупа — и корчит такую обезьяну из того только, что покровители ее никак не могут решить, актер я — или просто, как меня создала природа. Она понимает и видит меня, но, конечно, молчит и скорее обвинит меня, чтоб продолжали ей покровительствовать: это ей и выгодно, и приятно. А они ломают голову, чтоб вскрыть мудреный ларчик: и чуть не пытку употребляют для этого. *Ларчик открывается просто*: пусть бы перестали хитрить, подозревать нечестное, кривое, а взяли бы любого ребенка — и право, немного ошиблись бы!

Но довольно. Я устал опять и, помня недавнюю тревогу, прошу об одном: о покое. Мне скучно, конечно, жизнь — это правда. Я один: но ведь А<гр.> Н<ик.> не вылечит меня от одиночества. Из нас с ней не выйдет — *мы*, или если и выйдет, так не в двойственном, а в тройственном и даже во множественном числе.

Пора бы бросить эту штуку. А я, уехавши отсюда, надеюсь вздохнуть опять свободно и опять забыть ее совсем. Не знаю, буду ли писать: у меня написано уже 33 листа,⁹ но все еще до конца не близко — и роман как будто разрастается, т. е. вторая половина, должно быть, составит еще как будто особый роман. Я многих героев и героинь забыл (ведь 10 лет тому, как я его задумал), а теперь они опять явились и всеми ими надо заняться. Дай бог терпения, охоты и умения. В Булони — утром — ничего: прогулка, купанье, работа, а вечером? Здесь Стасюлевич и жена его, да и Агр. Ник. много помогает не замечать скуки, хоть и

видишь ее издали. Но ведь не стала бы она сидеть со мной, а по-
ровила куда-нибудь в темноту... И так мимо ее тут уже шмы-
гают взад и вперед какие-то юпоши: должно быть, здесь уж в про-
гулках обрела! Но бог с ней, не видать бы ее!

В дате письма описки Гончарова: изменив день недели, он не исправил
соответственно число: 12 (24) июля 1868 г. была пе суббота, а пятница.
Однако данное письмо написано, по-видимому, именно в пятницу, по-
скольку следующее датировано 13 (25) июля, субботой.

¹ Стасюлевич Михаил Матвеевич (1826—1911) с 1866 г. являлся редак-
тором-издателем «Вестника Европы». Получив согласие Гончарова на пуб-
ликацию «Обрыва» в своем журнале, оказывал писателю всемерную по-
мощь в организации работы над романом. 25 мая (6 июня) 1868 г. Гон-
чаров писал С. А. Никитенко о Стасюлевиче: «Я бы хотел, чтоб Вы ви-
делись с ним — это замечательный человек во всех отношениях. Посмо-
трите только, как он понимает обязанность и значение редактора!». Не-
смотря на периоды некоторого охлаждения, Гончаров был дружен со
Стасюлевичем до конца своих дней. Стасюлевич испытывал глубокое ува-
жение к его дарованию, снисходительно относился к словесческим слабос-
тям писателя. В письме к Е. К. Степановой от 8 февраля 1864 г. он
писал: «Ужасно и вспомнить, что проделывал со мною Гончаров в коррек-
туре своего „Обрыва“, но я все же за это не осужу его» (ЦГАЛИ, ф. 196,
картон 23, № 48, л. 21). В этой связи представляется по меньшей мере
странным утверждение О. М. Чемены, писавшей о том, что «немалую
долю вины» в неудаче «романа, страдающего противоречивостью и незакон-
ченностью», «надо отнести за счет М. М. Стасюлевича, оказавшегося злым
недругом романа» (Чемена О. М. Создание двух романов. Гончаров и
шестидесятница Е. П. Майкова, с. 108).

² Ошибка: 17 (29) июля произошло на среду.

³ Жена М. М. Стасюлевича — Любовь Исааковна Стасюлевич (урожд.
Утина, ум. 1917). Гончаров знал о ее сочувствии к его труду и живом
интересе к его замыслу. Так, 5 (17) августа 1868 г. он писал ей и
М. М. Стасюлевичу из Булони: «В письмо Вашем, Любовь Исааковна,
сквозит даже через пакет, через все почтовые марки, Ваше участие
в Райском. Но боюсь, что он, бедный, не оправдает Вашей дружбы к нему.
Он теперь в тети и никак не может иметь роли между бабушкой, Верой
и Тушиным. Перенесите эту дружбу уж лучше на одного меня. Сегодня
или завтра — или не знаю когда — надо писать ночную сцену бабушки
с Верой, но вперед не нужно забегать, и Вы, Михайло Матвеевич, отнюдь
не можете объяснять Любви Исааковне о том, что следует дальше. Это
с Вашей стороны будет гнусно. Когда Любовь Исааковна будет слушать
меня, у ней уже не будет лучами из глаз рваться любопытство: я это
замечу и прокляну Вас» (ИРЛИ, ф. 163, оп. 1, № 100).

⁴ Боструев — лицо неустановленное.

⁵ Баронесса — лицо неустановленное, см. также письмо 3.

⁶ Агафья Матвеевна Ишеницына — персонаж романа «Обломов».
В письме к С. А. Никитенко от 29 мая (10 июня) 1868 г., частично опу-
бликованном (с неверной датой и неточно) в «Собрании сочинений» Гон-
чарова в издании «Библиотеки „Огонька“» (т. VIII, с. 369—372), романист
писал, что он представляется себе человеком «с несколькими лицами
(хоть бы кругом расположенными)», против каждого лица которого —
«своя Агафья Матвеевна». «Для прислуги» — это Елена (служанка); «вто-
рая» Агафья Матвеевна — это В. Я. Лукьянова (см. о ней примеч. 4
к письму 2); третья и «самая завидная» Агафья Матвеевна — С. А. Ни-
китенко; наконец, четвертая — это Агр. Ник. См.: VIII, 379; см. также
письмо Гончарова М. М. Стасюлевичу от 30 мая (11 июня) 1868 г.
(М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке, т. IV. СПб., 1912,
с. 9). Эта часть письма тщательно вымарана, однако удалось разобрать,
что Агр. Ник. жила главным образом в Варшаве.

⁷ Имеются в виду Алексей Константинович Толстой (1817—1875), поэт и драматург, и его жена Софья Андреевна (урожд. Бахметева, 1825—1895). Гончаров не только высоко ценил творчество А. К. Толстого, но и испытал определенное воздействие его поэзии (см.: Гейро Л. С. Роман Гончарова «Обрыв» и русская поэзия его времени. — Русская литература, 1974, № 1, с. 71—72). Об отношении Гончарова к С. А. Толстой см. его письмо к С. А. Никитенко от 29 мая (10 июня) 1868 г., опубликованное в «Собрании сочинений» Гончарова в издании «Библиотеки „Огонька“» (т. VIII, с. 374). В марте—апреле 1868 г. в доме Толстых Гончаров читал в присутствии М. М. Стасюлевича написанные им к этому времени три первые части «Обрыва».

⁸ Имеется в виду высокая оценка, данная Стасюлевичем роману — как написанным к этому времени главам, так и замыслам Гончарова, которые писатель, не доверяя себе, поверял Стасюлевичу. 25 мая (6 июня) 1868 г. Гончаров писал о нем С. А. Никитенко: «Он тоже, как и Вы, однако, как будто проникся (авось непритворно) <...> концом, который я едва, почти рыдая от волнения, мог высказать ему — как Вам — и он отчетливо высказал мне критически, как оно должно выйти и что значить». См. также: VIII, 377, 384, 385.

⁹ Т. е. была близка к завершению 3-я глава пятой части «Обрыва».

2

Швальбах. 13/25 июля <1868>.

Это письмо вручит Вам, Софья Александровна, Михайло Матвеевич лично, вероятно у себя в кабинете, обремененный делами издания и в то же время пребывающий значительною частью своего существа здесь, около своей супруги.

Хотите ли Вы продолжать осыпать меня неоплатными одолжениями дружбы по делу моего романа — или прогневались на меня до конца?

Если хотите, как я уверен, то позвольте вверить Вашим умным и милым заботам бремя моего рождающегося литературного чада.

Время дорого, я спешу и просто скажу все, что надо сделать. А Вы простите сначала за этот груз, потом сделайте.

Он вручит Вам:

1-е. То, что должно пойти в январскую книжку, т. е. 1-ю часть, состоящую из 3-х печатных брошюр¹ и, кажется, 3-х же писанных тетрадей (которых Вы не знаете). Вы одни только, зная мой почерк и выноски, можете переписать отрывок *Софья* *Николоевна* *Беловодова* — он очень исчерчен, сокращен и в него вложены особо два листа с знаками. Нужно также, вероятно, переписать и тетради. Все это, по возвращении домой, я должен опять исправить окончательно. Другие же две печатные брошюры: *Бабушка* и *Портрет* теперь переписывать не нужно. Я еще буду, по возвращении, исправлять их, т. е. сокращать.

2-е. Вы получите от него же 28 новых моих черновых листов,² написанных в Киссингене и здесь. (И я имею дух предлагать Вам эту кучу: 28 листов!).

Вот их-то, *прежде первой части*, и надо начать переписывать, т. е. пачать с них, пбо — внемлите — *необходимо*, на случай пожара или потери, *иметь поскорее два экземпляра*.

И по мере того как перепишете листов пять или шесть мопх, потрудитесь, пожалуйста, немедленно запечатывать их своей печатью в особый пакет (чтоб никто не видал, даже Екатерине Алекс<андровне>³ не показывайте) и отвозите — или на свою городскую квартиру, или отдавайте на хранение (запечатанным же: мы так с ним условились) Мпхайле Матвеевичу, когда он в городе. А когда его нет, то, как сказано, отвозите на свою квартиру, а на мою не отдавайте, чтобы как-нибудь не распечатала В. Л. Лукьяпова.⁴

И когда их кончите, *тогда уже* — если не опротивеет, обратьте милостивое внимание и на 1-ю часть.

Переписывать надо, как всегда, в половину листа, только не такого огромного формата, как были тетради с А до Z.⁵ С ними трудно возиться — а обыкновенной средней величины — и на гладкой, а не шероховатой бумаге. Места не жалейте, не очень часто строки, чтоб было где поправлять на полях. Михайло Матвеевич вручит Вам маленькую чернильницу, из которой я писал эти самые листы, и перо к ней. Это на память, только наливайте чернила осторожнее, через бумажную вороночку и по капле, а то сейчас прольется около — и тогда много возни. Я купил себе другую, побольше.

Прочие же все тетради взял запечатанными на хранение к себе Мпхайло Матвеевич до меня (т. е. от А до Z).

Если вернусь благополучно к концу сентября, то прежде всего займусь 1-ю частью, а потом немедленно стану гладить, исправлять, сокращать, обдελывать — и новое.

Но если б его и отложил до времени, а исправлял бы 1-ю и следующие затем тетради до Z — так как их печатать надо прежде, то все же не буду покоен, пока не будет двух экземпляров — у меня нового, а у Вас в руках черногого.

Я теперь пишу 34-й лист⁶ — и если меня не потревожат, то буду продолжать в Париже или Булони. Но я боюсь, сильно боюсь: против меня ведется неутомимая интрига — и мне трудно ладить. Я могу упасть нервами и духом — и тогда какой роман возможен! Известная Вам особа, с сильною помощью, ладит, кажется, осуществить старые свои на меня замыслы, с целию, конечно, зажить потом, достигнув желаемого, по-своему. Что тут делать? Никакие советы — *уезжайте туда, да не встречайтесь* и т. п. не помогут! Бог поможет — да: но для этого мне не надо совать беспрестанно в глаза то, что мне вредно и от чего кружится голова!

Но довольно: целую Ваши обе руки, особенно правую — уведомьте только меня двумя словами о получении этого письма и рукописей по парижскому адресу: Paris, Rue Neuve St-Augustin, 48. — А мне перешлют, если я буду в Булони.

Знаете ли, чему я обязан этой нынешней *встречей* в Швцальбахе... Одному моему письму к Вам: да — где я неосторожно распространился о 4-х Агафьях Матвеевках.

Вот мне и подсунули одну, так как я сказал там, что она наиболее занимала меня!

Бедь я болтлив и сообщителен по своей природе, и потому умолял Вас не требовать писем и не писать ко мне, зная, что я не удержусь — и буду или резко, или, напротив, нежно о ком-нибудь выражаться! То и другое ведет меня к беде. После я, в следующих письмах, старался исправить свою ошибку, отмахиваясь и от 4-й Агафьи Матвеевны — да боюсь, что надоедят мне. Боже мой! Как мне иногда досадно бывает! Дайте же руку — авось меня оставят в покое.

Ваш И. Г.

Не упоминайте, ради бога, об этой Агафье Матвеевке и ни о чем подобном в Вашем письме.

Я бы тоже не заикнулся, если б это письмо было по почте. А все эти письма...

Окончание письма отсутствует: край листа оборван.

¹ Имеются в виду отписки из журналов, в которых печатались отрывки из романа: Современник, 1860, № 2, с. 409—454 («Софья Николаевна Беловодова. Пять глав из романа „Эпизоды из жизни Райского“»); Отечественные записки, 1861, № 1, с. 1—38 («Бабушка. Из романа „Эпизоды из жизни Райского“») и № 2, с. 251—278 («Портрет. Из романа „Эпизоды из жизни Райского“»). Первый из них, действительно подвергшийся значительной авторской правке, хранится в ГПБ (ф. 209, № 7). Копия его рукой С. А. Никитенко не сохранилась.

² Т. е. полностью рукопись четвертой части.

³ Никитенко Екатерина Александровна (1837—1900) — сестра Софьи Александровны. Была дружна с Гончаровым, переписывала отдельные главы черновой рукописи «Обрыва».

⁴ Лукьянова Варвара Лукинична — гувернантка детей сестры Гончарова А. А. Кирмаловой, впоследствии классная дама, начальница петербургского Николаевского сиротского института. В молодости писатель был увлечен ею, затем их отношения стали спокойно-дружескими (см. о ней: Шпигер С. М. Ранняя любовь И. А. Гончарова. — Огонек, 1926, № 20, с. 10—11; см. также: Гончаров, VIII, 361, 409, 411). В письме к С. А. Никитенко от 29 мая (10 июня) 1868 г., говоря о роли в его жизни близких ему женщин, Гончаров писал о Лукьяновой: «В ней воплощается для меня вся практическая сторона моей жизни (...) исполнение моих желаний в обыденной сфере — для этого нет ей равной. Честность, аккуратность (...) и бодрость — это ее качества». Гончаров помогал ей материально, в частности оплачивал обучение, ее сына Алеши в гимназии (см. письмо к С. А. Никитенко от 19 (31) августа 1869 г.). К концу 60-х годов отношение Гончарова к Лукьяновой резко ухудшилось, а к 1882 г. он, по словам Лукьяновой, «вычеркнул» из своих друзей ее семью (см. письмо Лукьяновой к Гончарову от 17 февраля 1882 г.: ИРЛИ, ф. 134, оп. 8, № 29).

⁵ Не совсем ясно, о каких «тетрадах» идет речь. В архиве Гончарова (ИРЛИ, 19521.СХХХб.4) сохранилось лишь несколько листов, имеющих, кроме цифровой нумерации, пометы латинскими литерами — А, С, D, E, F. Это 17-я и 18-я главы первой части. «Тетради» же с аналогичными пометами не сохранились. Возможно, что эти «тетради» относятся к раннему этапу работы Гончарова над первыми частями романа.

¹ На 34-м листе завершается 3-я и начинается 4-я глава пятой части романа. В углу листа — авторские заметки, намечающие содержание будущих глав, в том числе и не вошедших в окончательный текст «Обрыва»: «Письмо Марка, призыв, выстрелы, ее ответ через Тушина (дело не в вечанье, а в вечном разладе — вот где пропасть)». Сватовство Тушина. — Бабушка как конь. — Какой непочатый угол романтиков, говорит Марк: симпатия, душа, бессрочная любовь» (ИРЛИ, ф. 163, оп. 1, № 84). Эти главы опубликованы А. Г. Пейтлинным в кн.: Гончаров И. А. Известные главы «Обрыва». М., 1926 (Б-ка «Огонек»).

3

19/31 июля. Пятница. <1868>.

Paris, Rue Neuve St-Augustin, 48, Hôtel d'Orient.

Я вчера или третьего дня только что послал мрачное письмо к Вам, добрый друг, Софья Александровна, а сегодня получаю от Вас Ваши добрые и ласковые строки, и не могу не отвечать на них — на этот раз через В. Л. Лукьянову, чтобы перед домашними Вашими не показалась странной слишком частая переписка.

Я отказался совсем от пера: так писал в письме, которое просил Вас передать Стасюлевичу.¹ А отказался потому, что у меня руки опускаются.

Сегодня, впрочем, я опять предоставляю ему право делать, что и как он хочет, и просить Вас переписать, что окажется нужно.² А потом пусть и печатает, если окажется возможным. Я думаю, что какая-нибудь интрига помешает и этому, а если не помешает, тем лучше. Вы возьмите к себе мои черновые рукописи, а ему передайте для хранения то, что переписете (но запечатайте их: он на это согласился), чтоб было два экземпляра в разных руках.

Я сижу здесь, и мне здесь недурно. В Париже климат мягкий, толпа, где Вас не замечают, и есть средство найти тишину даже в отеле, в своей комнате, и работать. Шум достигает издалека и не мешает. Я живу скромнее, нежели в Петербурге, т. е. выхожу только гулять утром и вечером, обедаю дома и ни с кем не вижу. Если б у меня были средства, я даже поселился бы здесь и уезжал только летом на воды или к морю, а остальное время — здесь. Тут и работается. В Россию, т. е. в Петербург, тянуло бы повидаться с теми, с другими, с Вами и еще немногими, да и опять сюда.

Вот я и уехал из Швальбаха, даже раньше, нежели предполагал, а лишь только почувствовал, что начинаю опять привыкать к присутствию Агр. Ник.

«Надеюсь, что у Вас достанет характера», — пишете Вы: как не достать! Вот уехал — да что толку в этом? Она пользуется для своих целей и моим присутствием, и отсутствием. Сначала была печальна, когда видела, что ей не удастся зацепить меня в прогулку и разговор. С своимп, известными Вам, скоро высыхающими слезами начала говорить, что я ее не понял, что она *сокровище целомудрия* и т. д. Все хотела вести меня гулять в одну аллею.

мимо дачи Ленца³ и т. п. Госковала, что долго не придет в Петербург, а потом, когда успела достигнуть, что я стал с ней говорить (для этого, когда никого около не было), она подходила ко мне сама или старалась встретиться и заговаривала — она вдруг повеселела, объявила, что придет в Петербург, согласилась на все, т. е. помириться со мной и отстать от меня навсегда, не ездить в Булонь, чтоб я не приезжал в Остенде или в Трувиль и т. д.

И тут какая-то баронесса (уж не матушка ли это ее?) и еще разные личности из офицеров и другие караулили из окон, из-за углов, из аллей, конечно в качестве свидетелей, и т. п.

Знаете ли Вы, Софья Александровна, чем пахнет вся эта темная, продолжающаяся годы история? Тем, что я не безопасен среды своего любезного отчества. Я очень несчастлив — и нет средств против этого. Я, уезжая, просил ее оставить все замыслы на меня, оставить меня навсегда в покое, прибавив, что мирюсь с ней, *но пусть бог накажет того из нас, кто хитростью будет употреблять во зло спокойствие другого для своих целей.* Я спросил ее, согласна ли она на этом решении. Она, замаявшись сильно, сказала *да*.

Она, конечно, уверила там, кого следует, что я опять начинаю верить ей, тайком показала, что вот иду с ней рядом, весело разговариваю, следовательно, опять пою *осанну* и ничего не замечаю, следовательно можно опять взять ее в Петербург и продолжать играть роман, даже надеяться на заключение, т. е. на свадьбу Обломова с Агафьей Матвеевной).

А на случай, если это бы не состоялось, — то вот какая интрига ведется. За мной следят, куда я еду, где останавливаюсь, посылают эдаких хватов — а может быть, тайком и ее самое (с одним из любовников или без оно, но во всяком случае с провожатым), — вероятно, пишет она и письма к мужу и своим из тех мест, где я живу, наконец по временам встречается она и с своим таинственным *инкогнито*, которое, через многих других, руководит всем этим замыслом, — и все это делается под моей фирмой. А сама хитро упрекает меня, что *я ее не берег*: зачем-де сказал Вам. Но сама знает, что Вы никому не скажете никогда; священник, знающий все обо мне, также не скажет, а упрекает затем, чтоб потом свалить на меня, что вот, мол, не я, а Вы разболтали, от того и разошлось; и муж-де узнал, и мать моя — следовательно, надо развестись — и т. д. Между тем Похвиснев⁴ еще сказывал мне, как она твердила все обо мне, да и в Клубе⁵ кое-кто сказывал, что она проговаривалась обо мне и хвасталась своим влиянием на меня. Я ей все это доложил. Видя, что хитрости не хватает, она нагло возражает, что это все — *воображение!* Цель этой интриги — женить меня во что бы то ни стало, чтоб только похоже было на роман, нужды нет, что для этого приходится принимать насильственные меры, почти драться, вламываться в жизнь человека, морально и чуть не физически душить его, лишь бы похотеть над тем, как ему от того больно.

Но женить нельзя: я ей никогда не поверю, как она ни гримасничай. Узнаю, хоть не сразу, и не поверю, и если не напасусь осторожности, сделаю промах, немного увлекусь, то и опомнюсь опять — и у порога церкви остановлюсь, не смея ругаться для шутовства над обрядом.

Если этого нельзя, ну так иначе сделают. Компрометируют, подведут — и сделают какой-нибудь скандал: через десятые руки, через мужа, брата, мать и т. п. Мне уже делали неприятности. Я помню, как она водила меня по Фонтанке, как следили за нами, когда мы входили ко мне, как она старалась опаздывать у меня до второго часа ночи и т. п. — хитрости!

И все это затем, чтоб ей быть в Петербурге, где у ней и ее страсть (теперь я знаю, кто это), и все они.

Если б это удалось, т. е. если б комедия сладилась, ну, вот тогда — и роман сыгран; тогда и пришли бы ко мне с торжеством и хохотом, разные многие (очень многие) лица — и сказали бы: «А! ты играл пером, фантазией в умную, художественную игру — так вот же мы как потешились над тобой! Как умно и тонко (т. е. грубо и с насилием) разыграли над тобой твой же роман в лицах! Не играй, мол, романов с женщинами, не гляди на нас так гордо! Мы вот и не сочинители, а сочинили тебе всю твою жизнь. Сочиняй теперь!».

Не думайте, что я шучу, Софья Александровна, что тут есть *воображение* только. Если оно и есть, то оно помогало мне кое-что угадывать и больше ничего, а ошибалось мало, в подробностях каких-нибудь.

Сумасшедшим Вы меня тоже не сочтете, хотя уж и пущена в общество легкая молва о том, — за то, что я осмеливаюсь кое-что угадывать.

— Не то, господа, — сказал бы я им, — Вы говорите и делаете, что нужно говорить и делать. Вы слепы, больше меня самолюбивы, надменны и злы. Вы сильнее меня, и в этом Ваше и право. Если б Вы на минуту только поняли меня, мою фантазию, эту мнимую игру с женщинами — Вы сильно покраснели бы за все, что делаете, пуще всего за Ваш смех. Вы тогда тотчас извинили бы меня за мои слабости, но и сами больше меня извинились бы передо мной и подали бы дружески руку — как брат брату, человек человеку, а не как чиновники — за Вашу надменную злость, окружили бы меня вниманием и участием — и я прочел Вам и напечатал бы потом тот роман, в котором Вы подозреваете какие-то посторонние искусству и неблагоприятные цели.⁶ Вы увидели бы, что в нем я самого себя только кладу на плаху, да высоко ставлю женщин, да выражаю уверенность в их достоинство, начиная с моей матери,⁷ да веру в добро вообще. Вам самим страшно бы было этой проделки, на которую Вы истожили столько хитрости и даже грубого насилия, которому научили и женщину, одобряя ее, заманивая ласками, подарками, уча неправде и злу. Или Вы в самом деле думаете, что я виноват тем,

что она приглянулась мне паружно и что потом я искренне хотел удалиться скромно, что я не хочу страсти и страстей, а хочу жить один и делать дело. Нет, не думайте Вы этого, а насладитесь, раздражая нервную впечатлительность моей натуры, которой не понимаете. Ваш смех груб и зол. Играет комедии! говорите Вы с ее слов и не верите мне, мешая мне быть полезным, Вы, передовые люди России! Ну, делайте свое дело! Я бросаю это перо — и пусть это будет одним из завоеванных Вами венков вместе с мпртами, которыми украшает Вас она, эта А <гр.> Н <ик.>!

Вот, Софья Александровна, под влиянием каких мыслей и монологов написал я письмо к Вам и к Стасюлевичу. Минуты моего отчаяния невыразимы — и я впал теперь в инерцию, сижу, хожу как мертвый (но отнюдь не как помешанный) и ничего не делаю.

А <гр.> Н <ик.> нагло уверяла меня, что я будто знал от Вас, что она едет в Швальбах летом, что она будто твердила Вам об этом всю зиму и Вашему отцу, что я *преследую* ее и т. д.

А отец Ваш говорил, что она едет куда-то на юг, что она *плут-бабенка*, а Вы — сказали ли мне хоть слово о ней?

Конечно, — всё это глупые хитрости. Ей аплодируют из-за угла, подсылают разных комедиантов, какого-то юношу (это, видите, для возбуждения ревности) и проделывают эту старых времен потеху, чтобы тревожить больного человека! Что подумать о них? А ее роль! Боже мой! Какие еще люди есть на свете в наше время! Да ведь это сто лет назад показалось бы мелко!

Прощайте — мне невыносимо скучно и гадко!

Всегда Ваш И. Г.

И между этими людьми есть прекрасные по уму и дарованиям личности, которым я был глубоко предан, предполагал в них светлый ум, возвышенный характер — и вот!

Напишите опять несколько строк сюда, по здешнему адресу.

¹ Речь идет о письме Стасюлевичу от 16 (28) июля, в котором Гончаров писал: «Умоляю Вас и не думать о печати, разве когда-нибудь через годы, или если я умру, тогда сделайте, что хотите, а теперь нельзя» (М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке, т. IV. СПб., 1912, с. 36).

² В письме, отправленном Стасюлевичу 19 (31) июля, Гончаров сообщал о вновь возродившихся надеждах на завершение романа, замечая при этом: «Поступите с моими тетрадями решительно как заблагорассудите. Если вы полагаете, что их можно и стоит печатать, то печатайте. Если же встретите препятствия — оставьте! Что же делать, если не судьба!» (М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке, т. IV, с. 39).

³ Ленц — лицо неустановленное. По-видимому, на даче Ленца жил кто-то из общих знакомых Гончарова и Агр. Ник. См. также письмо Гончарова Стасюлевичу от июля 1868 г. из Парижа (М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке, т. IV, с. 32).

⁴ Похвиснев Михаил Николаевич (1811—1882) в 1866—1870 гг. был начальником Главного управления по делам печати; Гончаров до 29 декабря 1867 г. был членом Совета этого управления.

⁵ По-видимому, имеется в виду петербургский Английский клуб, членом которого был и М. Н. Похвиснев.

⁶ Все эти печальные размышления Гончарова в несколько измененном виде были переадресованы им Райскому (черновая рукопись 4-й части «Обрыва» в ИРЛИ). В окончательный текст романа не вошла.

⁷ В исследовательской и мемуарной литературе о Гончарове неоднократно высказывалось предположение о том, что в истории Татьяны Марковны Бережковой, героини «Обрыва», отразилась судьба матери Гончарова (см., например: Цейтлин А. Г. И. А. Гончаров. М., 1950, с. 18).

4

Четверг <29 августа (10 сентября) 1868. Петербург.>

Я приехал в субботу полубольной физически и совсем больной морально, Софья Александровна. Ни у кого не был и, вероятно, долго не буду, даже у Вас. Я простудился в дороге, отчасти у моря, от жаров и сквозных ветров — и за город ехать вовсе не могу, если б даже и хотелось. А мне и не хочется никуда из дома; кроме того, есть еще остаток боли в щеке, в кости. Очень буду жалеть, что, вероятно, еще долго не увижу Вас. Я приехал вместе со Стасюлевичами, которым еще из Парижа и Булони писал, что рад буду увидеть их опять за границей, погулять и отдохнуть в Берлине и воротиться вместе. Так и сделалось все, кроме отдыха и гулянья в Берлине: я там мучился более недели нестерпимой болью в висках и зубах и сидел все дома.

Я много работал, почти все лето, до самого приезда в Булонь,¹ где сырой, душливый и жаркий воздух отнимал силу и бодрость. Надо бы было воротиться в Париж, там и тепло, и сухо, и писалось мне там, потому что никто не мешал. Но туда собирався ваш бывший друг,² а мне встречаться с ним более не хотелось — и я уехал.

У Вас 28 листов,³ да я еще написал листов 17. Если Вы по-прежнему дружески расположены к моему труду, то не возьмете ли продолжение к себе? Я вчера, для этой цели (т. е. в надежде, что возьмете благосклонно), передал листов 14 (с 29 по 43 включительно)⁴ Михайле Матвеевичу > Стасюлевичу в запечатанном пакете для вручения Вам.

Он все не решается беспокоить Вас приглашением к себе, а хотел побывать у Вас сам: но он по горло занят теперь и долго бы не исполнил этого. Поэтому я и взял на себя просить Вас, когда будете в городе, побывать у него (всякий день до 12 часов). Если у Вас переписано сколько-нибудь из прежних 28 листов, то я просил бы покорнейше запечатать переписанные тетради в пакет с надписью «для передачи» мне и отдать Стасюлевичу или завести мимоездом и отдать моим людям. А черновые хранить запечатанными у себя, чтоб было два экземпляра в разных местах.

Первую часть мне также нужно бы (т. е. до отъезда Райского в деревню) иметь у себя, чтобы окончательно исправить, что можно, и сдать Стасюлевичу для январской книжки,

Если б я мог в сентябре и октябре исправить всю первую половину, т. е. все, что было Вам прежде переписано, то отдал бы это Михайле Маткеевичу, а сам уехал бы в Венецию или Пизу или Флоренцию на всю зиму и весну (до будущей осени), чтоб окончить роман и отделать вторую половину к осени. Здесь я не могу: нужно воздуха и солнца — я тогда только и чувствую, что живу, т. е. когда ясно и сухо в природе. Мне было хорошо в Киссингене, в Швальбахе и Париже.

А там было бы еще лучше. Это проект — едва выполнимый, по не невозможный.

Стасюлевич перевод Ауэрбаха,⁵ кажется, Вам не дает. Автор посылает ему через час по ложке, и он, кажется, сам перепишет или дает кому-нибудь из близких известных ему лиц. О Вас он проговаривался, что, вероятно, поручит Вам какую-нибудь постоянную, подходящую для Вас часть. Для этого, конечно, пужно, чтоб он немного хоть сам узнал Вас, а не по рекомендации только; я полагаю, что Вы и сами с ним прекратите Ваше обычное молчание.

У него прекрасная, добрая и живая жена: они хотят познакомиться с Вами — Вы увидите, что там нет возможности и повода познакомиться.

Есть у нее один из братьев,⁶ молодой человек, воротившийся из Италии. Он изучает искусство, т. е. теорию, любит литературу, между прочим итальянскую, — и пишет разные статьи по части искусства в Вестник «Европы». Я уже предупредил его, что он найдет в Вас полный ответ на любовь и знание итальянских писателей. Он очень молод и увлекается образцами всех искусств.

Вы, прошу Вас, не торопитесь для меня; не бросайте Ваших дел и не спешите нарочно в город только для того, чтоб отдать прежнее и взять новое. А если Вы сами имеете нужду быть в городе и если у Вас есть свободное от прочих дел время, тогда только и подумайте обо мне и о Стасюлевиче.

Прошу Вас поклониться Маман⁷ и Екатерине Александровне, а имепиннику я вместе с этим пишу особо.

Ваш И. Г.

Датируется по упоминанию «именинника» Александра Васильевича Пякитенко (1805—1877). Именины приходились на пятницу 30 августа старого стиля.

¹ 28 июля (9 августа) Гончаров выехал из Парижа в Булонь. 9 (21) августа он собирался выехать из Булони в Берлин (см.: М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке, т. IV. СПб., 1912, с. 44, 48).

² Видимо, имеется в виду Агр. Ник.

³ На 28-м листе завершается рукопись четвертой части «Обрыва».

⁴ Т. е. рукопись пятой части «Обрыва», включая 9-ю главу. На л. 49 гончаровской пагинации сохранились следы сургуча.

⁵ Имеется в виду роман немецкого писателя Бертольда Ауэрбаха (1812—1882) «Дача на Рейне». Печатался в «Вестнике Европы» в 1868—1869 гг. в переводе, выполненном (за исключением нескольких первых глав) С. А. Никитенко с рукописи. В «Вестнике Европы» (1869, № 12) последняя часть романа была напечатана с заметкой «От редакции», на-

писанной М. М. Стасюлевичем по настоянию Гончарова (см.: М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке, т. IV, с. 91). В ней выражалась признательность переводчице «за вполне добросовестное отношение к подлиннику, который нашел для себя в русском переводе возможно близкое изображение и толкование не только слов, но и мыслей автора, без так называемых переводных вольностей, которые облегчают труд переводчика, но удаляют от второй план — автора». Гончаров резко отрицательно относился к этому произведению — см. его письмо к С. А. Никитенко от 26 августа (7 сентября) 1870 г. (VIII, 432). В другом, неопубликованном письме к С. А. Никитенко (без даты, по-видимому от осени 1870 г.; сохранился лишь отрывок) он говорил о «Даче на Рейне»: «... может быть, германская жизнь и верна в романе, но во всяком случае видно в ней мало поэзии. Рейн описан хорошо, но как-то все в общих чертах <...> Притом — может быть — я остаюсь слишком верен старым, основным понятиям об искусстве — и недолюбливаю тенденциозных произведений, часто жертвующих поэзией интересу минуты или идеи <...> Впрочем, сколько я помню, и большинство сухо приняло это произведение. Заставить читать трактат под соусом романа нельзя: читателя не надуешь: он быстро приобретает сноровку пропускать, что нейдет к делу». Раздражение Гончарова вызывало и то, что роман «Дача на Рейне» печатался в «Вестнике Европы» параллельно с «Обрывом» и был, как и другие произведения Ауэрбаха, рекомендован читателям Тургеневым. «Еще никогда, — писал последний, — Ауэрбах не задавал себе более широкой задачи, не захватывал ее так глубоко и не исполнял ее с таким совершенством» (Вестник Европы, 1868, № 9, с. 10). В итоге своих размышлений Гончаров пришел к тому, что «Дача на Рейне» — это «не что иное, как перенесенный на немецкую почву и переложенный на немецкие нравы» «Обрыв», чем и объясняются отдельные удачи романа Ауэрбаха (Сборник Российской Публичной библиотеки, т. II. Материалы и исследования, вып. 1. Пг., 1924, с. 70).

⁶ Брат Л. И. Стасюлевич, Утин Евгений Исаакович (1843—1894), — либеральный адвокат, публицист и литературный критик; постоянный сотрудник «Вестника Европы».

⁷ Т. е. Никитенко Казимире Казимировне (ум. 1893).

5

«Петербург». Суббота. «22 февраля (6 марта) 1869».

Завтра или послезавтра Вам, вероятно, принесут, Софья Александровна, корректурные листы 4-й части. Они уже у меня были, я продержал 1-ю корректуру и вычеркнул очень много длиннот, так что оставил почти одно необходимое. Но все еще боюсь, что там осталось, может быть, много ненужного, хотя я монологи героя с самим собою и его дневник почти все сократил.¹

Потрудитесь обратить внимание на первые 3 формы: там и есть эти мало обработанные и сомнительные места. А далее, с четвертой, 5<-й> и 6<-й> мне показалось, что вычеркивать почти нечего, разве обмолвки какие-нибудь. Во всяком случае, если встретится что-нибудь важное заметить, то отметить, не скупясь на слова и на карандаш, на полях — и дайте мне.

Вот в чем моя просьба! Если Стасюлевич пришлет мне вторые корректуры сегодня вечером или завтра утром, я побываю

завтра же вечером (воскресенье) у Вас — чтоб повидаться, побеседовать — между прочим и об этом.

Я немного пороботал эти дни, и мне осталась последняя заключительная главка.

До свидания. Дайте руку.

Ваш И. Г.

На письме неизвестной рукой карандашная помета: «пчоттовый» шт(емпель) 23 II 1869 г.» (конверт не сохранился). Если запись верная, то она соответствует дате получения письма адресатом: 23 февраля (7 марта) 1869 г., в воскресенье.

¹ Имеются в виду страницы черновой рукописи романа (в ИРЛИ), посвященные переписке Райского и Веры (4-я и 5-я главы четвертой части). В уста Райского там вложены многие рассуждения автора «Обрыва». В печатный текст вошли в резко сокращенном и переработанном виде.

6

Kissingen. 17/29 июня <1869>.

Я получил Ваше письмо, дорогая Софья Александровна, и впал в глубокую печаль, прочитав, что Вы и не здоровы, и мучаетесь каким-то горем. Ваш ропот серьезен, иначе бы Вы, терпеливейшее существо, не жаловались. Я знаю, что у Вас много причин жаловаться — и нет ни одной, чтобы благодарить судьбу за что-нибудь. Ваша бессолнечная жизнь не дает Вам даже надежды на что-нибудь светлое и отрадное, между тем у Вас больше прав на счастье, нежели у всех нас. Грустнее всего Ваша жалоба на нездоровье! Не бросить ли Вам Вашу литературную работу, которая ничего не приносит Вам, кроме денег, да и те Вы все отдаете на помощь другим. «Излишек вреден во всем, даже в хорошем», — сказал один древний писатель, кажется Дюма. Приложите это правило к работе Вашей, потом к воздержанию в пище, и отчасти к воздержанию от добрых дел — и Вы будете немного поздравленнее. Да к этому еще сбросить бы хоть часть лежащих на Вас невольных и вольных семейных и других обязанностей, которые Вы великодушно берете на себя. А мне в свою очередь посоветуйте приложить то же самое правило к воздержанию от многописания, так как «в многоглаголании нет спасения», сказал другой древний писатель, а для меня положительно в нем — гибель. Но что делать! Я сажусь за перо и бумагу, как музыкант садится за фортепиано, птица — за свое пение, и играю, пою, т. е. пишу все то, что в ту минуту во мне делается.¹ Если буря шумит, и под пером буря, а там смех, а там пейзаж, чувство тоски или радости и т. д. А потом, когда кончу, хандра и скука! Представьте же, какое неудобство выходит из этого: кто услышит бурю, шум — говорят: «Э, да он бунтует, он непокорный — надо его смирить!». И смиряют, кто чем может!

А другой услышит смех (и зачем слушают!) — говорит: «он смеется над нами, мы оскорблены, давайте, господа, осмеем его поядовитее, да так, чтоб он умер или с ума сошел!».

И опять стараются, подпускают госпож вроде Агр. Н<шк.>, или господ вроде Фукса² — и вот мне жить нельзя больше! — Я ропщу — говорят — как смеет роптать, надо смирить его — и начинают изобретать вред, неприятности — и опять мне нельзя жить.

Между тем я действительно смиряюсь и молчу, говоря только с Вами, да еще с Варв<арой> Лук<иничной>, потому что обе Вы кое-что знаете из этой фантазмагории, но не все (потому что всего и я не знаю), зато со всеми прочими я нем, как рыба, как ни стараются меня расспрашивать, стараясь вырвать у меня какой-нибудь ответ. Но я одолею себя, смирюсь до конца — и навсегда спрячусь в свой угол, если мне оставят его, никогда не покажусь на свет и доживу жизнь в потемках, если позволят. Я не хочу верить, чтобы зло окончательно одолело. Доброе начало — есть божье начало, и оно позволит мне вздохнуть в моем уединении свободно, тем более что я ничего не прошу и не ищу больше, как возможности дышать свободно, чтобы дали мне покой, не делали, если можно, зла и вреда, которого наделано так много, что не достанет ни у кого из них ни силы, ни умения — и ни охоты, конечно — исправить его.

Не жалейте же обо мне больше, потому что я сам перестал жалеть о себе, т. е. перестал жить. Наружно я покоен, хожу, пью воды, даже забочусь об обеде, гуляю, молча, с Стасюлевичами, и мне слабо улыбается надежда отдохнуть немного в Париже, куда я хочу уехать через неделю. Париж недавно бурлил³ — я этого терпеть не могу. Я люблю Париж в халате и туфлях — летом, когда там нет толпы, а есть бесконечные прогулки по улицам и в садах, в окрестностях — это главное для меня, есть многие удобства под рукой, недорогая жизнь, теплая погода, и даже теперь хорошие сигары. Прочие парижские прелести, спектакли etc, — для меня не существует <sic!>. Скромнее меня и в Париже, и в Петербурге — едва ли кто сыщешь.

И так я до некоторой степени могу быть покоен, т. е. забывать (если дадут забыть), что было, и жить вседневною, покойною жизнью, лишь бы не изобретали больше никаких штук, полагая, что они делают удивительно умное и тонкое дело!

Зато уже не поминайте лихом мне ни о каких трудах: будущности у меня нет — я морально умер — и удивляюсь сам, как достало у меня какой-то гальванической силы дописать свою книгу и напечатать! Это судьба хотела — она же теперь связала меня по рукам и по ногам, и я не могу подумать без отвращения ни об отдельном издании книги, и еще менее о новых трудах. «Материальные средства, — говорите Вы, — требуют этого издания», т. е. деньги нужны. Да, но и это средство неверно. Из маленького своего капитала я затрачу тысячи четыре, а издание может не окупиться и не окупится — я вижу это. Те же благодетельные

руки, которые невидимо исказили и истерзали мою судьбу (бог знает за что), не задумаются и тут сочинить мне неприятность и доведут, пожалуй, до нищенской сумы. Да потом опять начнут вопить, при втором появлении романа, наши площадные критики — что же за радость вызывать эти ругательства! Вон, говорят, в *Отечественных* Записках появилась ругательная статья *Уличная философия*⁴ на мою книгу. Буренин⁵ ли написал ее или сам Щедрин, который все проповедовал, что писать изящно — глупо, а надо писать как он, *слюнями бешеной собаки*, — вот это — те и литераторы — и всё из того, чтоб быть первым! Ах, эти первые! Нет гадости, на которую бы они не решились за это первенство!

Да тут какой-нибудь Фукс, этот белый негр, подскажет в ту или другую редакцию стороною, что знает обо мне из разных писем (а он знает много), я заметил уже его работу в рецензии СПб. ведомостей, т. е. что он рикошетом подшепнул кое-что туда, а вслух начнет рассыпаться в похвалах. Недаром же он состоял зачем-то при редакции *Отечественных записок*⁶ и даже устраивал мне там какой-то дешевый романчик с одной госпожой! Ах, боже мой! Только доступный лести, непрозорливый Валуев⁷ (достойный, впрочем, во многих отношениях человек) мог обманываться на счет таких личностей, как Фукс и Арсеньев (Илья),⁸ и не уметь прочесть на их лицах их природного клейма!

И зачем же я напечатаю: чтоб мне опять испытывать те же волнения, грустные, зловещие ожидания, какпе я уже испытывал всю зиму? Ведь не стапет моих сил, нужды нет, что я толст (отчего и кажусь здоров) от жира, который по наследству от родителей достался и мне, а меня от этого считают здоровым!

Нет, я человек конченный, *on m'a achevé*^a — честь и слава уму, тонкости и силе, которых потрачено немало, чтоб уничтожить такого изверга, как я.

И я сам помогу им, начну уничтожаться, даже начал, есть успех! Меня мучили все злые, ненавистные чувства: все, что я глубоко чтил и любил всю жизнь, за что даже молился, я стал так же глубоко ненавидеть и презирать, как нечто грубое и дикое. Теперь это проходит; не то, чтобы я воротился к прежним светлым и добрым чувствам, а просто я стал равнодушен, *abbatu et de courage sans retour*,^b чувствуя, что если много было рук, чтоб сронить меня, то нет ни одной руки, чтоб уметь поставить на ноги. Пусть же их судит бог, а я перестая думать о них и злых чувств никаких не питаю!

Из Парижа, где я бы остался июль месяц, я хочу опять поехать в Булонь недели на три, потом домой, запереться у себя на всю осеннюю и зимнюю ночь. Стасюлевичи остаются еще здесь и потом едут в Баден-Баден, Швейцарию — и тоже к морю, только не знаю еще, куда.

^a меня доконали (*франц.*).

^b подавленный и упавший духом безвозвратно (*франц.*).

Я уезжаю отсюда на следующей неделе в среду или в четверг, прямо в Париж, и покорнейше прошу Вас отвечать мне на это письмо уже туда так:

France, Paris, A Madame Stuttel, Rue Neuve St-Augustin, 48,
Pour remettre à Mr Jean Gontcharov à son arrivée.

Вы меня много обрадуете, особенно если побываете у меня на квартире и напишете мне, что у меня там делается, т. е. вышла ли Елена⁹ замуж, останется ли она там до 1-го августа, как я позволил, и как и что?

Барвара Лук<инична> Лук<ьянова> изменяет, я вижу, мне, не пишет, оставляя меня в беспокойстве. У меня сейчас является мысль, не опять ли затевается какая-нибудь неприятность мне? Или она занята своим делом и забыла обо мне?

А, может быть, я и надоел ей своей болтовней.

Я так всем напуган, так болен, мнителен, что удивляюсь себе, как я выдерживаю. Вот полторы недели, как от нее — ни слова!^в

Как я был глуп, думая, что я поправлюсь за границей, еще лечиться стал! Получили Вы мои, кажется, три (или два, не помню) письма, писанные через нее? Кроме тех, которые я писал Вам прямо?

Прощайте, извините, что пишу часто и много — и все рошщу: скверная привычка — я от нее отстану и замолчу навсегда, даже закрою глаза — еще, еще немного — и я окаменею.

Весь Ваш И. Г.

Кланяйтесь Вашим.

¹ Очень важное и характерное для Гончарова сопоставление, пронизывающее многие его письма и вошедшее в черновую рукопись «Обрыва» как фрагмент исповеди Райского (ИРЛИ, часть 4-я, глава 4-я, л. 9 гончаровской пагинации). Ср. в письме к С. А. Никитенко от 13 (25) июля 1869 г.: «Вот и у меня была музыка — это мое перо. Я с ним тоже не бывал никогда один, не чувствовал скуки и даже впереди видел много еще хорошего от него, не для одного себя только, несмотря на свою старость. Но перо отняли у меня, лишили меня этой музыки, разломав организм, в котором она жила, чтоб посмотреть, что это за ящик такой! Кто это — не знаю вполне; но должно быть тонкие и чуткие и просвещенные ценители идей, чувств, искусства». И далее: «А все-таки музыки у меня, т. е. пера, нет, и мне морально стало невозможно развернуть свои книги! О том, чтоб печатать их отдельно, я и не помышляю, хотя это мой хлеб!».

² Фукс Виктор Яковлевич (1829—1891) — чиновник особых поручений цензурного ведомства; в 1863—1865 гг. был заведующим делопроизводством Совета министра внутренних дел по делам книгопечатания; в 1865—1877 гг. член Совета Главного управления по делам печати. Служа в цензурном ведомстве, Гончаров неоднократно общался с Фуксом и уже тогда относился к нему резко отрицательно. Печатая «Обрыв» в «Вестнике Ев-

^в На полях без отнесения к определенному месту: «Например, сейчас я получил от одной из госпож, которые присылали мне цветы, письмо с просьбой прислать ей мою карточку — и вот — мне кажется — ее научили!».

ропы», автор счел необходимым предварительно обсудить сомнительные в цензурном отношении места, поскольку журнал был «поручен наблюдению Фукса», который, по мнению писателя, был бы рад воспользоваться случаем, чтобы ему «нагадить» (VIII, 391). Неприятие Гончаровым Фукса было очень устойчивым. Особенно ярко оно выразилось в сатирическом образе Фертова — одного из персонажей очерка «Литературный вечер» (1877—1879). В основу этого образа положены многочисленные отрицательные характеристики, данные Гончаровым Фуксу, преимущественно в письмах к М. М. Стасюлевичу (М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке, т. IV, с. 39—40, 82—83, 89). «Фертов тоже был необходимое лицо у автора и по службе, и по всяким другим делам. Если нужно было добыть какие-нибудь особенные или предварительные справки, сведения, сделать разведки в том или другом ведомстве — не путем бумажных сношений, а лично, узнать, как принята будет та или другая мысль, повздаться с нужными людьми, уладить путь делу или заглянуть недоразумение — для всего этого с успехом употребляем был ловкий, вкрадчивый и приятный в обхождении Фертов. Он же посылался и в театр, посмотреть новую пьесу, чтобы звать, ловко ли ехать патрону смотреть ее. Потом он знал отлично весь персонал ведомства и помогал решать безошибочно, кому что лучше поручить <...> вдобавок ко всему был верным эхом городских слухов», — писал Гончаров в черновой рукописи «Литературного вечера» (ГПБ, ф. 209, № 8, л. 6 об.). Следует также учесть, что автором романа, читавшегося и обсуждавшегося на «литературном вечере», был покровитель и начальник Фукса министр внутренних дел (1861—1868) и государственных имуществ (1872—1879) Петр Александрович Валуев (1814—1890).

³ Имеется в виду массовое народное движение во Франции в период майско-июньских выборов 1869 г. в Законодательный корпус.

⁴ Статья М. Е. Салтыкова-Щедрина «Уличная философия. (По поводу 6-й главы пятой части романа «Обрыв»)» была опубликована без подписи в «Отечественных записках» (1869, № 6). Резкие отзывы Гончарова о М. Е. Салтыкове в этом и следующем, от 22 июня (4 июля), письме были вызваны личной обидой автора и не отражают подлинного отношения Гончарова к творчеству и личности Салтыкова. Так, в цензурном отзыве о «Нашей общественной жизни» Гончаров писал, что Салтыков «перебирает явления общественной жизни желчно, местами злобно, всегда оригинальным языком и вообще с замечательным талантом» (Северные записки, 1916, № 9, с. 131). В 1873 г. он говорил о «блестящих, даровитых сатирах <...> Салтыкова <...> бьющих живым ключом злого, необыкновенного юмора и соответствующего ему сильного и оригинального языка» (VIII, 452; см. также с. 109). Замечу кстати, что в известном письме, посвященном салтыковскому Иудушке, рассказывая сатирику о «близко знакомой» самому Гончарову и напомнившей ему Иудушку «натуре замкнувшейся в своем углу» (VIII, 490), писатель имел в виду мужа своей сестры, А. А. Кирмаловой (см. о нем в кн.: Бейсов П. С. Гончаров и родной край. Изд. 2-е. Куйбышев, 1960, с. 59—60). Этот факт не был отмечен комментаторами Гончарова (П. С. Бейсов писал например: «Нет никаких данных и о том, как отнесся к этому событию Гончаров, см.: Бейсов П. С. Гончаров и родной край, с. 60). Подробнее о взаимоотношениях Гончарова и Салтыкова и отражении некоторых черт мировоззрения и личности сатирика в образе Крякова, героя очерка «Литературный вечер», см. в моей статье «И. А. Гончаров и М. Е. Салтыков-Щедрин (о «Литературном вечере» Гончарова)» (Вестник Ленингр. ун-та, 1967, вып. 14, с. 84—93). Следует указать также дарственную надпись Гончарова на отiske его статьи «Лучше поздно, чем никогда», из журнала «Русская речь» (1879, № 6): «Михаилу Евграфовичу Салтыкову в знак искренней симпатии и уважения от автора. Апрель 1880» (ЦГАЛИ, Библиотека). Надпись сделана вскоре после выхода в свет первого номера журнала «Русская речь» за 1880 г., где впервые был напечатан очерк «Литературный вечер». Небезынтересно также заметить, что некоторые характерные

черты Гончарова нашли отражение в образе изрядно поправевшего к концу жизни либерала 40-х годов из рассказа Салтыкова «Старческое горе» (1879).

⁵ Буренин Виктор Петрович (1841—1926) — публицист, поэт, драматург; в молодости был либералом, сотрудничал в «Искре», позднее перешел в лагерь реакции, стал постоянным сотрудником газеты «Новое время» (с 1876 г.). По мере выхода в свет книжек «Вестника Европы» с романом Гончарова печатал (за подписью Z) в газете «Санкт-Петербургские ведомости» преимущественно критические рецензии на «Обрыв» (№ 11, 42, 63, 98, 125). Непосредственный отклик Гончарова на эти выступления Буренина см. в письме к С. А. Никитенко от 25 мая (6 июня) 1869 г. (VIII, 407). Позднее Гончаров несколько иначе отзывался о критике: «Этот Буренин — бесцеремонный циник, часто пренебрегающий приличиями в печати, но он не без таланта, опытен и у него есть критический такт» (письмо к вел. кн. Константину Константиновичу от 26 декабря 1887 г.: ИРЛИ, ф. 137, № 65).

⁶ «Отечественные записки» подлежали наблюдению Фукса как члена Совета Главного управления по делам печати. Н. А. Некрасов и М. Е. Салтыков вынуждены были общаться с Фуксом (см. воспоминания П. М. Ковалевского: Русская старина, 1910, № 1, с. 39).

⁷ Впервые с П. А. Валуевым и его методами руководства печатью Гончаров познакомился в 1862—1863 гг., будучи главным редактором газеты «Северная почта», издававшейся в Петербурге Министерством внутренних дел. В ноябре 1862 г. он подал министру докладную записку, в которой настаивал на необходимости «допустить более смелости <...> говорить публично о наших внутренних, общественных и домашних делах, э снятии тех приличий в печати, которые лежат на ней <...> вследствие долго господствовавшего цензурного страха, оставившего по себе длинный след некоторых привычек, — с одной стороны, не говорить, с другой — не позволять говорить о многом, о чем может быть без вреда говорено вслух» (Русская литература, 1958, № 2, с. 139—140; публикация И. Ковалева). Эти предложения отнюдь не соответствовали намерениям министра, который, по свидетельству А. В. Никитенко, любил многим, в том числе и Гончарову, повторять, «что он не признает общественного мнения, что его у нас нет» (Никитенко А. В. Дневник, т. 3. М., 1956, с. 79). В бытность свою членом Совета министра внутренних дел по делам книгопечатания Гончаров «с крайним огорчением» говорил А. В. Никитенко «о своем невыносимом положении в Совете» (там же, т. 2. М., 1955, с. 555). В середине 70-х годов, прослушав отрывки из охранительного антидемократического романа Валуева «Лорин», Гончаров достаточно резко отозвался о нем и в письмах к автору (И. А. Гончаров в неизданных письмах к графу П. А. Валуеву. 1877—1882. СПб., 1906), и в черновой рукописи очерка «Литературный вечер», с которой писатель познакомил министра.

⁸ Арсеньев Илья Александрович (1820—1887) — реакционный журналист. В 1860-х годах демократическая печать не без оснований подозревала его в связях с III отделением. Гончаров находился с ним в весьма натянутых отношениях еще в период сотрудничества в газете «Северная почта» (1862—1863).

⁹ Служанка Гончарова

7

Boulogne Sur mer. Hôtel du Petit Pavillon.
4/16 августа <1869>. Понедельник.

Сегодня рано утром, отворив дверь, чтоб взять выставленные на ночь, для чистки, сапоги, я в одном из них нашел — Ваше письмо от 29 июля, прекраснейшая Софья Александровна. Ма-

dame Mercier по получении тотчас послала ко мне письмо, а Babette или Jules распорядились принести его с сапогами — и чтоб не будить меня, положили вместе с ними у порога, и таким образом, удовлетворили меня с ног до головы.

Вот я где — уже третий день и был бы очень доволен, если б к этому прекрасному морскому воздуху, к этим солнечным теплым дням — да волны! А их нет как нет — и никогда здесь не бывает в эту пору, т. е. в первой половине нашего августа. Безотрадный штиль лежит над всем поморием, и даже к ночи море тихо ропщет, как будто очень сильный, здоровый человек, сдерживая свой громкий бас, говорит кому-нибудь на ухо свои секреты.

Я злюсь, что нет волн. Впрочем, я теперь почти всегда злюсь — с тою разницей, что в хорошую погоду злюсь молча, в дурную ропщу — и Вы одне только слышите мой ропот.

Жаль, если его слушает кто-нибудь другой, как это давно уже со мной делается в нашем любезном отечестве, частию от неумения устроить дела иначе, частию — не скажу в письме — отчего, — жаль, говорю, потому, что этим тонким и пронизательным глазам, которые читают, и ушам, которые слушают меня, — написано на роду... опять не скажу что́. Скажу Вам лучше у печки, около Вашего рабочего столика, осенью. А все-таки пожалею, что меня читали и слушали другие, к кому не была обращена моя речь. Они ничего не уразумели из этого, а, подслушав постыдным интригантским путем, т. е. просто вору подставными глазами и ушами мои мысли, слова, чувства, ощущения, — извлекли из них, как и подобает подобным господам и господам, одно дурное, и даж~~е~~ обратив хорошее в дурное (это они умеют) — стали ни с того, ни с сего оскорблять, преследовать, даже казнить, так сказать, публично, и словесно, и печатно, показывая на меня пальцами и т. д. «Он-де актер, — решили они в своей мудрости: — давай и мы играть с ним!». И обратились в клоунов, шутов, свистунов, даже палачей. Каково же бы было их изумление (и стыд, если б он был у них), когда бы они узнали, что я — никогда не играл, не притворялся, не смеялся ни над кем (злой смех — преступен, как всякая подлость, как злоупотребление) — что же он такое? Не понимаем — ну, так казнить его!

Итак волн нет, и квартира у меня — одна маленькая комнатка, где я могу сидеть вот на стуле и писать днем, а ночью лежать на постели, но как я приехал сюда очень налегке, то мне и не тесно. Что сказал бы граф О.,¹ который однажды зашел ко мне в Париже, в год выставки, и, не заставши меня, забросил свою карточку в мою комнату, тоже небольшую, внизу, какую (или даже лучше) мог занимать разве его камердинер. «Был я в вашем palazzo», — сказал он с насмешливым презрением. А сам он помещался в Hôtel du Rhin великолепно, там же, где помещался тогда и великий князь Константин Николаевич.² «Что

ж делать: не графский палаццо, — хотел я сказать, — нет, мол, у меня воронежских степей во владении и других местностей, с конскими заводами и т. п., доставшихся от вельможи-отца, оказавшего столько великих заслуг России...». Тут бы я, конечно, сделал рот в сторону, глаза — в другую — и, притопывая ногой, пустил бы струю иронии. Но мягкая обломовская натура не допустила меня до этого — не по робости, нет, чего робеть: ведь это не батюшка, а сынок, нет, а потому, что этот же самый граф когда-то вот здесь, в этом самом отеле, в Булони (это было в 1859 г.), отыскал меня, осыпал любезностями, разделил со мной свою убогую, из 8 или десяти блюд трапезу — и был тогда вежлив, гуманен: казалось бы, через 10 лет надо быть еще вежливее и гуманнее, а он пустил в меня этой фразой! Но я лучше хотел помнить то, что было десять лет назад, и отвечал на фразу улыбкой, может быть, жалкой... такой же, вероятно, какой отвечал однажды в Летнем саду одному белокурому господину в очках, устроивавшему мне какую-то гнусную западню лично.

Воли нет, Софья Александровна, квартира мала — и пицца плоха, т. е. берут дорого, как в Париже, а кормят скверно, хотя и по карте. А без карты надо сидеть за *table-d'hôte*^а два часа и питаться мудреными названиями 8<-ми> блюд вместо самих блюд. *Filet de boeuf à la Chateaubriand, suprême du poules, sauce ni-vernoise, saumon sauce gènoise* и т. д. И все это — курица на 15 человек; *saumon*^б нет, разносят только ее запах, говядина режется ломтиками толщиной менее листов ечинений Шатобриана³ и т. д.

Итак — нет волн, чтобы хлестать меня по спине и по голове, изгоняя хандру и *tic douloureux*, каюта тесна и пицца скудная — и я совершенно один. Но я все же чем-то доволен здесь: должно быть, воздухом, солнцем и видом и запахом моря. Вместо *filet à la Chateaubriand* — я ем яичницу, *les oeufs sur le plate*, пью чай, купленный в Париже у Карещенки, курю отличные сигары — и пока, слава богу, благодушествую! Никаких офицерско-кокотских штук пока нет: авось бог вразумил их головы и внушил им, что здоровье и покой должны быть неприкосновенны для всяких, самых заливчатских рук, что теперь и сила, и влияние, и богатство, и всякие средства — все это должно быть понимаемо и употребляемо иначе, лучше, тоньше, умнее и гуманнее. Что, если б, приходит мне в голову, все эти господа и госпожи, как марионетки, так и сами шарманщики, употребили это усердие, средства, рвение, изобретательность — на другое, на доброе, на путное, т. е. вместо глупых штук и зла заняли бы себя серьезно: ведь им было бы веселее, пежели от этого дикого смеха и забав! Но увы, у них нет сознания того, что они такое сами и что делают!

Я знаю, что все шутники могли бы возразить мне, что я не

^а общий обеденный стол (франц.).

^б семга (франц.).

имею права много разговаривать, так как они уследили (как? позволенными ли средствами?) в моей жизни то или другое дурное или смешное: это правда, но ведь за то я и ропщу только в разговорах с Вами да с В. Л. Лукьяновой». Нельзя же требовать безусловного молчания! И так уже *je fais bonne mine à mauvais jeu*.^в

Вы мне все-таки пишете в Париж, по обыкновенному адресу. Я так распорядился, чтобы письма присылали мне сюда. А сюда не адресуйте, потому что если я вдруг соскучусь, то вдруг же и уеду отсюда.

Но Вам писать некогда: это я знаю и потому отнюдь не ропщу, что Вы пишете не подробно.

Вы радуетесь, что будете богаты к декабрю, чтоб *выводить своей трудовой копеей из затруднения других*: это благородно и возвышенно — и, конечно, не я буду отвлекать Вас от этого *удовлетворения*, как Вы называете эту потребность добрых и честных душ.

Я замечу только, что в это *удовлетворение* должны входить и свои собственные нужды: пренебрегать ими безусловно, без спасения впасть в фанатизм^г — нельзя. Вон Вам самим нужно отдохнуть, полечиться, покупаться в море летом, а Вы всем этим пожертвуете, чтоб дать полечиться или покупаться или отдохнуть другим... Я не знаю, как бы я сам сделал, но предоставляю Вам это только в виде вопроса. Я знаю очень хорошо, что надо отдать свой обед, и даже ужин, более голодному, но за завтрак можно уже *спорить* и т. д. Можно лишить себя платья и отдать нищему, когда их у Вас два, и особенно три и четыре, но за одно платье, и всего более за одну рубашку, — я бьюсь об заклад, что Вы подеретесь. Вот по этому масштабу рассудите и все остальное. Можно в себе выработать (человек способен до бесконечности видоизменяться) идеал — всякой добродетели и всякого порока — до страшного уродства. Выработала же в себе госпожа André Leb⁴ чувство гордости до сладострастия. Так и добродетель, *passer à l'extrémité*^д — может дойти до потери здравого смысла, и даже опрятьности.

Вон некоторые христиане думали, что потеть всю жизнь и не мыться — очень хорошо и угодно богу, — и доводили себя до того, что с них грязь нельзя было даже отскоблить. «Земля еси и в землю пойдеш!» — говорили они тем, кто подступал к ним с губкой и мылом, и умирали нельзя сказать «в благоухании святости». Вам для того идеала, который я люблю в Вас и который многие и все полюбили бы, узнав Вас короче, Вам, говорю я, не достаёт побольше аппетита (это для наружной красоты и грации) и эгоизма, да, сударыня, эгоизма. Без эгоизма, в его разумных и натуральных границах, нет никаких умных дел, никаких подви-

^в я делаю хорошую мину при плохой игре (*франц.*).

^г Далее зачеркнуто: «или что еще хуже — в аффектацию».

^д доведенная до крайности (*франц.*).

гов мысли, сердца, прекрасных движений души — словом, нет жизни. Это один абстракт — жизнь без эгоизма, и длиться не может, как не может человек делать других счастливыми, не испытывая по времени сам того, другого или третьего счастья, а иногда и всех трех, иначе бы он не знал ему цену и не мог бы давать другим. Ведь и помощь разделяется на положительную и отрицательную: одна избавляет от крайних бед, болезней, лишений, а другая, положительная, старается *поделиться* счастьем, поделиться, *а не отдать его*. Последнее было бы ненормально, потому что нарушило бы равновесие.

Довольно философствовать а là Кузьма Прутков. Солнце греет, волн нет, а все же надо пойти взять третью ванну. Еще ванн 15 — и назад. В Париже мне не хочется оставаться долее 5, 6 дней, хочется пораньше домой, чтоб застать неделю-другую сносной погоды, побывать у Вас в Павловске 30 августа⁵ и потом забиться навсегда в свой угол. М-ше Лукьянова пишет, что она украсила его новой обивкой мебели; я куплю еще новые занавесы — нужно бы купить кстати и новый ковер, но он стоит 150 руб. Не решаюсь: и так все будет стоить слишком 200 руб., а тут еще 150 р. Это много! Вот этими 150 рублями я мог бы пожертвовать, кому крайняя нужда в них, и обойтись без ковра, но ведь сколько нашлось бы охотников взять эти деньги без крайней нужды! И я никому бы не поверил, кроме Вас! Вон, например, В. Л. Лукьянова — всю жизнь играет какую-то комедию, и теперь говорит, что она в большой нужде, что *должна* будто бы давать уроки, чтоб платить какой-то долг за мужа, — и оттого очень рада, если я ей положу какое-нибудь содержание.

Если б это было действительно так, я, конечно, сделал бы ей все. Но все это неправда или все преувеличение, и потому я не решаюсь тратить деньги на нее. Так как она добра ко мне, охотно исполняет мои поручения, вон теперь нашла мне новую прислугу, прислала мастера исправить мебель и т. д. Я за все это ей благодарен — и готов ей сделать денежный подарок, кроме тех 100 или 150 руб., которые ежегодно плачу за Алешу, потому что она все-таки не богата и деньги ей никогда не лишние.

И если б она брала деньги в этом смысле, я бы очень рад был дать ей, когда у меня есть лишнее. Но она не способна быть откровенной и искренней — и готова ссылаться на долги мужа, на лишения. Между тем она всегда прекрасно одета; помогает ей одно семейство Бауэра, дети у ней теперь пристроены — и меня печалит, что никогда никто не хотел быть со мной искренен из всех тех, с кем я сближался так или иначе.⁶ А это одно средство, чтоб я был покоен и даже счастлив. Нет проступка и обиды, которую бы я не забыл, когда ко мне откровенно и прямо протянется рука, нанесшая ее! А со мной все поступают, как с ребенком, играют комедию, хотят схитрить — и успевают на время, усиливая во мне только подозрительность и портя мне кровь и нрав. За что?

Прощайте — до свидания. Поклонитесь рара, маман и Екатерине» Александровне».

Всегда Ваш И. Г.

Я ничего не делаю: читаю какие-то французские» и английские» книжонки. Думал, что здесь перечитаю *Обрыв* и забыл взять его с собой из Парижа, буквально забыл.

В Париже хозяин мне сказал, что какие-то четыре русские дамы останавливались у него на сутки и уехали в Трувиль. Он назвал их Старженкжевичи и прибавил, что они в трауре. Верно это ваши друзья — Старынкевичи!⁷

¹ Видимо, имеется в виду князь Николай Алексеевич Орлов (1827—1885), генерал от кавалерии, русский посланник в Берлине, Париже и Брюсселе. Но тогда Гончаров ошибся в определении его «генеалогии». Н. А. Орлов был сыном А. Ф. Орлова (1786—1861), шефа жандармов и начальника III отделения, а не графа Алексея Григорьевича Орлова-Чесменского (1737—1808), действительно оказавшего ряд «великих заслуг России». На его конном заводе в Воронежской губернии была выведена порода «орловский рысак».

² Великий князь Константин Николаевич (1827—1892). В 1862—1863 гг. был наместником Царства Польского; в 1865—1881 гг. — председателем Государственного совета.

³ Шатобриан (Chateaubriand) Франсуа Рене (1768—1848) — французский писатель. Обигрывается особо тонкая бумага, на которой печатались его сочинения.

⁴ André Léon — псевдоним французской писательницы и публицистки Леони Шансе (1829—1900), активной деятельницы Парижской коммуны, выступавшей в своих романах, в частности в «Алина-Али», за равноправие и эмансипацию женщин. По мнению автора, это могло стать реальностью только с привлечением женщины к крестьянскому труду. Ее произведения пользовались симпатией демократической России. В частности, Писарев считал их «очень замечательными и в высокой степени полезными» (Писарев Д. И. Полн. собр. соч., т. 6. СПб., 1894, с. 347). Гончаров отрицательно относился к творчеству Андре Лео. Прочитав по настоянию С. А. Никитенко роман «Алина-Али», он писал ей 25 июля (6 августа) 1869 г.: «„Alline Ali“ поставила свою гордость выше женской природы, сотворила себе из нее кумир и поклоняется ему с досады, чтоб не поклоняться мужчине — это не жизнь, а абстракт, и развила ее в себе до сладострастия, в котором и утопает. Но от этого сладострастия не родятся детей (как от простого) и оно кончается пустым, сухим миром мечтательных тревог. Величие требует простоты: если б она требовала просто равенства в некоторых правах женщин — она бы и была права, а то она требует какого-то идеального, т. е. невозможного, равенства. Равенства этого никогда не будет, какими законами не уравнийте права, а один всегда будет господствовать (неволью, даже отрекаясь от этого), а другой покоряться. Это господство будет принадлежать не праву, а превосходству одной природы над другой, ибо двух совершенно равных натур не сыщешь, а если и сыщешь, то они и минуты не проживут вместе: всякий вздор и мелочь породит между ними спор и вздор — и мир обезлюдел бы давно, если б эта теория гордости была приведена в исполнение. Прежде надо физиологии, психологии и другим наукам высказаться о природе человека вообще, и мужчины и женщины в особенности, и тогда уже решать, кому что делать и как быть. Разве Вы не знаете множества примеров, где не мужчина, а жена или женщина имеет перевес и все права на своей стороне! Оскорбляться тем, что мужчина ищет ласк женщины, т. е. жены или

подруги, — сверхъестественно смешно, как сверхъестественно гнусно, когда он ищет только этого. Но ведь это и называется развратом, против которого и надо вооружаться, справедливо казняя мужчин, что предаются ему и считают себя правыми, а в женщин кидают за это камнями!

Но завидовать в этом мужчинам, конечно, нечего, и женщины не станут себе требовать в этом равенства, т. е. права делать дурное, в чем им и не отказывают, ибо эти камни, которые в них бросают, — такие мягкие».

⁵ Т. е. ко дню именин А. В. Никитенко.

⁶ Такое убеждение сопровождало Гончарова в течение всей его жизни. Временами это так угнетало его, что писатель прерывал переписку даже с самыми близкими людьми. Так же как и некоторые другие соображения автора, оно было включено в черновую рукопись «Обрыва», где вошло в письма Райского к Вере: «Слышались там и лиризм, и драма, которая, разыгравшись в одном письме между им и между его невидимым соперником, — укладывалась в следующем потом в добродушный эпос счастливой любви, домашней Одиссеи, семейных радостей у очага, картин любви, ее звуков — сцен <...> Он не щадил себя, издеваясь над своей любовью, над своими уродливыми излияниями, над своею ролью. Он попеременно являлся то нежным, романтическим Вертером или средневековым рыцарем, то Отелло, то Дон Кихотом — или дурил под пером от страсти и впадал в провинциальное тупоумие и глубокомыслие деревенской ворожеи, а между тем те же строки сквозили чутьем всевидящей пронизательности и наводили сомнение на его корреспондентку в его искренности <...> Страсть его была огромной рамкой, в которой отражался весь художник и весь человек вполне, — со всеми его заблуждениями, наклонностями, с стремлениями к высшим идеалам и с падениями на дно болотной грязи, со всеми колебаниями, с верой и сомнениями и все с неутомимым исканием прямого пути туда, где чисто и светло, куда зовет и ведет человека невидимая рука. Вера, по-видимому, впадала в недоумение в своих ответах. В ее письмах он читал вопросы, вызовы на ответы, кто и что он такое, сомнения, подозрения в неискренности, часто сдержанный смех или тонкую ядовитую подделку под него, как будто она подставляла ему зеркало. Очевидно, что она была спутана, сбита с толку его импровизациями, не зная, играет, шутит он, над всем насмехаясь, или любит, страдает?» (ИРЛИ, л. 6-й гончаровской пагинации).

⁷ Семья сенатора С. А. Старынкевича (1802—1869).

8

Boulogne Sur mer. 13/25 [11/23] августа <1869>.

В то время как я кончил это письмо третьего дня, явился М. М. Стасюлевич с женой — и я письмо отложил дня на два. Я хотел уехать, а теперь пробуду здесь, вероятно, еще неделю, т. е. до четверга или пятницы на будущей неделе, а сегодня среда. Извините за нефранкированное письмо.¹

Я не так давно писал к Вам, Софья Александровна, оттого и не тотчас отвечаю на Ваше письмо от 2/14 августа. — Впрочем, и писать пока нечего, или пришлось бы передавать все тот же ро-пот, который не прекращался до сих пор во мне, как не прекращается этот вечный, тихий шум моря. Хотя я старый его знакомый, или оттого, что я старый его знакомый, оно, море, здесь чересчур тихо и ласково обходится со мной. Это приятно, но не полезно: мне бы нужно было побольше сильных волн, которые могли

бы разбить желчь. И разбили бы, потому что даже купанье без волн много помогает мне. Я чувствую, что мне легче и покойнее — и было бы относительно совсем покойно, если б... Об этом после.

А теперь скажу, что я писал уже В. Л. Лукьяновой о Вашем напрасном посещении моей квартиры и просил, чтобы она приказала новому слуге отдать Вам Отечественные Записки, если Вы повторите визит. Старые люди, слава богу, выехали — и — надеюсь — увезли с собой тараканов, клопов, грубости и пьянство. Но они были все-таки честны — и я отпустил Елену не с пустыми руками. Вы попали именно в промежуток, когда на квартире был один только новый человек, а семейство его еще не переехало. Мне немного страшно за Мимишку.² Елена отказалась беречь ее до меня, а к новому человеку, боюсь, она не привыкнет.

Впрочем, я полагаю скоро сам вернуться и надеюсь, что до тех пор порядок у меня кое-как продержится. Так как волн не дождешься от моря, то я намерен, взяв 15-ю ванну, что должно быть в субботу, уехать в Париж, а в следующую за тем пятницу выехать и оттуда, чтобы в субботу вечером быть в Берлине. Теперь остаюсь еще на 7 дней вследствие приезда Стасюлевича. А оттуда дня через три тронуться домой. Таков мой план, авось ничто не помешает исполнить его!^a

Он сказывал мне, что получил оттуда³ предложение новой повести к Новому году, — и, конечно, Михаил Матвеевич употребил всю свою тонкую политику, чтобы настоять на этом, как он употребил ее в течение года на то, чтоб поддержать во мне охоту кончить роман и отдать ему. Он — отличный импрессарио и блюдет свои выгоды, стараясь сохранить достоинство. К сожалению, он чересчур точен и методичен, и эта внешняя точность нередко исключает у него другие, лучшие качества души и даже ума. Мне немного совестно, что он, кажется, все-таки про себя надеется получить от меня и еще что-нибудь: может быть, я бы и опять отдал ему — да что именно и когда? В голове у меня много материала, да когда я примусь большой?

На счет обещанной и предложенной ему повести от Тургенева⁴ у меня нет никаких данных, кроме этого простого известия, сообщенного мне в письме Михаила Матвеевича, но есть у меня какие-то предчувствия, что это должно быть что-нибудь вроде *Капитана Ергунова*⁵ или *Бригадира*,⁶ а может быть — еще и хуже (хуже не в литературном отношении, а в моральном, особенном значении этих двух повестей). А может быть — и я ошибаюсь: дай бог!

Вы пишете, что удивляетесь бесполезности мучения, перенесенного при операции генералом Треповым,⁷ тогда как он мог бы

^a Далее зачеркнуто: «Я знаю, что Стасюлевич уехал за границу: он мне даже писал, что придет сюда в Вульнь. Но полагаю, что Баден-Баден изменит его планы».

принять хлороформа — Вы думаете, что он отказался от этого средства — как бы из-за аффектации, чтоб порисоваться героизмом. Не думаю. Про него говорят много хорошего, — и я понимаю, что твердый человек может иногда пожелать испытать, насколько в нем есть силы терпения.

Притом, если Муций Сцевола и возможен теперь, в наше время, так это в полиции, а именно в пожарной команде. Сколько безвестных Курциев бросалось в огненную пропасть с горящих кровель, сколько Сцевола заживо совсем сгорело в пожарах — об именах их никогда не узнает потомство!

Я уверен, что теперь, после примера твердости, поданного начальником, пожарные будут переносить огненные мучения с некоторым сладострастием, как индийские вдовы.

Здесь теперь жарко среди дня — и мы, как лягушки, плещемся у берегов. Слышал я, мимоходом, <о> двух, трех русских, но не знаю, кто и где они. Город большой — паспортов не спрашивают, имена путешественников известны только в отелях — и следовательно, нельзя знать, кто и что. Да и не надо.

Вчера была религиозная процессия в честь Булонской божией матери, что живо напомнило мне Москву и ее крестные ходы. На эту церемонию приходят толпы богомольцев, многие ищут исцеления у чудотворной иконы — и вчера мне рассказали целую легенду о чудесах, между прочим и о том, как брошенная в 1793 году санкюлотами в море статуя Богородицы приплыла назад в лодке одна, «sans games et aviron»!⁶ В память этого дня и совершается крестный ход. Это делается не без комизма — со стороны англичан. Они с своего берега тоже толпой приезжают (переезд всего 1½ часа) позевать на церемонию — и отчасти — также, чтоб напиться подешевле здешнего коньяку, и — не веря ни в божью мать вообще, ни в ее чудеса — смотрят на церемонию с таким важным и серьезным видом, что, взглянув на лютого, нельзя не покатыться со смеху.

Прощайте, добрый друг, если есть охота и время — напишите мне несколько строк в Париж, а если замедлите, то в Берлин (poste restante), а если нечего писать, то дайте руку — и до свидания! 30 августа я постараюсь сам быть в Павловске.

Ваш И. Г.

¹ Первый абзац письма — вставка на полях, объясняющая изменение даты.

² Мимишка — собачка Гончарова.

³ Т. е. из Баден-Бадена, где жил с конца апреля по декабрь 1869 г. Тургенев.

⁴ Имеется в виду повесть «Степной король Лир» (1870). О ней Тургенев писал Стасюлевичу из Баден-Бадена 5 (17) июня и 23 июня (5 июля) 1869 г. (Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем. Письма, т. VIII. М.—Л., 1964, с. 45, 56). Опубликована впервые в «Вестнике Европы» (1870, октябрь).

⁶ «без руля и без ветрил» (франц.).

⁵ Имеется в виду рассказ Тургенева «История лейтенанта Ергунова», впервые опубликованный в январском номере «Русского вестника» за 1868 г. Гончаров слышал его в авторском чтении летом 1868 г. в Баден-Бадене и уже тогда отнесся к рассказу отрицательно (см. его письмо А. В. Никитенко от 16 (28) июля 1868 г.: Русская старина, 1914, № 4, с. 51).

⁶ В феврале 1868 г. в письме к Тургеневу (VIII, 372) Гончаров высоко оценил «Бригадира» (опубликован в январском номере «Вестника Европы»). Позднее, в период обострения своих отношений с Тургеневым, Гончаров усмотрел в названных повестях оскорбительные намеки на себя. Именно это он имел в виду, говоря Никитенко об их «моральном, особенном значении». В «Бригадире» на эту мысль его навели, по-видимому, романтическая любовь героя к Аграфене Ивановне и удивленные замечания рассказчика: «Вот где проявился Вертер!» и «странное имя для „Шарлотты“ — Аграфена!» (Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем. Соч. т. X. М.—Л., 1965, с. 63). В этих словах Гончаров, вероятно, увидел намек на его отношения с Агр. Ник. (Аграфеной или, скорее, Агриппиной Николаевной, — ср. реплику тургеневского бригадира: «И какая она тебе Аграфена? Агриппина Ивановна — вот как надо... ее называть» — там же, с. 52).

⁷ Трепов Федор Федорович (1812—1889) — с 1867 г. генерал-адъютант; в 1866—1878 гг. оберполицмейстер, петербургский градоначальник.

И. Ф. АННЕНСКИЙ

ПИСЬМА К С. К. МАКОВСКОМУ

Публикация А. В. Лаврова и Р. Д. Тименчика

Письма Иннокентия Федоровича Анненского (1856—1909) к С. К. Маковскому, охватывающие последние, весьма насыщенные и драматические месяцы жизни поэта, посвящены в основном организации и выпуску первых номеров литературно-художественного журнала «Аполлон». Сергей Константинович Маковский (1877—1962), сын художника К. Е. Маковского, поэт и видный художественный критик, был главным инициатором и редактором этого издания.¹ «Он был образован, с художественным вкусом и чутьем и одарен большой энергией», — писала о Маковском А. П. Остроумова-Лебедева.² Известная и влиятельная фигура в художественной жизни начала XX в., Маковский вызывал разноречивые отзывы современников: «Маковский — прямое порождение Петербурга, со всеми особенностями „петербургских“ настроений» (А. Я. Головин);³ «Маковский, очень боящийся повседневной прессы и общественного мнения» (П. П. Вейнер)⁴ и «Маковский — абсолютно справедливый, чуткий и милый человек» (И. Я. Билибин).⁵ Определенная заслуга Маковского заключалась в том, что он одним из первых сумел оценить яркую и богатую индиви-

¹ Краткие биографические сведения о С. К. Маковском и библиографию его основных работ см. в кн.: Валентин Серов в воспоминаниях, дневниках и переписке современников. Под ред. И. С. Зильберштейна и В. А. Самкова. Т. 2. Л., 1971, с. 402—403.

² Остроумова-Лебедева А. П. Автобиографические записки, [т. I, II]. М., 1974, с. 410.

³ Александр Яковлевич Головин. Встречи и впечатления. Письма. Воспоминания о Головине. М.—Л., 1960, с. 99.

⁴ Вейнер П. П. «Старые годы», их история и критика (1928). — ГРМ, ф. 117, № 190, л. 3 об.

⁵ См. письмо к Л. Е. Чириковой от 21 октября 1918 г. в кн.: Иван Яковлевич Билибин. Статьи. Письма. Воспоминания о художнике. Л., 1970, с. 113.

дуальность Анненского и способствовал его вступлению в мир петербургской художественной интеллигенции.

Знакомство писателей состоялось в начале марта 1909 г.⁶ благодаря посредничеству Н. С. Гумилева.⁷ Тогда Маковский уже вынашивал замысел нового литературно-художественного издания. 24 ноября 1908 г. он писал А. Н. Бенуа: «Ведь речь идет действительно о „нашем“ будущем журнале. Между прочим — нравится ли Вам название сборника „Акрополь“? В прошлый вечер, после Вашего ухода, почему-то все решили, что лучше не придумаешь — звучит гордо и всю Грецию обнимает, без подчеркивания „Аполлона“, современный лик которого в достаточной мере смутен, как оказалось, даже для создателей его».⁸ Ко времени знакомства с Анненским Маковский уже имел дело с комплектованием задуманного издания. «Новых стихов я сейчас не посылаю, потому что большая часть их появится в альманахе „Акрополь“, — сообщал Гумилев В. Я. Брюсову 26 февраля 1909 г.⁹ Однако впоследствии Маковский справедливо говорил: «Вряд ли возник бы „Аполлон“, не случись моей встречи с Иннокентием Федоровичем (...) я колебался долго. Не потому, что неясно представлял себе программу журнала, но потому, что неоставало мне опытного старшего советчика (признанного всеми «ближайшими» в будущей редакции), чтобы придать авторитетность мне, только начинавшему тогда писателю, в трудной роли редактора и оградить меня от промахов».¹⁰ Анненский с его глубоким духовным опытом, пристальным интересом к новейшим поэтическим веяниям, утонченным вкусом и удивительным даром общения оказался для Маковского и других будущих «аполлоновцев» поистине незаменимым соратником. И для самого Анненского организация нового журнала была счастливой возможностью выразить свое дарование и стать полноправным участником литературного процесса. Маковский, по его собственному признанию, после первой же встречи почувствовал, как самоотверженно готов был Анненский включиться в общее дело, как сочувственно отнесся он «к талантливой молодости».¹¹

⁶ 4 марта 1909 г. в Царском Селе Маковский, М. А. Волошин, С. А. Ауслендер и П. П. Потемкин сделали записи в альбом В. И. Анненского-Кривича, сына Анненского (ЦГАЛИ, ф. 5, оп. 1, № 111, л. 55).

⁷ В 1903—1906 гг. Гумилев учился в царскосельской гимназии, директором которой был Анненский. По свидетельству Маковского, в 1909 г. Гумилев был у Анненских «своим человеком» (Маковский С. Николай Гумилев по личным воспоминаниям. — Новый журнал, Нью-Йорк, 1964, кн. 77, с. 162).

⁸ ГРМ, ф. 157, № 1182.

⁹ ГБЛ, ф. 386, картон 84, № 20.

¹⁰ Маковский С. Портреты современников. Нью-Йорк, 1955, с. 252. Помимо мемуарного очерка об Анненском, вошедшего в эту книгу, Маковский написал статью «Иннокентий Анненский — критик», которая вошла в его книгу «На Парнасе „Серебряного века“» (Мюнхен, 1962, с. 123—142).

¹¹ Сближение Анненского с литературной молодежью обсуждалось при его жизни широкой прессой. В. П. Буренин, например, назвал Анненского в своих «Критических очерках» «одним из старых бедламцев, обратившихся в детство» (Новое время, 1909, № 12082). Характерно свидетельство друга Анненского Б. В. Варнеке: «... у людей, далеких его сердцу, он не любил печататься» (Журнал Министерства народного просвещения, 1910, № 3, отд. IV, с. 43).

Первое организационное собрание «Аполлона» состоялось 9 мая 1909 г. (см. письмо 1).¹² Ему предшествовала совместная работа Маковского и Анненского по составлению программы будущего журнала. Черновые наброски Анненского, сохранившиеся в его архиве, являются, вероятно, самым первым, пробным опытом ее формулировки:

«Цель „Аполлона“ давать выход росткам новой художественной мысли — в самом широком значении этого слова. Они уже начали теперь обозначаться, эти ростки, притом и не только в сфере самой упорной и высокомерной косности, но и в среде почти сплошного брожения и распада.

Мы хотели бы, разумеется, назвать *нашим* только жизнеспособное. Но не следует закрывать глаз на неизбежность ошибок. И так пусть это *наше* не раз окажется *минутным* и даже *миражным*. Мы глубоко убеждены в одном: доступ на страницы „Аполлона“ найдет только подлинное *искание Красоты*, только *серьезное* отношение к задачам творчества.

Начало аполлонизма, т. е. принцип культуры — „выход в будущее через переработку прошлого“, по нашему мнению, в одинаковой мере несовместимо с безоглядностью и с академизмом. Мы живем в будущем, но мы знаем, что прошлое в свою очередь тоже было когда-то будущим, что наше будущее станет когда-нибудь прошлым. Жизнь не дается без борьбы. У „Аполлона“ тоже есть боевые задачи.

Мы будем бороться с порнографией, и прежде всего потому, что она посягает на одно из самых дорогих культурных приобретений — на вкус к изящному. Кроме того, порнография антилитературна и чаще всего свидетельствует об умственном убожестве тех, которые ее делают.

Не менее работы стрелам Аполлона будет и в среде всевозможных литературных фокусников: среди наивно или расчетливо придуманных

¹² К этому времени уже были сделаны предварительные шаги по организации журнала и привлечению авторов. «„Аполлон“ открыл редакцию и контору и дал мне денег, так» что» это не одно мифотворчество, — сообщал 5 мая С. А. Ауслендер М. А. Кузмину. — На днях будет торжественное собрание сотрудников» (ГПБ, ф. 124, № 227). Сохранились сделанные на этом «торжественном собрании» беглые карандашные записи К. А. Сюннерберга (на обороте письма к нему С. К. Маковского от 4 мая 1909 г. — приглашения на собрание), из которых выясняется картина предварительного распределения тем для будущего журнала между авторами: «Анненский — современная» поэзия. Волынский — путь литературы «за последние» 15 лет. Бенуа — танец. Волошкин — возможные пути театра. Маковский — монументальная живопись. Браудо — спор между Фебом и Паном (музыка)» (ИРЛИ, ф. 474, № 186). Таким образом, на первом собрании «Аполлона» Анненским была заявлена тема его будущей статьи «О современном лиризме». Эта тема возникала и в предварительных беседах. «При одном из обсуждений с Маковским и Волошкиным первых шагов зарождавшегося „Аполлона“ (дело происходило у нас в Царском за обедом) между прочим много говорилось о современной лирике, ее представителях, ее путях, вехах, достижениях и возможностях, и отец предложил, что он даст по этому поводу обширную статью. Статья, которая выяснила бы так сказать „où nous en sommes“ (что у нас в итоге, — *Ред.*) в эти дни пестрых цветений, не подведенных итогов», — писал поэт и беллетрист Валентин Иннокентьевич Анненский (псевдоним — В. Кривич; 1880—1936) в своих мемуарах (Кривич В. И. Иннокентий Анненский. (Страницы и строки воспоминаний сына). — ЦГАЛИ, ф. 5, оп. 1. № 50, л. 28).

„новых ощущений“, шутовских эффектов, притязательных поз, тайнописей и прочих злоупотреблений личинами Искусства».¹³

На основе проекта редакционной декларации, предложенного Анненским, Маковский подготовил собственный текст, включивший в переработанном и отшлифованном виде те соображения, которые Анненский считал определяющими в формулировке идейного кредо будущего журнала. 6 мая 1909 г. Маковский писал Анненскому: «Посылаю Вам, кстати, мою предварительную редакцию оповещения о целях „Аполлона“; я старался слить Вашу записку с тем, что мне кажется необходимым добавить, при этом избегая обращения от „мы“ для большей объективности тона. Впрочем, судите самп. Вычеркивайте немилосердно все, что покажется Вам не так и т. д.».¹⁴ В существе своем вариант Маковского явился лишь выражением эстетических установок Анненского в жестких стилистических рамках программного манифеста: «Основная цель „Аполлона“ — уяснить и развивать назревающие стремления русского общества к стройному, сознательному, „аполлоническому“ началу творчества. Оставаясь далеким от тенденции к „академизму“, к школьной косности в какой бы то ни было области художественных достижений, давая выходы всем новым росткам художественной мысли в самом широком значении слова, редакция „Аполлона“ хотела бы тем не менее называть своим только действительно жизнеспособное, только строгое и подлинное искание красоты, чуждое того бессильного брожения и распада, которые наблюдаются слишком часто в искусстве и литературе нашего времени. Лозунг журнала — „аполлонизм“, т. е. принцип культуры, унаследованной всем европейским человечеством и претворенной в идеях гуманизма. Отсюда и боевые задачи „Аполлона“: во имя будущего неизбежна борьба за культурное достоинство. Отсюда и непримиримая вражда журнала с беспринципностью во всех сферах творчества: с порнографией, посягающей на литературность и вкус к прекрасному, со всякого рода фокусничеством — будь то выдуманное ощущение, фальшивый эффект, притязательная поза, тайнопись или иное злоупотребление личиною искусства».¹⁵

Все основные положения, выдвинутые Анненским и Маковским, нашли отражение в редакционном «вступлении» к первому номеру «Аполлона», составленном при участии ближайших сотрудников журнала — Вячеслава Иванова и А. Н. Бенуа.¹⁶ Два заключительных абзаца при этом

¹³ ЦГАЛИ, ф. 6, оп. 1, № 186, л. 1—1 об. Многочисленные варианты текста, отвергнутые Анненским, здесь не воспроизводятся.

¹⁴ ЦГАЛИ, ф. 6, оп. 1, № 347. Анненский полностью одобрил вариант Маковского. Принципы, которыми Анненский руководствовался в таких ситуациях, излагает с его слов Т. А. Богданович: «... не имеет никакого значения, как рождена и вскормлена идея. Важно одно, что она родилась. Пусть ее воспримет и понесет дальше тот, кого она как-то затронула и заразила. Он понесет ее в мир и будет развивать ее сам. Важно одно, что в мире родилась творческая идея. Кто был ее отцом, совершенно неважно. Дальнейшая ее эволюция зависит только от того, насколько идея жизнеспособна» (Богданович Т. А. Повесть о моей жизни. — ГБЛ, ф. 218, № 383, л. 315).

¹⁵ ЦГАЛИ, ф. 6, оп. 1, № 347.

¹⁶ 6 августа 1909 г. Маковский писал Анненскому: «Я (...) очень рад, что Волынский отказался участвовать во „вступлении“. Наш квартет

почти дословно повторяют формулировки Анненского в переложении Маковского. «Вступление» развивает в целом основоположения, осмысленные Анненским: идею «аполлонизма» — символа самоцельного, свободного и «стройного» творчества, опирающегося на живую традицию и «законы культурной преемственности», установку на разрешение сугубо художественных задач, подвластных строгим требованиям эстетического вкуса и «меры», стремление к искусству истинно «жизнеспособному», направленному «от разрозненных опытов — к закономерному мастерству, от расплывчатых эффектов — к стилю, к прекрасной форме и к животворящей мечте».¹⁷

Обсуждение задач «Аполлона» велось и в последующие месяцы, вплоть до комплектования ранней осенью первого номера журнала. Наряду с Анненским постоянным советчиком Маковского стал Вячеслав Иванов. Первоначально Маковский колебался в намерении пригласить Иванова, отстаивавшего религиозно-теургическую концепцию художественного творчества, в руководящее ядро «Аполлона», который должен был, по единодушному мнению Маковского и Анненского, преследовать сугубо эстетические цели. «Как удачно вышло, что не было Иванова, — писал Маковский Анненскому 12 мая, после первого организационного собрания. — А Вы еще хотели, чтобы он председательствовал! Нам нужно создать *свою* атмосферу, свое дружное и авторитетное гнездо, и пока оно действительно в Вашем лице, я верю абсолютно в наш успех». В то же время Маковский не мог не считаться с литературным опытом Иванова и его огромным авторитетом в символистском кругу. 22 мая он посетил Анненского в Царском Селе вместе с Ивановым. «Я предвижу интересный обмен идей с В. Ивановым (...), — писал Маковский Анненскому 20 мая. — Мне бы очень хотелось, чтобы Вы очаровали и его, как всех будущих „аполлонистов“. Он может быть чрезвычайно полезен: не правда ли? Весь петербургский молодой писательский мир с ним очень считается. Сделать его „своим“ — было бы настоящим приобретением. Но *своим* в кавычках, разумеется».¹⁸

(я считаю Бенуа и Вяч. Иванова) будет только стройнее» (ЦГАЛИ, ф. 6, оп. 1, № 347). Незадолго перед тем было объявлено, что отделом критики в «Аполлоне» будут заведовать Анненский и А. Л. Вольнский (см.: Новый день, 1909, № 2, 27 июля, с. 4). В своих мемуарах В. Пяст в связи с этим приводит остроумную Ю. Н. Верховского: «Что общего (...) между Вольнским и Анненским? — Только кий» (Пяст В. Встречи. М., «Федерация», 1929, с. 142).

¹⁷ Аполлон. 1909, № 1, октябрь, отд. I, с. 3—4. Принципиальная особенность выработанных журналом идей «аполлонизма», отличающаяся от других опытов программного самоопределения «нового искусства», сразу сделалась предметом обсуждения. Ср.: «„Аполлон“» есть прежде всего реакция против Достоевского и его катастрофического, предельного духа. Дух этот был и в „Мире искусства“ (в литературной части), и в „Новом пути“, и в „Вопросах жизни“, отчасти в „Весах“. „Аполлон“ не хочет достоевщины, чужд максимализма, отворачивается от бездн нищезанятия и декадентства» (Утро России, 1910, 27 февраля).

¹⁸ ЦГАЛИ, ф. 6, оп. 1, № 347. В дальнейшем между Маковским и Вяч. Ивановым возникали существенные расхождения в определении теоретической позиции и конкретной литературной тактики «Аполлона». См. письма Маковского к Вяч. Иванову от 2 февраля 1910 г. (ГБЛ, ф. 109) и Е. А. Зноско-Боровскому от 3 февраля 1910 г. (ГПБ, ф. 124, № 2645).

5 августа при участии Вяч. Иванова и группы художников (А. Н. Бенуа, М. В. Добужинского, К. А. Сомова) состоялось второе организационное заседание редакции, после чего Маковский уже приступил к рассылке официальных приглашений.¹⁹ На этом заседании, ознаменовавшемся конфликтом между Анненским и А. Вольнским (на которого первоначально возлагались надежды как на одного из «идеологов» «Аполлона»),²⁰ продолжались дискуссии по программе журнала, которые нашли отражение не только в окончательном тексте «вступления», но и в разделе «Пчелы и осы Аполлона» — полуироническом «скучном разговоре» о предмете и целях нового издания, составленном под руководством Маковского.²¹ Реплики «профессора» восходят к высказываниям Анненского. Об этом свидетельствует беловой автограф его текста, соответствующий вступительным словам «профессора»: «У этого Аполлона нет жрецов и никогда не будет святилища. С него довольно неба и смертных. Здесь именем бога освящается только портик, где просветы открыты всем лучам и плиты всем людям, да мастерская, куда пусть свободно входит всякий, кто желает и умеет

¹⁹ 6 августа Маковский отправил приглашение в «Аполлон» Ф. Сологубу (ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 435), 7 августа — И. А. Бунину (ЦГАЛИ, ф. 44, оп. 1, № 149), 24 августа — В. Я. Брюсову: «Из всех современных поэтов Вы, конечно, наиболее дороги нам (пишу от имени редакции)» (ГБЛ, ф. 386, карт. 93, № 29). 8 августа Маковский сообщил К. Чуковскому, что «со всех сторон поступают запросы и рукописи» (ГБЛ, ф. 620). В письме к Бунину от 23 августа Маковский перечислил уже приглашенных в «Аполлон» прозаиков: Ф. Сологуба, Б. К. Зайцева, О. Дымова, С. А. Ауслендера, Г. И. Чулкова, Б. А. Садовского, А. М. Ремизова («Как видите, избранников „Аполлона“ — немного» — ЦГАЛИ, ф. 44, оп. 1, № 149). Рассказ «на историческую тему» обещал журналу Л. Н. Андреев (см. письмо Маковского к Андрееву от 19 сентября 1909 г.: ЦГАЛИ, ф. 11, оп. 1, № 144). Сам Анненский предложил участвовать в журнале О. Форш (см. письмо О. Д. Форш к Анненскому от 23 августа 1909 г.: ЦГАЛИ, ф. 6, оп. 1, № 376).

²⁰ «Не ожидал я, что Вы придадите такое значение „выпаду“ Вольнского, — писал Маковский 15 августа А. Н. Бенуа. — Ведь этот выпад, разумеется, носил личный характер — в том смысле, что Аким? Львович? не любит соглашаться с мнением Анненского. Это его своеобразная „ревнивость“» (ГРМ, ф. 137, № 1182). Выступления Вольнского на редакционных собраниях были направлены не только против Анненского, но и вообще против «декадентской порчи», которой, по его мнению, были подвержены все сотрудники журнала. 2 октября 1909 г. Вольнский писал Маковскому: «Что же касается вопроса о ближайшем моем участии в редактировании „Аполлона“, то я должен окончательно просить Вас не рассчитывать на меня в этом отношении. Мои впечатления последних дней, атмосфера, собравшаяся уже вокруг „Аполлона“, сама постановка всего дела, не совсем литературная, малоидейная и во всяком случае не гармонирующая с некоторыми моими заветными убеждениями, заставляют меня стать в выжидательное положение. Пока же я могу быть только Вашим случайным сотрудником и должен воздержаться от статьи принципиального характера, в особенности предназначенной служить выражением редакционного profession de foi» (ГПБ, ф. 124, № 979). В конце 1909 г. Вольнский покинул «Аполлон», и вследствие этого редакция лишилась материальной поддержки со стороны Ефронов. В дальнейшем Маковский мог опираться только на финансовую помощь М. К. Ушкова (Маковский и С. На Парнасе «Серебряного века», с. 197—198).

²¹ Аполлон, 1909, № 1, отд. I, с. 79—84.

работать на Аполлона. Иерархия? Да, но она будет определяться мнением мастерской о качестве работы, и только. Тайна? Но Ей довольно места и па острие твоего пера. Да как бы и там еще Ей не пришлось иногда делиться с Иронией, Тайне. Далеко с портала четкие, мерещутся мне и слова: „Аполлон улыбается не гордости мастера, а рвению ученика“. Иннокентий Анненский». ²²

Первый номер «Аполлона» увидел свет 24 октября. На следующий день был устроен торжественный обед в честь его рождения. Однако Анненский своим выступлением превратил обед в чествование Маковского в связи с одновременно исполнившимся десятилетием его литературной деятельности. ²³

В первом номере «Аполлона» были напечатаны «Ледяной трилистник» Анненского и начало его статьи «О современном лиризме» — обзора достижений «новой поэзии», Резонанс, вызванный этой статьей, доставил Анненскому немало неприятных переживаний. Присущий ей метод медитативных импровизаций, намеренная мимолежность, недосказанность оценок и характеристик, непривычная подача уже устоявшихся поэтических репутаций — все эти особенности статьи Анненского наглядно иллюстрировали его убеждение: «...для меня нет большего удовольствия, как увидеть иллюзорность вчерашнего верования». ²⁴ Все это не нашло понимания даже в близкой к «Аполлону» литературной среде. Маковский вспомнил, что статья ошеломила и раздражила многих писателей, увидевших в своеобразно-прихотливых, импрессионистических зарисовках Анненского только

²² ИРЛИ, р. I, оп. 1, № 122. Черновые варианты этого текста сохранились в ЦГАЛИ (ф. 6, оп. 1, № 186, л. 2—8); среди них набросок, вошедший в «Пчелы и осы Аполлона» в видоизмененном виде: «Мы задумали делать большое и общее дело. Братское. Это не наш портик, но и не ваш. Это — портик храма. И потому он — ничей, хотя и святится именем Аполлона, но широко открыты его ступени для всех, кто, подобно нам, согласен быть не жрецом, а только верующим и работником» (л. 5). 6 августа Маковский писал Анненскому: «Итак решено — Вы немного расширите Ваш вступительный „парадокс“ и пришлете мне» (ЦГАЛИ, ф. 6, оп. 1, № 347). Что касается других участников «разговора», то в репликах «философа» угадывается Вяч. Иванов. Возможно, «Пчелы и осы» подразумеваются в дневниковой записи Иванова о беседе с Маковским 24 августа: «...я набросал потом проект того, что придумал во время скучноватых толков» (Иванов Вяч. Собр. соч., т. II. Брюссель, 1974, с. 795). «Любитель литературы», сводящий различные мнения к общему выводу, — по всей вероятности, маска самого Маковского. Обсуждение «Пчел и ос Аполлона» состоялось в редакции 12 сентября 1909 г. (см. повестку Анненскому: ЦГАЛИ, ф. 6, оп. 1, № 393, л. 4). Главная роль в создании масок и подготовке окончательного текста принадлежала М. А. Кузмину. «С нетерпением жду „Пчел и ос“, — писал ему Маковский 16 сентября. — Пожалуйста, пришлите — как можно скорее, пусть — в самом эскизном виде. Дело в том, что придется многое вставить (отдельных мыслей, колких замечаний и т. д.) в разговор созданных Вами действующих лиц, — а потом уже Вы снова получите рукопись для окончательной редакции» (ГПБ, ф. 124, № 2646).

²³ Помимо Маковского (На Парнасе «Серебряного века», с. 141), это чествование вспоминает и И. фон Гюнтер (Guenther Johannes, von. Ein Leben im Ostwind. Zwischen Petersburg und München. Erinnerungen. München, 1969, S. 283—284).

²⁴ См. письмо Анненского к С. А. Соколову (Кречетову) от 11 октября 1906 г.: ГБЛ, ф. 499, карт. 1, № 3.

«вызов и аффектацию», «легкомысленное щегольство».²⁵ В частности, В. Кривич свидетельствовал: «Ф. К. Сологуб совершенно неожиданно обиделся самым серьезным образом, причем обратил свою обиду почему-то главным образом на Маковского, заявив, что после такой статьи не исключена возможность даже вызова на дуэль и что он более в „Аполлоне“ принимать участия не может. Эта активно задевшая самый журнал обида маститого поэта и была поводом написания отцом для оглашения в ближайшем номере „Аполлона“ письма С. К. Маковскому <...>».²⁶

Открытое «письмо в редакцию», в котором Анненский пытался разъяснить свои намерения, было помещено во втором номере «Аполлона». Отметив, что его статья «порождает среди читателей „Аполлона“, а также и его сотрудников немало недоумений»,²⁷ Анненский подчеркивал, что видел свою задачу в сущности «строго аполлонической» и ставил целью «рассмотреть нашу современную лирику *лишь эстетически* <...>, не считаясь с тем *живым, требовательным* настоящим, которого она является частью», т. е. «по отношению к будущему, в связи с той перспективой, которая за ним открывается».²⁸ Маковский в редакционном примечании к письму поддержал Анненского, утверждая, что смысл недоразумения только в том, что «наша публика (нужно ли говорить о прессе?) еще плохо воспринимает тон независимой, резко-индивидуальной критики».²⁹

²⁵ См.: Маковский С. Портреты современников, с. 224. В печати с насмешливыми отзывами о статье Анненского выступили В. П. Буренин («Критические очерки». — Новое время, 1909, № 12 082), А. Т. Аверченко («Петербургский Аполлон». — Одесские новости, 1909, № 7978, 26 ноября). См. также письмо А. К. Лядова к А. В. Оссовскому от 29 октября 1909 г., пародирующее статью «О современном лиризме» (Русская музыкальная газета, 1916, 13 марта, с. 238—239). А. Вольнский, ознакомившийся со статьей еще в рукописи, остался полностью невосприимчивым к критическому методу Анненского (см. письмо от 2 сентября 1909 г. к Маковскому: ГПБ, ф. 124, № 979). Статья «О современном лиризме» не вызвала сочувствия и у Вяч. Иванова (письмо Маковского к Иванову от 2 февраля 1910 г.: ГБЛ, ф. 109). Ср. свидетельство М. А. Волошина в письме к Анненскому (по-видимому, от 6 ноября 1909 г.): «Я только что вернулся с великой при в редакции Аполлона <...> Статья Ваша многих заставила сердиться. Это безусловный успех» (ЦГАЛИ, ф. 6, оп. 1, № 307).

²⁶ Кривич В. И. Иннокентий Анненский. (Страницы и строки воспоминаний сына), л. 28 об. В статье «О современном лиризме» Анненский дал развернутый «литературный портрет» Ф. Сологуба (Аполлон, 1909, № 1, октябрь, отд. I, с. 32—42).

²⁷ В черновой редакции письма сказано: «Я слышу со всех сторон упреки по адресу редакции „Аполлона“ за напечатание моей статьи „О современном лиризме“» (ЦГАЛИ, ф. 6, оп. 1, № 285).

²⁸ Аполлон, 1909, № 2, ноябрь, отд. II, с. 34. Следует отметить, что в статье «О современном лиризме» Анненский коснулся и поэтического творчества Маковского — его «Собрания стихов» (СПб., 1905): отметив «заметный успех» этой первой книги, он попытался разгадать, почему Маковский прекратил писать стихи, и остановился на предположении, что «этот иронический натуралист — кто бы это подумал про Маковского? — положил перо, признав себя не в силах примирить свой безмолвный рай с тем самым городом, в котором с такой радостью он купает свою жизнь»; Анненский намекает здесь на общественно-культурную деятельность Маковского (Аполлон, 1909, № 2, ноябрь, отд. I, с. 12—13).

²⁹ Аполлон, 1909, № 2, ноябрь, отд. II, с. 34.

Тем не менее Анненский, долго стоявший в литературе особняком и, вероятно, органически неспособный к злободневной полемике и журнальным битвам, пережил этот инцидент очень болезненно; Маковский вспоминал, что «волнения этих нескольких недель ускорили ход сердечной болезни, которой он страдал давно».³⁰

Однако еще более неосторожным оказался поступок самого редактора: обещав напечатать во втором номере «Аполлона» большой цикл стихов Анненского, Маковский в последний момент изменил свое решение. Поэт был этим глубоко уязвлен (см. письма 6, 7). Вскоре, 30 ноября, он скоропостижно скончался в Петербурге на подъезде Царскосельского вокзала от сердечного приступа.

И славы ждал, и славы не дождался,
Кто был предвестьем, предзнаменованием
Всего, что с нами позже совершилось,
Всех пожалел, во всех вдохнул томленья —
И задохнулся...

— так писала о судьбе Анненского А. А. Ахматова.³¹ 4 декабря в Царском Селе состоялись похороны на Казанском кладбище.

В третьем номере «Аполлона» было помещено траурное извещение: «...не только сотрудника оплакиваем мы, а друга с душою отзывчивой, влюбленной во все красивое, аристократически-нежной; мы потеряли одного из самых ярких современных, одного из лучших представителей русской культуры. Несомненно, русское общество когда-нибудь достойно оценит этого редко-даровитого и обаятельного человека».³²

Следующий выпуск «Аполлона» положил начало тому посмертному культу Анненского, который журнал поддерживал на протяжении всех последующих лет своего существования. В нем были напечатаны четыре статьи, анализировавшие творческое наследие Анненского: «Иннокентий Федорович Анненский как филолог-классик» Ф. Ф. Зелинского, «Траурный эстетизм (И. Ф. Анненский-критик)» Г. И. Чулкова, «И. Ф. Анненский — лирик» М. А. Волошина, «О поэзии И. Ф. Анненского» Вяч. И. Иванова (в этой статье рассматривалась неизданная «вакхическая драма» Анненского «Фамира-кифарэд»).³³ В дальнейшем «Аполлон» публиковал неизданные стихотворения и статьи Анненского, работы о его творчестве; «Обще-

³⁰ Маковский С. Портреты современников, с. 224.

³¹ Стихотворение «Учитель» (1945), посвященное «памяти Иннокентия Анненского» (Ахматова Анна. Стихотворения и поэмы. Л., 1976 (Б-ка поэта. Большая серия), с. 208, 346, 406 (комментарий В. М. Жирмунского)). В 1930-е годы Ахматова написала основанную на материале ниже публикуемых писем статью «Последняя трагедия Анненского», названную ею в позднейшем списке утраченных произведений (ГПБ, ф. 1073).

³² Аполлон, 1909, № 3, декабрь, вклейка между отд. II и III.

³³ Там же, 1910, № 4, январь, отд. II, с. 1—24. Дриму «Фамира-кифарэд» Анненский читал у себя в Царском Селе в присутствии Маковского. 18 декабря 1909 г. состоялось ее чтение на заседании «Общества ревнителей художественного слова» (см. письма Е. А. Зноско-Боровского к В. И. Анненскому-Кривичу от 14 и 21 декабря 1909 г.: ЦГАЛИ, ф. 5, оп. 2, № 5).

ство ревнителей художественного слова» отмсчало день его памяти.³⁴ Перед Анненским, как своим предшественником, преклонялись акмеисты, близкие к «Аполлону».

Письма Анненского публикуются по копиям, снятым с автографов, хранившихся в 1920-1930-х годах в архиве М. Л. Лозинского и впоследствии утраченных. Копии сохранились в бумагах А. А. Голубева, актера и заметного участника ряда литературно-художественных начинаний 1910-х годов (ИРЛИ, р. I, оп. 1, № 213). Аутентичность текста писем подтверждается сверкой с копиями, сделанными с того же оригинала А. В. Федоровым и хранящимися в его личном собрании.

1

12 V 1909

Дорогой Сергей Константинович,

Когда вы едете и надолго ли? Вечер удался.¹ Восхищен Вашей энергией и крепко жму Вашу руку. Итак Аполлон будет...² Но сколько еще работы... Хронику, хронику надо... и надо, чтобы кто-нибудь оседлый, терпеливый литературный кипел и корпел без передышки.³ Il faut un cul de plomb... quoi?^a

Ваш И. Анненский.

¹ Первое редакционное собрание по организации журнала «Аполлон» состоялось 9 мая 1909 г.хлопоты по его подготовке отражены в письмах Маковского. 2 мая он писал Анненскому: «Необходимо <...> до „большого“ собрания сговориться в маленьком кружке о главных вопросах и составить ordge du soir (порядок вечера, — *Ред.*). Я имел в виду пригласить еще Дымова и Рериха только» (ЦГАЛИ, ф. 6, оп. 1, № 347). За несколько дней до «большого» собрания Маковский выслал Анненскому список 32 приглашенных с вопросом: «М<ожет> б<ыть>, Вы кого-нибудь добавите?». 6 мая он же сообщил ему: «Все-таки собираюсь приехать к Вам завтра — au petit bonheur (наудачу, — *Ред.*)! Очень уж меня беспокоит, что мы не успеем

³⁴ «Общество ревнителей художественного слова» («поэтическая академия»), основанное ранней осенью 1909 г. благодаря хлопотам Маковского, Вяч. Иванова и Анненского, ставило своей целью изучение поэтической культуры. Собрания его происходили в редакции «Аполлона». Начальный этап деятельности общества ознаменовали выступления Анненского, сияскавшие большой успех. «Одним из его любимых планов было основание поэтической академии по образцу греческих перипатетиков, — вспоминала об Анненском Т. А. Богданович. — Он представлял себе, что он будет бродить со своими учениками по аллеям Царскосельского парка <...> Тут он будет передавать им свои поэтические мечты и теории, знакомить их с ними и делиться плодами своего творчества» (Богданович Т. А. Повесть о моей жизни, л. 314—315). Заседание общества, посвященное памяти Анненского, состоялось 3 декабря 1911 г. под председательством А. А. Блока (Блок А. Собр. соч. в 8-ми т., т. 7. М.—Л., 1963, с. 99). На заседании выступили Вяч. Иванов, Н. Гумилев и О. Мандельштам (Чудовский В. Общество ревнителей художественного слова. — Русская художественная летопись, 1911. № 20, декабрь, с. 324). Памяти Анненского было посвящено также заседание 14 декабря 1913 г. (ЦГАЛИ, ф. 5, оп. 1. № 6, л. 114).

^a Нужен человек усидчивый... а? (*франц.*).

сговориться о порядке и «направлении» нашего собрания в субботу. Во всяком случае в субботу, пожалуйста, приезжайте ко мне обедать в 6 часов; вместе поедем в редакцию» (там же). Сохранилось также письмо Анпенского от 7 мая 1909 г., не отправленное Маковскому: «Многоуважаемый Сергей Константинович, вероятно, мою вчерашнюю *срочную* телеграмму основательно перепутали. Вчера я ждал Вас весь день и вечер. Сейчас уезжаю в Петербург, где должен быть еще по делу в двух местах, а уезжаю в Нарву с поездом 8 часов вечера» Балтской» дорожки». Уезжаю я по спешному, служебному делу. Надеюсь, что оно меня не задержит более 4-часового поезда из Нарвы (9-го мая), тогда я приеду «в Петербург» 9 ч. 20' вечера и прямо с поезда в редакцию. Если бы, паче чаяния, я приехал 5 ч. 55' (не считая опозданий, разумеется), то приеду в редакцию к 8 и даже несколько ранее. Может быть, и Вы будете там в это время, и мы успеем поговорить до сбора приглашенных. С редакцией Вашего предуведомления я вполне согласен и во всем. В списке некоторых не знаю. Отчего не посылаете приглашения моему сыну Валентину? Ведь Вы, кажется, его пригласили, тогда за обедом. Ваш искренне преданный И. Анненский» (ЦГАЛИ, ф. 6, оп. 1, № 285). 12 мая Маковский послал В. И. Анненскому-Кривичу, вероятно в связи с упреком Анненского, извинительное письмо, оправдываясь «случайной рассеянностью» (ЦГАЛИ, ф. 5, оп. 2, № 6).

² В письме к Анненскому, также написанному 12 мая под впечатлением организационного собрания, Маковский сообщил: «... через несколько часов я уезжаю дня на три из Петербурга. Перед отъездом хочется еще раз сказать Вам, с каким восторженным чувством я отношусь к нашему „союзу“ в редактировании „Аполлона“. Прошедшее собрание лишней раз воочию убедило меня, что наша „икона“ должна сделаться поистине чудотворной. Разве общее *настроение* не было именно таким, каким должно было быть? Все это предвещает прекрасное начало» (ЦГАЛИ, ф. 6, оп. 1, № 347).

³ Сохранился проект рубрикации литературного отдела «Аполлона», подготовленный Анненским, вероятно, к организационному собранию: «Литературный отдел. 1. Стихи и беллетристика. 2. Вопросы литературы и искусства. 3. Литературная хроника. 4. Критика и библиография. 5. Литературные письма с Запада. 6. Пчелы и осы „Аполлона“» (ЦГАЛИ, ф. 6, оп. 1, № 186, л. 11). Предложенные Анненским разделы были приняты со значительными изменениями, однако все задуманное им нашло в первых выпусках «Аполлона» свое отражение; материалы журнала были распределены по трем отделам, каждый со своей пагинацией страниц: первый отдел составляли статьи по литературно-художественным вопросам, второй — «Хроника» — включал критические, обзорные и библиографические статьи и материалы о новинках русской и европейской художественной жизни, третий — «Литературный альманах» — содержал стихи и художественную прозу. Подготовка «Хроники» для первого номера «Аполлона» была доверена В. И. Анненскому-Кривичу (результатами работы Кривича Маковский, судя по его воспоминаниям, остался недоволен).

2

День св. Ольги <11 июля> 1909.

Дорогой Сергей Константинович.

С какой радостью я читал — еще сейчас только — Ваши строки, такие тонкие, что я три раза меняю перо, чтобы менее расхотиться с ними в ответе.¹ Вы пишете о Сологубе.² Знаете, чего мне жалко. Я не могу сейчас говорить о прозе Сологуба, а я знаю, что она гораздо интереснее и сложнее, чем его стихи.

Но я больше недели был болен «Пламенным кругом» Сологуба, пока не вылился он из меня, сболтавшись с моей кровью — метафора нелепа и грязно риторична.³ Но я не виноват — не таков ли и сам Елкич.⁴ А Вы знаете ведь и мою идиосинкразию. Я могу о каждой «недотыкомке»⁵ думать и говорить даже «не?» иначе, как на ее языке, даже хуже ее «болталке и заикалке». Ну, простите... не буду. Статью кончил. Она уже в переписке. Жду Вас, чтобы прочитать с Вами, — ее никто не знает, даже мои домашние, кроме нескольких страниц разве.⁶ Вот слушайте, во-1-х, заглавие, во-2-х, план, так как к как ведь дело не кончилось... oh non, cher ami, Vous en avez pour trois mois, allez! ^a Заглавие — *О современном лиризме*, три очерка.⁷ Готов первый (около двух печатных листов) *Они...* Следуют *Оне* и *Оно* (т. е. искусство)⁸ — наши завоевания и приобретения, проект маленькой выставки новой поэзии... une revue... quoi?⁶

Что скажете Вы о моем плане? Что касается статьи, то ее резюме таково. Начала русского декадентства. Контраст нового с «Русскими символистами».⁹ Термины *символизм* и *декадентство*. Характеристика новой поэзии в портретах (Брюсов и Сологуб). Связь символизма с городом.¹⁰ Силуэты нашего символизма. Вся статья в цитатах. Рацей нет вовсе. Одною я боюсь — ее интимности. Не доросли мы еще до настоящего символизма. Вот, говорят, Сологуб на Сатириконе обиделся.¹¹ Пожалуй, еще с Бурениным меня смешают или с Амфитеатровым... Бр... р... Ну, да еще посудим, конечно. Надо немножко все-таки дерзать. Я думаю, моя мягкость спасет и серьезность... Ну, до свидания, милый Сергей Константинович. Дайте знать, когда соберетесь.¹²

Весь Ваш И. Анненский.

¹ Анненский отвечает на письмо от 10 июля 1909 г., в котором Маковский описывал свой досуг в имении Лидино (ст. Бологое) (ЦГАЛИ, ф. 6, оп. 1, № 347). Фраза Анненского, по всей вероятности, включает в себя ироническую ассоциацию с «Повестью о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» Н. В. Гоголя — с описанием встречи за одним столом поссорившихся героев: «Нет!.. не могу!.. Дайте мне другое перо! Перо мое вяло, мертво, с тонким расщепом для этой картины!» (Гоголь Н. В. Полн. собр. соч., т. II. [М.—Л.], Изд. АН СССР, 1937, с. 271). В письме к Анненскому от 10 июля Маковский отмечал: «В Гоголе, которого я давно не перечитывал, стыдно признаться — я немного разочаровался. Мелким кажется его смех, сентиментальной — лирика и уж очень обывательской — мораль». Анненский (для которого Гоголь был одним из излюбленных писателей), возможно, хотел воздержаться в ответном письме от выражения своего мнения, «переменить перо», чтобы не вступать в полемику по поводу суждений Маковского. В эти же дни Анненский работал над статьей «Эстетика „Мертвых душ“ и ее наследье», представляющей собой апологию гоголевского начала в русской литературе.

² Маковский, читавший в Лидине Гоголя, Чехова и Ф. Сологуба, писал: «О Сологубе ничего не скажешь в нескольких словах. Какая смесь тонкой

^a нет, мой дорогой, Вам этого хватит на три месяца, будьте спокойны (франц.).

⁶ некоего обозрения... каково? (франц.).

грусти и юродства, безукоризненной злости и „морбидной“ фантастики! Сколько противоречий и в стиле, и в мировоззрении...» (ЦГАЛИ, ф. 6, оп. 1, № 347).

³ Анненский окончил в это время раздел статьи «О современном лиризме», посвященный разбору книги стихов Сологуба «Пламенный круг» (М., «Золотое руно», 1908). Раздел о Сологубе есть и в статье «Эстетика „Мертвых душ“ и ее наследье» (опубликована посмертно: Аполлон, 1911, № 8, с. 50—58). В письме к А. Г. Горнфельду от 1 марта 1908 г. Анненский называл «пафос» Сологуба «поистине *вызывающим*» (ГПБ, ф. 211, № 313).

⁴ «Ёлкич» — фантастический образ из «Январского рассказа» (Сологуб Ф. Истлевающие личины, М., «Гриф», 1907, с. 71—97; рассказ переиздавался впоследствии под заглавием «Ёлкич», «Старым ёлкичем» Анненский называет Сологуба и в статье «О современном лиризме» (Аполлон, 1909, № 1, с. 40). Вероятно, Анненский следует здесь Андрею Белому, широко использовавшему образ «ёлкича» при анализе мироощущения Сологуба в статье «Далай-лама из Сапожка» (см.: Веса, 1908, № 3, с. 71—75).

⁵ «Недотыкомка» — бредовый образ, рождающийся в сознании Передонова (роман Ф. Сологуба «Мелкий бес»). Возможно, что Анненский в этом предположении обгрызает первую строку известного стихотворения Бальмонта «Я с каждым могу говорить на его языке» (Бальмонт К. Д. Будем как Солнце. Книга символов. М., «Скорпион», 1903, с. 197).

⁶ 25 июля 1909 г. Анненский писал Е. М. Мухиной: «...приехал Маковский — прискакал на мое письмо, что кончена статья для „Аполлона“, и пришлось опять обратиться к „Лиризму“. После чтения вместе с ним и весьма правильных его замечаний, как редактора, я признал необходимым кое-что изменить в статье. Опять несколько незаметно канувших куда-то дней. Ну, слава богу, вчера отдал, наконец, статью» (ЦГАЛИ, ф. 6, оп. 2, № 5). 6 августа Маковский сообщал Анненскому: «Завтра я сдам Вашу статью в набор» (ЦГАЛИ, ф. 6, оп. 1, № 347).

⁷ Первоначальный вариант названия статьи: «Мы и сегодня. Три главы из „Книги о русских поэтах“» (ЦГАЛИ, ф. 6, оп. 1, № 135, л. 1).

⁸ Статья Анненского «О современном лиризме» напечатана в «Аполлоне»: разделы 1—2 («Они») — № 1, отд. I, с. 12—42; № 2, отд. I, с. 3—29; раздел 3, посвященный анализу «женской лирики» («Оне»), — № 3, отд. I, с. 5—29 (вышел в свет после смерти Анненского). Б. В. Томашевский в письме к А. Виру (А. А. Попову) от 1 июля 1910 г. указал, что заглавия этих разделов составляют «точный перевод» названия статей, публиковавшихся в парижском журнале «Akadémos»: «Eux et Elles» («Они и оне») (ГБЛ, ф. 654, архив Б. В. Томашевского). «„Оно“ осталось ненаписанным, хотя мне и приходилось неоднократно от него слышать, что эта часть статьи в „мыслях“ уже совершенно готова», — писал В. Кривич в предисловии к «Третьей книге отражений» И. Анненского (ЦГАЛИ, ф. 5, оп. 1, № 52, л. 6 об.). «Эта последняя, являвшаяся кардинальной, часть, детально <...> продуманная и спланированная, оформлена для печати уже быть не могла», — отмечал он же в одном из вариантов письма к Г. И. Чулкову в 1930 г. (там же, № 54, л. 10). Ср. указание самого Анненского в черновике раздела «Они»: «Я буду подробнее говорить о работе, которая происходит в „комнате“, дальше, третий очерк — „Оно“ (искусство). Есть даже попытки разбраться и устроить маленькую выставку, о... не всемирную...» (ЦГАЛИ, ф. 6, оп. 1, № 135, л. 182). Весьма вероятно, что положения этого третьего раздела должны были быть отражены в докладе Анненского «Об эстетическом критерии», назначенном в Литературном обществе на 11 декабря 1909 г. (там же, № 160; ср. заметки Анненского «Поэзия—искусство» — там же, № 174).

⁹ «Русские символлисты» (вып. 1—3. М., 1894—1895) — сборники, выпущенные Брюсовым и включавшие большей частью его собственные произведения. Далее Анненский перечисляет основные темы и мотивы, затронутые в разделе «Они».

¹⁰ «Символизм в поэзии — дитя города» — тезис одного из разделов статьи «О современном лиризме» (Аполлон, 1909, № 2, ноябрь, отд. I,

с. 3—7). Косвенным свидетельством отношения Аптепского к проблеме урбанизма является письмо к нему П. П. Потемкина (конец марта—начало апреля 1909 г.). Касаясь отзыва Анненского (устного или из не дошедшего до нас письма) о его книге стихов «Смешная любовь» (СПб., 1908), Потемкин писал: «Но в одном я не согласен с Вами, это в отрицании Вашем городской сказки. Мне даже кажется — не будь в городе обманчивой фантастической личины, разгадай все его изнанку — рецепты да счета, убедись в том, что, кроме них, ничего нет в городе, никто и жить бы в нем не стал. <...> Не согласен я и с тем, что импрессионизм не идет городу» (ЦГАЛИ, ф. 6, оп. 1, № 359).

¹¹ Причиной этого, вероятно, послужил фельетон И. М. Василевского (Не-буквы) «Модернисты», высмеивавший восприятие новейших литературных явлений, в том числе творчества Сологуба, в обывательской среде (Сатирикон, 1909, № 25, 20 июня, с. 7—8).

¹² Маковский предполагал вернуться в Петербург к 10 июля (см. письмо к Н. Н. Врангелю от 5 июля: ИРЛИ, ф. 60, № 6819), однако задержался в Бологом на несколько дней. 17 июля он писал Анненскому уже из Петербурга, предлагая навестить его в понедельник или во вторник (т. е. 20—21 июля) в редакции «Аполлона».

3

30 июля 1909.

Многоуважаемый Сергей Константинович,

Когда Вы уехали, я взял текст Клоделя и сверил первую половину «Муз».¹ Получилось нечто совершенно неожиданное:

<i>sœurs farouches</i>	<i>неукротимые...</i>
<i>si d'abord te plantant dans le</i>	<i>не утвердившись в глубине</i>
<i>centre de son esprit</i>	<i>своего духа</i>
<i>Tu ne perdais sa^a raison grossière</i>	<i>ты не утратила бы своего разума</i>
<i>explosion</i>	<i>возрастание</i>
<i>elle se souvient</i>	<i>она вспоминает самое себя (sic!)</i>
<i>Elle ressent</i>	<i>Она напоминает</i>
<i>ineffable</i>	<i>неотвратимый</i>
<i>cadran solaire</i>	<i>циферблат солнца</i>
<i>fatidique</i>	<i>отвратимое</i>
<i>source emmagasinée</i>	<i>скрытый ключ</i>
<i>tisserand</i>	<i>плотник (sic!) и т. д.</i>

Я выписал не все, конечно... Боюсь, что Максим<илиан> Алек<андрович> поторопился присылкою «Муз». Их надо, если уж рискнуть на перевод (я бы не отважился), то изучить раньше в связи с творчеством Клоделя вообще — и дать с объяснением, не иначе.²

Ваш И. Анненский.

¹ В конце июля Маковский посетил Анненского, видимо в связи с организацией редакционного собрания 5 августа (см. письмо Маковского к Вяч. Иванову от 29 июля 1909 г.: ГБЛ, ф. 109); во время этого

² Речь идет о хороводе, который создает Терпсихора. (Примеч. И. Ф. Анненского).

визита он, вероятно, передал Анненскому рукопись перевода оды французского поэта-символиста Поля Клоделя (1868—1955) «Музы» («Les Muses»), выполненного М. А. Волошиным.

² Некоторые из отмеченных Анненским неточностей Волошин устранил при публикации перевода «Муз» (Аполлон, 1910, № 9, июль—август, отд. III, с. 29—40). Так, *cadran solaire* он перевел как «солнечные часы» (с. 33); *tisserand* — «ткач» (с. 34); *Tu ne perdais sa raison grossière* — «Ты <...> не утратила земного и низшего разума» (с. 29); *ineffable* — «несказанно» («Она *несказанно* поставлена на самом пульсе бытия») (с. 30—31). Остальные места, вызвавшие претензии Анненского, остались без изменения. Ср. с. 249—250 настоящего издания.

4

31 августа 1909.

Дорогой Сергей Константинович,

Жалею, что Вы больны. Я и сам расклеился и несколько дней не буду выезжать. Корректуры получил,¹ но задержу их несколько дней, так как работа большая, а я пристально занят другим. Гумилеву мы бедному вчера все *faux bond* сделали^а — и Вы, и я, и Вячеслав Иванович. Вышло уже что-то вроде бойкота.² Если бы я получил Вашу телеграмму до отправки своей, то, пожалуй, потащился бы к нему есть *le veau gras* (je l'exèste... *le veau*)^{б,3} и больной. Прочитали Вячеслава сплошь? Ох, трудно... а в пригоршнях мало остается, по крайней мере от первого всплеска.⁴ Удосужусь — так прочту еще раз. Вероятно, буду счастливее. Эти дни живу в прошлом... Леконт де Лиль... О Леконте де Лиль... К Леконту де Лиль...⁵ Что за мощь!.. Что за высокомерие! И какой классик!⁶ Страшно даже представить себе рядом с ним этого иронического «вольнотпущенника» Боделэра, которого великий креол⁷ так непонятно, так нелогично, так «анти-Леконтovski», но любил. Впрочем, они оба — и профессор, и элегический Сатана — ухаживали за одним желтым домино, от которого пахло мускусом и веяло Смертью.⁸ Для чего надо, скажите, уходить из этого мира? Ведь я же создан им... Но у меня, кажется, лихорадка.

Жму Вашу руку.

Ваш И. Анненский.

¹ Корректуры статьи «О современном лиризме».

² Речь идет о несостоявшемся визите к Н. С. Гумилеву в Царское Село в воскресенье 30 августа. Гумилев писал Анненскому в недатированном письме: «Вы будете очень добры, если согласитесь прийти к нам в это воскресенье часам к пяти дня. Я жду Маковского, Кузмина etc. Обещал быть и Вячеслав Иванович. Я говорил уже с Валентином Иннокентьевичем, и он любезно согласился прийти. Будут стихи, но не в таком неумеренном количестве, как прошлые разы. Я имею новую вещь для прочтения» (ЦГАЛИ, ф. 6, оп. 1, № 316). Под «новой вещью», возможно, подразумева-

^а Французский фразеологизм «*faire faux bond à...*» — обмануть, подвести.

^б жирного тельца (я чувствую отвращение... к телятине) (*франц.*).

ется небольшая поэма «Сон Адама». Вяч. Иванов записал в дневнике 30 августа: «Вчера послал телеграфные извинения в Царское, чтобы не ждали к обеду». Судя по записи Иванова, к Гумилеву в этот день не приехал и Кузмин (Иванов Вяч. Собр. соч., т. II. Брюссель, 1974, с. 797)

³ Реминисценция из французского перевода евангельской притчи о блудном сыне (Лука, XV, 27); не исключено, что эта фраза отражает в какой-то мере отношение к Гумилеву Анненского и других «старших» «аполлоновцев».

⁴ Имеется в виду книга статей Вячеслава Иванова «По звездам» (СПб., «Оры», 1909), вышедшая в свет в июле 1909 г. О трудности восприятия произведений Иванова Анненский писал и в статье «О современном лиризме» (Аполлон, 1909, № 1, с. 15—16).

⁵ Анненский говорит о своей работе над статьей «Леконт де Лиль и его „Эриннии“» (Ежегодник имп. театров, 1909, вып. V, с. 57—93), приуроченной к постановке в Михайловском театре 25 сентября 1909 г. трагедий Еврипида «Ифигения — жертва» (в переводе Анненского) и Леконт де Лиля «Эриннии» (в переводе О. Н. Чюминой). В ответ на предложение написать эту статью Анненский сообщил 23 августа 1909 г. редактору «Ежегодника» Н. В. Дризену: «Я с удовольствием напишу <...> статью о пьесе, в которой в свое время я пережил каждый штрих» (ГПБ, ф. 263, № 65). Творчеству крупнейшего поэта «парнасской» школы Шарля Леконта де Лиля (1818—1894) Анненский придавал большое значение (см.: Федоров А. В. Поэтическое творчество Иннокентия Анненского. — В кн.: Анненский И. Стихотворения и трагедии. Л., 1959 (Б-ка поэта. Большая серия), с. 56—57). Он переводил стихи Леконт де Лиля и называл его «дорогим учителем» (в письме к Дризену от 23 августа): оба поэта были исследователями античности и переводчиками древнегреческих классиков. О Леконт де Лиле Анненский писал в статьях «Ион и Аполлонид» («Театр Еврипида». В 3-х т., с двумя введениями, статьями об отдельных пьесах <...> И. Ф. Анненского. Т. 1. СПб., <1906>, с. 545—554) и «Античный миф в современной французской поэзии» (Гермес, 1908, № 7, с. 181—185). Следует отметить, что Дризен несколько позднее заказал статью об «Эринниях» и Вяч. Иванову. «М. А. Волошин сообщил мне о Вашей любезной готовности написать для „Ежегодника“ императорских театров“ статью об античной драме в связи с текущими постановками „Ифигении“ и „Эриннии“ в Михайловском театре, — писал он Иванову 4 октября 1909 г. — <...> специально о Леконт де Лиле и его „Эринниях“ написал статью И. Ф. Анненский. Чтобы не встретиться с ним на одной теме, хотя, вероятно, разно трактованной, я просил бы Вас сказать вообще что-либо о античной драме» (ГБЛ, ф. 109). См. также письмо к Дризену М. А. Волошина (октябрь 1909 г.) (ГПБ, ф. 263, № 122). Вяч. Иванов в письме к Дризену от 24 ноября 1909 г. выразил согласие «представить желательную <...> статью о греческой трагедии в связи с „Эринниями“ в Ежегодник» (ГПБ, ф. 263, № 159). Замысел этот остался нереализованным.

⁶ Понятие «классическое» в применении к творчеству Леконт де Лиля и вообще к французской поэзии Анненский трактовал расширительно — как постоянное живое ощущение латинской традиции (Ежегодник имп. театров, 1909, вып. V, с. 62—64).

⁷ Леконт де Лиль — сын французского плантатора и креолки — родился на острове Бурбон (Реюньон) в Индийском океане. В статье «О современном лиризме» Анненский называет поэта «африканцем» (Аполлон, 1909, № 2, с. 3).

⁸ Параллель между Леконт де Лилем («профессором») и Шарлем Бодлером («элегическим Сатаной») Анненский устанавливает и в статье «Античный миф в современной французской поэзии» (Гермес, 1908, № 7, с. 183). Тему смерти у Леконт де Лиля Анненский прослеживал в названной выше статье «Леконт де Лиль и его „Эриннии“». Одновременно эта тема, как неоднократно отмечалось, являлась стержневой, доминирующей в поэзии самого Анненского.

15 сент<ября> 1909.

Дорогой Сергей Константинович,

Валентин¹ говорил мне, что доктор посылает Вас поправляться в Царское Село и что Вы просили его подыскать Вам подходящее помещение недели на две.² Сегодня наши дамы, катаясь, заехали в «пансион для выздоравливающих». Там в настоящее время есть *одна* свободная комната. Условия таковы — 42 рубля в неделю — все; комната большая, почти с мой кабинет, есть сад и вблизи парка (Александровского), на очень высоком месте. Обстановка очень порядочная. Но... обед à la table d'hôte,^а хотя все и на масле, без трактирного расчета, и надо быть дома к 10 часам вечера. Больных не принимают вовсе, но выздоравливающих трактуют как еще не совсем нормальных и свободных людей. Я пишу Вам все это спешно, так как комнаты в Царском вообще сильно разбираются. Не знаю, удастся ли заехать к Вам завтра, но послезавтра, в четверг (если Вы не будете еще в Царском), рассчитывал быть у Вас — Гусев <пер.>, 6 — после лекции, которая окончится в 3 часа.³

Адрес пансионата: угол Колпинской и Дворцовой, Свято-Троицкая Община.⁴

Искренно преданный Вам И. Анненский.

¹ Т. е. В. И. Анненский-Кривич.

² В первых числах сентября 1909 г. Маковский заболел плевритом, протекавшим в очень тяжелой форме. Анненский навещал его во время болезни почти ежедневно. 19 сентября 1909 г. выздоравливающий Маковский писал Л. П. Андрееву: «Моя болезнь случилась даже кстати, т<ак> к<ак> вместо меня одного начали дружно работать *все*, и теперь я могу сказать с уверенностью, что 1-й номер выйдет 25 октября» (ЦГАЛИ, ф. 11, оп. 1, № 144).

³ Анненский читал в Петербурге лекции по древнегреческой литературе на Высших историко-литературных курсах Н. П. Раева.

⁴ Предложением Анненского Маковский не воспользовался.

22 сент<ября> 1909.

Дорогой Сергей Константинович,

По последнему предположению, которое у Вас возникло *без совета* со мною, Вы говорили мне, что моей поэзии Вы предполагаете отделить больше места (около листа или больше — так Вы тогда говорили), но *во второй* книжке Апколлона». Теперь слышу от Валентина, что и вторую книжку предназначают в редакции отдать «молодым», т. е. Толстому, Кузмину etc. Если это так, то сто́ит ли вообще печатать мои стихотворения? Идти далее второй

^а за общим столом (*франц.*).

книжки — в размерах, которые раньше намечались, мне бы по многим причинам не хотелось. Напишите, пожалуйста, как сто́ит вопрос.¹ Я не судья своих стихов, но опп — это я, и разговаривать о них мне поэтому до последней степени тяжело. Как Вы, такой умный и такой чуткий, такой Вы, это забываете и зачем, — упрекну Вас, — не скажете раз навсегда, в чем тут дело? Ну, бросим стихи, и все.²

Слышал я также, что готовится *большое* чтение в «Аполлоне», «Власа» будут читать, с концом, которого я не знаю, и без меня. Так это?³

Я не выхожу до воскресенья. В *субботу* у меня читает новую повесть Ауслендер. Вы не могли бы приехать пообедать? Кончили бы чтение рано, не заспживаясь.⁴ Приезжайте, если можно, если доктор позволит. Погода ведь мягкая. Во всяком случае жду Вашего ответа.

Ваш И. Анненский.

¹ Отвечая на упреки Анненского, Маковский писал 24 сентября: «Относительно Ваших стихов *ничего* со времени нашей последней беседы не изменилось. Ведь в том, что неудобно отдавать им много места в *первой* книжке Аполлона — было давно решено. В первой книжке участвуют 9—10 поэтов: Вяч. Иванов, Вал. Брюсов, К. Бальмонт, Ф. Сологуб, М. Кузмин, Н. Гумилев, М. Волошин, Ю. Верховский (?); в числе их — Вы (один из трилистников целиком, по всем вероятностям — «Ледяной»). В следующей же книжке будет напечатано 9—10 страниц Ваших стихотворений *si vous n'avez rien contre* (если Вы не против, — *Red.*). Это не *целый* лист (о целом листе я и не говорил) только потому, что я против посвящения целого номера *одному* поэту. Я имел в виду остальное место отдать „Хлос“ Толстого (с иллюстрациями) Бакста) и несколькими отдельными стихотворениям других поэтов» (ЦГАЛИ, ф. 6, оп. 1, № 347). Отбором стихотворений Анненского для «Аполлона», кроме Маковского, занимались также Вяч. Иванов, Кузмин и Гумилев (см. дневниковую запись Вяч. Иванова от 17 августа 1909 г.: Иванов в Вяч. Собр. соч., т. II, с. 791).

² В этих словах — яркое проявление характера Анненского, «чрезвычайно гордого и самолюбивого», по словам его сына (Кривич В. Иннокентий Анненский по семейным воспоминаниям и рукописным материалам. — Литературная мысль. Альманах III. Л., «Мысль», 1925, с. 255), и его ревниво-заботливого отношения к своему творчеству. «Я дорожу печатным, да и вообще словом... и много работал над каждой строкой своих писаний», — писал Анненский С. А. Соколову (Кречетову) 11 октября 1906 г. (ГБЛ, ф. 499, картон 1, № 3). Ср. свидетельство журналиста А. А. Бурякина в статье «Мученик красоты»: «Иннокентий Федорович в письме ко мне как-то признавался: „Я работал над стихами с такой пристальностью и прилежанием, что, право, за время, когда я — если сосчитать часы и измерить напряженность работы (почти всегда без бумаги и карандаша) — написал десяток стихотворений, то можно было бы написать учебник географии или биографию Державина. И я не жалею этого времени. Знаете — всякий человек должен сказать те слова, которые он может сказать. А слушают его или нет — это уже второстепенная вещь“» (Искра, 1909, № 3, 14 декабря, с. 8).

³ Чтенье Осипом Дымовым (1878—1959) повести «Влас» состоялось в редакции «Аполлопа» 29 сентября (ЦГАЛИ, ф. 5, оп. 1, № 6, л. 65а). 24 сентября Маковский ответил Анненскому: «Что касается „Власа“, то это совсем не „большое“, а *длинное* чтение, на которое рассылает приглашения Дымов». По всей вероятности, первые главы «Власа» Анненский слушал у Маковского 18 апреля (телеграмма Маковского Анненскому от

16 апреля 1909 г.: ЦГАЛИ, ф. 6, оп. 1, № 347); Дымов писал Анненскому 22 апреля 1909 г.: «Мне доставило удовольствие читать свою рукопись в Вашем присутствии» (там же, № 322). «Влас» опубликован в «Аполлоне» (1909, № 1—3).

⁴ Выступление С. А. Ауслендера 26 сентября не состоялось: 24 сентября Анненский получил от него телеграмму: «Вызван в деревню. Извиняюсь, не могу быть в субботу» (ЦГАЛИ, ф. 6, оп. 1, № 297). Очередной визит Ауслендера к Анненскому состоялся 4 октября. «С Сереей в Царское, — записал в дневнике в этот день М. А. Кузмин. — <...> Пошли через парк к Анненским. Он еще нездоров, важен, любезен и ораторствует» (ЦГАЛИ, ф. 232, оп. 1, № 54). Повесть, которую Ауслендер собирался читать у Анненского, — вероятно, «У фабрики», датированная: «29 июля 1909. Парахино» (Новый журнал для всех, 1910, № 17, март, стлб. 21—48; вошла в кн.: Ауслендер С. Рассказы, кн. II. СПб., 1912). Ее же, по всей вероятности, Ауслендер читал у Вяч. Иванова 8 сентября 1909 г. (Иванов Вяч. Собр. соч., т. II, с. 805). М. Кузмин выдвигал «Власа» и «У фабрики» как предвосхищение «нового бытового символично-реалистического романа» (Аполлон, 1910, № 7, отд. II, с. 43).

7

12 ноября 1909 г.

Дорогой Сергей Константинович,

Я был, конечно, очень огорчен тем, что мои стихи не пойдут в «Аполлоне». Из Вашего письма я понял, что на это были серьезные причины. Жаль только, что Вы хотите видеть в моем желании, чтобы стихи были напечатаны именно во 2<-м> №, — каприз. Не отказываюсь и от этого мотива моих действий и желаний вообще. Но в данном случае были разные другие причины, и мне очень, очень досадно, что печатание расстроилось. Ну, да не будем об этом говорить и постараемся не думать.¹

Еще, Вы ошиблись, дорогой Сергей Константинович, что время для появления моих стихов безразлично. У меня находится издатель и пропустить сезон, конечно, ни ему, ни мне было бы не с руки.² А потому, вероятно, мне придется взять теперь из редакции мои листы, кроме пьесы «Петербург», которую я, согласно моему обещанию и в то же время очень гордый выраженным Вами желанием, оставляю в распоряжении редактора Аполлона. Вы напечатаете ее, когда Вам будет угодно.³

Искренно Вам преданный И. Анненский.

¹ В недатированном письме (видимо, от 10—11 ноября) Маковский сообщал Анненскому: «Ваши стихи, уже набранные и сверстанные, все-таки пришлось отложить — как Вы этого опасались. И теперь мне очень совестно, так как нарушить слово, сказанное Вам, мне особенно больно. Одно время я думал даже поступиться стихами Черубины (приходилось ведь выбирать: или — или), но „гороскоп“ Волошина уже был отпечатан... и я решил просто понадеяться на Ваше дружеское снисхождение ко мне. Ведь для Вас, я знаю, помещение стихов именно в № 2 — только каприз, а для меня, как оказалось в последнюю минуту, замена ими другого материала <...> повлекла бы к целому ряду недоразу-

мений <...> В то же время, по совести, я не вижу, почему именно Ваши стихи не могут подождать. Ваша книга еще не издается, насколько мне известно; журнал — только дебютирует» (ЦГАЛИ, ф. 6, оп. 1, № 347). Циклу стихотворений Анненского в «Литературном альманахе» второго номера «Аполлона» были предпочтены: «Хлоя. Весенние стихи» А. Н. Толстого, повесть О. Дымова «Влас» (начатая печатанием в № 1), переводы двух рассказов французской писательницы Рашильд, выполненные М. А. Кузминым, и прежде всего подборка стихотворений Черубины де Габриака; именно им было отведено место, предварительно предназначавшееся для стихотворений Анненского; в этом же номере была напечатана статья М. А. Волошина «Лики творчества. Гороскоп Черубины де Габриака». Новая поэтесса явилась выдумкой М. А. Волошина, привлечшего к участию в этом Е. И. Дмитриеву (Васильеву). «Жертвою» мистификации в сентябре—ноябре 1909 г. стал не только Маковский, но и другие члены редакции «Аполлона». См. об этом: Маковский С. Портреты современников, с. 333—358; Guenther Johannes, von, Ein Leben im Ostwind. Zwischen Petersburg und München, S. 284—300; Куприянов И. Литературная мистификация в «Аполлоне». — Радуга, Киев, 1970, № 2, с. 168—173. По догадке А. А. Ахматовой, публикуемое письмо Анненского (имевшееся у нее в копии) является ключом к написанному им в тот же день, 12 ноября 1909 г., стихотворению, посвященному М. А. Кузмину, — «Моя Тоска» (Анненский И. Стихотворения и трагедии, с. 171—172), — последнему стихотворению поэта. Строфа

В венке из тронутых, из вянущих азалий
Собралась петь она... Не смолк и первый стих,
Как маленьких детей у ней перевязали,
Сломали руки им и ослепили их —

связывалась Ахматовой с историей несостоявшейся публикации стихов Анненского в «Аполлоне» («Это про стихи свои, совсем тут не про любовь, как кто-то придумал», — говорила она о «Моей Тоске» в интервью 1965 г.). По свидетельству Д. Е. Максимова, Ахматова в разговоре с ним называла поступок Маковского непосредственной причиной скоропостижной смерти Анненского. Стихотворение «Моя Тоска» имело, однако, и другой внешний импульс — спор с М. А. Кузминым о сущности любви и ее формах. В дневнике Кузмина имеется упоминание о споре с Анненским на собрании «Общества ревнителей художественного слова» 11 ноября «за безлюбовь и христианство»; 13 ноября Кузмин записал: «Анненский написал мне стихи по поводу моего выступления в защиту любви» (ЦГАЛИ, ф. 232, оп. 1, № 54).

² Речь идет о книге стихов Анненского «Кипарисовый ларец», которую предполагалось выпустить в издательстве, организуемом при «Аполлоне». Еще 7 мая 1909 г. Маковский писал К. И. Чуковскому: «...несколько недель уже тому назад я отправил Вам письмо, в котором прошу Вас <...> прислать мне книжку стихов в рукописи, переданную Вам Ин. Федор. Анненским — по его просьбе, разумеется» (ГБЛ, ф. 620, архив К. И. Чуковского). Но издательство в 1909 г. не состоялось, и книгу предложил опубликовать владелец издательства «Гриф» С. А. Соколов (Кречетов). 14 ноября 1909 г. Соколов писал Анненскому: «...уже целый ряд дней жду получения рукописи, но ее до сих пор нет. Не понимаю причины задержки. Мне все же хотелось бы начать набирать Вашу книгу до рождества» (ЦГАЛИ, ф. 6, оп. 1, № 364). Однако Анненский так и не успел в последний месяц жизни окончательно завершить составление книги, эту работу заканчивал уже В. И. Анненский-Кривич. Готовая к набору рукопись «Кипарисового ларца» была выслана Соколову Кривичем в начале января 1910 г.; 6 апреля 1910 г. Соколов сообщил Кривичу о выходе книги в этот день (ЦГАЛИ, ф. 5, оп. 2, № 8).

³ Стихотворение «Петербург» («Желтый пар петербургской зимы...»), опубликованное посмертно в «Аполлоне» (1910, № 8, отд. III, с. 3), в «Кипарисовый ларец» не вошло.

И. Ф. АННЕНСКИЙ

ПИСЬМА К М. А. ВОЛОШИНУ

Публикация А. В. Лаврова и В. П. Купченко

Знакомство Иннокентия Федоровича Анненского с Максимилианом Александровичем Волошиным (1877—1932) состоялось в первых числах марта 1909 г. Сын поэта В. И. Анненский-Кривич вспоминал о первом визите Волошина и С. К. Маковского, будущего редактора журнала «Аполлон», 4 марта в Царское Село: «И Маковский, и приехавший вместе с ним Макс. Волошин имели до того времени об И. Ф. Анненском довольно поверхностное представление, и поэтому, конечно, встреча с *таким* Иннок. Анненским являлась для них полным сюрпризом. А отец, как нарочно, в этот вечер был необыкновенно интересен и блестящ. Он так и рассыпал драгоценные блестяшки и самоцветные камни своего ума, исключительной эрудиции и высокого остроумия. Оба писателя были буквально ошеломлены тем, что они встретили в этом „переводчике Еврипида“, — да насколько и не скрывали того огромного впечатления, кот^{орое} он на них произвел. Помню я те откровенно-восхищенные взгляды, кот^{орыми} они беспрестанно обменивались».¹

В свою очередь и Анненского — по его признанию, «слишком удрученного прошлым» (см. письмо 1), — не могло не обогатить знакомство с Волошиным — поэтом широкой эрудиции, глубоко искренним, взыскательно относящимся к слову, бывшим к тому же и обаятельным собеседником. С Анненским его особенно сближали любовь к античной культуре и живой интерес к творчеству новейших французских поэтов, которых

¹ Кривич В. Иннокентий Анненский. (Страницы и строки воспоминаний сына). — ЦГАЛИ, ф. 5, оп. 1, № 50, л. 25 об.—26. Рассказывая о первой поездке к Анненскому для разговора о будущем журнале, Волошин признавался: «Ни я, ни С. К. Маковский не имели об Анненском ясного представления. О нем тогда часто говорили Н. С. Гумилев и А. А. Кондратьев — его ученики по царкосельской гимназии» (рассказ Волошина об Анненском 27 марта 1924 г., записанный Л. В. Горнунгом и Д. С. Усовым, хранящийся в собрании А. В. Федорова, в Ленинграде).

они оба увлеченно переводили и наследниками которых в деле обповлещи поэтического слова себя считали.

Тогда же, 4 марта, Анненский подарил Волошину, в ознаменование знакомства, отдельный отпечаток своей статьи «Античный миф в современной французской поэзии». «Имена мне милые, слова мне дорогие и идеи мне близкие, потому что я в свое время „пошел к французам в школу“, — писал на следующий день Волошин Анненскому. — Мне радостно, что теперь, после десятилетия в Париже, возвращаясь окончательно в Россию, я встретил Вас, потому что увидел в Вас (а это так редко!) человека, с которым можно не только говорить, а у которого можно учиться». ² В следующем письме к Анненскому Волошин говорит, что он открылся ему как цельная, многогранная индивидуальность, неожиданно объединившая в себе несколько ранее знакомых его ликов: «Вы существовали для меня до самого последнего времени не как один, а как много писателей. Я знал переводчика Эврипида, но вовсе не соединял его с тем, кто писал о ритмах Бальмонта и Брюсова <...> И, конечно, этого И. Ф. Анненского» я не мог соединить с И. Анненским, „молодым“ поэтом, которого Гриф со „строгим выбором“ печатал в „Перевале“.

И только теперь <...> все эти отрывочные впечатления начали соединяться, и, наконец, три дня тому назад они слились окончательно в конкретную личность и в цельный характер, к которому я не мог не почувствовать глубочайшего уважения и удивления». ³ Волошин просил Анненского дать на время все его книги, чтобы еще отчетливее представить себе его писательский облик.

В первые дни знакомства Анненский подарил Волошину свою книгу «Тихие песни» (СПб., 1904), выпущенную под псевдонимом «Ник. Т—о», с надписью: «Максимилиану Александровичу Волошину на память „Аполлоновских“ дней разоблаченный Ник. Т—о. 10 III 1909. И. Анненский». ⁴ В середине апреля 1909 г. вышла в свет «Вторая книга отражений» Анненского, экземпляр которой был отпущен Волошину в Коктебель с надписью: «Максимилиану Александровичу Волошину в воспоминание и в залог часов лучшего художественного настроения. И. Анненский. 5 V 1909. Царское» Село». Захаржевская, дом» Панпушко». ⁵ Волошин откликнулся на это благодарственным письмом, в котором по достоинству оценил оригинальность критических очерков Анненского, кажущихся по резкой обнаженности и прозорливости писательского взгляда «сжатым клубком муче-

² ЦГАЛИ, ф. 6, оп. 1, № 307. В экземпляре статьи, хранящемся в Доме поэта в Коктебеле (№ 617), Волошин, в частности, подчеркнул фразу: «... на чем, если не на античном же мифе, держится поэтический стиль французов, т. е. того *единственного* народа, который еще сохранил, и, может быть, именно благодаря этому животворному началу, высокое искусство слова?».

³ Письмо от 7 или 8 марта 1909 г., см.: ЦГАЛИ, ф. 6, оп. 1, № 307. «Гриф» — С. А. Соколов (Кречетов) — поэт, владелец издательства «Гриф», редактор журнала «Перевал». Сводку своих первоначальных разрозненных представлений об Анненском Волошин дает и в статье «И. Ф. Анненский — лирик» (Аполлон, 1910, № 4, январь, отд. II, с. 11—12).

⁴ Библиотека Дома поэта в Коктебеле, № 725.

⁵ Там же, № 724.

ний»: «Она верная и справедливая, Ваша книга. И ее жестокость — не жестокость приговора, но жестокость судебного отчета о процессе. Но зато какая утонченная гибкость образов <...> Я думаю, что никто так не понимал Достоевского, как Вы <...> Ваша книга почти не книга, настолько в ней трепетность письма или дневника. Вы осуществляете слова Р. де Гурмона о том, что критика — самый интимный род исповеди. Но Вы еще заставляете исповедаться и писателей, и их героев...».⁶

Впрочем, во «Второй книге отражений» были выражены и те особенности, которые отчетливо показывали различия в системах ценностей Анненского и Волошина. В критической прозе наиболее явно прослеживается принципиальный адогматизм творческого сознания Анненского, предрасположенности к «будничности», недосказанности и одновременно обнаженной исповедальности, которая, вероятно, была едва ли не единственным положительным кредо поэта. «Я не могу, да вовсе и не хотел бы уйти от безнадежной разоренности моего пошлого мира, — признавался Анненский. — Я видел совсем, совсем близко такие соблазнительные бездны <...> что звезды и волны, как оне ни сверкай и ни мерцай, а не всегда-то меня успокоют».⁷ Но именно эти «звезды и волны» были всегда спасительным алтарем для Волошина. Его напряженный духовный поиск всегда находил опору в осознании торжественной гармонии мирового единства, всегда осуществлялся во всеоружии символов, воспринятых от самых различных культур. Показательно, что Анненский остался равнодушным к статье Волошина «Hogomedon», в которой все эти качества были максимально выражены (см. письмо 2). Вряд ли могли найти у Анненского глубокий сочувственный отклик и оптимистические «вселенские» начала в поэзии и мироощущении Волошина, и его увлеченность проблемами теософии.

В статье «О современном лиризме» Анненский иронически характеризовал «философичность» новейшей поэзии («в ней носятся частицы и теософического кокса, этого буржуазнейшего из Антисмертинов»⁸), может быть, подразумевая и соответствующие произведения Волошина. Несходство мироощущений обнаруживается и тогда, когда критик касается непосредственно поэтического облика Волошина — «нашего молодого и восторженного эстетика» — в общей галерее поэтов, изображенных в статье «О современном лиризме». Приведя стихотворение Волошина «Лилловые лучи» (из цикла «Руанский собор»), Анненский заключает: «Право, кажется, что нельзя ни искусней, ни полней исчерпать седьмой полосы спектра, ласковее изназвать ее, чем Волошин, воркуя, изназвал своих голубок-сестриц в лиловых туниках».⁹ Анненский подмечает склонность Волошина к «метафорической молитве», к благоговейному любованию готикой, гаммой «цветовых переливов», неназойливо противопоставляя этому

⁶ Письмо к И. Ф. Анненскому от июня 1909 г., см.: ЦГАЛИ, ф. 6, оп. 1, № 307.

⁷ Анненский И. Ф. Вторая книга отражений, СПб., 1909, с. 26.

⁸ Аполлон, 1909, № 1, октябрь, отд. I, с. 32.

⁹ Там же, № 2, ноябрь, отд. I, с. 9—10.

свою отзывчивость к другой красоте — «мученической», свободной от всевозможных напластований.¹⁰

5 сентября 1909 г. Волошин приехал из Коктебеля в Петербург.¹¹ С этого времени и до конца ноября поэты часто встречались: в Царском Селе у Анненского, в редакции «Аполлона» — при обсуждении конкретных вопросов, связанных с организацией журнала, на вернисажах выставок и театральных премьерах. Общение было прервано скоростижной кончиной Анненского 30 ноября.

Свои размышления о творчестве покойного поэта Волошин изложил в статье «И. Ф. Анненский — лирик», которая была предназначена для подборки статей памяти Анненского, задуманной редакцией «Аполлона».¹² Статья примыкала к циклу волошинских статей «Лики творчества», печатавшихся в газете «Русь» в 1906—1908 гг.; некоторые ее мысли были сформулированы еще в письмах к Анненскому. Цитирование отрывков из писем Анненского усиливало интимно-доверительный характер этой статьи-воспоминания о поэте, чья преждевременная утрата горько переживалась. Волошин создает сложный психологический портрет Анненского: «Его торжественность скрывала детское легкомыслие; за гибкой подвижностью его идей таилась окоченелость души, которая не решалась переступить известные грани познания и страшилась известных понятий; за его литературную скромностью пряталось громадное самолюбие; его скептицизмом прикрывалась открытая доверчивость и тайная склонность к мистике, свойственная умам, мыслящим образами и ассоциациями; то, что он называл своим „цинизмом“, было одной из форм нежности его души; его убежденный модернизм застыл и остановился на определенной точке начала девяностых годов. Он был филолог, потому что любил произраста-

¹⁰ В черновой рукописи статьи «О современном лиризме» зачеркнуты строки, в которых более отчетливо, чем в окончательном тексте, прослеживаются элементы «метафоричности» и «стилизованности» устремлений Волошина в «лиловые тени Руанского собора»: «У нас попес туда молодое, чистое, свежее сердце Максимилиан Волошин <...> Но не жалко ли вам этого большого ребенка, который так хотел бы, так до смерти, хоть на минуту хотел бы там молиться, а из его слов завтра же, пожалуй, оперу стилизованную сделают и поставят ее в кабаре — в лиловых тонах» (ЦГАЛИ, ф. 6, оп. 1, № 135, л. 131, 133).

¹¹ В этот день он дал телеграмму Анненскому, извещающая его о приезде (ЦГАЛИ, ф. 6, оп. 1, № 307).

¹² В декабре 1909 г. Волошин писал В. Кривичу, запрашивая у него рукопись подготовленной к печати книги стихотворений Анненского: «Я очень прошу Вас дать мне на несколько дней „Кипарисовый“ Ларец“, т<ак> к<ак> иначе я не смогу написать той статьи, что обещал, для январского № Аполлона. Что касается „трагедий“, то в этой статье я не думаю касаться, т<ак> к<ак> думаю написать отдельно. Они мне необходимы — но на срок более продолжительный. Мне точно так же был бы необходим „Эврипид“. Но это не спешно, хотя бы очень хотелось иметь все вместе, но с возможностью держать долго. Стихи же мне надо на 2—3 дня» (ЦГАЛИ, ф. 5, оп. 1, № 66). В последних числах декабря Волошин сообщил о работе над статьей секретарю «Аполлона» Е. А. Зноско-Боровскому: «Статья об Иннокентии Федоровиче сегодня начинает писаться <...>, т<о> е<сть> совершается последняя часть работы (предварительные все покончены). Это займет один или два дня. Ко 2-му январю Вы будете иметь ее наверно» (ГПБ, ф. 124, № 973).

ния человеческого слова: нового настолько же, как старого. Он наслаждался построением фразы современного поэта, как старым вином классиков; он взвешивал ее, пробовал на вкус, прислушивался к перезвону звуков и к интонациям ударений, точно это был тысячелетний текст, тайну которого надо было разгадать». ¹³

Касаясь стихов, составивших еще не вышедший тогда в свет сборник «Кипарисовый ларец», Волошин демонстрирует своеобразие поэтического облика Анненского; он подмечает у него «острый взгляд импрессиониста», тяготение к теме смерти и знание «тысячи интимных примет ее»; он подчеркивает его умение — подобно К. К. Случевскому — изобразить кошмар обыденности. Многие наблюдения, сделанные Волошиным, ¹⁴ оказались основополагающими в истолковании поэтического творчества Анненского и были развиты и всесторонне разработаны последующими критиками и исследователями автора «Кипарисового ларца».

Волошин на всю жизнь сохранил благодарную память о своем старшем друге. Получив от В. Кривича отпечаток посмертно появившейся статьи Анненского «Леконт де Лиль и его „Эриннии“», он писал ему 27 марта 1910 г.: «Статья о Леконте де Лиле снова заставила звучать в ушах голос Иннокентия Феодоровича и сжаться сердце». ¹⁵ В 1912 г., задумав пьесу из жизни литературного Петербурга, он среди «необходимых персонажей» намечал вывести «филолога-литературоведа типа Анненского». В программу своей лекции «Возрождение русской лирики в первые десятилетия XX века» Волошин ввел тезис: «Эллино-латинские корни и славянские плоды. Иннокентий Анненский и Вячеслав Иванов». ¹⁶ Перечитывая в январе 1931 г. статью Анненского «Достоевский до катастрофы», Волошин делился впечатлениями с филологом М. С. Альтманом: «Это очень хорошо, глубоко и соответствует моим чувствам». ¹⁷ В июне 1932 г., отвечая на вопросы литературной анкеты критика и библиографа Е. Я. Архиппова о любимых поэтах («которых Вы <...> любите исключительно и неотступно»), Волошин вслед за Пушкиным, Тютчевым и Некрасовым назвал имя Анненского. ¹⁸

Письма И. Ф. Анненского печатаются по автографам, хранящимся в Рукописном отделе Пушкинского Дома, в архиве М. А. Волошина (ф. 562).

¹³ Волошин М. Лики творчества. И. Ф. Анненский — лирик. — Аполлон, 1910, № 4, январь, отд. II, с. 12.

¹⁴ М. Л. Моравская писала Волошину 19 февраля 1910 г.: «Мы читали Ваши статьи в Аполлоне. Как хорошо Вы разгадали Анненского!» (ИРЛИ, ф. 562).

¹⁵ ЦГАЛИ, ф. 5, оп. 1, № 66.

¹⁶ См. письмо Волошина к Ю. А. Галабутскому от 10 октября 1918 г.: ИРЛИ, ф. 562. В наброске Волошина «Метрический стих есть строгая форма...» (относящемся, по-видимому, к статье «Голоса поэтов») говорится: «Академически торжественный, угловатый, накрахмаленный баритон Анненского, который вдруг совершенно иррационально переходит в мастерское звукоподражание клоуна-иллюзиониста, кончает усталым, захватывающим своей обнаженной человеческой искренностью, простым и жутким „вполголоса“» (там же).

¹⁷ Сообщено М. С. Альтманом.

¹⁸ ЦГАЛИ, ф. 1458, оп. 1, № 46, л. 4 об.—5.

6 III 1909.

Дорогой Максимилиан Александрович,

Да, Вы будете один. Приучайтесь гореть свечой, которую воры забыли, спускаясь в подвал, — и которая пышет, и мигает, и оплывает на каменном приступке, и на одне зигзаги только и светит — мыши, да и то, может быть, Аполлоповски-призрачной.¹ Вам суждена, может быть, по крайней мере на ближайшие годы, роль мало благодарная. Ведь у Вас школа... у Вас не только светила, но всякое бурое пятно не проснувшихся еще трав, Ночью скосмаченных... знает, что они — *слово* и что ничем, *кроме слова, им, светилам, не быть, что отсюда и их красота, и алмазность, и тревога, и уныние.* А разве многие понимают, что такое *слово* — у нас? Да почти никто. Нас трое, да и обчелся.² Впрочем, я, может быть, ошибаюсь. Сергей Константинович и Вы видите дальше вперед, чем я, слишком удрученный прошлым. Но знаете, за последнее время и у нас — ух! — как много этих, которые нячтятся со словом и, пожалуй, готовы говорить об *его культе*. Но они не понимают, что самое *страшное и властное слово, т. е. самое загадочное*, — может быть именно слово *будничное*. Что сделал с русской публикой один Вячеслав Иванович?.. На смерть папугал все Замоскворечье... Пуще Артюра Рембо.³ Мы-то его понимаем, нам-то хорошо и не боязно, даже занятно... славно так. А сырой-то женщине какво?..⁴ Любите Вы Шарля Кро?.. Вот поэт — *Do-re-mi-fa-sol-la-si-do...* Помните?⁵ Вот что нам — т. е. в широком смысле слова нам — читателям русским — надо. Может быть, тут именно тот мост, который миражно хоть, но перебросится — ну пускай на полчаса, разве этого мало? — от тысячелетней Иронической Лютеции к нам в Устьсысольские палестины.⁶

Ваш И. Анненский.

Анненский отвечает на недатированное письмо Волошина, написанное после встречи с ним в Царском Селе 4 марта: «Сейчас около пяти часов утра и для меня еще не кончилось бодрствование дня нашей встречи» (ЦГАЛИ, ф. 6, оп. 1, № 307).

¹ Намек на лекцию М. А. Волошина «Аполлон и мышь», прочитанную 3 марта 1909 г. в петербургском «Салоне». «Был на лекции Макса о мыши (!)», — сообщал 4 марта В. Я. Брюсов П. М. Брюсовой (ГБЛ, ф. 386, картон 69, № 6). Весьма вероятно, что там впервые и встретились Анненский и Волошин. В своей лекции Волошин прослеживал древнюю мифологическую связь между «солнечным богом» Аполлоном, олицетворяющим «прекрасный сон жизни», и мышью, понимаемой как «подобие вещи, ускользающего и неуловимого мгновения, тонкой трещины, всегда грозящей нарушить аполлиническое сновидение», а также отголоски этой символики в позднейшем искусстве (Волошин М. Аполлон и мышь. — В кн.: Северные цветы, альманах V. М., «Скорпион», 1911, с. 85—115).

² Имеются в виду Волошин, С. К. Маковский и Анненский. Вопрос

о значимости «слова», которое «так долго было в кабале и помыкании», Анненский поднимает и в статье «О современном лиризме» (Аполлон, 1909, № 1). На письмо Анненского Волошин ответил: «То, что говорите Вы о *слове*, отвечает самым глубинным моим мыслям <...> Слово — изначальная сущность всех вещей. „В начале бе слово“ — я понимаю это *буквально*» (ЦГАЛИ, ф. 6, оп. 1, № 307). О смысле «слова», осознаваемого как «живое существо», как «цель, а не средство», Волошин писал также в программной для него статье «Hogomedon» (Золотое руно, 1909, № 11—12, с. 58—59). В статье «И. Ф. Анненский — лирик» Волошин подчеркивал, что Анненский «сам сознавал, что для него внешний мир ничего, *кроме слова*, не представляет, сам трепетал красотой и алмазностью, тревогой и унынием страшных, властных, загадочных — *будничных слов*» (Аполлон, 1910, № 4, январь, отд. II, с. 13).

³ Анненский иронически сопоставляет архаизированную «эзотерическую» поэтику Вяч. Иванова с запатрированными публику экспериментально-новаторскими литературными опытами Артюра Рембо (1854—1891) — одного из поэтов, заложивших основания символистской поэзии во Франции. В данном случае Анненский, видимо, имеет в виду знаменитый сонет Рембо «Гласные» (см. его статью «О современном лиризме»: Аполлон, 1909, № 1, отд. I, с. 20). Анненский перевел несколько стихотворений Рембо, см.: Анненский И. Стихотворения и трагедии. Л., 1959 (Б-ка поэта. Большая серия), с. 285—286.

⁴ Подразумеваются слова «вдовы небогатого чиновника» Анны Петровны Незабудкиной, героини пьесы А. Н. Островского «Бедная невеста» (1852), неоднократно ею повторяемые: «Женщина я слабая, сырая, позабывчивая»; «Я женщина слабая, сырая, уж и теперь насилию ноги таскаю» и т. д. (Островский А. Н. Полн. собр. соч. в 12-ти т., т. I. М., 1973, с. 203, 238, 240). О сложности восприятия поэзии Вяч. Иванова Анненский писал в статье «О современном лиризме», сравнивая отдельные стихотворения Иванова с «криптограммами». В ином ключе писал Анненский о личности Иванова в черновых набросках «Поэтические формы современной чувствительности» (1909): «Вячеслав Ивканов» очарователен. Высокомерен и голубоглаз. Он прозрачен и прост, почти элементарен среди пугающей громоздкости своих славянизмов. Он улыбается простодушно и даже чуть-чуть растеряно среди метафорических бездн или ставя свои трофеи. В нем что-то — глубоко наше, русское» (ЦГАЛИ, ф. 6, оп. 1, № 168, лл. 9 об.—10).

⁵ Анненский напоминает повторяющуюся строку из стихотворения «Intérieur» французского поэта Шарля Кро (Charles Cros, 1842—1888). Выполненный Анненским перевод этого стихотворения («Do, re, mi, fa, sol, la, si, do...») впервые опубликован А. В. Федоровым в кн.: Анненский И. Стихотворения и трагедии, с. 291—292. Анненский опубликовал переводы двух других стихотворений Кро (Ник. Т.—о. Тихие песни. СПб., 1904, с. 112—113, 117—118). Волошин считал, что избранное Анненским заглавие для книги своих стихов «Кипарисовый ларец» (подразумевалась шкатулка, в которой поэт хранил рукописи) «могло зависеть еще и от названия книги Шарля Кроса „Le coffret de santal“ (1873) («Сандаловый ларец», — *Ред.*). Иннокентий Федорович очень ценил этого поэта и даже считал себя его учеником; но он смешивал его с его сыном Гюи-Шарлем Кросом, цикл эротических стихотворений которого как раз был помещен в начальных номерах „Mercure de France“ за 1909 г. Стихи эти были действительно очень хороши, и особенно И. Ф. Анненский восторгался местом, где говорится о „теле, которое горячее, чем под крылом у птицы“» (рассказ Волошина об Анненском, записанный Л. В. Горнунгом и Д. С. Усовым; Ги-Шарль Кро (1879—1956) — французский поэт и переводчик). Подтверждением предположения Волошина о смешении этих двух поэтов служит замечание о «будничном» словоупотреблении у Кро в черновых набросках Анненского «Поэтические формы современной чувствительности»: «Стихи. Примеры русской опростелости. Ги-Шарль Кро» (ЦГАЛИ, ф. 6, оп. 1, № 168, л. 11 об.). Волошин писал в ответ: «Шарля Кро я люблю

и цену. Но знаю его, к сожалению, лишь отрывками и того, на что Вы намекаете («Do-te-mi-fa-sol...»), я, к стыду моему, не знаю» (ЦГАЛИ, ф. 6, оп. 1, № 307). В статье «Париж и война. Жертвы» Волошин, упоминая «самого оригинального и определившегося поэта молодого поколения Шарля Кро», отмечает, что Анненский ставил его «так высоко, что называл его в числе своих учителей стиха» (Биржевые ведомости, 1915, № 14927, 26 июня).

⁶ Анненский полагал, что своеобразные стихи Кро, с элементами гротеска и буффонады и тенденцией к экспрессивно-ироническому изображению окружающего мира, могут послужить «мостом» между современной французской («Лютеция») поэзией и новейшими исканиями русских поэтов. Сходные образы использованы им в статье «О современном лиризме» (Аполлон, 1909, № 2, отд. I, с. 4).

2

13 августа 1909.

Дорогой Максимилиан Александрович,

Очень давно уже я должен был писать Вам, — но время раздрано, нервы также, — и на письме вышло бы, пожалуй, совсем не то, что я хотел бы там увидеть. Ясности духа, веселой приподнятости, — вот чего вправе ждать от меня друзья и в личных сношениях, и в письмах. Но это лето сложилось для меня во многих, если не во всех, смыслах крайне неудачно. Для разговоров я еще мог себя монтировать, но на письма не хватало завода.

Ну, да это в сторону. Стихи Ваши мне понравились, конечно, очень;¹ да и не может не понравиться то, что «осуществляет мысль».

... плюет на алтарь,
Где твой огонь горит...²

Боже, как мы далеко ушли от этой бутафории. Право, кажется, что Пушкин иногда *не видел* того, что хотели покрыть его слова...

А это Надсоновское:

Пусть *жертвенник разбит* — огонь еще пылает...³

Мысль... мысль?.. Вздор все это. Мысль не есть плохо понятое слово; в поэзии у мысли страшная ответственность... И согбенные, часто недоумевающие, очарованные, а иногда — и нередко — и одураченные словом, мы-то понимаем, какая это сила, святыня и красота.

Присылайте еще *алтарей*. Из моего ларца кое-что уже выудилось, но хотелось бы и из Ваших ненапечатанных пьес сделать подбор для первого номера. Ведь мы почти что «маленькие причастицы» будем 15 октября.⁴

Маковский показывал мне Клоделевских «Муз» в Вашем переводе, и я присидел за ними часа четыре...⁵ Ну, уж и работа была. Но отчего, скажите, Вы послали брульён?⁶ Нет ли тут просто недоразумения? Я сверил половину с текстом... Нет, Вы должны

переработать это. Этого требуют музы прежде всего. А потом и имена: и Ваше, и Клоделевское. Чертовски трудно, конечно, но если не Вы, то кто же будет русским переводчиком Поля Клоделя?⁷

«Горомедон» меня тоже не вполне удовлетворил,⁸ и прежде всего откуда Вы взяли это слово — его нет ни в одной специальной энциклопедии, ни в одном словаре, ни в глоссарии, ни в регистрах...⁹ Ну, до свидания, дорогой Максимилиан Александрович, кланяйтесь Толстым.¹⁰

Ваш И. Анненский.

¹ Речь идет о «новых стихах об Аполлоне», которые Волошин выслал Анненскому из Коктебеля в июне 1909 г.: «Я хочу сделать из них целый цикл под именем „Алтари в пустыне“, куда войдут и некоторые из старых, например „Созвездья“» (ЦГАЛИ, ф. 6, оп. 1, № 307). Цикл «Алтари в пустыне», посвященный А. В. Гольштейн (по первому мужу Вебер, 1849—1937), вошел в книгу Волошина «Стихотворения. 1900—1910» (М., «Гриф», 1910, с. 99—112).

² Цитата из сонета А. С. Пушкина «Поэту» («Поэт! не дорожи любовью народной...») (1830).

³ Цитата из стихотворения С. Я. Надсона «Не говорите мне „он умер“. Он живет!..» (1886) (Надсон С. Я. Полн. собр. стихотворений. М.—Л., 1962 (Б-ка поэта. Большая серия), с. 310).

⁴ Подразаывается день предполагаемого выхода в свет первого номера «Аполлона» (вышел 25 октября). Ср. строки стихотворения Волошина «Воскресенье» (1907) из цикла «Руанский собор» (рассматриваемого Анненским в статье «О современном лиризме»): «И стоит собор — первопричастница» (Волошин М. Стихотворения. Л., 1977, с. 114). В «Литературном альманахе» первого номера журнала были опубликованы «Ледяной трилистник» Анненского и стихотворения Волошина «Дэлос», «Созвездья» и «Полдень», входящие в книгу «Стихотворения. 1900—1910» в цикл «Алтари в пустыне». Видимо, эти стихи Анненского и Волошина обсуждались в «Аполлоне» 17 августа 1909 г., согласно дневниковой записи Иванова: «Гумилев по просьбе Маковского читал мне и Кузмину стихи Анненского и Волошина, чтобы выбрать интереснейшие. Мы по обыкновению совпадали в приговоре» (Иванов Вяч. Собр. соч., т. II. Брюссель, 1974, с. 791). Судя по одному из писем к С. К. Маковскому (лето 1909 г.), Волошин рассчитывал поместить в первом номере «Аполлона» цикл «Алтари в пустыне» в полном объеме.

⁵ Стихотворный перевод оды «Музы» Поля Клоделя (1868—1954) — французского поэта и драматурга католического направления — Волошин выслал С. К. Маковскому 20 мая 1909 г., отметив в отправленном одновременно письме: «Это великолепная, но дьявольски трудная вещь, которую я с трудом одолел, но горжусь переводом». В начале августа Волошин послал «Предисловие к „Музам“ Клоделя». «Это отдельная небольшая статья — поясняющая, ясная и в то же время представляющая самостоятельный от „Муз“ интерес», — писал он С. К. Маковскому 2 августа 1909 г. (ГПБ, ф. 124, № 975): В письме Анненского к Маковскому от 30 июля 1909 г. были указаны допущенные Волошиным небрежности и неточности в переводе. 6 августа Маковский ответил: «Ох, этот Макс! Пожалуйста, все-таки напишите ему от себя два слова» (ЦГАЛИ, ф. 6, оп. 1, № 347).

⁶ От французского brouillon — черновик.

⁷ Отвечая Маковскому на его критические замечания, Волошин писал 15 августа: «Что же касается перевода „Муз“, то я могу за него постоять. Я работал над ним почти два месяца и для каждого слова могу привести его мотивы. Неточности (бессознательные) могут быть лишь в 3—4 местах, где и для меня текст Клоделя оставался темен. Что же касается тяжести, то я думаю, что тут лишь какое-нибудь недоразумение в ритме чтения.

Его надо читать громко, декламируя, и я старался в нем передать именно музыкальную меру подлинника» (ГПБ, ф. 124, № 975). Анненскому же, по получении его отзыва, Волошин ответил 18 августа менее уверенно: «Я работал очень много над этим переводом, но работал в полном одиночестве, так как вокруг меня не было никого, кто увлекся бы мощной риторикой именно этой вещи, хотя бы в моем переводе <...> И я буду Вам благодарен, Иннокентий Федорович, за Вашу критику и за все указания недочетов и вновь переработаю весь этот перевод целиком, так как *я хочу*, чтобы он был совершенным <...> Кроме того, я постараюсь оправдаться во многих *сознательных* отступлениях, сделанных на основании моего понимания творчества Клоделя» (ЦГАЛИ, ф. 6, оп. 1, № 307). Волошин внес отдельные предложенные Анненским исправления в свой перевод (см. с. 236 настоящего издания), но появление его в «Аполлоне» откладывалось из-за большого объема текста оды и предисловия. Они появились в «Аполлоне» в 1910 г. (№ 9). Касаюсь творчества Клоделя в статье «Античный миф в современной французской поэзии», Анненский писал: «Клодель это сноб и вместе с тем экзотист — это оптик самого страстного воображения» (Гермес, 1908, № 8, с. 210).

⁸ О статье «Ногомедон», представлявшей своеобразный философско-поэтический этюд, Волошин писал Маковскому летом 1909 г.: «Это классификация искусств согласно идее времени: музыка владеет стихией прошлого; вся „пластика“ — стихией настоящего и поэзия (слово) — стихией будущего». В письме к нему же от 2 августа: «Эта статья очень важна для моего сознания. Я в ней скристаллизировал свою эстетику, она мое „profession de foi“. Все обобщения и построения, которые рождались в уме за последние годы, я в ней синтезировал с этой аполлонической точки зрения, не совсем обычной, но на которую я имею филологические права: Аполлон — бог времени» (ГПБ, ф. 124, № 975). «Ногомедон» вызвал критические суждения Маковского, Анненского и других «аполлоновцев». 15 августа Волошин писал Маковскому: «Очень меня огорчает судьба „Ногомедона“. С Вашим замечанием относительно трудности стиля я согласен вполне, но не могу согласиться с Анненским и Волыньским <...> Я видел свою (и нашу) задачу не в том, чтобы исследовать древние культы Аполлона, а в том, чтобы создать новый — наш культ Аполлона, взявши семенами все символы, которые мы можем найти в древности. И для нас они, конечно, получают новое содержание. Соединение идей Аполлона Мойрагета с идеей Аполлона — вождя времени я, конечно, не считаю античным. Но для современной мысли, полагаю, это сопоставление может сказать много» (ГПБ, ф. 124, № 975). Ср. обращение к Аполлону в стихотворении Волошина «Дэлос» (лето 1909 г.): «Гневный Лучник! Вождь мгновений! Предводитель мойр и муз!» (Аполлон, 1909, № 1, отд. III, с. 8). «Ногомедон», не принятый редакцией «Аполлона», был опубликован в «Золотом руне» (1909, № 11—12, с. 55—60).

⁹ Волошин, обосновывая название своей статьи (Горомедон — вождь времени), ссылаясь в ответном письме к Анненскому на «La Grande Eusclopedie» (vol. III, p. 357) и дополнительно разъяснял свой замысел: «Статья моя была задумана гораздо раньше, как опыт классификации искусства, согласно иллюзиям настоящего, прошлого и будущего. Но когда я начал обрабатывать ее, мне пришла в голову эта связь одного из наименее определенных ликов Аполлона — вождя времени с парками, которые тоже так странно повторяют идею прошлого, настоящего и будущего. И мне захотелось связать эти (безусловно не научные) аналогии» (ЦГАЛИ, ф. 6, оп. 1, № 307). Маковскому же Волошин писал 15 августа: «...вопрос о верности филологических построений относится только к основному имени Ногомедон. Такой эпитет Аполлона существует, он был ему присвоен в Теносе. А кроме того, у Аполлона были эпитеты $\omega\rho\iota\tau\eta\varsigma$ (бог часов) и $\nu\epsilon\omega\rho\iota\tau\eta\varsigma$ (обновитель месяцев)» (ГПБ, ф. 124, № 975).

¹⁰ Летом 1909 г. близкие друзья Волошина А. Н. Толстой и его жена Софья Исааковна Дымыщиц-Толстая (1889—1963) жили у него в Коктебеле.

Многоуважаемый Максимилиан Александрович,

У меня возврат инфлуэнцы и потому я должен, как лежащий в постели, прибегнуть к состраданию посторонних рук.¹

Не могу Вам сказать, как я огорчен невозможностью присутствовать сегодня при обсуждении Вашего «Венка».²

Благодарю Вас за Ваши любезные хлопоты о «Кипарисовом ларце».³ Так как я раз уже предлагал Грифу свою книгу, то, мне кажется, было бы целесообразнее предложить ее вторично лишь в крайнем случае, т. е. если бы Соколов не захотел сделать первого шага. И потому Вы бы меня очень обязали, написав ему еще раз, чтобы шаг был сделан с его стороны.⁴

Если же он затруднится это сделать, то я сделаю это, конечно, сам; напишу, что слышал от Вас, что Гриф непрочь издать мою книгу.

Не оставьте меня, пожалуйста, вестью о дальнейшем.

Искренне Вам преданный И. Анненский.

4-го ноября 1909 г.

¹ Письмо продиктовано Анненским; подпись — автограф.

² Венок советов Волошина «*Corona astralis*», написанный в Коктебеле в августе 1909 г. и посвященный Е. И. Дмитриевой (Волошин М. Стихотворения. 1900—1910, с. 113—124), должен был обсуждаться 4 ноября на заседании редакции «Аполлона» (см. пригласительную повестку Анненскому: ЦГАЛИ, ф. 6, оп. 1, № 393, л. 5). «Ввиду Вашего отсутствия я настоял, чтобы обсуждение было отложено до следующего раза», — сообщил Волошин Анненскому (там же, № 307). Вероятно, именно этот эпизод подразумевается в характеристике Волошина, данной Хлебниковым в его «сатире» «Карамора № 2-й» («Петербургский „Аполлон“») (ноябрь 1909 г.): «Из теста помещичьего изваянный Зевес Не хочет свой „венок“ вытаскивать из-за молчания завес» (Хлебников в Велимир. Собр. произв., т. II. Изд-во писателей в Ленинграде, [1930], с. 80). Печатание «*Corona astralis*» было отложено Маковским из-за данного Вяч. Иванову обещания напечатать ранее его «Венок советов», законченный к весне 1909 г. 6 сентября 1909 г. Иванов записал в дневнике: «Был у больного Маковского. Он <...> рассказывал о том, что явился Макс с „Венком Советов“. Иронически я сказал, что рассчитываю на деликатность Макса и шел бы опубликовать „Венка“ раньше моего не вполне корректным» (Иванов Вяч. Собр. соч., т. II, с. 802—803). «Венок советов» Иванова появился в «Аполлоне» (1910, № 5), а затем вошел в книгу поэта «*Cor Ardens*» (ч. 2. М., 1911).

³ Волошин, печатавший в издательстве «Гриф» свою книгу «Стихотворения. 1900—1910», взял на себя хлопоты по выпуску в свет книги стихов Анненского «Кипарисовый ларец». В своем письме к Анненскому Волошин процитировал отрывок из письма владельца «Грифа» С. А. Соколова: «Буду рад, если устроите, чтобы Анненский обратился ко мне. Напишите об этом» (ЦГАЛИ, ф. 6, оп. 1, № 307).

⁴ Это предложение Анненский сделал С. А. Соколову в пору сотрудничества в его журнале «Перевал». 12 января 1907 г. Соколов писал Анненскому: «Книгу Ваших стихов издал бы с большим удовольствием, но мешает *одно* обстоятельство: на этот раз у меня есть на очереди несколько книг и бюджет „Грифа“ с большой точностью рассчитан на них <...> *только* эта причина заставляет меня упускать возможность издать Вашу книгу» (ЦГАЛИ, ф. 6, оп. 1, № 364). В 1909 г. Соколов, после предварительной переписки с Волошиным, обратился к Анненскому с письмом от 5 ноября, предлагая издать его книгу.

А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ

ПИСЬМА К С. Д. БАЛУХАТОМУ И Е. Д. ЗОЗУЛЕ

Публикация А. Б. Муратова

Одним из первых декретов Советской власти был декрет об образовании Государственного издательства, перед которым была поставлена задача подготовить и осуществить «дешевое народное издание русских классиков». ¹ Этот факт знаменателен. Издание классиков для народа стало важной стороной издательской деятельности страны. Выдающаяся роль в деле координации такой деятельности принадлежит А. В. Луначарскому. Об этом красноречиво свидетельствуют материалы публикации Л. М. Хлебникова «Луначарский-редактор». ²

В работе по изданию классиков закладывались основы советской текстологии новой и новейшей литературы. Самая необходимость научного издания писателей нового времени не считалась тогда бесспорной. Практика изданий собраний сочинений А. П. Чехова и Л. Н. Толстого уже в 20-е годы подтвердила возможность выработки строго научных текстологических принципов таких изданий и ценность их научного аппарата для читателя. Об отношении самого Луначарского к изданию собрания сочинений Чехова хорошо свидетельствуют его слова: «Я далек от мысли, чтобы на основании тех трех-четырёх томов, которые мы уже подготовили к печати, сказать, что мы даем образцовый метод издания классика для широкого читателя, но я утверждаю, что мы во всяком случае стремимся приблизиться к такой образцовости, и мне кажется, что мы даем впервые собрание сочинений классика в такой тщательной обработке». ³

Идея издания собраний сочинений Чехова в 12 томах (24 книгах), в качестве приложения к журналу «Огонек», принадлежала М. Е. Кольцову, в то время редактору этого журнала. Оно осуществлялось в 1929 г.,

¹ Отчет о деятельности Литературно-издательского отдела Народного комиссариата по просвещению. (К годовщине Октябрьской революции 7 XI 1917—7 XI 1918). М., 1918, с. 3.

² Литературное наследство, т. 82. М., 1971, с. 503—546.

³ Там же, с. 513.

в год 25-летия со дня смерти писателя, под общей редакцией Луначарского; в состав редакционной коллегии вошли С. Д. Балухатый, Е. Д. Зозуля, М. Е. Кольцов и Г. Б. Сандомирский. В 1930—1933 гг. это издание было повторено под редакцией Луначарского и Балухатого.

Известный исследователь творчества Чехова и Горького, выдающийся текстолог и библиограф, Балухатый уже в 20-х годах был автором нескольких научных работ о Чехове, в том числе книги «Проблемы драматургического анализа. Чехов» (Л., 1927), построенной на тщательном изучении текстов, литературной и сценической истории произведений. Это обстоятельство и предопределило, видимо, включение его в редакционную коллегию собрания сочинений в качестве текстолога и комментатора чеховских произведений. Публикуемые письма Луначарского к Балухатому и Зозуле посвящены в основном этим комментариям.

Структура и принципы издания были определены задачей дать широкому читателю не только научно выверенные тексты писателя, но и их современную интерпретацию, «осветить Чехова с новой стороны, сделать ревизию прежнего представления о Чехове как о „певце сумерек“» (Е. Зозуля).⁴ Издание предварялось двумя вступительными статьями, написанными Луначарским и В. М. Фриче. Следуя хронологическому принципу в расположении текстов,⁵ собрание сочинений в то же время строилось по жанровому принципу. Тома, объединяющие произведения одного жанра, также сопровождалась статьями. Одна из них («Мелкие журнальные произведения Чехова») была написана Балухатым (т. IV). Примечания не только поясняли трудные для понимания места текста, но и содержали пространный историко-литературный, текстологический и литературно-критический комментарий. Столь обширный комментарий вызвал тогда же сомнения в связи с ориентацией издания на массового читателя, еще недостаточно подготовленного в первые годы революции к восприятию таких примечаний. Существенное значение имели и соображения технического характера (нехватка бумаги). Однако сомнения эти быстро исчезли: подобный тип издания классиков для широкого читателя получил в дальнейшем широкое распространение. Отметим также, что предложенные Балухатым комментарии подверглись при публикации лишь минимальным сокращениям, главным образом за счет текстологического материала. Установленная в этом издании норма комментария (примерно 5 печатных листов в томе) была принята затем для многих других изданий классиков.

Луначарский с особенной симпатией относился к этому изданию. «Луначарский обещал не только номинально, но и с любовью работать. Он Чехова любит», — записал Сандомирский.⁶ Но дело было не только в этой любви. Луначарский никогда не был номинальным редактором. Так, отвечая на предложение редактировать собрание сочинений Пушкина, он писал в правление Госиздата: «Взять на себя редактирование Пушкина для того только, чтобы там красовалось мое имя, при условии, что оба высокоуважаемые ученые (П. Н. Сакулин и П. Е. Щеголев, — А. М.),

⁴ Цит. по: Семанова М. Л. Чехов и советская литература. 1917—1935. М., 1966, с. 131.

⁵ Об отступлениях от этого принципа см. в письмах Луначарского.

⁶ Цит. по: Семанова М. Л. Чехов и советская литература, с. 131.

которые этим займутся, все же не коммунисты, я, конечно, не могу».⁷ Об этом свидетельствуют и публикуемые письма Луначарского.

Совместная работа над собранием сочинений Чехова оставила глубокий след в сознании Балухатого. В архиве ученого, члена-корреспондента АН СССР, находящемся в Рукописном отделе Пушкинского Дома, сохранился черновик воспоминаний о Луначарском. Они очень показательны в этом плане. «Мои воспоминания об Анатолии Васильевиче Луначарском, — пишет Балухатый, — проходят в двух планах: о Луначарском — несравненном ораторе, докладчике на разнообразных политических и искусствоведческие темы пред массовой аудиторией, и о Луначарском — корректнейшем редакторе, чутком товарище по работе. О Луначарском-трибуне, о секрете его ораторского обаяния, о культурно-политической миссии его бесчисленных выступлений (в частности, в красноармейской и просвещенной аудитории) можно и должно написать целую книгу. Отмечу лишь одну поразительную черту его выступлений: умение вслух на виду у многочисленной аудитории анализировать самый сложный объект; не докладывать заранее заготовленную речь, а создавать, подчас весьма разветвленную, систему аргументации здесь же на глазах у публики. Луначарский владел, — если можно так выразиться, — даром научной импровизации, облакаемой им обычно в образную, всегда легкую, остроумную, доходчивую и убедительную форму.

С Луначарским-редактором мне пришлось иметь дело в 1928—1929 гг. при совместной работе над изданием Полного собрания сочинений Чехова. Были совместные обсуждения плана издания, велась переписка по спорным принципиальным вопросам и частным сторонам издания. Поражала способность А. В. быстро ориентироваться в любом круге вопросов и умение тотчас же, „на ходу“, найти правильное и четкое решение по любому трудному или спорному поводу. Покоряла „легкая твердость“ А. В. в защите интересов широких читательских масс, в настойчивом разъединении, а не слиянии задач научно-академических от культурно-популяризационных. А. В. всегда чутко относился к горячему, нервному отношению к делу товарищей по работе и с изумительной человечностью, тактом, деликатностью улаживал вспыхивающие конфликты. Общение с Луначарским-человеком на деловой почве доставляло огромную радость и неизменно рождало желание творческой общепольной деятельности, примером которой для всех служила его многосторонняя и неустанная работа» (ф. 25, № 182).

Эти слова воспоминаний подтверждаются и письмами Луначарского к Балухатому и Зозуле (ф. 25, № 285, 354).

1

С. Д. БАЛУХАТОМУ

Уважаемый товарищ Балухатый,

принимая во внимание, что издание собрания сочинений Чехова, над редактированием которого мы с Вами работаем, не яв-

⁷ Литературное наследство, т. 82, с. 510.

ляется академическим, выдержанность его, в смысле хронологической последовательности, не так важна для нас, как дать читателю удобную для чтения книгу, не заставляя его ждать по 2 недели продолжения начатой им повести. Поэтому мы решили, в случае необходимости перестановки, производить ее, причем это может быть оговорено в комментариях к каждой данной книге.¹

Крепко жму Вашу руку

А. Луначарский.

21 VII 1929 г.

¹ Каждый том «Собрания сочинений» Чехова состоял из двух книг, каждая книжка высылалась подписчикам раз в две недели. Комментарий помещался в конце второй книжки тома. Каждая книжка была строго ограничена количеством страниц — 192. Это обстоятельство и вызвало трудности в расположении текстов, о которых пишет Луначарский. Первое примечание о нарушении хронологии текстов появилось в т. VI (кн. 12): «По техническим условиям рассказы „Степь“, „Огни“, „Воры“ и „Гусев“ печатаются с нарушением принятого в настоящем издании хронологического порядка произведений» (с. 358). Подобные примечания даны также в томах VII—X. «Технические условия» — лимитирование бумаги, о чем говорил Луначарский: «Однако надо помнить и то, что количество бумаги, которой мы располагаем сейчас, невелико и мы постоянно чувствуем стеснение в этом смысле» (Литературное наследство, т. 82, с. 511).

2

С. Д. БАЛУХАТОМУ

Дорогой товарищ,

вполне уважая Вашу добросовестность в деле издания, я должен Вам все же сказать, что оно рассчитано на массового читателя и не должно обязательно и всюду проводить те же «академические» методы. «Осколки» — вещь приятная, но никакой надобности печатать их непременно полностью все же нет. По-моему только хорошо, что часть их отойдет в новую статью Кольцова.¹

Остальные мы напечатаем с примечанием: «Осколки» «осковской» жизни» печатаются нами почти полностью. Мы не перепечатаем те из них, которые были бы целиком использованы во вступлении статьи М. Кольцова».²

То, что эта часть не будет сопровождаться комментариями — не беда. У нас и так к «Осколкам» дан чрезвычайно, на мой взгляд, даже слишком обширный комментарий.³

Жму Вашу руку

А. Луначарский.

19 XI <1929>.

¹ Речь идет о X томе «Собрания сочинений» Чехова. Статья М. Кольцова «Чехов-фельетонист» предвляла публикацию фельетонов писателя в кн. 19 (с. 128—142). Кольцов опубликовал в своей статье около двух

десятков фельетонов; в значительной части эта статья представляла собою монтаж из произведений писателя.

² В примечании к т. X (кн. 20) сказано: «Ввиду необходимости строго придерживаться объема томов, принятого для данного издания, из текста „Осколков московской жизни“ изъята часть материала, использованного в статье М. Кольцова, предпосланной изданию фельетонов» (с. 346).

³ Настойчиво разъединяя задачи «научно-академические» и «научно-популяризационные», Луначарский не раз указывал на излишнюю обширность комментария Балухатого. Но характерно, что при этом он всегда отмечал полезность и содержательность их. Так, на рукописи «Примечаний» к т. VII, куда вошли такие известные произведения Чехова, как «Скучная история», «Бабы», «Палата № 6», «Рассказ неизвестного человека» и др., Луначарский написал: «Печатать можно. Очень полезный комментарий». Спрашиваю только себя, не слишком ли подробный. А. Луначарский. 17 VII» (ф. 25, № 355). Надпись сохранилась на оторванном от страницы текста «Примечаний» лоскутке. Сбоку штамп Госиздата с датой их поступления — 16 июля 1929 г. Другой отзыв о работе Балухатого содержится в приводимом далее письме Луначарского к Е. Д. Зозуле.

3

Е. Д. ЗОЗУЛЕ

Тов. Зозуле.¹

Дорогой Ефим Давидович.

Присланный мне комментарий к т. IX и комментарий к пьесам возвращаю.² Печатать их, разумеется, можно. Не могу не отметить, что благодаря, вероятно, богатому содержанию материала этого тома комментарии очень содержательны. Некоторые утверждают, что наши комментарии к Чехову читаются разве половиной читателей, да и то хорошо. Я неоднократно отмечал, что, по моему мнению, наш комментарий для популярного издания неск(олько) тяжеловесен.

Поэтому хотелось бы даже как-то отметить, может быть заметкой в журнале «Огонек», исключительную жизненность и содержательность последнего комментария.³

А. Луначарский.

17 X 29 г.

¹ Письмо представляет собою машинописную копию письма Луначарского Е. Д. Зозуле (1891—1941), работавшему в то время заместителем редактора журнала «Огонек». Копия эта предназначалась для Балухатого — на ней помета рукою Зозули: «Балухатому».

² Том IX включал последние повести и рассказы Чехова («Мужики», «Крыжовник», «О любви», «Ионыч», «Случай из практики», «Новая дача», «По делам службы», «Дама с собачкой», «На святках», «В овраге», «Архидей», «Невеста») и часть пьес (сены и водевили, «Иванов» и «Чайка»); «Дядя Ваня», «Три сестры» и «Вишневый сад» составили часть тома X.

³ Данный отзыв еще раз свидетельствует о том, что проблемы комментирования неразрывно были связаны в сознании Луначарского с общественно-культурными задачами издания.

ФРАНЦУЗСКИЕ КОРРЕСПОНДЕНТЫ А. И. ТУРГЕНЕВА

М.-А. ЖЮЛЬЕН, Э. ЭРО, П.-С. БАЛАНШ, Ф. ЭКШТЕЙН

Публикация П. Р. Заборова

Составная часть обширного архива братьев Тургеневых (ф. 309), архив Александра Ивановича Тургенева (1784—1845), как и вообще все это поистине замечательное рукописное собрание, хранящееся в ИРЛИ, — ценнейший источник для изучения русской и западноевропейской культуры и общественной жизни XIX в. Между тем научное издание его материалов, некогда осуществлявшееся с большой интенсивностью, почти прекратилось. Правда, в последнее время увидели свет дневники («журналы») 1825—1826 гг.¹ Однако огромное множество интереснейших документов все еще остается недоступным не только широкому кругу читателей, но и большинству специалистов. Не известен в печати и целый ряд писем, адресованных А. И. Тургеневу его русскими и иностранными корреспондентами — немецкими, английскими, французскими.

Во Франции А. И. Тургенев провел в общей сложности около восьми лет и за это время сблизился и сдружился с немалым числом политиков, дипломатов, писателей, артистов, художников, ученых. Человек разносто-

¹ Тургенев А. И. Хроника русского. Дневники (1825—1826 гг.). Издание подготовил М. И. Гиллельсон. М.—Л., 1964. Кроме того, отдельные фрагменты дневников А. И. Тургенева были использованы в трудах о нем и его современниках. См., например: Герштейн Э. Дуэль Лермонтова с Барантом. — Литературное наследство, т. 45—46. М., 1948, с. 419—422; Зильберштейн И. С. А. И. Тургенев — ходоатай за Адама Мипкевича. — Изв. АН СССР. Отд-ние лит. и яз., 1955, т. XIV, вып. 6, с. 544—546; Алексеев М. П. Томас Мур, его русские собеседники и корреспонденты. — В кн.: Международные связи русской литературы. М.—Л., 1963, с. 233—285; Пугачев В. В. А. И. Тургенев в 1825—1826 гг. (по неизданным материалам). — Учен. зап. Горьковск. гос. ун-та. Серия историко-филол., 1963, вып. 58, с. 466—476; Гиллельсон М. И. Н. В. Гоголь в дневниках А. И. Тургенева. — Русская литература, 1963, № 2, с. 138—143; Мюллер-Кочеткова Т. В. Стендаль по материалам архива А. И. Тургенева. — Учен. зап. Латв. гос. ун-та, Рига, 1972, т. 174, с. 118—133; Орлик О. В. Передовая Россия и революционная Франция (1-я половина XIX в.). М., 1973, с. 142—143.

ронных интересов, образованный, умный, необычайно общительный и живой, он был желанным гостем в самых разных домах, у самых разных людей, неизменно завоевывая симпатию и уважение. Среди его парижских знакомых и друзей В. де Бройль, Ф. Вильмен, П. Барант, Ф. Гизо, Б. Констан, Стендаль, Мериме, Сент-Бев, Бальзак, Кювье и другие знаменитости тех лет, впрочем, не отучившие его «ни от Москвы, ни от старых, закоренелых <...> навыков к русской старине, к русской поэзии, словом, к России».²

О некоторых из этих контактов А. И. Тургенева с деятелями французской культуры и рассказывают приводимые ниже неизданные письма из его архива.

Несколько публикуемых писем (№ 3560, 4209, 3525) уточняют наши представления о взаимоотношениях А. И. Тургенева с редакцией журнала «Revue encyclopédique».

Основатель этого авторитетного либерального издания и его бессменный редактор Марк-Антуан Жюльен де Пари (1775—1848) в прошлом являлся активным участником Великой французской революции, единомышленником и соратником Робеспьера; в наполеоновское время занимал различные — военные и гражданские — должности и в 1805 г. был удостоен ордена Почетного легиона, но сохранял при этом столь редкую тогда независимость поведения и мыслей. Литературная деятельность Жюльена началась в годы революции, когда им был сочинен «маленький патриотический дивертисмент» под названием «Обеты гражданок» (1794);³ затем из-под его пера вышло не одно сочинение в прозе и стихах, однако главным делом его жизни стала журналистика, и прежде всего издание «Revue encyclopédique» (1819—1831).⁴

Важной особенностью этого журнала, получившего широкую известность во Франции и за ее пределами, было сравнительно подробное освещение на его страницах различных сторон современной русской жизни. Отсюда участие в «Revue encyclopédique» русских литераторов, таких как С. Д. Полторацкий и Я. Н. Толстой⁵ (попытка Жюльена привлечь для этой цели П. А. Вяземского и А. И. Тургенева не увенчалась успехом).⁶ Впрочем, на «русскую тему» писали и некоторые французские авторы — Ж.-М. Шопен, Ш.-О. Кокерель и в особенности секретарь редакции Эдм-Жюашен Эро (1791—1836), проведший около десяти лет в России и по-

² Переписка А. И. Тургенева с кн. П. А. Вяземским, т. I. Пг., 1921, с. 220.

³ См.: Марк-Антуан Жюльен де Пари и его пьеса «Обеты гражданок». Предисловие К. Державина, публикация и комментарии В. Александри. — Литературное наследство, т. 29—30. М., 1937, с. 539—576.

⁴ О «Revue encyclopédique» см.: Des Granges Ch.-M. La presse littéraire sous la Restauration. Paris, 1907, p. 81—84.

⁵ См.: Масанов Ю. И. Сергей Дмитриевич Полторацкий. (Из истории русской библиографии XIX века). — Советская библиография, вып. 2. М., 1947, с. 61—90; Модзалевский Б. Л. Яков Николаевич Толстой. СПб., 1899, с. 25—28.

⁶ См.: Дурьлин С. Н. П. А. Вяземский и «Revue encyclopédique». — Литературное наследство, т. 31—32. М., 1937, с. 89—108; Тургенев А. И. Хроника русского. Дневники, с. 365.

тому в какой-то мере владевший русским языком.⁷ Известно, что в 1827 г. Вяземский приглашал Эро сотрудничать в «Московском телеграфе», по скоро в нем разочаровался. Однако дело, по-видимому, было не столько в «лености» и «неаккуратности» Эро, о которых Вяземский писал Тургеневу,⁸ сколько в его чрезвычайной занятости: «Revue encyclopédique» он напечатал множество статей и заметок, выполняя при этом обязанности главного секретаря редакции, и одновременно был секретарем другого парижского журнала — «Bulletin universel des sciences et de l'industrie».

С Жюльеном Тургенев познакомился 12 ноября н. ст. 1825 г.⁹ у Ж. Кювье;¹⁰ с Эро — двумя неделями позднее в редакции «Revue encyclopédique».¹¹ Общение с ними было недолгим и ограничивалось главным образом оказанием взаимных услуг. Но самый факт общения Тургенева с участниками знаменитого либерального журнала примечателен. Заслуживает внимания и другое обстоятельство: с жадностью следивший за успехами отечественной словесности, Тургенев в поисках книжных и журнальных новинок прибегал, как выясняется, к помощи Эро, тот же в свою очередь обращался к нему как к знатоку за сведениями о России.

Следующая за этим подборка писем позволяет отчетливее проследить связи А. И. Тургенева с салоном Жюльетт Рекамье (1777—1849). Впервые он появился в этом знаменитом литературно-политическом салоне 2 декабря 1825 г. «Вчера провел вечер у m-me Récamier, и она мне чрезвычайно полюбилась. Милая, прелестная физиономия, которая носит на себе печать прекрасной жизни — и черты красоты душевной, неуязвимой», — отметил он в дневнике на другой день и далее, охарактеризовав собравшееся там общество и беседу (во время которой, между прочим, говорили «много о поэте Пушкине»), признался себе: «Прием ее, дружелюбное приветствие, непринужденное, ободрительное, — все влечет меня к ней, и я редко буду пропускать вечера понедельника и пятницы, в которые можно ее видеть».¹² Два года спустя в письме к брату Николаю, сообщив об очередном посещении г-жи Рекамье, А. И. Тургенев заметил: «...меня там, кажется, охотно принимают, и сегодня опять мне очень приятно было болтать с лицами, с коими начинаю знакомиться».¹³ Проходили месяцы и годы, но салон и его обаятельная хозяйка продолжали притягивать к себе Тургенева. «Она и душою, и образованным умом все постигает. А жизнь, обращение ее с лучшими и умнейшими людьми ее века познакомили ее с каждою новою идеею, почти с каждою новою формою, в которой отливались идеи века», — писал он, например, Вяземскому 3 июня 1830 г.¹⁴ Бывал он там и в последний свой приезд в Париж,

⁷ О нем см.: Остафьевский архив, т. III. Примечания. СПб., 1908, с. 512.

⁸ Остафьевский архив, т. III. СПб., 1899, с. 167.

⁹ Далее, кроме особо оговоренных случаев, все даты приводятся по новому стилю.

¹⁰ Тургенев А. И. Хроника русского. Дневники, с. 350.

¹¹ Там же, с. 365—366.

¹² Там же, с. 363.

¹³ Письма Александра Ивановича Тургенева к Николаю Ивановичу Тургеневу. Лейпциг, 1872, с. 256.

¹⁴ Остафьевский архив, т. III, с. 206.

уже тяжело больной, с грустью наблюдая изменения в облике хозяйки и ее гостей. «Вчера сидел до обеда у Рекамье с другими, но славными развалинами», — пронизировал он в письме к Вяземскому от 27 апреля 1844 г.¹⁵

Салон этот посещали многие, но круг постоянных его посетителей был весьма узок: прославленный писатель и политический деятель Ф.-Р. де Шатобриан; философ, автор «Опытов социальной палингенезии» П.-С. Баланш, историк литературы, профессор Коллеж де Франс Ж.-Ж.-А. Ампер, племянник хозяйки Поль Давид, племянница г-на Рекамье Амели и муж ее — историк и археолог Шарль Ленорман. Из них наибольшая близость установилась у Тургенева с Пьером-Симоном Баланшем (1776—1847).¹⁶ Этим и объясняется наличие писем Баланша в тургеневском архиве. Правда, нередко этот преданнейший друг г-жи Рекамье выступал лишь в качестве ее секретаря, извещая Тургенева о предстоявших чтениях или их отмене (в 1830-х годах читались по преимуществу «Замогильные записки» Шатобриана).¹⁷

Подобные поручения выполняла иногда и Амели Ленорман, о чем свидетельствует одна из двух ее сохранившихся среди бумаг Тургенева записок. Другая содержит приглашение посетить Ленорманов, у которых Тургенев, по-видимому, также бывал, хотя и нечасто.

Из девяти писем этого цикла далее публикуются пять, причем второе — пятое письма восходят к архиву братьев Тургеневых (№ 3478 и 4202), первое — к собранию П. Я. Дашкова (ф. 93, оп. 3, № 1362).

В заключение приводятся три находящиеся в архиве А. И. Тургенева письма к нему (№ 3796) барона Фердинанда Экштейна (1790—1861), французского философа и публициста, автора книг «О иезуитах» (1827) и «Об Испании» (1836), а также множества статей в различных периодических изданиях — «Annales de la littérature et des arts», «Quotidienne», «Drapeau blanc», «Le Catholique», «Le Correspondant», «Revue française et étrangère», «Revue asiatique», «Journal de l'Institut historique», «Revue archéologique», «Gazette d'Augsbourg», два из которых — «Le Catholique» и «Revue française et étrangère» — Экштейн возглавлял.

Тургенев обратил внимание на деятельность Экштейна вскоре после приезда во Францию. Во всяком случае сведения о нем и журнале «Le Catholique» содержались уже в первом «Письме из Дрездена», которое увидело свет в 1827 г. на страницах «Московского телеграфа». ¹⁸ Имя это не раз появлялось впоследствии и в печатных корреспонденциях Тургенева,¹⁹ и в его переписке, изданной много позднее.²⁰

Личное общение Тургенева и Экштейна началось, по всей вероятности, летом 1827 г. в Эмсе и в дальнейшем не прекращалось, хотя не было ни

¹⁵ Там же, т. IV. СПб., 1899, с. 276.

¹⁶ Ср. относящееся к Баланшу пояснение в письме Тургенева к Вяземскому от апреля 1830 г.: «Мой приятель и penseur» (Остафьевский архив, т. III, с. 186).

¹⁷ См.: *Le vaillant M. Chateaubriand, Madame Récamier et les «Mémoires d'Outre-Tombe»*. Paris, 1936.

¹⁸ Тургенев в А. И. Хроника русского. Дневники, с. 9—10.

¹⁹ Там же, с. 85, 134, 157, 180, 265.

²⁰ Письма Александра Ивановича Тургенева к Николаю Ивановичу Тургеневу, с. 59, 61, 223, 226, 256; Остафьевский архив, т. IV, с. 29, 40, 54.

частым, ни тем более дружеским. Встречались они, как правило, в парижском католическом салоне С. П. Свечиной.²¹ Небезразличный к мнению Тургенева, Экштейн посылал ему свои сочинения, Тургенев же знакомил его с книжными новинками и т. п. Между прочим, Тургенев служил посредником между Экштейном и П. Я. Чаадаевым, всячески способствуя их взаимному интересу.

ПИСЬМА М.-А. ЖЮЛЬЕНА И Э. ЭРО

1

Paris, le 2 février 1828.

Monsieur,

Voici une lettre pour neuf personnes avec lesquelles j'ai des relations à Londres, et qui seront charmées de vous connaître. Au besoin M. Fr. Degeorge¹ vous donnera leur adresse. Il m'a été impossible d'écrire à chacune en particulier.²

Je n'ai que le tems de vous renouveler l'assurance de mes sentimens très distingués.

Jullien.

à Monsieur Alex. Tourguéneff.

Перевод:

Париж, 2 февраля 1828.

Милостивый государь,

Вот письмо, одно для девяти лиц, с которыми я поддерживаю отношения в Лондоне и которые будут очень рады с вами познакомиться. В случае нужды г-н Фр. Дежорж¹ даст вам их адреса. Написать каждому из них отдельно у меня не было возможности.²

Время, которым я располагаю, достаточно лишь для того, чтобы вновь засвидетельствовать вам мое глубочайшее уважение.

Жюльен.

Господину Алекс. Тургеневу.

Письмо написано на бланке «Revue encyclopédique».

²¹ О ней см.: Falloux A. Madame Swetchine, sa vie et ses oeuvres. Paris, 1908.

¹ Дежорж Фредерик (1797—1854) — французский политический деятель и публицист либерального направления; заочно приговоренный к смерти за участие в испанских революционных событиях 1820—1823 гг., эмигрировал в Англию; в 1828 г. вернулся на родину и был оправдан.

² Ср. в письме А. И. Тургенева к Н. И. Тургеневу от 2 февраля 1828 г.: «От Жюльена получил одно письмо к шестерым из его лондонских корреспондентов» (Письма Александра Ивановича Тургенева к Николаю Ивановичу Тургеневу, с. 386). Жюльен снабжал Тургенева рекомендательными письмами и перед его первой поездкой в Англию, в январе 1826 г. (см.: Тургенев А. И. Хроника русского. Дневники, с. 365).

Paris, le 9 novembre 1829.

J'ai l'honneur d'offrir mes complimens très empressés à Monsieur Tourguéneff et de lui envoyer les cahiers 13 à 24 du «*Courrier de Moscou*», année 1828.¹

Occupé d'un article pour la «*Revue Encyclopédique*» sur les Règlemens des années 1804, 1826 et 1828 de la censure, en Russie, je désirerais beaucoup savoir à quelle époque la censure a été instituée et organisée dans ce pays, quelle est la date du premier oukaz ou règlement, avec quelques renseignemens sur la manière dont elle s'exerçait avant le règne d'Alexandre; M. Tolstoy m'assure que Monsieur Tourguéneff est en mesure de me satisfaire, je m'adresse donc à lui en toute confiance espérant tout de ses lumières et de son obligeance en cette occasion, et je lui offre ici d'avance tous mes remerciemens.²

Son bien affectionné et bien dévoué serviteur

E. Héreau.

Monsieur Monsieur Tourguéneff. Avec les №№ 13 à 24 du «*Courrier de Moscou*», année 1828.

Перевод:

Париж, 9 ноября 1829.

Я имею честь от души приветствовать господина Тургенева и передать ему с 13 по 24 выпуски «*Московского вестника*» за 1828 г.¹

В настоящее время я тружусь над статьей для «*Revue encyclopédique*» о цензурных уставах в России 1804, 1826 и 1828 годов и очень хотел бы узнать, когда была учреждена и основана в этой стране цензура, какова дата первого указа или устава, а также получить некоторые сведения о том, каким образом она осуществлялась до начала царствования Александра; г-н Толстой уверяет меня, что господин Тургенев в состоянии меня удовлетворить, и потому я без колебаний обращаюсь к нему, всецело полагаясь в данном случае на его познания и любезность, и заранее приношу ему свою глубочайшую благодарность.²

Искренне и совершенно преданный ему слуга

Э. Эро.

Милостивому государю господину Тургеневу. С приложением № 13—24 «*Московского вестника*» за 1828 год.

Письмо написано на бланке журнала «*Bulletin universel des sciences et de l'industrie*».

¹ «*Московский вестник*» — журнал, издававшийся в 1827—1830 гг. под редакцией М. П. Погодина.

² 13 ноября 1829 г. Тургенев отметил в дневнике: «*Был у Геро и толковал о цензуре в России*» (ИРЛИ, ф. 309, № 308, л. 84 об.). Статья Эро была напечатана в библиографическом отделе журнала (*Revue encyclopédique*, 1829, т. XLIV, novembre, p. 506—514). Имя Тургенева при этом нигде не называлось; с благодарностью (за сведения, полученные уже после окончания статьи) был упомянут лишь Я. Н. Толстой.

Paris, le 6 fév<rier> 1830.

J'ai l'honneur d'offrir mes salutations bien empressées à Monsieur de Tourguéneff, et de lui adresser quelques № du «Славянин»¹ et du «Сын отечества»,² les derniers que nous ayons reçus.

Je n'ai point de cahiers du «Тélégraphe»³ plus récents que ceux que Monsieur Tourguéneff me renvoie; demain, s'il veut envoyer chez moi, dans la matinée, rue St-André des Arcs № 11, je remettrai à son domestique quelques ouvrages, entre autres les «Oeuvres de Karamzine».⁴

Son bien respectueux et bien dévoué serviteur

E. Héreau.

A Monsieur Monsieur de Tourguéneff.

Перевод:

Париж, 6 февраля 1830.

Я имею честь от души приветствовать господина Тургенева и передать ему несколько номеров журналов «Славянин»¹ и «Сын отечества»,² последние из полученных нами.

Более свежих выпусков «Телеграфа»,³ нежели те, что господин Тургенев мне возвратил, у меня нет; если же ему будет угодно завтра утром послать ко мне на улицу Сент-Андре дез Арк № 11, то я вручу его человеку несколько книг, и в их числе «Сочинения Карамзина».⁴

Почтительнейший и преданнейший его слуга

Э. Эро.

Милостивому государю господину Тургеневу.

Письмо написано на бланке журнала «Bulletin universel des sciences et de l'industrie».

¹ «Славянин» — журнал, издававшийся в Петербурге в 1827—1830 гг. под редакцией А. Ф. Воейкова.

² «Сын отечества» — журнал, выходивший с 1812 по 1852 г. в Петербурге; первоначально издавался под редакцией Н. И. Греча, позднее — Греча и Ф. В. Булгарина.

³ Имеется в виду «Московский телеграф», издававшийся в 1825—1834 гг. Н. А. Полевым.

⁴ См. примеч. 2 к следующему письму.

Paris, le 7 février 1830.

Je n'ai vérifié qu'après le départ du domestique de Monsieur de Tourguéneff le paquet de journaux russes qu'il m'a renvoyés; et j'ai trouvé qu'il y manquait les №№ 2 et 4 du «Тélégraphe de Moscou», outre le № 12 qu'il reconnaît lui-même avoir gardé; je lui serai très obligé de vouloir bien les faire rechercher pour qu'ils ne manquent point à ma collection. Le № 4 du «Courrier de Moscou», année 1828,

a vu le feu de très près et est assez endommagé pour qu'on ne puisse le relier tel qu'il est; ce journal appartient à la bibliothèque du «Bulletin», et nous serons obligés d'écrire en Russie pour qu'il soit remplacé. J'adresse cette observation à Monsieur de Tourguéneff, ignorant encore si c'est chez lui ou chez M. le g<énéral> Schwe-tchine¹ que ce petit malheur est arrivé; mais afin d'appeler surtout ses soins et son attention sur ceux des journaux que je lui envoie en communication et qui ne m'appartiennent pas.

J'ai l'honneur d'envoyer à Monsieur de Tourguéneff, selon le désir qu'il en a exprimé: 1° les Mémoires d'un Moscovite, par Iacov-leff, en 2 vol.; 2° la Promenade sentimentale à la perspective de la Néva, par le même, 1 vol.; 3° les 9 volumes des Oeuvres diverses de Karamzine et les Oeuvres de Joukovsky, en prose, 1 vol.²

Je lui recommande cet envoi et lui renouvelle l'assurance de mes sentimens les plus distingués.

Son bien dévoué serviteur

E. Héreau.

A Monsieur Monsieur de Tourguéneff.

Перевод:

Париж, 7 февраля 1830.

Я проверил пакет с русскими журналами, возвращенными мне господином Тургеневым, лишь после ухода его человека и обнаружил, что в нем недостает № 2 и 4 «Московского телеграфа», помимо № 12, который он, по собственному признанию, оставил у себя; я буду весьма ему обязан, если он распорядится их отыскать, дабы мое собрание не оказалось неполным. № 4 «Московского вестника» был поднесен очень близко к огню и поврежден настолько, что переплести его в таком виде было бы невозможно; этот журнал принадлежит библиотеке «Бюллетеня», и для замены его нам придется писать в Россию. Я адресую это замечание господину Тургеневу, еще не зная, случилось ли это маленькое несчастье у него или же у генерала Свечина,¹ в первую очередь для того, чтобы он позаботился о сохранности журналов, которые я ему посылаю и которые мне не принадлежат.

Я имею честь отправить господину Тургеневу, согласно желанию, им выраженному: 1) «Записки москвича» Яковлева, 2 тт. 2) «Чувствительное путешествие по Невскому проспекту» того же автора, 1 т. 3) 9 томов «Сочинений» Карамзина и «Сочинения в прозе» Жуковского, 1 т.²

Я обращаю его внимание на посылаемые книги и вновь прошу принять уверение в моем глубочайшем уважении.

Совершенно преданный его слуга

Э. Эро.

Милостивому государю господину Тургеневу.

Письмо написано на бланке журнала «Bulletin universel des sciences et de l'industrie».

¹ Свечин Николай Сергеевич (1758—1850), генерал-от-инфантерии, муж Софьи Петровны Свечиной (1782—1857).

² Имеются в виду следующие книги: Яковлев П. Л. 1) Записки москвича. М., 1828—1830; 2) Чувствительное путешествие по Невскому проспекту. М., 1828; Крамзин Н. М. Сочинения. М., 1820; Жуковский В. А. Сочинения в прозе. СПб., 1826.

ПИСЬМА П.-С. БАЛАНША

1

Monsieur,

Voici le Manuscrit que vous avez eu l'extrême bonté de me communiquer.

Je voulais avoir l'honneur de vous le porter moi-même, mais je pars, et je suis obligé d'ajourner à mon retour mon entretien avec vous sur ce sujet.

En attendant, je puis vous dire qu'il m'a fait un véritable plaisir, que je suis tout-à-fait sympathique avec la forme et le fonds, que je désire beaucoup connaître tous les écrits de cette personne.

Seriez-vous assez aimable et assez bon pour m'écrire, de temps en temps, quelques mots sur la santé de Madame Switchine? Vous obligeriez deux personnes à la fois, Mad. Récamier et moi.

Votre bien dévoué serviteur et plus

Ballanche.

2 juillet.

Monsieur Monsieur Alexandre Tourguéneff, rue Neuve St-Augustin. Paris. — Avec un manuscrit.

Перевод:

Милостивый государь,

Вот рукопись, полученная мною благодаря вашей чрезвычайной любезности.

Я почел бы за честь лично вам ее вручить, но я уезжаю и вынужден отложить нашу беседу на эту тему до моего возвращения.

Пока же могу лишь сказать вам, что она доставила мне истинное удовольствие, что я вполне сочувствую ее форме и содержанию и мне очень хочется ознакомиться со всеми сочинениями этого человека. Не будете ли вы столь любезны и добры время от времени сообщать мне о здоровье госпожи Свечиной? Вы обяжете одновременно двоих, г-жу Рекамье и меня.

Ваш совершенно преданный слуга — и более того —

Баланш.

2 июля.

Милостивому государю господину Александру Тургеневу, Новая улица Сент-Огюстен. Париж. — С приложением рукописи.

Письмо датируется 2 июля 1835 г.: 3 июля Тургенев отметил в дневнике: «Получил от Баланша записку и рукопись Чадаева» (ф. 309, № 305, л. 85 об.).

На письмо надпись рукой Тургенева: «Прошу доставить П. Я. Чадаеву: он отгадает, о какой рукописи идет дело». Просьба эта была исполнена, о чем Чадаев (между прочим польщенный отзывом Баланша) известил Тургенева (см.: Чадаев П. Я. Соч. и письма, т. I. М., 1913, с. 188—189). Историю «рукописи» и письма Баланша Тургенев подробно изложил в письме к П. А. Вяземскому (из Москвы в Петербург) от 1 ноября ст. ст. 1836 г., т. е. через несколько дней после того, как было объявлено «решение» о помешательстве Чадаева и все его бумаги были конфискованы: «Вероятно, в бумагах Чадаева» найдут и записку ко мне Баланша, в коей он благодарит меня за доставление ему для прочтения отрывков из письма Чадаева». Это письмо о Риме в ответ на мое об Италии и о папе. В нем есть две страницы красноречивые о Риме, о его вечности, о значении историческом папства и прочем. Чадаев был взбешен моею картиною Италии и папства в письмах моих к вам и к нему <...> Он отвечал уже мне в Париж, и я видел, что он кокетствовал со мною слогом и общими историческими видами на Италию и на папу и желал, чтобы Шатобриан или Баланш прочли его. Я потешил его и послал ему записку Баланша на отрывок из его письма, ему, помнится, сообщенный» (Остафьевский архив, т. III, с. 345—346; ср.: там же, с. 351).

2

Nous ne nous sommes rencontrés ni chez Madame Récamier, ni chez Madame Switchine.

Le volume de Channing¹ n'est point perdu, il n'est qu'égaré.

Je l'ai demandé à M. de Chateaubriand, qui ne l'a point.

Je l'ai demandé à M. Paul David, qui l'a eu entre les mains, et qui l'a rendu immédiatement.

Enfin on s'est souvenu qu'il avait été prêté à M. Ampère le fils. Et malheureusement Ampère se trouve à Fontainebleau. Il revient ce soir, car demain c'est le jour de son cours.

J'ai donc lieu d'espérer que vous aurez le volume avant votre départ.² Dans tous les cas, vous pouvez très bien le promettre à la Bibliothèque où vous l'avez emprunté. Il sera certainement restitué dans la journée de demain.

Maintenant, je ne puis vous laisser partir sans un mot au sujet d'une affaire où vous avez été si bon pour moi.

Mes affaires se débrouillent; elles devaient se débrouiller beaucoup plus tôt. Mais enfin je touche au moment de les arranger à ma satisfaction.

Voulez-vous que je vous fasse une reconnaissance ou un bon payable dans un mois et demi, que vous pourriez laisser ici ou à Monsieur votre frère, ou à votre banquier?

Il est possible que nous nous rencontrerions encore aujourd'hui à Passy,³ ou ce soir chez Madame Switchine.

Dans le cas où nous ne nous rencontrerions pas, j'irais vous faire

mes adieux demain avant que vous ne sortiez, c'est-à-dire, sur les 8 heures au plus tard.

Je vous embrasse tendrement.

Ballanche.

6 juin 1836.

Monsieur Monsieur Alexandre Tourguéneff, rue Neuve St-Augustin, № 48. Paris.

Перевод:

Мы не повстречались ни у госпожи Рекамье, ни у госпожи Свечиной. Том Чанинга¹ отнюдь не потерял, он лишь заблудился.

Я спрашивал о нем у г-на де Шатобриана, но у того не было его и нет.

Я спрашивал о нем у г-на Поля Давида, тот держал его в руках, но сразу же вернул.

Наконец вспомнили, что том был одолжен г-ну Амперу-сыну. Но, к сожалению, Ампер находится сейчас в Фонтенебло. Возвращается он сегодня вечером, поскольку завтра его лекционный день.

У меня, следовательно, есть основание надеяться, что вы получите том до вашего отъезда.² Во всяком случае, вы можете с уверенностью обещать его библиотеке, из которой взяли. Он несомненно будет возвращен в течение завтрашнего дня.

Теперь о другом: я не могу допустить, чтобы вы уехали, а я так и не вспомнил о деле, в котором вы были ко мне столь добры.

Дела мои налаживаются; они должны были наладиться много раньше. Однако я лишь сейчас вижу, что в самое ближайшее время все устроится в мою пользу.

Следует ли мне выдать вам расписку или же вексель на полтора месяца, который вы можете оставить своему брату или своему банкиру?

Возможно, что еще сегодня мы встретимся с вами в Пасси³ или же вечером у госпожи Свечиной.

Если же мы не встретимся, я приду проститься с вами завтра до того, как вы уйдете, то есть самое позднее в 8 часов.

Нежно вас обнимаю.

Баланш.

6 июня 1836.⁴

Милостивому государю господину Александру Тургеневу, Новая улица Сент-Огюстен, № 48. Париж.

¹ Чанинг Уильям Эллери (1780—1842) — американский философ и проповедник.

² Тургенев выехал из Парижа 14 июня 1836 г.

³ В парижском пригороде Пасси иногда проводила лето Ж. Рекамье. См.: Souvenirs et correspondance tirés des papiers de Madame Récamier, t. 2. Paris, 1859, p. 425.

⁴ 6 июня 1836 г. Тургенев отметил в дневнике: «Получил письмо от Баланша о книге Чанинга и о долге. Отвечал ему» (ф. 309, № 316, л. 23 об.). Встреча Тургенева с Баланшем состоялась в тот же день вечером у С. П. Свечиной (там же).

Mad. Récamier a d'autant plus regretté de ne pas s'être trouvée chez elle lorsque M. de Tourguéneff a pris la peine d'y venir qu'elle voulait le prévenir qu'il y avait aujourd'hui une lecture.

Cette lecture commencera aujourd'hui, dimanche, un peu avant 3 heures. Je suis chargé de le faire savoir à M. de Tourguéneff. Mille empressés complimens.

Ballanche.

Monsieur Monsieur de Tourguéneff.

Перевод:

Г-жа Рекамье особенно сожалеет, что ее не было дома, когда г-н Тургенев взял на себя труд к ней прийти, поскольку она хотела его предупредить о сегодняшнем чтении.

Это чтение начнется сегодня, в воскресенье, около трех часов. Мне поручено известить об этом г-на Тургенева.

Тысяча сердечных приветов.

Баланш.

Милостивому государю господину Тургеневу.

30 ноября 1838 г. Тургенев пометил в дневнике: «Был у Рекамье, не застал» (ф. 309, № 318, л. 88 об.), а 2 декабря, в воскресенье, записал: «От Баланша приглашение к Рекамье» (там же) и затем подробно осветил свое посещение этого салона, где в присутствии многочисленных гостей состоялось очередное чтение «Замогильных записок» Шатобриана (там же, л. 89 об.). Таким образом, данное письмо следует датировать 2 декабря 1838 г.

Je suis désolé de ne pas m'être trouvé chez moi, lorsque vous avez pris la peine d'y venir. Veuillez bien, je vous prie, exprimer tous mes regrets à Monsieur le Prince Wiasemsky.

Je voulais aussi vous dire que la lecture de dimanche n'aura point lieu; Monsieur de Chateaubriand trouve que dans ce moment il se débat de trop grands intérêts pour qu'il veuille appeler le moins du monde l'attention sur le passé.

Voilà ce qui explique comment il ne nous a point engagé. Toutefois j'espère que la lecture est seulement remise.

Mille empressés complimens.

Ballanche.

8 heures.

Monsieur Monsieur de Tourguéneff, rue Duphot, 16.

Перевод:

Я весьма огорчен, что меня не оказалось дома в то время, когда вы взяли на себя труд прийти ко мне. Прошу вас, передайте мои сожаления господину князю Вяземскому.

Я хотел также сообщить вам, что воскресное чтение не состоится; господин де Шатобриан поглощен сейчас слишком важными делами, чтобы он хоть в какой-то мере был склонен привлекать внимание к прошлому.

Вот почему он нас не пригласил. Однако я надеюсь, что это чтение только отложено.

Тысяча сердечных приветов.

Баланш.

8 часов.

Милостивому государю господину Тургеневу, улица Дюфо, 16.

Письмо следует датировать 15 или 16 февраля 1839 г., поскольку упоминаемое воскресное чтение «Замогильных записок» Шатобриана должно было состояться 17 февраля. Этот эпизод получил освещение в дневнике Тургенева (запись от 18 февраля), который для объяснения «этой досадной отсрочки» привел, между прочим, фрагмент данного письма к нему Баланша (ф. 309, № 318, л. 101 об.).

5

Monsieur et très honoré ami,

Voici une toute petite lettre pour Justin Maurice.¹

Je ne sais où le prendre. Je vous prie de vouloir bien remplir l'adresse, selon que vous croirez devoir la remplir.

A St-Petersbourg, je mettais l'adresse au Palais Michel;² je ne sais pas s'il est à St-Petersbourg.

Mille complimens et amitiés dévouées.

Ballanche.

23 fév<rier>.

Monsieur Monsieur Tourguéneff, rue Neuve du Luxembourg.

Перевод:

Милостивый государь и высокочтимый друг,

Вот совсем коротенькое письмецо для Жюстена Мориса.¹

Не знаю, где его искать. Прошу вас сообразоваться надписать адрес, который вы сочтете нужным надписать.

Когда я писал ему в С.-Петербург, то обычно указывал Михайловский дворец;² но я не знаю, находится ли он в С.-Петербурге.

Тысяча дружеских приветов.

Баланш.

23 февраля.

Милостивому государю господину Тургеневу, Новая Люксембургская улица.

На основании адреса и даты письмо можно отнести к 1842 г. (ср.: Остафьевский архив, т. IV, с. 152, 181).

¹ Морис Пьер-Жюстен — французский поэт-романтик, автор сборников «Мысли о небе и одиночестве» («Pensées du ciel et de la solitude», 1834) и «У подножия креста» («Au pied de la croix», 1835).

² Из переписки Тургенева и Вяземского следует, что в 1841—1842 гг. Ж. Морис (оба они ошибочно называли его Мерис) являлся чтецом великой княгини Елены Павловны, резиденцией которой был Михайловский дворец (см.: Остафьевский архив, т. IV, с. 134, 147).

J'espère toujours en ma bonne étoile: je souhaite donc qu'elle vous conduise cet hiver à Paris,¹ pour que vous y cueillez toutes sortes de roses et de palmes. Couronnée des festons du plaisir, votre vie passera de cette douce séduction à des séductions plus austères. Après vous être enivré des charmes de la beauté, vous aimerez suivre la route tracée par Platon et Aristote, cultivant ainsi les Muses et les Grâces. La philosophie aussi est une Muse et nos dames de Paris sont ornées de toutes les grâces.

Mais peut-être ce tableau est-il trop riant pour de sévères douleurs.² Venez donc à Paris y chercher les consolations et les tendres soins de l'amitié. Vous trouverez en Madame la Comtesse de Serre une femme éprouvée dans les douleurs, accessible à tout mouvement grand et généreux, pleine d'élangs, l'enfant enthousiaste d'une nature vierge encore et sur laquelle nos convenances n'ont pas encore passées pour en effacer les teintes et le caractère.³ Elle s'est prise de passion pour la princesse Aline Wolkonsky et rien n'était plus naturel. Votre charmante compatriote est une Minerve, mais dépouillée de la lame, et recouverte du voile de l'ingénuité et de l'innocence. C'est le fond d'un crystal de roche, où l'on voit clair jusqu'à la dernière goutte et dans lequel se mire l'azur des cieux et se reflète la beauté printanière.⁴

Vous m'avez transformé en Russe, Monsieur: je ne me fusse jamais cru capable de Russomanie, mais me voilà Slave jusqu'au cou, et qui plus est, je vais étudier la langue slave et m'environner de grammaires russes dès mon arrivée à Paris. Madame de Swetchine avait commencé une oeuvre que de concert avec la famille Wolkonsky vous avez achevée.

Vous avez vu Goethe,⁵ bonheur qui ne me sera jamais probablement réservé. Nous avons ici un jeune Strasbourgeois, Mr Koulmann, qui voyage à l'affût des grands hommes. Dans une de ses excursions en Italie, il avait dépisté Lord Byron, qu'il n'a pas lâché jusqu'à ce qu'il en eût reçu une lettre, soigneusement aujourd'hui imprimée.⁶ Gare à Goethe dès que mon homme arrivera. Que ne peut-il réveiller Herder et Wieland de leurs tombeaux! Mais Goethe n'admet que les hommes de votre sorte en sa présence, et je crains fort pour mon pauvre Koulmann et ses peines inutiles.

Bade est cent millions de fois plus beau qu'Ems, mais Bade n'est pas Ems; vous y manquez, Joukofsky n'est pas présent,⁷ la famille Wolkonsky⁸ n'a fait qu'une apparition, puis s'est éclipisée. Voyager offre l'image la plus vive de l'existence humaine. Nous voyons descendre le fleuve de la vie des Isles enchanteresses avec une rapidité extrême, puis notre existence s'écoule ou plutôt se brise entre des rochers et des sables accumulés.

Je serais incessamment à Paris et je ne cesserais de parler à Ma-

dame Swetchine de vous, de vos rares qualités et de votre admiration pour ses talens et ses vertus, J'en serais le bien-venu: c'est une politique de ma part.

Veillez ne pas m'oublier et me croire avec un sincère attachement et la plus haute estime. Votre tout dévoué serviteur

В<а>ро>н d'Eckstein.

Baden, 20 septembre.

Mon adresse, si vous daignez jamais m'écrire, est à Paris, rue de la Paix, № 18.

Перевод:

Я неизменно верю в свою счастливую звезду и желаю, чтобы она привела вас нынешней зимой в Париж¹ и вам досталось там множество всяких роз и пальмовых ветвей. Когда же праздничные венки вам наскучат, на смену этому милому соблазну придут соблазны более серьезные. Познав очарование красоты, вы предпочтете путь, проложенный Платоном и Аристотелем, служение музам и грациям одновременно. Ведь и философия — муза, а нашим парижским дамам присуща грация во всех ее видах.

Но, быть может, это слишком радостная картина для тех, кому довелось жестоко страдать.² Тогда приезжайте в Париж в поисках утешений и нежной заботливости друзей. В госпоже графине де Серр вы найдете женщину, изведавшую немало страданий, доступную всем высоким и благородным порывам и движениям души, наделенную детской восторженностью и чистотой, очарование и прелесть которой еще не исчезли под воздействием наших приличий.³ Она просто влюбилась в княжну Алину Волконскую, и это весьма естественно. Ваша очаровательная соотечественница — Минерва, но безоружная и окутанная покровом простодушия и невинности. Она подобна прозрачному горному хрусталу, в котором отражаются, любясь собой, небесная лазурь и красота весенней природы.⁴

Вы превратили меня в русского, милостивый государь: никогда не подумал бы, что могу так увлечься всем русским, но я теперь славянин с головы до пят, и, более того, по возвращении в Париж собираюсь приняться за славянский язык и обложиться русскими грамматиками. Госпожа Свечина начала дело, которое вы вместе с семейством Волконских довели до конца.

Вы видели Гете,⁵ вот счастье, испытать которое мне, кажется, никогда не суждено. Здесь сейчас живет один молодой человек из Страсбурга, г-н Кульман, путешествующий в погоне за великими людьми. Во время одной из своих поездок по Италии он выследил лорда Байрона и преследовал его до тех пор, пока не получил от него письма, ныне тщательно изданного.⁶ Плохо придется Гете, когда до него доберется мой знакомец. Жаль, что ему не дано поднять из могил Гердера и Виланда! Но Гете допускает к себе лишь людей вроде вас, и я сильно опасаюсь, что старания бедняги Кульмана окажутся тщетными.

Баден-Баден в сто миллионов раз красивее Эмса, но Баден-Баден отнюдь не Эмс; здесь нет вас, отсутствует Жуковский,⁷ семейство Волконских⁸ только появилось и тотчас же исчезло. Путешествия живейшим

образом напоминают человеческое существование. С необычайной стремительностью мы несемся вниз по реке мимо волшебных островов, а потом жизнь наша иссякает или, вернее, разбивается о скалы и песчаные холмы.

Я хотел бы поскорее оказаться в Париже и там непрестанно беседовал бы с госпожой Свечиной о вас, о ваших редких достоинствах и вашем восхищении ее талантами и добродетелями. И был бы всегда ее желанным гостем: с моей стороны это просто хитроумный ход.

Прошу вас не забывать меня и принять уверение в моей искренней к вам привязанности и глубочайшем уважении. Ваш преданнейший слуга

барон Экштейн.

Баден-Баден, 20 сентября.

Если вы сообразовите мне когда-нибудь написать, то вот мой адрес: Париж, улица Мира, № 18.

Письмо относится к 1827 г.; датируется по содержанию.

¹ Тургенев в это время находился в Швейцарии.

² 1 июня 1827 г. умер Сергей Иванович Тургенев.

³ Графиня де Серр (урожд. Юар) — вдова гр. Пьера-Франсуа-Эрколеа де Серра (1776—1824), министра юстиции (1818—1821), с 1822 г. — французского посла в Неаполе. «Она, — сообщил Тургенев о г-же де Серр брату Николаю из Эмса в июле 1827 г., — потеряла в одно время мужа, отца, тестя, детей и мать — и теперь здесь с сыном лечится <...> По месту мужа она знавала почти всех примечательных людей того времени во Франции и описывала мне их» (Письма Александра Ивановича Тургенева к Николаю Ивановичу Тургеневу, с. 41).

⁴ Волконская Александра Петровна (1804—1859), в замужестве Дурново — дочь кн. П. М. и С. Г. Волконских. Ср. отзыв о ней в письме Тургенева к Вяземскому: «Княжна Алина точно прелестная и по уму, и по всему» (Остафьевский архив, т. III, с. 67). Ранее о «правоте и верности прелестной ее головы» писал Тургеневу А. С. Пушкин (Пушкин и А. С. Полн. собр. соч., т. XIII, М., Изд. АН СССР, 1937, с. 103).

⁵ Впервые свою давнюю мечту побывать у Гете Тургенев смог осуществить 16 марта 1826 г. Об этой и последующих встречах его с Гете см.: Дуров и С. Н. Русские писатели у Гете в Веймаре. — Литературное наследство, т. 4—6. М., 1932, с. 287—323.

⁶ Кульман Жан-Жак — французский политический деятель и литератор, автор трехтомных «Воспоминаний» (1862—1869). Два письма к нему Байрона — без даты и от 12 июля 1823 г. (Генуя) — были опубликованы стараниями адресата в журнале «Mercure du dix-neuvième siècle» (1826), а затем перепечатывались во всех изданиях эпистолярного наследия английского поэта. См., например: The Works of Lord Byron, vol. VI. London, 1901, p. 229—234.

⁷ В. А. Жуковский жил в Эмсе с 14 июля до 28 августа 1827 г. (см.: Жуковский В. А. Дневники. СПб., 1904, с. 201).

⁸ Речь идет о А. П. Волконской и ее матери С. Г. Волконской (родной сестре декабриста).

2

Mon cher Monsieur, voici la lettre pour Tchadaef; je ne la ferme pas, veuillez en prendre connaissance; j'ignore si vous pouvez l'envoyer cachetée; vous voudrez bien en ce cas la fermer vous-même.¹

Dans la «Revue française et étrangère»² j'ai essayé de réfuter la doctrine de Strauss sur les Miracles de J. C.³ En général, je voudrais

faire de cet ouvrage une sorte d'arsénal, où je dresserais de grosses batteries sur toute espèce de sujets, et dans un esprit plus mûr que je n'ai pu le faire dans le «Catholique».

Dès mon retour de la campagne j'irais vous voir; prospérez et amusez-vous les beaux jours d'octobre.

Agréez l'expression de sincère dévouement de votre très reconnaissant serviteur

baron d'Eckstein.

Rue Mondovi, 5.

Dimanche.

Перевод:

Сударь мой, вот письмо для Чаадаева; я не запечатаваю его, благоволите с ним ознакомиться; не знаю, сможете ли вы отослать его в закрытом виде; в этом случае, прошу вас, запечатайте его сами.¹

В «Revue française et étrangère»² я попытался опровергнуть учение Штрауса о чудесах Иисуса Христа.³ Мне вообще хотелось бы сделать из этого издания нечто вроде оружейного склада, которым я мог бы пользоваться по самым различным поводам и несравненно более умело, нежели в «Le Catholique».

По возвращении в город я навестил бы вас; желаю всяческого благополучия и приятного препровождения времени в погожие октябрьские дни.

Примите уверение в искренней преданности вашего признательного слуги

барона д'Экштейна.

Улица Мондови, 5.

Воскресенье.

Письмо может быть датировано 15 октября 1837 г., поскольку упоминаемое здесь письмо Экштейна к П. Я. Чаадаеву помечено 12 октября 1837 г. а день этот приходился на четверг. Этому не противоречит и свидетельство Тургенева в дневнике (от 17 октября 1837 г.): «Письмо к Чаадаеву» при записке ко мне от Экштейна» (ф. 309, № 318. л. 3 об.).

¹ В своем письме Экштейн благодарил Чаадаева за его — давно полученное — письмо и выражал «живейшее сочувствие» его «мнениям и идеям», а также формулировал собственные мысли о роли Востока в предстоящем обновлении «старой Европы» (см.: Чаадаев П. Я. Сочинения и письма. т. I, с. 391).

² «Revue française et étrangère, ou Nouvelle Revue encyclopédique» — ежемесечное издание, выходявшее в Париже в 1837—1839 гг.

³ Речь идет о статье «Jésus-Christ comme fondateur de l'Eglise chrétienne» (Revue française et étrangère, 1837, t. II, avril, № 1, p. 91—123), в которой Экштейн полемизировал с книгой немецкого философа и теолога Д. Ф. Штрауса «Жизнь Иисуса» (1835—1836).

3

Mon cher Monsieur,

Je vous renvoie le livre de Mr de Lacordaire avec mille remerciements.

Quant à ce que vous me faites l'honneur de me demander, j'avais complètement oublié cet article de la «Revue des deux mondes»;¹ ma manière de voir s'est modifiée et j'ai consigné mes idées, dans la «Revue française et étrangère, ou nouvelle Revue encyclopédique» qui paraît à Paris, rue neuve Saint-George, 14, et à Pétersbourg, chez Graeff,² comme je le vois par la couverture. J'ai déjà inséré dans cette revue deux articles sur les «religions payennes, selon leurs formes et leurs développements»³ et je compte y continuer ce travail.

Veillez agréer, Monsieur et cher ami, l'expression de mon dévouement le plus sincère.

Взaroн d'Eckstein.

Rue Mondovi, 5.

Monsieur Monsieur A. de Tourguéneff etc, etc. etc. 3, rue Matignon, faubourg St-Honoré, Paris — avec une brochure.

Перевод:

Сударь мой,

С тысячей благодарностей возвращаю вам книгу г-на де Лакордера.

Что же касается вашего, делающего мне честь, вопроса, то я совершенно забыл эту статью в «Revue des deux mondes»;¹ мой взгляд на вещи с тех пор изменился, и свои мысли я изложил в журнале «Revue française et étrangère, ou Nouvelle Revue encyclopédique», который выходит в Париже (Новая улица Сен-Жорж, 14) и в Петербурге, у Греффа,² как это сообщается на обложке. Я уже поместил в этом журнале две статьи о «языческих религиях, с точки зрения их формы и развития»³ и рассчитываю продолжить там эту работу.

Соблаговолите принять, милостивый государь и дорогой друг, уверение в моей глубочайшей вам преданности.

Барон д'Экштейн.

Улица Мондови, 5.

Милостивому государю господину А. Тургеневу и пр., и пр., и пр. Улица Матиньон, 3, Фобур Сент-Оноре, Париж — с приложением брошюры.

Письмо может быть датировано январем 1838 г. по упоминанию только что выпедшей брошюры французского проповедника Ж.-Б.-А.-Д. де Лакордера «Письмо о папской власти» («Lettre sur le Saint-Siège»). Об этом «новом примечательном сочинении» Тургенев писал в «Хронике русского в Париже» (Тургенев в А. И. Хроника русского. Дневники, с. 134). Посылал он эту брошюру и Вяземскому (Остафьевский архив, т. IV, с. 26).

¹ О какой статье идет речь — неизвестно.

² Грефф В. (ум. 1839) — петербургский книгопродавец; лавка его помещалась на Невском пр. у Адмиралтейства.

³ Статьи «Des religions payennes selon leurs formes et leurs développements» были напечатаны в «Revue française et étrangère» (1837, t. III, p. 416—454; t. IV, p. 155—208).

ГЕНРИ ДЖЕЙМС

ПИСЬМО К О. А. НОВИКОВОЙ

Публикация Г. Б. Грубмана

Связи англо-американского классика Генри Джеймса (1843—1916) с русской литературой давно установлены,¹ хотя и не получили до настоящего времени обобщенного истолкования. Круг его русских знакомых достаточно широк. Центральной фигурой в нем был И. С. Тургенев, с которым Джеймс завязал личное знакомство в декабре 1875 г., спустя несколько дней после переезда на постоянное жительство в Европу из Америки, и продолжал дружеские отношения вплоть до смерти русского писателя.² Из других русских знакомых Джеймса известны: П. В. Жуковский (сын В. А. Жуковского), с которым Джеймс был особенно дружен во время своего «парижского» года (1875/76), но сохранял отношения и впоследствии,³ младшее поколение семьи изгнанника-декабриста Н. И. Тур-

¹ См., например: Kelley G. The Early Development of Henry James. Urbana, 1930, p. 176—181, 224, 225—228; Gettman R. A. Turgenev in England and America. Urbana, 1941, p. 66—77; Phelps G. The Russian Novel in English Fiction. London, 1956, p. 59—87; Левин Ю. Д. Новейшая англо-американская литература о Тургеневе (1945—1964). — В кн.: Литературное наследство, т. 76. М., 1967, с. 526, 531, 538. Об отношении Г. Джеймса к Л. Толстому и Достоевскому см.: Auchincloss L. James and the Russian Fiction. — In: Auchincloss L. Reflection of a Jacobite. Boston, 1961.

² Свое отношение к Тургеневу — писателю и человеку Джеймс выразил в опубликованной еще до их личного знакомства статье в журнале «North American Review» (1874, vol. CXVIII, N 423), рецензии на роман «Новь» (Nation, 1877, vol. XXIV, № 617), мемориальной статье, напечатанной в январе 1884 г. в журнале «Atlantic Monthly» (vol. LIII, № 315), а также в предисловии к тургеневскому тому «Библиотеки для английских читателей» (1897) (см.: Russian Literature and English Fiction. Ed. by Donald Davie. Chicago—London, 1965).

³ См. об этом: James Henry. Letters, vol. II. 1875—1883. Ed. by L. Edel. Harvard University Press, Cambridge, Mass., 1975, p. 42, 45—46, 49—50, 74, 287—289. См. также: Harlow V. T. S. Perry. Boston, 1950, p. 326.

генева — Альбер, Пьер и Фанни Тургеневы,⁴ А. Ф. Онегин-Отто,⁵ М. С. Урусова⁶ и другие лица. Поэтому возможны находки новых автографов писателя в наших собраниях, если учесть, в частности, то, что в русской периодике последней четверти прошлого века часто публиковались переводы его произведений.⁷

Адресат публикуемого нами письма — Ольга Алексеевна Новикова (урожд. Киреева, 1840—1925), публицистка, автор книг и статей о русско-английских политических взаимоотношениях, выходявших в Лондоне на английском языке и в России на русском.⁸ С 70-х годов она почти постоянно жила в Англии, где поддерживала отношения со многими видными политическими и общественными деятелями. Известна, в частности, обширная переписка О. А. Новиковой с У. Гладстоном, который сочувственно принял ее книгу «Россия и Англия».⁹ Джеймс тоже был знаком с Гладстоном.¹⁰ Через последнего могло произойти знакомство Джеймса с Новиковой.

Письмо Джеймса написано в ответ на международную кампанию по сбору средств в фонд борьбы с голодом в России после неурожая 1891 г. (роль О. А. Новиковой в этом фонде установить не удалось). Отклик Генри Джеймса на события в России — в особенности весьма вероятная его связь со статьей Л. Толстого «О голоде», напечатанной 14 января 1892 г. в популярной лондонской газете «Daily Telegraph»,¹¹ — вносит новый корректив в устойчивые представления о нем как якобы принципиально асоциальном художнике-эстете.

Письмо хранится в Пушкинском Доме (ф. 137, оп. 1, № 53).

⁴ James Henry. Letters. v. II. p. 29, 33, 50, 140. См. также левшиковские записи Ф. Н. Тургеневой: ИРЛИ, ф. 309, № 4625, л. 24—25, 37—38, 44, 53—56, 58—60; № 4626, л. 41—42; № 4629, л. 41, 50—51, 53; № 4634, л. 58, 68; № 4641, л. 41, 44.

⁵ В одном письме Джеймса упоминается Онегин-Отто как «прототип» Нежданова из тургеневской «Нови», см.: James Henry. Letters, vol. II, p. 287.

⁶ См.: Edel L. Henry James. The Conquest of London (1870—1881). New-York, 1963, p. 235—236. Имя Урусовой неоднократно упоминалось в переписке Тургенева с Джеймсом. См.: Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем. Письма, т. 12, кн. 1. Л., 1966, с. 160, 200; т. 12, кн. 2, с. 98, 154, 299.

⁷ По данным В. А. Либман, в 70—90-е годы на русский язык было переведено 12 произведений Джеймса, см.: Либман В. А. Американская литература в русских переводах и критике. Библиография. 1776—1975. М., 1977. с. 100.

⁸ См. издания: Novikoff O. 1) Is Russia Wrong? London, 1878; 2) Friends or Foes. London. 1879; 3) Russia and England, a Protest and an Appeal. London. 1880; 4) Skobeleff and the Slavonic Cause. London, 1884.

⁹ См.: The M. P. for Russia. Reminiscences and Correspondence of Madame Olga Novikoff. vol. 1, 2. Ed. W. Steed. London. 1909.

¹⁰ См.: James Henry. Letters, vol. I. Ed. P. Lubbock. London, 1920, p. 53.

¹¹ См.: Толстой Л. Н. Собр. соч., т. 16. М., 1964, с. 640.

Feb. 7th 1892.

Dear Madame Novikoff,

I send my little *obole*^a to your Famine fund without waiting to bring it — as I may be delayed & the post will probably not. Kindly mention its arrival only in a single word, that I may simply *know* it has reached you. Believe me yours most truly

Henry James.

P. S. Let me be businesslike enough, by the way to mention, that my note contains a cheque for Five pounds.

На конверте: Madame Olga Novikoff, Claridge's Hotel, Brook St., W.

Перевод:

7 февраля 1892.

Любезная госпожа Новикова,

Шлю свою маленькую *obole*^a в ваш фонд голода, не дожидаясь случая доставить ее лично — так как я могу задержаться, а почта, видимо, нет. Пожалуйста, уведомите меня хотя бы одним словом о ее получении, просто чтобы я знал, что она до вас дошла.

Примите уверения в искренней преданности вам

Генри Джеймс.

P. S. Позвольте мне практичности ради упомянуть, что к записке приложен чек на пять фунтов.

На конверте: Госпоже Ольге Новиковой, отель Клариджа, улица Брук, Запад.

^a лепта (*франц.*).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН, ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ И УЧРЕЖДЕНИЙ¹

- Аблесимов А. О. 131—133, 137, 146.
 Абрамов Ф. А. 109.
 Аверченко А. Т. 229.
 Авраменко И. К. 113, 116.
 Авсеенко В. Г. 7.
 Агата, симбирская знакомая Н. М. Языкова 152.
 Агр. Ник. — Аграфена или Агриппина (?) Николаевна, знакомая Гончарова 187, 190—195, 200, 203, 208, 221.
 Адельгейм Е. Г. 116.
 Адрианова-Перегц В. П. 110, 116.
 Азадовский К. М. 17.
 Азадовский М. К. 110, 147, 157, 158.
 Азаров В. Б. 114, 116.
 Айзеншток И. Я. 110.
 Айхенвальд Ю. И. 23.
 «Академические известия», журнал 146.
 Аксаков С. Т. 172.
 Аладжалов С. И. 113.
 Аладьян Е. В. 150, 151, 155, 168.
 Александр I 166, 263.
 Александров В. 259.
 Алексеев А. Д. 183.
 Алексеев В. М. 116.
 Алексеев М. П. 2, 85—104, 110, 258.
 Алексидзе М. М. 118.
 Алексинский Г. А. 122.
 Аленич М. Д. 121.
 Альбов М. Н. 7, 20, 21, 26.
 Альгрэн Э., см. Benedictsson V.-M.
 Альтман М. С. 246.
 Альтман Н. И. 124.
 Альтовская И. Н. 116.
 Альтшулер И. Г., см. Лейкнев И.
 Аминов А. К., бар. 122.
 Ампер Ж.-Ж.-А. 261, 267, 268.
 Амфитеатров А. В. 233.
 Английский клуб 201, 203.
 Андреас-Саломе Л. Г. 7, 17, 18.
 Андреев Л. Н. 7, 13, 227, 238.
 Андреев Н. Е. 122.
 Андреева А. А. 7, 21.
 Андроников И. Л. 3, 118.
 Андросов В. П. 157, 158.
 Аничкова А. М., псевд. — Иван Странник 24.
 Анненков П. В. 188.
 Анненский В. И., псевд. — Кривич В. 24, 223, 224, 229, 230, 232, 234, 236, 238, 239, 241—243, 245, 246.
 Анненский И. Ф. 25, 222—252.
 Анненский Н. Ф. 6, 7.
 Анри Ф. 125.
 Антокольский М. М. 20.
 Антокольский П. Г. 116, 118.
 Анучин Д. М. 7.
 «Аполлон», журнал 222—249.
 Аптекман А. О. 118.
 Апухтин А. Н. 20.
 Арапов П. Н. 154.
 Араптян В. Г. 118.
 Аристотель 272.
 Армфельд А. О. 156.
 Арндт И. 110.
 Арсеньев А. И. 137—139.
 Арсеньев В. С. 139.
 Арсеньев И. А. 209, 212.
 Арсеньев К. И. 149.
 Арсеньев К. К. 121.
 Архангельский С. В. 124.
 Архив иностранных дел 177, 178.
 Архипов В. А. 110.
 Архипова Л. П. 109.
 Архипов Е. Я. 246.
 Арцимович В. А. 121.
 Арцыбашев М. П. 125.
 Асанов Н. А. 116.
 Астырев М. И. 20.
 Ауслендер С. А. 23, 223, 224, 227, 239, 240.
 Ауэрбах Б. 205, 206.
 Ахматова А. А., урожд. Горенко 24, 27, 111, 116, 124, 126, 128, 230, 241.
 Ашукин Н. С. 110, 124.
 Бабенчиков М. В. 29.
 Бабкин В. А. 120.
 Бабореко А. К. 109, 125.
 Бабочкин Б. А. 112.
 Багрицкий Э. Г. 115.
 Бадалич Й. М. 109, 110.
 Бажан Н. П. 114, 116.
 Бажов П. П. 118.
 Байдуков Г. Ф. 114.
 Байрон Дж.-Н.-Г. 55, 165—168, 271, 273.
 Бакинский рабочий театр 71.
 Бакст Л. С., псевд. Розенберга Л. С. 239.
 Бакунина Е. М. 122.
 Балабанова Е. В. 20.
 Балаш П.-С. 258, 261, 266—271.
 Балдов (Болдов) И. 156, 162, 164, 165, 171.
 Балухатый С. Д. 110, 253—257.

¹ Составили Л. П. Архипова и Л. К. Воронова.

- Бальзак О. де 259.
 Бальмонт Е. А., урожд. Андреева 18.
 Бальмонт К. Д. 7, 12, 18, 19, 21, 122, 129, 234, 239, 243.
 Барант П., бар., де 259.
 Барант Э., бар., де 258.
 Баранцевич К. С. 7, 20, 24, 26.
 Баратынский (Боратынский) Е. А. 148, 154, 155, 158, 159, 169, 176.
 Бариновы П. В. и Е. П. 114.
 Барков И. С. 146.
 Бармаш И. В. 114.
 Барсуков Н. П. 21, 160, 172.
 Барто А. Л. 112.
 Барышев Л. Н. 116.
 Баскаков В. Н. 2.
 Батурич А. Д. 123.
 Батюшков К. Н. 55.
 Батюшков Ф. Д. 7, 21.
 Баугис П. Я. 116.
 Бауэр 216.
 Бахметьева С. А., см. Толстая С. А.
 Бахрушин А. А. 3.
 Бахтин Н. Н. 92.
 Башкирцева М. К. 4, 7, 16.
 Башкирцева М. С. 7, 16.
 Бебап М. А. 112.
 Безант У. 85.
 Безбородко А. А., кн. 122.
 Безобразов П. В. 7.
 Бейль А., см. Стендаль.
 Бейсов П. С. 214.
 Бек А. Н., урожд. Жукова 125.
 Белинский В. Г. 39, 71.
 Белоконовский И. П. 7.
 Белый Андрей, псевд. Бугаева Б. Н. 234.
 Бельчиков Н. Ф. 110.
 Беляев В. П. 116.
 Беляков А. В. 114.
 Белякова А. Д. 114.
 Бем А. Л. 122.
 Бем И. 110.
 Бенедиктов В. Г. 56.
 Бенкендорф А. Х., гр. 172.
 Бенуа А. Н. 28, 223—227.
 Веньяш Р. М. 112.
 Беранже П.-Ж. 121, 167.
 Бердников Г. П. 110.
 Березко Г. С. 118.
 Берков П. Н. 110, 128, 132, 134.
 Берковский Н. Я. 112.
 Бернович М. П. 118.
 Берс А. А. 15.
 Берс С. А., см. Толстая С. А.
 Берхин И. М. 127.
 Беседина Т. А. 110.
 Бестужев Вл., см. Гиппиус Вл. В.
 Бестужев П. А. 153, 168.
 Бестужева П. М., урожд. Языкова 149—154, 160, 168, 174, 177.
 Бианки В. В. 125.
 Бианки В. Н. 125.
 «Библиотека для чтения», журнал 30, 31, 122.
 Билибин И. Я. 222.
 Бильбасов В. А. 7.
 «Биржевые ведомости», газета 249.
 Бирюков П. И. 7, 14, 20.
 Бичурин Н. Я., см. Иакинф.
 Бланк Р. М. 22.
 Блок А. А. 22, 23, 27, 111, 124, 127, 129, 231.
 Блок Г. П. 116.
 Блок Н. А., урожд. Веймарн 120.
 Блэкмор Р. 86.
 Блюменталь-Тамарина М. М. 128.
 Боборыкин П. Д. 7, 12, 20.
 Бобров Е. А. 151.
 Богаевская М. Я. 110.
 Богданович Т. А. 225, 231.
 Богород Р. М., см. Плеханова Р. М.
 Богородский Ф. С. 111.
 Богучарский В., псевд. Яковлева В. Я. 22.
 Бодлер Ш. 237.
 Большой драматический театр им. М. Горького 111, 112.
 Бонди С. М. 124.
 Бонч-Бруевич В. Д. 110, 116.
 Борисов Л. И. 116.
 Борисова М. И. 115.
 Боровиковский А. Л. 121.
 Бородаевский В. В. 27.
 Бороздин А. К. 124.
 Бороздина Е. В. 124, 125.
 Боструев 194, 196.
 Бочаров А. Г. 116.
 Бояджиев Г. Н. 117, 118.
 Бражнин И., псевд. Пейсина И. Я. 116.
 Брайко Г. Л. 131.
 Брандес Г. 85, 89.
 Браудо Е. М. 224.
 Браун Н. Л. 116.
 Браунер А. М. 7, 12.
 Браунинг Р. 91, 92, 98, 100, 103, 104.
 Брентано К. 27.
 Бровка П. У. 116.
 Бродский И. А. 110, 118.
 Бройль В., де, см. Брольи А. Ш. Л. В., де.
 Брок Н. Н. 120.
 Брольи А. Ш. Л. В., де, герц. 259.
 Бромлей Н. Н., в замуж. Сушкевич 27, 118.
 Брусов П. Я. 125.
 Брут Д.-Ю. 47, 48.

- Брюллов В. А. 120.
 Брюллов П. А. 120.
 Брюллова А. А., см. Волкова А. А.
 Брюллова А. А., урожд. бар. Ралль 120.
 Брюллова А. И. 120.
 Брюллова М. Г., урожд. Лихонина 120.
 Брюсов В. Я. 6, 16, 23, 24, 129, 223, 227, 233, 234, 239, 243, 247.
 Брюсова И. М., урожд. Рунт 247.
 Буало Н. 138, 140.
 Бубнов А. А. 7.
 Бугаев Б. Н., см. Белый Андрей.
 Будищев А. Н. 7.
 Буланова О. К., урожд. Трубникова 153, 158.
 Булатова А. А., в замуж. Глинка 120.
 Булгаков А. Я. 109.
 Булгаков М. А. 57—84.
 Булгакова Е. С., урожд. Шиловская 67, 75.
 Булгарин Ф. В. 150—152, 154, 162, 163, 172, 173, 264.
 Бунин И. А. 23, 45, 122, 125, 227.
 Буренин В. П. 209, 212, 223, 229, 233.
 Бурже П. 95, 96.
 Бурнакин А. А. 239.
 Бурсов Б. И. 110.
 Бухгейм В. Э. 122.
 Бухштаб Б. Я. 110.
 Бушмин А. С. 111.
 Бялый Г. А. 111.
 Вагнер Н. П. 21, 109, 116.
 Вайсфельд И. В. 74—76, 78.
 Валуев П. А., гр. 209, 211, 212.
 Вальдгауер О. Ф. 127.
 Вараке Н. Б., урожд. Форш 118.
 Варнеке Б. В. 223.
 Варпаховский Л. В. 112.
 Василевский Д. Е. 157, 158, 163.
 Василевский И. М., псевд. — Небуква 235.
 Василенко, домовладелец 92.
 Василенко И. Д. 118.
 Васильев Г. П. 114.
 Васильев П. 92.
 Васильев С. С. 115.
 Васильева Е. И., урожд. Дмитриева, псевд. — Черубина де Габриах, 240, 241, 252.
 Введенский А. И. 7.
 Вебер К. 88.
 Вейнберг П. И. 7, 20, 86.
 Вейнер П. П. 222.
 Вейсе Ф.-Х. 109.
 Веккер Б. Д. 5.
 Векстрен А. А. 7.
 Величко В. Л. 7, 121.
 Венгеров С. А. 7, 21.
 Венгерова З. А. 7, 21.
 Вербицкий А. А. 27.
 Вергглий М. П. 136.
 Веревкин М. И. 131, 136.
 Верейский Г. С. 116.
 Верецагин В. В. 7.
 Верховский Ю. Н. 23, 24, 27, 226, 239.
 Веселитская Л. И., псевд. — Микулич В. 129.
 Веселовская А. А. 20.
 Веселовский Александр Н. 7.
 Веселовский Алексей Н. 7.
 «Вестник Европы», журнал 4, 193, 196, 204—206, 211, 212, 220.
 «Вечерняя Москва», газета 83.
 Вечтомова Е. А. 116.
 Виардо П., урожд. Гарсия 125, 189.
 Видерт А. Ф. 125.
 Виланд Х. М. 271, 273.
 Виленкин В. Я. 112.
 Виленкин Н. М., см. Минский Н. М.
 Виленский Г. И. 122.
 Вилькина Л. Н., псевд. Виленкиной Л. Н. 7, 18.
 Вильмен А. Ф. 176—178, 259.
 Виноцкая А. А., наст. фам. Будзианик А. А. 20.
 Виноградов И. В. 116.
 Виноградская И. Н. 68, 70.
 Винокур Г. О. 175.
 Вир А., псевд. Попова А. А. 234.
 Виртанен Я. 113.
 Витберг Ф. А. 7.
 Вишневский Вс. В. 115, 116.
 Владыкин Г. И. 118.
 Владыкин И. А. 131, 135.
 Власова З. И. 109.
 Водорецкий С. Г. 110.
 Воейков А. Ф. 152, 264.
 Воейкова А. А., урожд. Протасова 152.
 Вознесенский А. А. 110.
 Вознесенский А. С. 71.
 Волков А. А. 116.
 Волков П. 174, 175.
 Волкова А. А., урожд. Брюллова 120.
 Волконская А. П., княж., в замуж. Дурново 271—273.
 Волконская С. Г., кн. 272, 273.
 Волконский П. М., кн. 272, 273.
 Волошин М. А. 22, 23, 121, 124, 129, 223, 224, 229, 235—237, 239—252.
 Волькенштейн В. М. 28.
 Вольнский А., псевд. Флексера А. Л. 4, 6, 8—15, 18, 19, 21, 224—227, 229, 251.
 Вольтер 136.

- «Вольфила» (Вольная философская ассоциация) 124.
 Вордсворт В. 92, 98, 99, 102, 103.
 Воробьев С. М. 43, 45, 48, 56.
 Воронин С. А. 116.
 Воронин С. А. 120.
 Воронков К. В. 118.
 Воронский А. К. 118.
 Врангель Н. П. 235.
 «Всемирная литература», изд-во 126.
 Вульф А. Н. 158.
 Высшие женские курсы (Бестужевские) 4.
 Высшие историко-литературные курсы Н. П. Раева 238.
 Вяземский П. А. 154, 173, 176, 259—261, 267, 269, 270, 273, 275.
 Вяткин Г. А. 123, 125.
 Гагарин Ю. А. 113.
 Гагарина В. И. 113, 114.
 Гаевский В. П. 152.
 Гайдубуров П. П. 111.
 Галабуцкий Ю. А. 245.
 Галашина П. В. 123.
 Галич А. И. 149.
 Галлан Г. 101.
 Гальперин-Каминский И. Д. 7.
 Гамсахурдия К. С. 118.
 Ганке Г.-В. 151, 152.
 Гарди Т. 85—104.
 Гарин-Михайловский Н. Г. 7, 8.
 Гаркави А. М. 111.
 Гаршин В. М. 125.
 Гегель Г.-В.-Ф. 20.
 Геденов А. М. 122.
 Гейне Г. 126.
 Гейро Л. С. 56, 183, 186, 189, 197.
 Гейченко С. С. 111, 114.
 Гердер Н.-Г. 271, 273.
 Герман К. Ф. 149.
 Герман Ю. П. 112, 116.
 «Гермес», журнал 251.
 Гернет М. Н. 120.
 Герцен А. А. 20.
 Герштейн Э. Г. 258.
 Гессен И. В. 22.
 Гете И.-В. 55, 218, 271—273.
 Гизетти А. А. 124.
 Гизо Ф. 259.
 Гиллельсон М. И. 258.
 Гин М. М. 111.
 Гинцбург И. Я. 28.
 Гиппиус Вл. В., псевд. — Бестужев Вл., Нелединский Вл. 119.
 Гиппиус Е. В. 109.
 Гиппиус З. Н., в замуж. Мережковская 8, 12.
 Гитович А. А. 109.
 Главное управление по делам печати Министерства внутренних дел 6, 7, 203, 210, 212.
 Гладков А. К. 112.
 Гладстон У. 277.
 Глебов В. В. 70.
 Гликберг А. М., см. Черный Сапа.
 Глинская А. А. 6, 8.
 Глинский Б. Б. 6—8, 10, 16, 20, 184.
 Гоголь Н. В. 57—84, 118, 233, 258.
 Гозенпуд А. А. 132.
 Голлербах Э. Ф. 111, 118.
 Головачов А. А. 20.
 Головин А. Я. 222.
 Голубев А. А. 231.
 Голубев В. З. 127.
 Гольцев В. А. 23.
 Гольшева Е. М. 112.
 Гольштейн А. В., в 1-м браке Вебер 250.
 Гомер 44, 179.
 Гончаров И. А. 29, 122, 125, 183—221.
 Гончарова А. М., урожд. Шахторина 202, 204.
 Гончарова Н. Н., см. Пушкина Н. Н.
 Гор Г. С. 118.
 Горапий 103.
 Горбунов-Посадов И. И. 8, 29, 121.
 Гордышевская М. 98.
 Горелов А. Е. 113.
 Горнунг Л. В. 242, 248.
 Горняфельд А. Г. 28, 29, 234.
 Городецкий Б. П. 110.
 Городецкий С. М. 22, 25, 28, 125.
 Горский С. Л. 118.
 Горчаков Д. П., кв. 133, 136—139.
 Горчакова Е. С., кв. 133.
 Горький М. 5, 8, 111, 118, 128, 254.
 Госиздаг 253, 254, 257.
 Госс Эд. 85, 102.
 Государственная украинская кинофабрика (ГУКФ) 84.
 Государственный осовавиахимовский ударный русский театр им. А. В. Иванова (Одесса) 71.
 Готье Т. 126.
 Грамматчикова Л. Ф., урожд. Кони 126.
 Грановская Е. М. 112.
 Греч Н. И. 171, 172, 264.
 Грефф В. 174, 175, 275.
 Гречишкин С. С. 3.
 Грибачев Н. М. 116.
 Грибков В. В. 65, 66.
 Грибоедов А. С. 118.
 Григорович В. И. 122.
 Григорьев А. Л. 109.
 Григорьян К. Н. 111.
 Гризодубова В. С. 113.
 Гримм Э. Д. 28.
 Грин А. С. 111.

- Грин Н. Н. 111.
 Гринберг И. Л. 116.
 Гроздев И. 13.
 Громов П. П. 114.
 Грот Я. К. 31.
 Грубман Г. Б. 277.
 Груздев А. И. 110, 111, 116, 183.
 Губер Г. К. 24.
 Губер Э. И. 34.
 Гуковский Г. А. 110.
 Гульянов И. А. 165, 166.
 Гумилев Д. С. 126.
 Гумилев Н. С. 125, 126, 223, 231, 236, 237, 239, 242, 250.
 Гумилева А. И. 126.
 Гуревич Г. Я. 21.
 Гуревич Л. И., урожд. Ильина 3, 7.
 Гуревич Л. Я. 3—29.
 Гуревич Х. Л. 122.
 Гуревич Я. Г. 3, 4, 6, 29.
 Гурмон Р., де 244.
 Гюнтер И., фон 228, 241.
 Давид П. 261, 267, 268.
 Давидович М. И. 125.
 Давтян М. О. 118.
 Давыдов Д. В. 115, 176, 177.
 Давыдов И. И. 164, 165.
 Давыдов С. И., кн. 170.
 Давыдова А. А. 4, 6, 8.
 Далецкий П. Л. 116.
 Данилов Л. А. 121.
 Даромян С. К. 118.
 Дашков П. Я. 6, 261.
 Дедлов В. Л., псевд. Кигна В. Л. 21.
 Дежорж Фр. 262.
 Деларю М. В. 159, 161.
 Дельвиг А. А. 150, 152, 158.
 Деменс П. А., псевд. — Тверской П. А. 121.
 Дементьев А. Г. 111, 118.
 Демонси А. О. 156, 157.
 Демосфен 180.
 Демьянов И. И. 116.
 Денисов Л. И. 20.
 «Денница», альманах 178.
 Державин Г. Р. 55, 132—135, 239.
 Державин К. Н. 259.
 Дерптский университет 159—167, 169, 170.
 Дерюжинский В. Ф. 20.
 Десницкий В. А. 112.
 Джеймс Г. 276—278.
 Дибич-Забалканский И. И., гр. 153.
 Дижур Б. А. 118.
 Дикий А. Д. 80.
 Дмитриевский И. А., псевд. Дьяконова-Нарыкова 135, 136.
 Дмитриев И. И. 55, 166.
 Дмитриев-Мамонов А. М. 109, 110.
 Добужинский М. В. 124, 227.
 Довженко А. П. 84.
 Довлатова М. С. 118, 119.
 Долматовский Е. А. 116.
 Дольчи К. 166, 167.
 Домашев С. Г. 146.
 Донжашвили Т. Г. 118.
 Досталь Н. 74.
 Достоевская А. Г., урожд. Сниткина 28.
 Достоевский А. Ф. 116.
 Достоевский Ф. М. 226, 244, 246, 276.
 Дризен Н. В. 237.
 Дружинин В. Н. 116.
 Друзин В. П. 111, 116.
 Дубельт Л. В. 55.
 Дубровина Э. М. 115.
 Дудин М. А. 109, 116.
 Дудышкин С. С. 181.
 Дурново А. П., см. Волконская А. П.
 Дурылин С. Н. 259, 273.
 Дымов О., псевд. Перельмана О. И. 227, 231, 239—241.
 Дымшиц А. Л. 111, 113, 118, 127.
 Дымшиц С. И., в замуж. Толстая 250, 251.
 Льемер Л. 128.
 Дьякова М. А., в замуж. Львова 136.
 Дюма А. (отец) 207.
 Дюма Ж. 20.
 Дятилев С. П. 17.
 Евгенъев-Максимов В. Е. 5, 34, 37, 38, 110.
 «Евксинские цветы», альманах 171
 Евреинова А. М. 4, 6, 16.
 Эврипид (Эврипид) 237, 243, 246.
 «Европеец», журнал 158.
 Еголин А. М. 110, 111.
 Егоров Б. Ф. 57, 70.
 Ежов Н. М. 21.
 Екатерина II 156.
 Елагин А. А. 157, 158, 162.
 Елагин И. П. 146.
 Елагина А. П., урожд. Юшкова, в 1-м браке Киреевская 149, 152, 155, 158, 167—170.
 Елена, прислуга И. А. Гончарова 196, 210, 212, 219.
 Елена Павловна, вел. кн. 270.
 Елизавета I Тюдор 98, 103.
 Еремпи Д. И. 116.
 Еремин И. П. 111.
 Эрлангер Ф. 88.
 Ермакова-Битнер Г. В. 132.
 Ермаилов В. В. 111, 116, 118.
 Ермолин С. И. 113.
 Есенин С. А. 112, 113, 121.
 Ечинац М. А. 121.

- Жданов А. А. 110.
 Желиховская Н. В. 8.
 Жемчужников А. М. 21.
 Жибер М. А., см. Лохвицкая М. А.
 Жилкина З. А. 124.
 Жирмунский В. М. 24, 26, 27, 230.
 Жоравская М. Л. 246.
 Жуковская Е. И., урожд. Ильина З.
 Жуковская Л. М., урожд. Маркович
 128.
 Жуковский В. А. 149, 151, 152, 154,
 265, 266, 272, 273, 276.
 Жуковский П. В. 276.
 Жур П. В. 116.
 Журба П., псевд. Скрыпникова П. Т.
 116.
 «Журналист», журнал 157, 158.
 Жюльен де Пари М.-А. 258, 260, 262.
 Забелин А. И. 21.
 Заблоцкий-Десятовский М. П. 30,
 40, 54, 179.
 Заборов П. Р. 258.
 Загоскин М. Н. 154.
 Зайдель Г. С. 125.
 Зайцев Б. К. 23, 227.
 Зайцев П. Н. 119.
 Замошкин Н. И. 114.
 Замятин Е. И. 118, 124.
 Западов А. В. 111.
 Зарахани В. О. 118.
 Зарудный С. И. 121.
 Зарудный С. М. 24.
 Засодимский П. В. 8, 11, 20.
 Захава Б. Е. 118.
 Захер Я. М. 125.
 «Звезда», журнал 115.
 Зелинский Ф. Ф. 122, 230.
 Зильберштейн И. С. 110, 111, 118,
 222, 258.
 Златовратский Н. Н. 21.
 Зноско-Боровский Е. А. 226, 230, 245.
 Зозуля Е. Д. 253—255, 257.
 Золотницкий Д. И. 112.
 Зонтаг Г. 159, 160.
 Зорин М. И. 116.
 Зорин Ф. М. 114.
 Зоценко М. М. 118.
 Иакинф, монах, в миру Блчу-
 дин Н. Я. 154.
 Ибсен Г. 89.
 Иван Николаевич, брат Агр. Нпк.,
 знакомый И. А. Гончарова 191.
 Иваненко О. Д. 118.
 Иванов А. В. 71.
 Иванов Вс. В. 112, 118.
 Иванов Вяч. И. 28, 225—231, 235,
 237, 239, 240, 246—248, 250, 252.
 Иванов И. И. 20.
 Ивапов Н. Н. 122.
 Иванов П. А. 109, 129.
 Иванова А. М., урожд. Махнина 116.
 Иванова Л. Н. 109.
 Иванова Т. В. 112.
 Иваново-Вознесенский театр 71.
 Иванчин-Писарев А. И. 6.
 Иванюков И. И. 8, 20.
 Ивашев В. П. 151, 158.
 Ивашев П. Н. 153.
 Ивашева В. А. 153.
 Ивашева Ек. П., в замуж. кн. Хо-
 ванская 153, 162—165.
 Ивашева Елизавета П., см. Языкова
 Елизавета П.
 Ивнев Р., псевд. Ковалева М. А. 112.
 Игнатов И. Н. 22.
 Измайлов Н. В. 2.
 Изюмов А. Ф. 122.
 Икскуль-фон-Гилленбанд В. И.,
 урожд. Лутковская, в 1-м браке
 Глинка-Маврина 7, 8.
 Ильин А. А. 20.
 Ильин И. И. 3.
 Ильин Н. И. 7.
 Инбер В. М. 118.
 Ипполитов-Иванов М. М. 128.
 Исаев А. А. 8.
 Исаковский М. В. 116.
 «Искра», газета 212.
 Каблуков Н. А. 8.
 Кавелин К. Д. 120.
 Каверин В. А. 116, 118.
 Каграманов Н. В. 118.
 Казико О. Г. 112.
 Калининков В. С. 120.
 Калмыкова А. М. 8.
 Калужский Е. В. 66.
 Каменский А. В. 21.
 Каналетти, наст. имя и фам. Джо-
 ванни-Антонио Канале 41.
 Кантаровский Я. 131.
 Кантемир А. Д., кн. 138.
 Капелюш Б. Н. 109.
 Капнист В. В. 131, 132, 135—138,
 146, 155, 156.
 Каподистрия И., гр. 165, 166.
 Кара С., псевд. Кара-Демура С. С.
 112, 114.
 Карабчевский Н. П. 21.
 Каразин В. Н. 110.
 Каразин И. И. 121.
 Карамзип Н. М. 51, 55, 122, 173, 174,
 264—266.
 Кардо-Сысоева Е. К. 109, 125, 126.
 Кареев Н. И. 20, 21, 125.
 Карещенко 214.
 Карин Ф. Г. 135, 138, 139.
 Каровин, см. Петропавловский Н. Е.

- Карпов А. А. 147, 158, 160.
 Карышев Н. А. 8.
 Катаев В. П. 116.
 Катерли Е. И. 111, 118.
 Катон М.-П. 48.
 Каутский К. 16.
 Качалов В. И. 65, 66, 112.
 Каченовский М. Т. 178.
 Квашнина-Самарина В. С. 119.
 Кежун Б. А. 116.
 Кеннеди Г. 88.
 Кибардина В. Т. 112.
 Кигн В. Л., см. Дедлов В. Л.
 Киевская киностудия 80.
 Кизеветтер А. А. 8, 23.
 Кино Ф. 132.
 Киреева О. А., см. Новикова О. А.
 Киреевская А. П., см. Елагина А. П.
 Киреевская М. В. 155, 156.
 Киреевский И. В. 149, 154, 158, 163,
 168, 176.
 Киреевский П. В. 147, 149, 154, 156,
 158, 163, 168.
 Кирмалов М. М. 211.
 Кирмалова А. А., урожд. Гончарова
 199, 211.
 Киселев Н. 177.
 Клеушева О. Л. 109.
 Клиберн В. 113—115.
 Клитч-оглы Г. И. 123.
 Клодель П. 235, 236, 249—251.
 Кнехт, см. Петровский В. А.
 Книпович Е. Ф. 118.
 Княжнин Я. Б. 131, 133—137, 139.
 Княжнина Е. А., см. Сумаро-
 кова Е. А.
 Князев В. В. 116, 128.
 Князев Ф. С. 126.
 Князева Е. И. 109.
 Ковалев И. Ф. 212.
 Ковалев М. А., см. Ивнев Р.
 Ковалевский М. М. 8.
 Ковалевский П. И. 8.
 Ковалевский П. М. 212.
 Кованев И. Ф. 114.
 Коган П. С. 28.
 Козаков М. М. 112.
 Козаков М. Э. 116.
 Козельский Ф. Я. 131, 136.
 Козьма Прутков 216.
 Койан Я. 110.
 Кокерель Ш.-О. 259.
 Колосов Е. Е. 125.
 Колтоновская Е. А., урожд. Сасько
 22, 27.
 Кольридж С. Т. 126.
 Кольцов А. В. 115.
 Кольцов М. Е., псевд. Фридлянда
 М. Е. 254, 256, 257.
 Комаров В. Л. 118.
 Комарова Н. В., урожд. Старк 118.
 Комарова О. Д., см. Форш О. Д.
 Комаровский Л. А. 8.
 Компссаржевская В. Ф. 58.
 Комовский В. Д. 147, 149, 155, 156,
 160, 163, 166, 168, 169, 172, 173, 175.
 Кондаков 154.
 Кондратьев А. А. 242.
 Коленков С. Т. 128.
 Кони А. Ф. 4, 8, 29, 120, 121, 128,
 185, 187.
 Кони Л. Ф., см. Грамматчикова Л. Ф.
 Кони Ф. А. 120, 121, 126.
 Констан Б. 259.
 Константинип Константинович, вел.
 кн. 212.
 Константинип Николаевич, вел. кн.
 213, 217.
 Коонен А. Г. 112.
 Коор М. Э. 24.
 Коперник Н. 117.
 Коплан Б. И. 116.
 Коплева О. А., в замуж. Стариц-
 кая 120.
 Короленко В. Г. 5—7, 28, 29, 129.
 Коростин М. С. 80, 84.
 Короткова-Лебедева А. А. 114.
 Корсаков Д. А. 120.
 Корсов Б. Б., псевд. Геринга Г. Г. 120.
 Корш В. Ф. 120.
 Корш Д. А. 120.
 Костецкая О. Л. 128.
 Костромской театр им. А. Н. Ост-
 ровского 71.
 Кочетов В. А. 114, 116.
 Краевский А. А. 150.
 Краков П. А. 118.
 Крамп Л. И. 121.
 Красильщикова Р. Б. 115.
 Краснов Пл. Н. 92.
 Красовская В. М. 112.
 Крафт И. Ф. 115, 116.
 Крауфорд Ф. М. 85, 89.
 Крачковский И. Ю. 111.
 Крашенинников Н. А. 28.
 Кречетов С., см. Соколов С. А.
 Кривенко С. Н. 8, 9, 20.
 Кривич В., см. Анненский В. И.
 Кривцова А. В. 98.
 Кро Г.-Ш. 248, 249.
 Кро Ш. 247—249.
 Крон А. А. 112, 113.
 Крутикова Л. В. 5.
 Крылов И. А. 126, 134, 161, 162, 164,
 165, 167, 171, 174.
 Крымов Ю. С. 116.
 Крымова Н. А. 112.
 Кузен В. 174, 175.
 Кузмин М. А. 24, 129, 224, 228, 236—
 241, 250.

- Кузнецов Г. П. 76, 77.
 Кузьмин Б. П. 111.
 Кузьмина Л. И. 109.
 Кукольник В. Г. 122.
 Кукольник Н. В. 55, 121.
 Кулакова Т. К. 114.
 Кулжинская О. С. 114.
 Кульман Ж.-Ж. 271—273.
 Кулябко В. 117.
 Куприн А. И. 111.
 Куприянов И. 241.
 Куприяновский П. В. 5, 6, 9, 10, 13, 15, 16, 19.
 Купченко В. П. 242.
 Кухтин П. С. 114.
 Кювье Ж. 259, 260.
 Кюнер В. А., см. Сутугина В. А.
- Лавренев Б. А. 112, 116.
 Лавров А. В. 222, 242.
 Лавров В. М. 94.
 Лазарева Е. Т., урожд. Фан дер Флит 122.
 Лазаревич В. В. 136, 146.
 Лакордер Ж.-Б.-А.-Д., де 274, 275.
 Лансере Н. П. 126.
 Лариков А. И. 112.
 Ларин Б. А. 111.
 Ларионов М. Ф. 112.
 Ларош Г. А. 8.
 Латвийский художественный театр (Рига) 71.
 Лебедева А. Г. 109, 111.
 Лебедева С. Д. 112, 113.
 Левин Ф. М. 118.
 Левин Ю. Д. 276.
 Левоневский Д. А. 116.
 Лежнев И., псевд. Альтшулера И. Г. 118.
 Леконт де Лиль Ш. 236, 237, 246.
 Лемке М. К. 21.
 Ленин В. И. 115, 129.
 Ленинградский народный дом 71.
 Ленорман А. 261.
 Ленорман Ш. 261.
 Ленский Д. Т., псевд. Воробьева Д. Т. 121.
 Ленц 201, 203.
 Лео А., псевд. Шансе Л., урожд. Бера 215, 217.
 Леонов А. А. 116.
 Леонов Л. М. 111.
 Леонтович Ф. И. 21.
 Леонтьев-Щеглов И. Л. 22.
 Лермонтов М. Ю. 118, 258.
 Лесков Н. С. 8, 13, 14, 69.
 Леткова Е. П., в замуж. Султанова 8.
 Либединский Ю. Н. 116.
 Либман В. А. 277.
- Ливеровская М. И. 8, 15.
 Лидин В. Г. 118.
 Лидова Е. М. 118.
 «Литературная газета» 152, 153, 161, 178.
 Лихарев В. М. 115, 116.
 Лихачев В. С. 92.
 Лихачев Д. С. 111.
 Лихонин А. Г. 120.
 Лихонин В. Г. 120.
 Лихонина А. С. 120.
 Лихонина Е. С. 120.
 Лихонина Н. Г., в замуж. Иосса 120.
 Лозино-Лозинский М. А. 7, 8, 21.
 Лозинский М. Л. 116, 118, 126, 127, 231.
 Ломан О. В. 111.
 Ломоносов М. В. 134, 139, 140, 146.
 Лонгинов Н. М. 162, 163.
 Лонган Л. И. 120.
 Лотман Л. М. 111.
 Лохвицкая М. А., в замуж. Жибер 17.
 Луговой А. А., псевд. Тихонова А. А. 8, 21, 24.
 Луговцов Н. П. 114, 116, 118.
 Лукан 31, 33.
 Лукин В. И. 133.
 Лукницкий П. Н. 114, 126.
 Лукс В. К. 116.
 Лукулл Л. Л. 142, 146.
 Лукьянова В. Л. 196, 198—200, 208, 210, 215, 216, 219.
 Луначарский А. В. 123, 253—257.
 Лундберг Е. Г. 118.
 Лурье С. В. 23.
 Львов Н. А. 132, 135, 136.
 Львова М. А., см. Дьякова М. А.
 Львович Г. Ф. 8, 15, 16, 20, 21.
 Лылов К. Н., псевд. Розенблюма К. Н. 8, 15, 21.
 Любименко И. И. 118.
 Люфанов Е. Д. 116.
 Люций 31.
 Лядов А. К. 229.
 Ляцкая В. П., урожд. Зелена 123.
 Ляцкий Е. А. 122.
- Мазон А. 121, 124, 184.
 Майков А. Н. 30—55, 179—182.
 Майков П. Н. 168, 174, 178.
 Майкова Е. П., урожд. Гусятникова 40.
 Майкова Е. П., урожд. Калита 191, 196.
 Мак-Гахан В. Н., урожд. Елагина 8, 20.
 Макашин С. А. 111.
 Маквей Г. 112.

- Маковский К. Е. 222.
 Маковский С. К. 122, 126, 129, 222—252.
 Максимов Д. Е. 5, 241.
 Максимов Н. В. 8.
 Максимович М. А. 178.
 Макушин П. И. 123.
 Макшеева Н. А. 121.
 Малахиева-Мирович В. Г. 23, 24.
 Малкина А. Я., см. Острогорская А. Я.
 Малкина Е. Р. 127.
 Мамин-Сибиряк Д. Н. 8, 21, 127, 128.
 Манасеин Н. А. 121.
 Манасеин П. Н. 121.
 Манасейна М. М. 8.
 Мандельштам О. Э. 231.
 Мануйлов В. А. 111.
 Марджанишвили (Марджанов) К. А. 112.
 Маржерет Ж. 171.
 Марленгоф А. Б. 112, 113.
 Мария Федоровна, имп. 35.
 Марков Г. М. 116.
 Марков С. Н. 116.
 Мартынов Л. Н. 116.
 Маршак С. Я. 111.
 Марягин Г. А. 116.
 Масанов Ю. И. 259.
 Масон И. 110.
 Маяковский В. В. 111, 113.
 Мгебров А. А. 111.
 Медведев П. Н. 119.
 Меллелайтис Э. 113.
 Мейербер Д. 41.
 Мельгунов Н. А. 157, 158.
 Меншуткина Т. Б., урожд. Форш 109, 119.
 Мережковский З. Н., см. Гиппиус З. Н.
 Мережковский Д. С. 4, 8, 12, 20, 23, 128.
 Мерзляков А. Ф. 161, 162, 164.
 Мериме П. 259.
 Метастазιο П., наст. имя и фам. Пьетро Трапасси 132.
 «Метеор», альманах 44.
 Метгер Из. М. 112.
 Мещерская Е. А. 118, 119.
 Мещерская О. Э., урожд. Форш 118.
 Мещерская С. Е. 118.
 Миклашевский И. С. 121.
 Микулич В., см. Веселитская Л. И.
 Миллашевский В. А. 109, 128.
 Миллгейт М. 88.
 Миллер О. Ф. 184.
 Милова К. 112.
 Мильтон Д. 135, 136.
 Минаев Д. Д. 92, 127, 128.
 Минский Н. М., псевд. Виленкина Н. М. 4, 8, 12, 21.
 «Мир божий», журнал 4.
 Мирза-Авакян М. Л. 5.
 Михайлов В. К. 128.
 Михайлов М. Л. 92.
 Михайлова А. Н. 23.
 Михайлова О. Н., см. Чюмина О. Н.
 Михайловский Н. Г., 114, 115.
 Михайловский Н. К. 5, 6, 10, 11, 128, 129.
 Мицкевич А. 258.
 Модестов В. И. 19.
 Модзалевский Б. Л. 128, 259.
 Можаровская Е. В. 114.
 Моисеева А. А., псевд. Мирэ 124.
 Мойер И. Ф. 167, 168.
 Мойер М. А., урожд. Протасова 168.
 Мокршанская Е. В. 129.
 «Молва», приложение к журналу «Телескоп» 174, 175.
 Молдавский Д. М. 114.
 Молок А. И. 125.
 Молоствов Н. Г. 9, 19.
 Мольер 68. 70.
 Монахов Н. Н. 112.
 Монмут Дж., герц. 86.
 Моравская М. Л. 246.
 Мордвинов Н. С., гр. 160, 161.
 Мордовцев Д. Л. 8. 20.
 Мордовченко Н. И. 111.
 Морис П.-Ж. 270.
 Морозов Н. А. 123.
 Морозов Н. П. 28.
 Морьер Дж. 161, 162.
 Москвин Л. М. 65. 66.
 Московская фабрика художественных фильмов 57. 76—78.
 «Московский вестник», журнал 148, 149, 151, 154, 157—164, 169, 173, 178, 263, 265.
 Московский дом кино 84.
 «Московский наблюдатель», журнал 158.
 «Московский телеграф», журнал 166, 260, 261, 264, 265.
 «Мосфильм» 57.
 Мстиславский С. Д. 119.
 Мудров М. Я. 167, 168.
 «Музей Дорсетского графства» (Великобритания) 88.
 Музей Л. А. Некрасова в Чудовской Луке 111.
 Музей Н. А. Некрасова в Карабихе 111.
 Мундт А. Н. 120.
 Мундт С. Н. 120.
 Мур Т. 167, 168, 258.
 Муравьев Андрей Н. 163, 164.
 Муравьев М. Н. 132, 135.
 Муравьев Н. А. 132.
 Муратов А. Б. 253, 254.

- Муратов П. П. 122.
 Муратова К. Д. 2.
 Муринов В. Я. 28.
 Мусин-Пушкин М. Н., гр. 122.
 Мухина Е. М. 234.
 МХАТ 28, 57—60, 65—71, 80.
 Мюллер-Кочеткова Т. В. 258.
 Мюссе А., де 129.
 Мякотин В. А. 20.
 Мясоедов Г. Г. 120.
- Надеждин Н. И. 159—162, 174, 175.
 Надсон С. Я. 115, 249, 250.
 Наполеон I Бонапарт 60, 79, 259.
 Нарбут Н. И. 116.
 Нарезный В. Т. 151.
 Нащокин П. В. 149.
 «Невский альманах» 151, 167, 168.
 Недоброво Н. В. 24, 129.
 Недогонов А. И. 116.
 Нейгауз Г. Г. 112, 114.
 Некрасов В. Ф. 111.
 Некрасов К. Ф. 28.
 Некрасов Н. А. 34, 83, 110, 111, 121, 212, 246.
 Некрасова А. Ф. 111.
 Некрасова Е. С. 8.
 Нелединский Вл., см. Гиппиус Вл. В.
 Нелли-Влат В. А. 112.
 Нельдихен С. Е. 116.
 Немирович-Данченко Вас. И. 8, 20, 21.
 Немирович-Данченко Вл. И. 8, 57, 65—67, 69, 70.
 Неслуховская М. К., см. Тихонова М. К.
 Нессельроде К. В., гр. 165, 167.
 Нефедов Ф. Д. 8, 21.
 Нечаев А. Н. 116.
 Нижинская Б. Ф. 119.
 Никитенко А. В. 183, 205, 212, 217, 218, 221.
 Никитенко Е. А. 183, 198, 199, 205, 217.
 Никитенко К. К. 205, 206, 217.
 Никитенко С. А. 183—220.
 Никитин Н. Н. 119.
 Никитина Е. Ф. 124.
 Никитина З. А. 112, 113, 124.
 Никитина Т. А. 115.
 Николаев А. Г. 113, 114.
 Николаева-Терешкова В. В. 113.
 Николай I 156, 161, 168, 169.
 Николев Н. П. 131, 133—139, 146.
 Никон, патриарх 163—165.
 Никритин С. Б. 112, 113.
 Никритина А. Б. 111—113.
 Никритина С. С. 112, 113.
 Ницше Ф. 17.
 Новиков Д. И. 154.
- Новиков Н. И. 131.
 Новиков-Прибой А. С. 115, 119.
 Новикова О. А., урожд. Киреева 189, 276—278.
 Новодворский А. О., псевд. — Оспович А. 128.
 «Новое слово», журнал 19.
 Норин С. К. 114.
 Нугманов М. Н. 114.
 Нурутдинов З. Ш. 116.
- Оболенский Л. Е. 8, 20.
 Образцов С. В. 112.
 Образцова О. А. 112.
 Обухова Г. А. 127.
 «Общество ревнителей художественного слова» 230, 231, 241.
 Овсянко-Куликовский Д. Н. 8, 21.
 Овчинникова О. Ф. 128.
 Огарева Н. А., урожд. Тучкова 8.
 Ожогин А. Г. 137.
 Озеров В. М. 114.
 Озеров Л. А. 114.
 Олейников Ю. М. 128.
 Олимпиада Петровна, симбирская знакомая Н. М. Языкова 153.
 Олсуфьев А. В. 146.
 Ольденбург С. С. 122.
 Ольхина Н. А. 112.
 Онегин-Отто А. Ф. 277.
 Орлик О. В. 258.
 Орлов А. Ф., кн. 217.
 Орлов В. А. 66.
 Орлов В. Н. 116, 124.
 Орлов Н. А., кн. 213, 217.
 Орлов С. С. 114.
 Орлов-Чесменский А. Г., гр. 217.
 Осипенко А. С. 114.
 Осипенко П. Д. 113.
 Осипович А., см. Новодворский А. О.
 Осовский А. В. 229.
 Островская Н. А. 115.
 Островский А. Г. 116.
 Островский А. Н. 69, 71, 128.
 Островский Н. А. 115.
 Острогорская А. Я., в замуж. Малкина 127, 128.
 Острогорская Т. Е. 109.
 Остроумова-Лебедева А. П. 127, 222.
 Осьмаков Н. В. 111.
 «Отечественные записки», журнал 5, 40, 44, 209, 212, 219.
 Оттен Н., псевд. Поташинского Н. Д. 112.
- Павленко П. А. 116, 119.
 Павлович Н. А. 119.
 Павловский И. Я. 8, 21.
 Пальмин Л. И. 20.
 Панаев И. И. 55, 56.

- Панина С. В., гр. 28.
 Панов С. Ф. 114.
 Панова В. Ф. 119.
 Пантелеев Л. Ф. 124.
 Панферов Ф. И. 119.
 Парди Р. Л. 88.
 Парнок С. Я. 29.
 Паррот Ф. 165, 166.
 Пастернак Б. Л. 113, 116, 119.
 Пасынков Т. К. 110.
 Паустовский К. Г. 119.
 Пекре Ю. 120.
 «Перевал», журнал 243, 252.
 Переверзев П. Н. 124.
 Переверзева Е. И. 124.
 Перевощиков В. М. 161, 162, 165.
 Перельман О. И., см. Дымов О.
 Перс Б. Н. 122.
 Перцов П. П. 21.
 Пестовский В. А., см. Пяст В.
 Петерсон А. П. 149, 150, 152, 156,
 157, 174, 175.
 Петников Г. Н. 116, 118, 119.
 Петр I 121, 156.
 Петров-Водкин К. С. 119.
 Петровский В. А., псевд. — Кнехт
 116.
 Петровский Д. В. 116.
 Петроградская земская учительская
 школа 128.
 Петроградский театр им. В. Ф. Ко-
 миссаржевской 58.
 Петропавловские Н. В. и Л. Б. 114.
 Петропавловский Н. Е., псевд. — Ка-
 ронин 8, 21.
 Петухов В. В. 136.
 Петухов Е. В. 147, 160, 162, 166.
 Петц К. К., фон. 123.
 Пигарев К. В. 109.
 Пизон К. П. 31.
 Пикассо П. 112.
 Пиксанов Н. К. 111.
 Пинес Д. М. 124.
 Пиндар 47, 110.
 Пиотровский А. И. 114.
 Пирожков М. В. 21, 22.
 Писарев Д. И. 217.
 Писарева А. Н. 128.
 Пятков Ж. 112.
 Пяткова Л. 112.
 Плавицкий П. А. 132.
 «Пламя», изд-во (Прага) 122.
 Платон 31, 272.
 Плетнев П. А. 149, 173.
 Плеханова Р. М., уржд. Богорад
 116, 117.
 Плещеев А. Н. 121.
 Плоткин Л. А. 110.
 По Э. 12, 20.
 Победоносцев К. П. 34.
 Погодин М. П. 149—152, 154, 156—
 173, 177, 178, 263.
 Погосова А. Е. 8.
 «Подснежник», альманах 152.
 Пожарова М. А. 119.
 Позерн 151, 174.
 Покровский В. К. 117.
 Покрышев П. А. 114.
 Полевой Б. Н. 117.
 Полевой К. А. 166.
 Полевой Н. А. 157—162, 165—167,
 174, 175, 178, 264.
 Полиевктов М. А. 156.
 Половцев В. А. 121.
 Половцов А. В. 20.
 Полонская Е. Г. 113, 114.
 Полонская Ж. А. 120.
 Полонский Л. А. 8.
 Полонский Я. П. 8, 20.
 Полторацкий С. Д. 259.
 Подуботко С. В. 117.
 Поляков А. С. 156.
 Полякова Г. Г. 109.
 Полякова Н. М. 109, 115.
 Пономарева Е. В. 120, 121.
 Попов А. А., см. Вир А.
 Попов П. С. 64, 68, 69, 75.
 Попова Л. М. 113—115.
 Попова М. М. 115.
 Попова О. Н. 22.
 Поповкин Е. Е. 117.
 Порай-Кошиц В. Л. 119.
 Порай-Кошиц Н. Н. и О. А. 119.
 Порга И. Б., де 110.
 Порфирьевы Б. А. и Л. П. 114.
 Поссе В. А. 22.
 Потанин Гр. И. 123.
 Потапенко И. Н. 8, 12, 21.
 Потапенко Н. И. 122.
 Потапшинский Н. Д., см. Оттеп Н.
 Потемкин П. П. 223, 235.
 Похвиснев М. Н. 201, 203.
 Привалова Е. П. 111, 128.
 Пришвин М. М. 119.
 Прокофьев А. А. 115, 117, 119, 128.
 Протасова Е. А., уржд. Бунина 151,
 152.
 Протопопов Д. Д. 22, 23.
 Пругавин А. С. 8, 21.
 Пугачев В. В. 258.
 Пухов В. В. 136.
 Пушкин А. С. 36, 39, 40, 55, 56, 113,
 118, 134, 148, 149, 152, 154, 158—
 161, 165—178, 246, 249, 250, 254,
 260, 273.
 Пушкин В. Л. 165, 166.
 Пушкин С. Л. 167.
 Пушкина Н. Н., уржд. Гончарова,
 во 2-м браке Ланская 149, 160,
 167, 168, 170, 176, 177.

- Пыпин А. Н. 120.
 Пырьев И. А. 74, 75, 77, 79.
 Пяст В., псевд. Пестовского В. А. 226.
 Радлов Э. Л. 8, 21.
 «Радуга», альманах 154.
 Раев В. Е. 56.
 Раев Н. П. 238.
 Раич С. Е. 158, 162, 166.
 Раковский Л. И. 109.
 Рамбах Ф.-Э. 165, 166.
 Расин Ж. 136.
 Раскова М. М. 113.
 «Рассказчик забавных басен», журнал 133, 137.
 Рафалович С. Л. 27.
 Рашильд, наст. фам. Эмери В.-М. 241.
 Регул 47, 48.
 Рейсер С. А. 111.
 Рейтерн М. Х. 122.
 Рейхе А. К. 123.
 Рейц А. Ф. 159, 160, 164.
 Рейц Н. А. 159.
 Рекамье, банкир, муж Ж.-А. Рекамье 261.
 Рекамье Ж.-А. 260, 261, 266—269.
 Рембо А. 247, 248.
 Ремезов М. Н. 95.
 Ремизов А. М. 23, 24, 129, 227.
 Рерих Н. К. 231.
 Решетов А. Е. 117.
 Ржевский А. В. 157, 158.
 Рильке Р.-М. 17, 18.
 Римский-Корсаков Н. А. 128.
 Рихтер, проповедник 162, 163.
 Риччиотти В., псевд. Турутовича Л. О. 117.
 Робеспьер М.-М.-И. 259.
 Роден О. 17.
 Рождественская К. В. 119.
 Рождественский Вс. А. 114, 119.
 Розанов В. В. 8.
 Розберг М. И. 171.
 Розенблум К. Н., см. Льдов К. Н.
 Романов П. С. 24, 25.
 Россет А. О., см. Смирнова А. О.
 Росси Э. 118.
 Ротач П. П. 129.
 Рубакин Н. А. 8, 20, 21.
 Рубан В. Г. 131, 136, 146.
 Руднев Д. 109.
 Рудольф, врач 151.
 Рудольфи О. Д. 121.
 Рукавишников И. С. 24.
 Рунова О. П. 8.
 «Русская молва», журнал 27.
 «Русская мысль», журнал 24—27, 85, 89—91, 93—97, 102.
 «Русская школа», журнал 3, 29.
 «Русь», газета 245.
 Рыбина Е. И. 115.
 Рыжова В. Н. 128.
 Рыкачев Н. А. 120.
 Рыкачева М. А. 120.
 Рыкова Е. Я. 109, 116, 117.
 Рыленков Н. И. 117.
 Рыльский М. Ф. 117.
 Сабашников М. В. 125.
 Савин В. П., псевд. Нёбдинса В. 113.
 Савина М. Г. 185.
 Саврасов С. А. 76.
 Садова Е. А. 128.
 Садовников Д. Н. 160, 175, 176.
 Садовой Б. А. 227.
 Салофьев И. И. 117.
 Сажин С. А. 119.
 Сакер Я. Л. 22.
 Сакулин П. Н. 254.
 Салтыков-Щедрин М. Е. 209, 212, 211.
 Салтыков С. Н. 124.
 Самара А. 113.
 Самков В. А. 222.
 Сандомирский Г. Б. 254.
 «Санкт-Петербургский вестник» 131, 134, 135.
 Санси, гувернантка в семье Ивашевых 150, 151.
 Саут Р. 97, 98, 103.
 Саути Р. 97.
 Сахаров И. П. 164.
 Сахарова Е. В. 124.
 Сахновский В. Г. 57—71.
 Саянов В. М. 114—117, 119.
 Свербеев Д. Н. 149, 174—178.
 Свербеева Е. А., урожд. княж. Щербатова 176, 177.
 Свердлин Л. Н. 114.
 Светлов М. А. 117.
 Свечин Н. С. 265, 266.
 Свечина С. П., урожд. Соймонова 262, 266—268, 271—273.
 Свешников М. И. 7, 8, 21.
 Свириг Н. Г. 116, 117.
 Святский Н. П. 129.
 «Северная почта», газета 212.
 «Северная пчела», газета 152.
 «Северные цветы», альманах 152, 161.
 «Северный вестник», журнал 4—26.
 Сейфуллина З. Н., в замуж. Шапиро 119.
 Сейфуллина Л. Н. 119.
 Селезнев К. Л. 109.
 Селивановский С. И. 157, 158.
 Сельвинский И. Л. 117.
 Селюк Я. Я. 124.

- Семацова М. Л. 254.
 Семевский М. И. 128.
 Семен А. И. 167, 168.
 Семенов-Войтов Н. А. 115.
 Сементковский Р. И. 9, 20, 21.
 Семерикова И. А. 109.
 Сенека Л. А. 31, 32.
 Сенковский О. И. 55, 56, 122.
 Сент-Бев О. 259.
 Сергеев М. А. 117.
 Сергеев-Ценский С. Н. 24.
 Серов В. А. 118, 222.
 Серова В. С., урожд. Бергман 20.
 Серошевский В. Л. 127.
 Серр, урожд. Юар, гр., де 271—273.
 Серр П.-Ф.-Э., гр., де 273.
 Сидоров В. И. 117.
 Симеон Гордый 55.
 Симонов К. М. 109, 114, 117, 124, 128.
 Синегуб В. С. 123.
 Синегуб Е. С. 123.
 Синегуб Л. В., урожд. Чемоданова 123.
 Синегуб Лариса С. 123.
 Синегуб Лев С. 123.
 Синегуб Лидия С., в замуж. Батурина 123.
 Синегуб М. С. 123.
 Синегуб Н. С. 123.
 Синегуб С. С. 123.
 Синецкий И. А. 112.
 Синицын А. М. 114.
 Сиповский В. Д. 120.
 Скабичевский А. М. 8.
 Скафтымов А. П. 111.
 Скобелев М. Д. 277.
 Скопин-Шуйский М. В., кн. 122.
 Скрам Э. 89.
 «Славянин», журнал 264.
 Слонимская И. И. 119.
 Слонимский М. Л. 117—119.
 Случевский К. К. 246.
 Смиренский Б. В. 124.
 Смиренский В. В. 124.
 Смирнов В. В. 117.
 Смирнов С. В. 117.
 Смирнова А. О., урожд. Россет 19.
 Смирнова Н. Н., см. Сорен Н. Н.
 Смолин Д. П. 58.
 Снегрев И. М. 166.
 «Собеседник любителей русского слова», журнал 132.
 Соболев Л. С. 114, 117, 119.
 Соколов Н. И. 111.
 Соколов С. А., псевд. — Кречетов С. 228, 239, 241, 243, 252.
 Соколов-Микитов И. С. 117, 119, 124.
 Соловьев Б. И. 116, 117.
 Соловьев В. С. 9, 15, 21.
 Соловьева О. М. 21.
 Сологуб Ф., псевд. Тетерникова Ф. К. 9, 12, 13, 21, 119, 124, 126, 227, 229, 232—234, 239.
 Солоухин В. А. 109.
 Соляный П. М., см. Южный П.
 Солярский П. Ф. 98.
 Сомов К. А. 227.
 Сорен Н. Н., урожд. Смирнова 19.
 Софронов В. Я. 112, 113.
 «Союзфильм» 71.
 Спасович В. Д. 9, 21, 121.
 Спасская В. М. 85, 88—102.
 Спинова Б. 5.
 Спиридонов В. С. 111.
 Станиславский К. С. 28, 57, 67, 68, 70, 71.
 Станюкович М. К. 9, 20.
 Старынкевич С. А. 217, 218.
 Стасов Д. В. 121.
 Стасова Н. В. 9.
 Стасюлевич Л. И., урожд. Утина 187, 193, 194, 196, 197, 204—206, 208, 218.
 Стасюлевич М. М. 4, 185, 187, 188, 190, 192—198, 200, 203—206, 208, 210, 211, 218, 219.
 Стедаль, псевд. Бейля А. 258, 259.
 Стенник Ю. В. 137.
 Степанов А. Е. 123.
 Степанов В. П. 131.
 Степанов Н. Л. 34, 38, 111.
 Степанова Е. К. 196.
 Столица Л. Н. 23.
 Столянский П. Н. 161.
 Столыпины 152—154.
 Стороженко Н. И. 9, 85.
 Стравинский Ф. И. 128.
 Странник Иван, см. Аничкова А. М.
 Страхов Н. Н. 9.
 Строев П. М. 164.
 Струве Г. П. 122.
 Струве П. Б. 19, 23, 24.
 Суворин А. С. 9.
 Суздальцева Е. И. 120.
 Суздальцева Ш. А. 120.
 Суинберн А. Ч. 91, 92, 98, 100, 103.
 Султанова Е. П., см. Леткова Е. П.
 Сумароков А. П. 132—134, 139, 140, 146.
 Сумарокова Е. А., в замуж. Гняжина 134.
 Суперанский М. Ф. 184, 185.
 Сурков А. А. 111, 116, 117, 119.
 Сутугина В. А., в замуж. Кюннер 126.
 Сухово-Кобылин А. В. 20, 64.
 Сушкевич Б. М. 119.
 Сцевола Гай Муций 48, 220.
 «Сын отечества», журнал 173, 264.
 Сычева Т. П. 109.

- Сюллерберг В. М. 124.
Сюллерберг К. А., псевд. — Эрберг К. 123, 124, 224.
- Тарасенков А. К. 114, 116, 117, 124.
Тарасов А. Ф. 111.
Тарле Е. В. 111, 119, 125.
Тарновская-Тарле М. В. 119.
Тарханов И. Р., кн. 9, 21.
Тарханова Е. П., урожд. Антокольская, кн. 121.
Татарянов А. Н. 150, 151, 153, 154, 166.
Татарянов Н. И. 152—154, 164, 165.
Татарянова А. С., урожд. Аржевитинова 152, 153.
Тацит 179.
Твардовский А. Т. 111, 114.
Театр русской драмы (Киев) 71.
Тейлор Дж. 97, 98, 103.
Телешева Е. С. 69.
Телешов Н. Д. 9, 21.
Теннисон А. 19, 92, 100, 101, 103, 104.
Терешкова В. В., см. Николаева-Терешкова В. В.
Тетерников Ф. К., см. Сологуб Ф.
Тик Л. 160.
Тименчик Р. Д. 222.
Тимирязев К. А. 9, 17, 20.
Тимковский Н. И. 21.
Тимофеев А. В. 55, 56.
Тиняков А. И. 126.
Тиртей 177.
Титов Г. С. 113, 114.
Тихонов А. А., см. Луговой А. А.
Тихонов Н. С. 109, 113—119.
Тихонова М. К., урожд. Неслуховская 119.
Толстая А. А., гр. 188.
Толстая М. Л., гр. 9.
Толстая С. А., гр., урожд. Бахметьева 188, 195, 197.
Толстая С. А., гр., урожд. Берс 9, 14.
Толстая С. И., см. Дымшиц С. И.
Толстая Т. Л., гр. 9, 14.
Толстой А. К., гр. 188, 197.
Толстой А. Н. 119, 124, 238, 239, 241, 250, 251.
Толстой Д. Н., гр. 162, 163.
Толстой Л. Л., гр. 9.
Толстой Л. Н. 5, 9, 13, 14, 20, 29, 66, 253, 276—278.
Толстой Я. Н. 259, 263.
Томашевский Б. В. 119, 234.
Томашевский Н. Б. 112.
Топольский А. Д. 24, 27.
Топорков В. О. 67.
Трачевский А. С. 9.
Трегуб С. А. 114.
- Тредиаковский В. К. 136, 146.
Трепов Ф. Ф. 219, 221.
Труа К., до 101.
Трубецкой С. Н., кн. 56.
Туган-Барановский М. И. 9, 10, 19, 21.
Тугенхольд Я. А. 24.
Тукалевский В. Н. 123.
Тупиков Н. М. 133.
Тургенев А. И. 151, 258—275.
Тургенев Альберт Н. 277.
Тургенев И. С. 69, 128, 187—189, 206, 219—221, 276, 277.
Тургенев Н. И. 151, 258, 260—262, 273, 276, 277.
Тургенев П. Н. 277.
Тургенев С. И. 272, 273.
Тургенев Ф. М. 110.
Тургенева Ф. Н. 277.
Турутович Л. О., см. Риччиотти В.
Тушинский М. Д. 121.
Тынянов Ю. Н. 119, 127.
Тыркова А. В., в 1-м браке Борман, во 2-м браке Вильямс 22.
Тьер А. 177, 178.
Тьерри О. 167, 168.
Тэффи Н. А., псевд., урожд. Лохвицкая, в замуж. Бучинская 122.
Тютчев Ф. И. 246.
- «Украинфильм» 80, 83, 84.
Ульяновский краеведческий музей 192.
Умников С. Д. 129.
Унковский А. М. 121.
Урванцов Л. Н. 123.
Урусов А. И., кн. 121.
Урусова М. С. 277.
Усов А. С. 9.
Усов Д. С. 242.
Успенский Г. И. 25, 26.
Устименко В. В. 112.
Устрялов Н. Г. 171.
Утин Е. И. 205, 206.
«Утра», журнал 132.
Ушков М. К. 227.
- Фавар Ш. С. 132.
Фадеев А. А. 111, 114, 117, 119.
Фан дер Флит, см. Лазарева Е. Т.
Фан дер Флит Ф. Т. 122.
Федин К. А. 113—115, 117—119, 124.
Федор Федорович, симбирский знакомый Н. М. Языкова 152.
Федоров А. В. 231, 237, 242, 248.
Федоров А. М. 21.
Федоров В. Ф. 157.
Фельдман О. И. 9.
Фет А. А. 34.
Фигнер В. П. 127.

- Фигнер Н. Н. 120.
 Фидлер Ф. Ф. 4.
 Фидлер Ю. В. 114.
 Филон Ог. 87.
 Философов Д. В. 9, 21.
 Фишер фон Вальдгайм Г. И. 176.
 Флексер А. Л., см. Волынский А.
 Флеров Н. Г. 117.
 Флоренская В. Д. 119.
 Фонвизин Д. И. 109, 134, 135, 138, 139.
 Фонвизин П. И. 109.
 Фонвизин С. П. 109, 110.
 Фонмишель А., де 125.
 Форестье П. 125.
 Фортунатов А. Ф. 20.
 Форш Н. Б., см. Вараке Н. Б.
 Форш О. Д., урожд. Комарова 116—119, 227.
 Фофанова-Устинова Е. К. 124.
 Франк С. Л. 24.
 Францев В. А. 123, 129.
 Фряче В. М. 254.
 Фруг С. Г. 9, 20.
 Фрязиновский А. Н. 131.
 Фукс В. Я. 208—212.
 Фурманов Д. А. 5, 7.
 Хаустов Л. И. 109.
 Хвостов А. С. 131, 134, 135, 138, 139.
 Хвостов Д. И. 138.
 Хемницер И. И. 135.
 Хижинский Д. С. 119.
 Хирьяков А. М. 9, 14.
 Хлебников В. В. 252.
 Хлебников Л. М. 253.
 Хованский Ю. С. кн. 162—165.
 Ходский Л. В. 20, 22.
 Холодковский Н. А. 9.
 Холшевников В. Е. 111.
 Хомяков А. С. 129, 151, 169.
 Хомякова Е. М., см. Языкова Е. М.
 Хоуэллс В. 85.
 Храбровицкий А. В. 129.
 Храпченко М. Б. 75, 77, 78.
 Хрипков А. Д. 159, 160.
 Цветаева А. И. 124.
 Цветаева М. И. 129.
 Цветков В. И. 117.
 Цебрикова М. К. 21.
 Цейтлин А. Г. 111, 200, 204.
 Цион С. А. 122.
 Чаадаев П. Я. 262, 267, 274.
 Чаковский А. Б. 117.
 Чанинг У. Э. 267, 268.
 Чапыгин А. П. 24, 25, 119.
 Чарушин Н. А. 123.
 Чацкий В. А. 9.
 Чеботаревская Ан. П. 124.
 Чемена О. М. 191, 196.
 Чепуров А. Н. 117.
 Червинский Ф. А. 20, 21.
 Черненко А. И. 117.
 Черновский А. А. 115.
 Черношвитова О. Н., урожд. Чеботаревская 124.
 Черный Сапа, псевд. Гликберга А. М. 23, 24.
 Чернышевская Н. М. 111.
 Чертков Л. Н. 17, 18.
 Черубина де Габриах, см. Васильева Е. И.
 Чехов А. П. 5, 25, 29, 129, 233, 253—257.
 Чехов И. П. 29.
 Чешихин Вс. Е. 21.
 Чивилихин А. Т. 116, 117.
 Чиковани С. И. 117.
 Чириков Е. Н. 21.
 Чирикова Л. Е. 222.
 Чисталев В. Т. 113.
 Чистякова-Мейер О. Э. 119.
 Чкалов В. П. 113, 114.
 Чкалова О. Э. 114.
 «Что-нибудь», журнал 136, 146.
 Чуваков В. Н. 112, 130.
 Чудовский В. А. 129, 231.
 Чуйко В. В. 21, 92.
 Чуковский К. И. 24, 25, 110, 111, 117—119, 227, 241.
 Чулков Г. И. 124, 227, 230, 234.
 Чулкова Н. Г. 124.
 Чумиков А. А. 35.
 Чупров А. И. 9, 121.
 Чурилин Т. В. 126.
 Чуркин А. Д. 117.
 Чухломский (Чухломской) И. 155, 156, 161, 162, 164, 174—177.
 Чюмина О. Н., в замуж. Михайлова 9, 20, 92, 237.
 Шабанова А. Н. 121.
 Шабельская А. С. 10, 20.
 Шагинян М. С. 114, 119.
 Шаликов П. И., кн. 166.
 Шамин Н. А. 124.
 Шампильон Ж. Ф. 165, 166.
 Шамшева М. Н. 112.
 Шапир Н. Л. 24, 27, 28.
 Шапорина Л. В. 124.
 Шарышкин Д. М. 85.
 Шатобриан Ф.-Р., де 51, 214, 217, 261, 267—270.
 Шварц Е. Л. 119.
 Швецов С. А. 117.
 Шевырев С. П. 149, 151, 154, 173.
 Шекспир В. 101, 102, 218.
 Шелгунов Н. В. 129.

- Шеллер-Михайлов А. К. 9, 20.
 Шелли П. Б. 20.
 Шенрок В. И. 9, 155, 171, 178.
 Шестаков Д. П. 109, 129.
 Шефнер В. С. 109.
 Шиллер Ф. 160.
 Шиловская Е. С., см. Булгакова Е. С.
 Шимелин Н. С. 130.
 Шипов Г. И. 138.
 Ширяев А. С. 154, 174.
 Шитова В. В. 112.
 Шишкин И. И. 120.
 Шишков А. А. 159, 160, 167.
 Шишков А. С. 160.
 Шишков В. Я. 114, 117, 119, 129.
 Шкловский В. Б. 83, 113, 119.
 Шлепянов И. Ю. 112.
 Шмидт В. К. 24.
 Шмурло Е. Ф. 9.
 Шолохов М. А. 109, 129.
 Шопен Ж.-М. 259.
 Шостакович Д. Д. 112—115.
 Шпильберг С. 17.
 Шпицер С. М. 199.
 Штильман Г. Н. 24.
 Штраус Д. Ф. 273, 274.
 Штраух М. М. 119.
 Шувиль Ж. 126.
- Щеголев П. Е. 118, 123, 124, 254.
 Щеголев П. П. 124.
 Щеголева В. А., урожд. Богуславская 124.
 Щепкина-Куперник Т. Л. 119, 121.
 Щербина Н. Ф. 121.
 Щербина Ф. А. 21.
 Щипахина Л. В. 115.
- Эверс И.-Ф.-Г. 165, 166.
 Эйхенбаум Б. М. 23, 28, 111—113, 119.
 Экштейн Ф., бар. 258, 261, 262, 271—274.
 Эльзон М. Д. 29.
 Эльяшев Н. И. 71.
 Эпиктет 47, 56.
 Эпикур 56.
 Эрберг К., см. Сьоннерберг К. А.
 Эредиа Р.-Х.-М., де 20.
 Эренбург И. Г. 124.
 Эро Э.-Ж. 258—260, 262—265.
 Эртель А. И. 9—11.
 Эфрон С. Я. 129.
 «Эхо», журнал 175.
 Эшем Р. 97, 98, 103.
- Ювенал 41.
 Югов А. К. 116, 117.
 Юдина И. М. 109.
- Южный П., псевд. Соляного П. М. 125.
 Юркппа С. И. 119.
- Яворская Э. Р. 115.
 Язиков А. М. 147, 149—152, 154—174, 176.
 Язиков Н. М. 147—178.
 Язиков П. М. 149—151, 153, 155, 156, 158, 159, 164, 176.
 Языкова Е. А., урожд. Ермолова 150, 151, 153, 157.
 Языкова Е. М., в замуж. Хомякова 150, 151, 153.
 Языкова Е. П., урожд. Ивашева 150, 151, 153—155, 157, 158, 162, 164, 165, 167, 170.
 Языкова П. М., см. Бестужева П. М.
 Яковлев П. Л. 265, 266.
 Якубович П. Ф. 123.
 Яльмаров А. И. 117.
 Ямпольский И. Г. 9, 13, 21, 24, 28, 30, 43, 44, 179.
 Ян П. 113.
 Янжул И. И. 20.
 Яниш К. К., в замуж. Павлова 156.
 Ярошенко Н. А. 120.
 Яроцкий В. Г. 21.
 Ясинский И. И. 128.
- Antonini Pii 41.
 Asham R., см. Эшем Р.
 Auchincloss L. 276.
 Bakounine T. 139.
 Bella L. 166.
 Benedictsson V.-M., урожд., Bruzelius, псевд. — Ernst Ahlgren 89.
 Brandes G., см. Брандес Г.
 Browning R., см. Браунинг Р.
 Chateaubriand F. R., де, см. Шатобриан Ф.-Р., де.
 Child Fr. 101.
 Davie D. 276.
 Des Granges Ch.-M. 259.
 Edel L. 276, 277.
 Falloux F.-A.-P. comte, de 262.
 Gettman R. A. 276.
 Harlow V. 276.
 Hedgcock E. Th. 99.
 Kolley G. 276.
 Leo A., см. Лео А.
 Levailant M. 261.
 Lubbock P. 277.
 Matthews B. 86.
 Mazon A., см. Мазон А.
 Mercier, m-me 213.
 Moor T. 166.
 Musset A., de 129.
 Osgood J. B. 87.
 Perry T.-S. 276.

- Phelps G. 276.
 Roland, m-lle 88.
 South R., см. Саут Р.
 Swinburne A. Ch., см. Свинбёрн А. Ч.
 Taylor J., см. Тейлор Дж.
 Tennyson A., см. Теннисон А.
 Tinker Ch. 98, 99.
 Webb A. A. 87.
 Weder C. J. 88.
- «Akadémos» 234.
 «Annales de la littérature et des arts» 261.
 «Atlantic Monthly» 276.
 «Bulletin universel des sciences et de l'industrie» 260, 263—265.
 «Le Catholique» 261, 274.
 «Le Correspondant» 261.
 «Cosmopolitain» 86.
 «Daily Telegraph» 277.
 «Dripeau blanc» 261.
- «Fortinighy Review» 87.
 «Gazette d'Augsbourg» 261.
 «Journal de L'Institut historique» 261.
 «Mercure de France» 248.
 «Mercure du dix-neuvième siècle» 273.
 «Nation» 276.
 «National Observer» 87.
 «North American Review» 276.
 «Quotidienne» 261.
 «Revue archéologique» 261.
 «Revue asiatique» 261.
 «Revue Britanique» 162, 163, 167.
 «Revue des Deux Mondes» 275.
 «Revue encyclopédique» 259, 260, 262, 263.
 «Revue française et étrangère» 261, 274—275.
 «Télégraphe» 264.
 «The Graphic» 87.
 «Variety» 64.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

М. А. Булгаков. Фото 1939 г.	64—65
Письмо Т. Гарди к В. М. Спасской. 31 октября 1892 г.	94
Ответы Т. Гарди на вопросы В. М. Спасской в связи с переводом романа «Тэсс из рода д'Эрбервиллей». 1892 г.	105—108
Записи Д. Д. Минаева в записной книжке (1874—1883)	127
Н. М. Языков. Литография Р. Гундризера с рисунка с натуры А. Д. Хрипкова. 1829 г.	176—177
А. И. Тургенев. Литография П. Виньерона с акварели К. П. Брюллова. 1833 г.	176—177

СОДЕРЖАНИЕ

I. ОБЗОРЫ И СООБЩЕНИЯ

	Стр.
<i>С. С. Гречишкин.</i> Архив Л. Я. Гуревич	3
<i>И. Г. Ямпольский.</i> Из архива А. Н. Майкова («Три смерти», «Машенька», «Очерки Рима»)	30
<i>В. Ф. Егоров.</i> М. А. Булгаков — «переводчик» Гоголя (инсценировка и киносценарий «Мертвых душ», киносценарий «Ревизора»)	57
<i>М. П. Алексеев.</i> Переписка Томаса Гарди с его русской переводчицей	85

II. НОВЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ

Обзор архивных материалов XVIII—XX вв., поступивших в Рукописный отдел Института русской литературы АН СССР за 1974—1975 гг.	109
--	-----

III. ПУБЛИКАЦИИ

К истории литературных полемик XVIII в. («Обед Мидасов»). Публикация <i>В. П. Степанова</i>	131
Н. М. Языков. Письма к родным. Публикация <i>А. А. Карпова</i>	147
А. Н. Майков. Незданные стихотворения. Публикация <i>И. Г. Ямпольского</i>	179
И. А. Гончаров. Письма к С. А. Никитенко. Публикация <i>Л. С. Гейро</i>	183
И. Ф. Анненский. Письма к С. К. Маковскому. Публикация <i>А. В. Лаврова и Р. Д. Тименчика</i>	222
И. Ф. Анненский. Письма к М. А. Волошину. Публикация <i>А. В. Лаврова и В. П. Купченко</i>	242
А. В. Луначарский. Письма к С. Д. Балухатому и Е. Д. Зозуле. Публикация <i>А. В. Муратова</i>	253
Французские корреспонденты А. И. Тургенева (М.-А. Жюльен, Э. Эро, П.-С. Баланш, Ф. Экштейн). Публикация <i>П. Р. Заборова</i>	258
Генри Джеймс. Письмо к О. А. Новиковой. Публикация <i>Г. В. Грубмана</i>	276
Указатель имен и периодических изданий и учреждений	279
Список иллюстраций	295

ЕЖЕГОДНИК РУКОПИСНОГО ОТДЕЛА ПУШКИНСКОГО ДОМА НА 1976 ГОД

Утверждено к печати Институтом русской литературы
(Пушкинский Дом) АН СССР

Редактор издательства *Н. А. Храмцова*. Художник *Д. С. Данилов*
Технический редактор *М. Н. Кондратьева*. Корректоры *Н. П. Кузим*, *Н. Э. Петрова*
ИБ № 8409

Сдано в набор 1.07.78. Подписано к печати 11.12.78. М-31935. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Печ. л. 18,50+2 вкл. (1/4 печ. л.)=18,75 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 21,65. Тираж 15550. Изд. № 6704. Тип. зак. 573. Цена 1 р. 70 к.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская лин., 1
Ордена Трудового Красного Знамени Первая типография издательства «Наука»,
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12